

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
UNIVERSITY
BULLETIN

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER SIX

NOVEMBER – DECEMBER

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2018

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 6

НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — д. ф. н., проф. **М.Л. Ремнёва**

Зам. главного редактора по лингвистике — д. ф. н., проф. **И.М. Кобозева**

Зам. главного редактора по литературоведению — д. ф. н., проф. **В.М. Толмачёв**

Отв. секретарь по лингвистике — д. ф. н., проф. **С.В. Князев**

Отв. секретарь по литературоведению — д. ф. н., проф. **Г.В. Зыкова**

Оргсекретарь — к. п. н., доц. **И.Э. Стрелец**

Выпускающий редактор англ. версии — к. ф. н., доц. **Д.С. Мухортов**

Члены редколлегии:

д. ф. н., проф. **О.В. Александрова**; к. ф. н., доц. **А.Е. Беликов**; д. ф. н., проф. **Т.Д. Венедиктова**; д. ф. н., проф. **Д.П. Ивинский**; д. ф. н., проф. **А.И. Изотов**; д. ф. н., проф. **С.И. Кормилов**; д. ф. н., проф. **Н.Т. Пахсарьян**; д. ф. н., проф. **Е.В. Петрухина**; д. ф. н., проф. **А.И. Солопов**; д. ф. н., проф. **С.Г. Татевосов**; д. ф. н., ст. науч. сотр. **О.Е. Фролова**

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

PhD, проф. **А. Аматиучи** (Италия, Туринский ун-т); PhD, проф. **М. Бёмиг** (Италия, Неаполитанский ун-т); PhD, проф., акад. **Р. Бентцингер** (Германия, Берлин-Бранденбургская академия наук); PhD, проф. **Я. Вавжинчик** (Польша, Варшавский ун-т); д. ф. н., проф. **А.Л. Верлинский** (Россия, СПбГУ); PhD, проф. **Ю. Вольф** (Германия, Марбургский ун-т, Ин-т немецкой филологии Средних веков); д. ф. н., проф. **А.А. Гугнин** (Беларусь, Полоцкий гос. ун-т); PhD, проф. **К. де Ландшир** (Бельгия, Антверпенский ун-т); д. ф. н., проф. **В.З. Демьянков** (Россия, ИЯ РАН); PhD, проф. **Дж. Дэйч-Корнблатт** (США, Ун-т Висконсин); д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН **А.В. Дыбо** (Россия, ИЯ РАН); д. ф. н., проф. **В.И. Заботкина** (Россия, РГГУ); д. ф. н., проф. **Т.А. Золотова** (Россия, Марийский гос. ун-т); д. ф. н., проф. **О.Ю. Инькова-Манзотти** (Швейцария, Женевский ун-т); PhD, проф. **Т. Йованович** (Сербия, Белградский ун-т); PhD, проф. **А. Лашре-Дюжур** (Франция, ун-т Западный Париж — Нантер); PhD, проф. **М.К. Лейте** (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); д. ф. н., проф. **Г.В. Медведева** (Россия, Иркутский гос. ун-т); PhD, проф. **Б. Мирчевская-Бошева** (Македония, ун-т Свв. Кирилла и Методия в Скопье); PhD, проф. **Э. Моттирони** (Швейцария, Женевский ун-т); PhD, проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинкский ун-т); д. ф. н., **А.Л. Налепин** (Россия, ИМЛИ РАН); д. ф. н., проф. **Д.О. Немец-Игнашева** (США, Карлтон колледж); PhD, проф., акад. **Х.Г. Нессельрат** (Германия, Геттингенский ун-т); PhD, проф., акад. **Ж. Нива** (Франция, Европейская академия); PhD, проф. **А. Орландо Кавальере** (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); PhD, проф. **Н.Ф. Палмер** (Великобритания, Оксфордский ун-т); д. ф. н., проф. **В.В. Полонский** (Россия, ИМЛИ РАН); PhD, проф. **Э. Раскини** (Франция, Эколь Нормаль); PhD, проф. **Дж. Робертс** (Великобритания, Лондонский ун-т); PhD, доц. **М. Ухлик** (Словения, ун-т Любляны); д. ф. н., проф. **С. Цэрэнчимэдийн** (Монголия, Монгольский гос. ун-т)

Редактор **И.В. Луканина**

Адрес редакции:

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, к. 902

Телефон: +7 495 939-53-80, +7 499 391-28-31. E-mail: edit@philol.msu.ru

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации № 016651 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 20.12.2018. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Ньютон.

Усл. печ. л. 17. Уч.-изд. л. 17,3. Тираж экз. Изд. № . Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Косарик М.А.</i> Актуальность традиционных проблем изучения романских языков	9
<i>Борисова Е.Г.</i> Управление пониманием. Языковые единицы, регулирующие понимание сообщения	34
<i>Инькова О.Ю.</i> <i>Кстати и между прочим</i> : такие близкие и такие далекие	51
<i>Нефедова Е.А.</i> Архангельский областной словарь как источник этнолингвистической информации	66
<i>Николенкова Н.В.</i> Переводческая деятельность в Московском Чудовом монастыре: новые данные о кружке Епифания Славинского	77
<i>Толмачёв В.М.</i> Байрон и Наполеон: опыт интерпретации творческой биографии Байрона и поэмы «Паломничество Чайльд Гарольда»)	92
<i>Киселюте И.</i> «Бедные люди» Ф.М. Достоевского: исчезнувшие «мысли о его превосходительстве»	110
<i>Панова О.Ю.</i> Реальность и художественный вымысел: дядя Том и его прототип	117
<i>Шэнь Ян.</i> Иероглиф «чинарей» и китайский иероглиф	131

К 100-летию А.И.Солженицына

<i>Голубков М.М.</i> М. Горький и А. Солженицын: в литературном пространстве юбилейного года	141
<i>Ранчин А.М.</i> К вопросу о литературных подтекстах и о полемике в «Матрёнинном дворе»	154

К 200-летию И.С. Тургенева

<i>Беляева И.А.</i> Об одном нереализованном замысле И.С. Тургенева: на пути от «старой манеры» к «новой»	163
<i>Трофимова Т.Б.</i> «Вы рассказываете детям сказку или повесть...»: Рассказ «Маленький герой» Ф.М. Достоевского и повесть «Первая любовь» И.С. Тургенева	177
<i>Гальцова Е.Д.</i> Между «русской модой», культурными стереотипами и «реализмом-любовью»: И.С. Тургенев в книге Э.-М. де Вогиюэ «Русский роман»	190

Рецензии

<i>Житенев А.А.</i> Рецензия на кн.: В е р и н а У.Ю. Обновление жанровой системы русской поэзии рубежа ХХ–ХХI вв. Минск: БГУ, 2017	203
<i>Руденко М.С.</i> Рецензия на кн.: С а в е л ь е в а М.С. Творчество Андрея Битова в трактовках российской и русской зарубежной литературной критики. М.: МГИМО-Университет, 2016	208

Научная жизнь

- Виноградова Е.Н., Кобозева И.М.* Международный симпозиум «Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования» 213
- Дулина А.В.* Всероссийская научная конференция «Текст и контексты: «Философские этюды» О. де Бальзака» (МГУ, 21–22 июня 2018) 226
- Швец А.В.* Творческое письмо и новые профили гуманитарного образования: XXI Фулбрайтовская летняя школа (26–29 августа 2018) 230
- Александрова О.В., Ремнёва М.Л., Стрелец И.Э.* Ломоносовские чтения – 2018 на филологическом факультете Московского университета 237

Юбилей

- Гвоздецкая Н.Ю., Клобуков Е.В., Матюшина И.Г., Михайлова Т.А., Нетунаева И.М., Чекалина Е.М.* Ольга Александровна Смирницкая 252
- Указатель статей и материалов,* опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» в 2018 г. . . 268

CONTENTS

Articles

<i>Kossarik M.</i> Re-emphasizing Certain Traditional Aspects of Romance Language Studies	9
<i>Borisova E.</i> Understanding Management: Language Units as Indicators of Message Comprehension	34
<i>Inkova O.</i> <i>Kstati</i> and <i>Mezhdru Protchim</i> : So Much Alike and Yet Different ...	51
<i>Nefedova E.</i> The Arkhangelsk Regional Dictionary as a Source of Ethnolinguistic Information	66
<i>Nikolenkova N.</i> Translation Activities at the Moscow Chudov Monastery: New Data on the Circle of Epiphany Slavinetsky	77
<i>Tolmatchoff V.</i> Byron and Napoleon: An Experience of Interpreting Byron's Literary Career and <i>Childe Harold's Pilgrimage</i>	92
<i>Kiseliute I.</i> <i>Poor Folk</i> by Fyodor Dostoyevsky: Lost Thoughts about "His Excellency"	110
<i>Panova O.</i> Uncle Tom and the Character Archetype: Facts and Fiction ...	117
<i>Shen I.</i> The Traditional Chinese Hieroglyph and the Hieroglyph of the Chinari Literary Group	131

Celebrating Solzhenitsyn's Centennial

<i>Golubkov M. M.</i> Gorky and A.I. Solzhenitsyn: in the Literary Space of the Anniversary Year	141
<i>Ranchin A.</i> The Literary Subtexts and Polemics in A. Solzhenitsyn's <i>Matryona's Place</i>	154

Celebrating Turgenev's Bicentennial

<i>Belyaeva I.</i> Switching from the "Old Manner" to a "New" One, or How Ivan Turgenev Did Not Realize an Ambitious Plan	163
<i>Trofimova T.</i> "You tell the children a fairy tale or a story ...": <i>The Little Hero</i> by F.M. Dostoevsky and <i>The First Love</i> by I.S. Turgenev	177
<i>Galtsova E.</i> Between "Russian fashion", Cultural Stereotypes and "Realism-love": I.S. Turgenev in E.-M. de Vogue's <i>Russian Novel</i>	190

Reviews

<i>Zhitenev A.</i> Book review: <i>V e r i n a</i> U. Y. A Renewal of Russian Poetic Genres at the Turn of the 20th-21st centuries. Minsk: BSU, 2017	203
<i>Rudenko M.</i> Book Review: <i>S a v e l y e v a</i> M.S. Andrey Bitov's Work in the Interpretation of Russian and Russian Foreign Literary Criticism. M.: MGIMO-University, 2016	208

Scientific Life

<i>Vinogradova E., Kobozeva I.</i> International Symposium "Russian Grammar: structural organization of language and language functioning" (a review)	213
---	-----

<i>Dulina A.</i> The Conference ‘Text and Contexts: Honoré de Balzac’s <i>Philosophical Studies</i> ’, Lomonosov Moscow State University, June 21–22, 2018	226
<i>Shvets A.</i> Creative Writing and Curricular Innovation in the Humanities . . .	230
<i>Aleksandrova O., Remneva M., Strelets I.</i> The 2018 Lomonosov Readings Conference at Moscow University’s Faculty of Philology	237

Anniversaries

<i>Gvozdetskaya N., Klobukov E., Matyushina I., Mikhailova T., Netunayeva I., Chekalina E.</i> Celebrating Olga Smirnitskaya	252
<i>Index of Articles and Other Matter</i> Published in The Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology in the Year 2018	268

СТАТЬИ

М.А. Косарик

АКТУАЛЬНОСТЬ ТРАДИЦИОННЫХ ПРОБЛЕМ ИЗУЧЕНИЯ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Хотя сопоставительному описанию романских языков посвящена огромная литература, учебная и исследовательская, многие проблемы романистики не теряют своей актуальности. Автор статьи: 1) останавливается на некоторых системных различиях и на примерах соотношения системы и реализации в романских языках (в фонетике, морфологии: особенностях вокализма, форм рода и числа имен, перфекта и др.); 2) показывает связь системных особенностей романских языков с историческими условиями их формирования, спецификой романизации разных зон Романии; различиями в характере протекания общероманских исторических процессов, затрагивающих как внутриязыковые черты, так и особенности формирования литературных языков, различия процессов нормализации и кодификации романских языков (специфики территориальных, социальных, функциональных основ нормы); 3) видит возможности расширить состав критериев классификации романских языков.

Диалекты, выдвинувшиеся на роль национальных языков, традиционно рассматриваемые как наиболее характерные представители своей подгруппы, сформировавшись в особых условиях, часто имеют черты, которые выделяют их не только на фоне Романии в целом, но и отличают их от более близкого окружения, нередко представляющего архаизирующие идиомы, чем и может объясняться их близость с региональными разновидностями речи других зон Романии. Проведенный анализ подтверждает важность и перспективность изучения традиционных проблем романистики с позиций, сочетающих диахронный, синхронный, социолингвистический подходы к языку, которые помогают увидеть конкретные черты романских языков, отражающие их структурные особенности как обусловленные спецификой их истории, социолингвистических ситуаций, а также типологические черты языкового развития.

Ключевые слова: Романское языкознание; романские языки; история языка; языковая норма; типология близкородственных языков; социолингвистические ситуации в странах романской речи; фонетика; морфология.

Косарик Марина Афанасьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: olissipo@yandex.ru).

Введение

Причины сходства и расхождений романских языков давно известны, им посвящена огромная литература. Тем не менее многие, казалось бы, давно решенные проблемы сопоставительного и исторического изучения романских языков сохраняют свою актуальность. Это подтверждается при обращении ко многим аспектам романистики: к системным особенностям романских языков, к различиям в реализациях при системном сходстве, к характеру протекания исторических процессов в разных языках, к классификации романских языков, специфике их нормализации и кодификации.

К сожалению, в рамках журнальной публикации трудно достаточно убедительно представить материал всех уровней языковых систем всего романского ареала. Видя цель статьи не в последовательном сопоставительном описании, а в привлечении внимания к расширяющемуся пониманию типологии романских языков, к связи некоторых особенностей современных романских языков с их историей, к вопросу о критериях классификации, автор счел возможным ограничиться отдельными иллюстрациями фонетико-фонологических и морфологических данных, не обращая при этом к фактам идиомов подгрупп рето- и балкано-романской.

При рассмотрении общих вопросов романистики трудно претендовать на кардинальную новизну и не приходится настаивать на оригинальности мысли о необходимом обновлении подходов к этой проблематике. Хэмп в 1980 г. пишет о парадигматическом континууме итало-романского ареала и Романии в целом [Hamp, 1980], на различных аспектах классификации романских языков останавливаются Франческато [Franchescato, 1980], Мульячич [Muljačić, 1980], Кремона [Cremona, 1970], Рольфс [Rohlf, 1977], García de Diego, 1950]. Тем не менее в условиях смены научных парадигм или, на наш взгляд, в ситуации продолжающегося в современной истории языкознания межпарадигматического периода [Косарик, 1995; Kossarik, 2016], представляется важным еще раз привлечь внимание исследователей к этой проблематике.

Хотя в романистике формируется представление о необходимости широкого понимания типологии, относящейся не только к описанию самих языковых систем, но и различных особенностей их формирования и современного бытования, что должно находить отражение в классификации романских языков, работа эта не только не завершена, но находится лишь на начальной стадии, чем объясняется гипотетичность и возможная полемичность некоторых положений данной статьи.

Связь системных различий романских языков с историческими условиями их формирования

1

Системные различия между романскими языками достаточно ярко проявляются в морфемике. Остановимся сначала на одном из случаев принципиальных различий в именном формообразовании, связанном с обозначением числа. Имеется в виду не широко известное различие двух типов образования множественного числа (сигматический и асигматический плюралис)¹, а другое явление, которое, представляя не центральный, а периферийный участок романского словоизменения, отражает тем не менее некоторые существенные различия между романскими языками. Общеизвестен факт развития некоторых латинских существительных среднего рода, которым в романских языках соответствуют формы женского рода². Однако этот процесс в разных романских языках мог давать не всегда совпадающие результаты. Во французском такие существительные имеют родовые формы женского рода, как в единственном, так и во множественном числах (*lèvre*³ ‘губа’ — *lèvres* ‘губы’). В испанском и португальском, наряду с таким же переходом, как во французском (например, исп. *hoja*⁴ ‘лист’ — *hojas* ‘листья’), есть немало случаев, когда существительное мужского рода обозначает единичный предмет (в единственном и во множественном числах), а существительное женского рода имеет собирательное значение: исп. *leño, leños* ‘полено, поленья’ — *leña* ‘дрова’. Заметим, что сходное изменение в семантике отмечается и в латинском: *locus, loci* ‘место, места’ — *loca* ‘местность’. В итальянском существуют оба типа: 1) существительное и в единственном, и во множественном числах представлено формой женского рода (*foglia, foglie* ‘лист, листья’); 2) формы мужского рода обозначают единичный предмет, а форма множественного числа женского рода несет значение собирательности: *muro* ‘стена’ — *muri* ‘стены’, *mura* ‘крепостные / городские стены (= весь комплекс крепостных/городских стен), крепость’. Но в итальянском кроме того, в отличие от испанского и французского, есть еще особые случаи, когда существительное, обозначающее единичный предмет, в единственном числе имеет форму мужского рода, а во множественном числе — женского: *uovo* ‘яйцо’ — *uova* ‘яйца’. Близки к ним и *braccio*

¹ Исход на -s характерен для форм множественного числа имен в западной Романии (исп., порт. *rosa* ‘роза’ — *rosas* ‘розы’), вокалический исход — для Италии и балкано-романского ареала (ит. *rosa* ‘роза’ — *rose* ‘розы’).

² Этому способствовала флексия *a* во множественном числе среднего рода латинских существительных.

³ *lèvre* < lat. *labra*, pl. n.

⁴ *hoja* < lat. *folia*, pl. n.

‘рука’ — *braccia* ‘руки’, *osso* ‘кость’ — *ossa* ‘кости’, *dito* ‘палец’ — *dita* ‘пальцы’⁵. В какой-то степени итальянский язык сходен с испанским, но это сходство оказывается весьма относительным. В испанском существительное женского рода, сохраняющее идею собирательности, выступает как отдельная лексема, отличная от той, которая обозначает единичный предмет и имеет формы мужского рода в обоих числах. В итальянском же формы обоих родов включены в одну парадигму⁶. В результате в итальянском языке мы сталкиваемся с нарушением принципа сохранения рода имени при изменении его числа, который в латыни соблюдался (латинские существительные с исходом на — а во множественном числе оставались существительными среднего рода в обоих числах). Как представляется, колебания в роде у итальянских имен связаны не просто с характерной для него вариативностью, а с менее строгим соблюдением самого принципа словоизменения. Итальянский наследует формы числа латинских существительных среднего рода как бы порознь, а не как связанные друг с другом словоформы одной лексемы: латинская форма единственного числа оказывается у итальянского имени в мужском роде, а форма множественного числа — в женском. В отличие от итальянского французский и испанский воспринимают не отдельные латинские словоформы, а лексему как совокупность ее форм, соблюдая сам принцип, согласно которому имя имеет одинаковый род в обоих числах: если род романского имени меняется, то это происходит с лексемой в целом, а не с отдельной словоформой.

При обращении к романскому глаголу нетрудно заметить, что иберо-романские языки в большей степени, чем многие другие идиомы, следуют латинскому принципу словоизменения, весьма последовательно сохраняя почти во всех формах легко вычленимые показатели грамматических категорий глагола (лица, числа) и типов глагольного словоизменения (тематического гласного, выявляющего принадлежность к тому или иному спряжению). Помимо разительного отличия от французского⁷, можно заметить тенденцию к более последовательному сохранению латинского принципа противопоставления при помощи флексий форм лица, числа, наклонения, а

⁵ У этих существительных возможны формы мужского рода во множественном числе, однако только в некоторых специальных, метафорических, значениях, существенно расходящихся с их основными, непереносными, значениями: *ossi* ‘косточки фруктов’, *diti* ‘пальчиковый механизм’.

⁶ Подробный анализ точек зрения на структуру парадигм таких существительных см. у Торонтона [Thoronton, 2011].

⁷ Во французской устной речи в результате фонетических процессов многие глагольные формы лица и числа перестали различаться при помощи флексий, что определило особенности не только морфологии французского глагола, но отличия французского синтаксиса и от латинского, и от романского (прежде всего обязательного заполнения субъектной валентности).

также различия спряжений и при сопоставлении иберо-романских языков с итальянским, в котором одинаковы исходы форм 2 лица единственного числа презенса индикатива всех трех спряжений (*canti* 'поёшь', *vendi* 'продаёшь', *finisci* 'заканчиваешь'), совпадают формы настоящего времени изъявительного и сослагательного наклонений 1 лица множественного числа (*cantiamo*, *vendiamo*, *finiamo*). Кроме указанных черт, общих для всех иберо-романских языков, португальский соблюдает противопоставление всех трех спряжений в простом перфекте⁸ (заметим, однако, что морфонологические особенности португальского словоизменения, связанные прежде всего с назализацией гласных, а также явления фоносинтаксиса делают менее прозрачным процесс вычленения словоизменительных морфем). Отметим, что в иберо-романских языках было устранено очень большое количество нерегулярных глагольных форм.

Таким образом, в романском словоизменении очевидны значимые различия. В испанском, в некоторой степени и в португальском, четкое расчленение показателей грамматических значений (рода и числа имен, лица и числа глаголов) позволяет выстроить очень ясные модели формообразования. В итальянском же меньшая аналитичность коррелирует с тенденцией к сохранению именно латинских форм, а не с утверждением строгих словоизменительных моделей.

2

Остановившись на причинах подобных различий, можно усмотреть их связь с различиями в истории романских языков, условиями их формирования, начиная с особенностей романизации различных зон Романии.

Довольно последовательный «регулярный, систематический» характер испанского и португальского вполне может быть связан с характером романизации Иберийского полуострова. Здесь романизация, хотя и длительная и не вполне однородная (на севере она проходила позднее и несколько менее интенсивно, чем на юге), была гораздо более ранней и глубокой, чем на остальных неиталийских романизованных территориях⁹. Нельзя забывать о важной роли шко-

⁸ Отличаясь в этом от испанского: *cantou* 'он спел', *comeu* 'он съел', *abriu* 'он открыл'.

⁹ На Пиренейский полуостров, в первые провинции за пределами Италии и ее островов, переселялось значительное число выходцев из метрополии, включая и высшие, образованные, слои римлян, приносившие сюда латынь, близкую к классической, особенно на юг, в Бетику, откуда распространение латыни продолжалось в направлении с юга на север. О том, насколько глубокой была романизация, косвенно свидетельствует факт, что выходцами с Пиренейского полуострова были виднейшие римские риторы, литераторы, а также императоры: Квинтилиан, Марциал, Сенеки, Помпоний Мела, Колумелла, Траян, Адриан.

лы в распространении латыни в римских провинциях полуострова Пиренейского полуострова. Все это, как представляется, объясняет значительно большее сохранение структуры грамматической формы (в частности, глагольных формантов) в иберо-романских языках, чем, например во французском.

Существенным было и отличие от романизации Италии. В то время как италикам в результате римских завоеваний приходилось усваивать язык не абсолютно им чуждый, а родственный, романизация Иберийского полуострова проходила в условиях огромных различий между автохтонными языками и латынью. В этих обстоятельствах освоение латыни, ее грамматической системы (подчеркнем, что в случаях успешной романизации завоеванных римлянами территорий речь шла не просто о создании средства общения типа пиджина или креольского языка, а об усвоении латинской нормы) в значительной степени обеспечивалось усвоением и закреплением именно моделей прежде всего словоизменительных, как это происходит и сейчас при изучении иностранного языка.

Отличия иберо-романских языков в степени регулярности, с одной стороны, от итальянского, а с другой — от французского, могут объясняться, во-первых, тенденцией к формированию четких языковых моделей и к строгому их соблюдению (в этом отличие от итальянского), а во-вторых, значительно более ранней и глубокой, романизацией, чем в Галлии — это в значительной степени определило консерватизм иберо-романских языков и помешало столь бурным процессам, которые имели место в истории французского языка. На Пиренейском полуострове были усвоены не столько формы, сколько модели латинского словоизменения (ср. современное школьное/университетское обучение иностранному языку, направленное на усвоение его грамматической системы), что, безусловно, способствовало «исправлению» многих нерегулярных форм. Речь же Апеннинского полуострова, являясь естественным развитием не навязанного и выученного чужого языка, а языка родного, со всем множеством привычных для его носителей нерегулярных форм, или языка близкого к родному (одному из итальянских), вполне закономерно сохраняет нерегулярность форм в гораздо большей степени — эта тенденция до сих пор прослеживается в языке современной Италии.

3

Один из существенных аспектов сравнительного описания романских языков — проблема соотношения системы и реализации. Каждый, кто занимался изучением близкородственных языков, прекрасно знает, что на системном уровне различия между ними могут

быть минимальными, в то время как усвоение реализаций требует значительных усилий («дьявол в деталях»). Облегчает эту задачу сочетание сопоставительного и исторического подходов.

В качестве примера можно обратиться к особенностям ударного вокализма в испанском языке и в диалектах крайнего юга Италии. Их системы ударных гласных, существенно отличающиеся от остальных зон Романии, содержат пять гласных фонем (отсутствует противопоставление по открытости и закрытости, нет лабиализованных и носовых). Казалось бы, мы видим полное совпадение ударного вокализма в Испании и на крайнем юге Италии ввиду отсутствия противопоставления открытых и закрытых гласных [ɔ] и [o], [ɛ] и [e], в отличие от португальского, каталанского, французского, а также и большинства диалектов итальянского, где такое противопоставление сохраняется. Однако это сходство, вызванное разными историческими процессами, весьма относительно¹⁰. При этом различия в реализации фонологических систем проявляются в различиях конкретных романских лексем, восходящих к общим латинским этимонам: так, испанскому *tela* ‘ткань’ в сицилийском соответствует *tila*, *sol* ‘солнце’ — *suli*, *mosca* ‘муха’ — *musca*.

4

Заметны различия между отдельными романскими языками в составе выражаемых грамматических значений¹¹. Остановимся на характерном для испанского и португальского отсутствии одного из способов образования сложного перфекта — конструкции бытийного глагола с причастием, что отличает иберо-романские языки от итальянского и французского. Это широко известное и, казалось бы, чисто формальное различие имеет, как представляется, свое объяс-

¹⁰ В испанском языке отсутствие противопоставления открытых и закрытых явилось результатом дифтонгизации открытых гласных во всех типах слогов, в результате которой там просто не сохранились открытые гласные, с чем связан закрытый характер испанских гласных (если можно говорить об этом при отсутствии в языке системного противопоставления по открытости/закрытости). На крайнем юго-западе Италии вокализм из пяти гласных имеет другое происхождение: в сицилийском типе ударного вокализма три латинских гласных, *i*, *ī*, *e*, переходили в *i*, *ɪ*, *e*, аналогично, латинские *ū*, *ū*, *ō* переходили в *u*, в то время как краткие *ē* и *ō* давали *e*, *o* [Maiden, Parry, 2006]. Испанские же *e*, *o*, в отличие от гласных среднего подъема в сицилийском и на юго-западе Италии, восходят к латинским долгим и произносятся более закрыто.

¹¹ Таких примеров можно привести немало, среди них категории личности (употребление предлога *a* при прямом дополнении, обозначающем лицо, например, в испанском), которая не имеет специальных средств выражения в большинстве романских языков; предикативности в ретороманском [Сухачев, Горенко, 2001: 350]; отвлеченного качества в испанском (*lo bueno* ‘хорошее’) и близких к этому значений в астурийском [Нарумов, 2001: 541], в центрально-южных диалектах Италии [Челышева, 2001: 137] и т.д.

нение: иберо-романские языки развили оппозицию двух бытийных глаголов (*ser/estar*) для выражения не активной, а пассивной диатезы, противопоставляя акцент на объекте действия (*ser*+причастие¹²) акценту на субъекте состояния (*estar*+причастие¹³), причем оба значения пассивные, в отличие от итальянского или французского, где активная диатеза соответствует перфекту с непереходным (обычно неаккузативным либо возвратным) глаголом, а пассивная — перфекту с переходным глаголом. Возможно, именно необходимость выражать состояние, а не действие субъекта не оставила иберо-романским языкам «пустой клетки» и средств выражения еще и значения перфекта для определенных лексико-грамматических групп глаголов при помощи бытийного глагола, как это имеет место во французском и итальянском языках. Таким образом, на наш взгляд, представление о том, что оба оборота с первичным результативным видо-временным значением, *habere* + причастие и *esse* + причастие, расширившие сферу своего употребления в поздней народной латыни, постепенно морфологизировались и закрепились в функции времен, выражающих предшествование в романских языках, не может быть распространено на иберо-романские языки (ср. точку зрения [Алисова, Чельшева: 2001, 43]). С этим связана и значительно меньшая важность для грамматики иберо-романских языков проблемы различения разных лексико-грамматических групп глаголов.

Характер протекания исторических процессов в романских языках

1

Особенности формирования и функционирования романского перфекта могут служить иллюстрацией «непрямолинейности» исторических процессов, в результате которых некоторые новые явления, образовавшиеся в языках, в дальнейшем устраняются. При развитии от латыни к романским языкам, в ходе становления романской временной системы (в которой временные признаки превалируют над аспектуальными), имела место «попытка» противопоставления актуального и неактуального перфекта, в результате чего сформировался сложный перфект, противопоставленный простому. Существуют определенные различия в значениях и употреблениях простой и сложной форм перфекта в романских языках, однако ин-

¹² *La puerta fue cerrada* (переходный глагол). 'Дверь была закрыта' (= ее закрыли).

¹³ *La puerta estuvo cerrada* (переходный глагол). 'Дверь была закрыта (= стояла закрытая, сама по себе)'. *La hoja estuvo caída* (неаккузативный глагол). 'Лист упал (= лежал упавший)'.

терес представляют не только различия в функционировании форм перфекта на современном этапе существования романских языков — прослеживается любопытная диалектика развития системы перфекта в Романии. Сформировавшись на всей территории Романии, средства противопоставления актуального и неактуального перфектов последовательно функционируют лишь в испанском (причем не во всем испаноязычном ареале; это противопоставление соблюдается преимущественно в кастильской норме) и в окситанском. В остальных зонах, включая и те ареалы (французский, североитальянский), где на более ранних этапах истории языка значения неактуального и актуального прошедшего выражались противопоставлением простой и сложной форм, последовательное противопоставление этих форм по их семантике не сохранилось: там, где представлены оба перфекта, простой, и сложный, они обслуживают разные формы существования языка. Примечательно употребление сложной формы в португальском, где простой перфект (как и простой плюсквамперфект) полностью сохраняет те функции, какие у него были в латыни, а за сложной формой перфекта закрепилось лишь одно значение, которое в реальной коммуникации выражается очень редко. Различия между простым и сложным перфектом в португальском состоит не в аспектуальных характеристиках (результативности, законченности), как это иногда утверждается (когда говорящий якобы имеет в виду законченное прошедшее), а в контактности/неконтактности с моментом речи. Если хотят подчеркнуть неконтактность, то используют наречие *já* при простом перфекте: *Já fizeste?* ‘Ты уже сделал?’ *Já esteve em Portugal?* ‘Ты раньше/до этого был в Португалии?’.

Таким образом, попытка формального различения актуального и неактуального перфекта, увенчавшись на каком-то этапе, казалось бы, успехом, в конечном итоге в большинстве романских языков «провалилась»: система приближается к той, какая была в латыни, где одна форма совмещает значения перфекта и аориста. Различия же состоят лишь в том, что в одних зонах Романии эти значения передаются простой формой, что совпадает с латинской системой, а в других — сложной. Как видим, романская инновация — распространение сложной формы, вызванное стремлением иметь формальные средства различения двух перфектов, — оказалась не слишком устойчивой. При этом в одних случаях мы находим систему, совпадающую с латинской, либо очень близкую к ней (представлена одна, простая, форма, а если две, то сложная оказывается на периферии с ограниченными семантическими или стилевыми функциями), а в других случаях — систему, формально отличную от латинской, но функционально с ней совпадающую, поскольку здесь, как и в латыни, одна глагольная форма (правда, теперь уже сложная, а не

простая, как в латыни) выполняет обе функции, выражая значение как актуального, так и неактуального перфекта.

Непрямолинейное развитие процессов может проследиваться на разных уровнях языковой системы. Так, в фонетике это имеет место при развитии дифтонгов, когда появившийся дифтонг в дальнейшем стягивается, при этом причины появления дифтонгов могут быть различными: дифтонгизация (французские *proba* > *preuve* [pʁœv] ‘доказательство’, *gula* > *gueule* [goel] ‘пасть’); гипертеза полугласного (в испанском *februarium* > *febreiro* > *febrero* ‘февраль’); образование полугласного в результате вокализации согласного (в португальском *alterum* > *outro* [otru] ‘другой’). Сходную картину мы наблюдаем при назализации гласных и последующей их деназализации, как во французском: *femme* [fēmə] > [fām] > [fam] ‘женщина’), *une* [ynə] > [yn] ‘одна’, в португальских *bona* > *bõa* > *boa* ‘хорошая’, *luna* > *lũa* > *lua* ‘луна’. При этом иногда происходит формирование нового носового согласного взамен того, который вызвал назализацию, а затем, в ходе процесса, был утрачен: *una* > *ũa* > *uma* ‘одна’, *molino* > *mõino* > *moinho* ‘мельница’ в португальском языке, *uma* — *unha* / *ũa* ‘одна’ в галисийском (однако во многих случаях в галисийском деназализация происходила под влиянием испанского, а не в результате естественного развития фонетического процесса¹⁴. С «непрямолинейностью» исторического процесса мы сталкиваемся в тех случаях, когда в португальском сначала образуются зияния, а затем эти зияния разными способами устраняются: путем стяжения гласных (*mala* > *maa* > *má* ‘плохая’), формирования йот (*tela* > *tea* > *teia* ‘ткань’, *passeo* > *passeio* ‘прогулка’), иногда йот переходит в [ʒ] (*deseo* > *deseio* > *desejo* ‘желание’).

2

Расхождения между языками во многом определяются различиями в скорости протекания общероманских исторических процессов и соответственно с разновременностью сходных изменений в разных, даже наиболее близких языках. Примером служит редукция и дальнейшая апокопа *e* в испанском и португальском: *ciudad* — *cidade* ‘город’. Уже в «Песни о моем Сиде» мы находим *cibdad*; португальский же лишь сейчас еще только приближается к этому: редукция *e* конечного безударного очень велика, но об окончательном падении гласного пока говорить нельзя, причем это относится только к пиренейскому варианту португальского языка, в Бразилии же нет тенденции к падению конечного гласного, в исходе отчетливо звучит [i]¹⁵.

¹⁴ См. об этом ниже.

¹⁵ Редукция проявляется лишь в закрытии гласного.

Учитывая известный «набор» процессов, не столь уж многочисленных и в основном сходных в разных романских языках, нетрудно заметить, что то значительное многообразие, которое мы наблюдаем в современных романских языках, имеющих единую историческую основу, часто связано именно с разновременностью этих общих процессов, различиями в интенсивности их протекания¹⁶. При сопоставительном описании романских языков необходимо отмечать эту разновременность. Принято говорить о типологических различиях языков. Очевидно, стоит рассмотреть и типологию особенностей исторических процессов, характера их протекания, которые определяют системные особенности романских языков.

Вопросы классификации романских языков

В современной романистике, как представляется, неожиданную актуальность приобретает проблематика классификации романских языков в результате внимания к региональным разновидностям речи в условиях меняющейся социолингвистической ситуации в романских странах. Казалось бы, этот вопрос был решен давно — еще в тот период развития романистики, когда классификация опиралась в основном на особенности языков национальных и гораздо меньше ориентировалась на региональные разновидности романской речи.

1

Традиционная классификация романских языков очень четко противопоставляет подгруппы романских языков: иберо-романскую, галло-романскую, итало-романскую, балкано-романскую, рето-романскую. Действительно, при сравнении литературных языков — испанского, французского, итальянского и др. различия между ними оказываются весьма определенными и четко выраженными.

Однако при внимании ко всему континууму региональных языков, диалектов, говоров, национальных вариантов во многих случаях можно отметить параллели между весьма отдаленными зонами Рома-

¹⁶ Приведем примеры разновременности протекания процессов и на разных участках системы одного и того же языка. Так, давно завершившийся в пиренейском варианте португальского языка процесс перехода глухих сибилантов, закрывающих слог, в шипящие — *piscina* [piʃsina] ‘бассейн’, *os cinco* [uʃ siŋku] ‘пять’ — в настоящее время начинает затрагивать сибиланты в позиции начала слога после *s*: *piscina* [piʃfina], *os cinco* [uʃʃiku]. Еще одной иллюстрацией, уже не в фонетике, могут служить глаголы со значением ‘иметь’: *haver*, первоначально вытесненный глаголом *ter* в лексическом значении, затем был вытеснен и в функции вспомогательного глагола, а сейчас в португальском языке идет активный процесс замещения *haver* и в функции бытийного глагола (*Há livros / Tem livros*) ‘Есть книги’.

нии. Обращаясь к периферийным для каждой подгруппы идиомам, мы находим в них черты, сближающие разные подгруппы романских языков. Известно, насколько нелегко однозначно охарактеризовать все особенности речи того или иного региона как свойства, присущие романскому языку одной из традиционно выделяемых подгрупп. Очень часто языки, принадлежащие к одной подгруппе, в некоторых отношениях оказываются весьма различными, будучи при этом сходными с языками, относящимся к другим подгруппам. Так, например, характерная для северо-запада Пиренейского полуострова метафония (для португальского, галисийского) отсутствует в других зонах полуострова, но широко распространена, например, на Балканах, в Италии, в Реторомании. Подобных примеров можно привести немало. Еще одним подтверждением важности этой темы могут служить наблюдения над особенностями романских языков, находящимися по обе стороны Пиренеев: где прослеживаются черты (в частности, в фонетике: некоторые параллели в развитии безударных гласных, назализации, фрикативных согласных в интервокальной позиции, г и l в различных позициях в слове), иногда в большей степени сближающие речь юга Франции с севером Иберийского полуострова, чем с собственно французским и испанским соответственно. Эти параллели, которые заставляют вспомнить об общности древнейших субстратов по обе стороны Пиренейских гор (различных в их западной и восточной частях), а также об обсуждении проблемы «языков-мостов» между двумя подгруппами или возможности выделения особой, «пиренейской», подгруппе романских языков [Rohlf, 1977; García de Diego, 1950].

Неожиданные, как может показаться на первый взгляд, параллели между разными, иногда весьма удаленными друг от друга, идиомами часто остаются без объяснения их причин. Между тем в некоторых случаях можно попытаться найти им объяснения, опираясь, в частности, на данные об особенностях региональных разновидностей романской речи, которые всё в большей степени становятся объектом внимания. Вопрос о сходстве и различиях между романскими языками, принадлежащими к разным подгруппам, оставаясь актуальным для классификации романских языков, подтверждает важность сочетания разных подходов к языку: внимание не только к истории и современным фактам романских языковых систем, особенностям социолингвистических ситуаций, но и к специфике формирования отдельных национальных литературных языков и их соотношения с окружающими идиомами [ср. Языки мира, 2001: 9].

Во многих случаях особенности, которые рассматриваются как характерные признаки той или иной подгруппы, представляет не вся подгруппа в целом, а одна из разновидностей речи, выдвинувшаяся

на каком-то этапе истории в качестве ведущей в соответствующем ареале, послужив территориальной основой нормы. Утверждаясь в качестве национального литературного языка в процессе становления национального государства, эта разновидность романской речи, постепенно завоевывающая всю полноту функциональной парадигмы, далеко выходит за пределы первоначальной зоны своего распространения и предстает как основной тип, отражающий языковые черты, характерные для данной территории. Именно этот тип развития характерен для Испании и Франции, представляющих бóльшую часть ареалов иберо-романской и галло-романской подгрупп (что отличает их от Португалии, где литературный язык сложился в результате консолидации разных диалектов при смене диалектной базы нормы в ходе реконкисты — постепенном отвоевании у мавров территории, на которой складывается национальное государство). При этом необходимо учитывать, что исторические условия с самого начала способствовали появлению у кастильского, а отчасти и франсийского, ставших основой испанского, французского литературных языков, черт, отличающих их от окружающих идиомов. Специфику кастильского во многом определило его формирование на севере Пиренейского полуострова, в зоне, романизованной значительно позже и менее глубоко, чем другие римские провинции на полуострове, в горных районах, где латынь подверглась наибольшему влиянию баскского субстрата. Отметим, что и зона формирования французского языка также была значительно менее романизованной по сравнению с югом Франции. Примечательно, что тосканский вольгаре, послуживший территориальной основой литературного итальянского языка, тоже складывается в особом регионе Италии, с неиталийским и даже неиндоевропейским, субстратом. (В силу особенностей становления итальянского литературного языка мы не обращаемся здесь к условиям его формирования, весьма отличным от формирования испанского и французского как национальных литературных языков, и только отмечаем сам факт выдвижения на роль основы итальянского литературного языка речи Тосканы, субстрат которой весьма отличен от других зон Италии.) Сложилось так, что на роль национальных литературных языков Испании, Франции и Италии выдвинулись именно кастильский, франсийский и тосканский, которые в силу этого стали восприниматься как «характерные представители» своих подгрупп, отражающие их специфику, отличную от других подгрупп романских языков. Однако эти диалекты, с характерными для них значительными инновациями, некоторыми особыми чертами выделялись из окружающих их разновидностей романской речи. На самом деле скорее можно было бы говорить об определенном единстве

окружающих их ареалов, которое прерывалось отдельными зонами, выделявшимися из их окружения, зачастую архаизирующего. Возможно, именно бóльшая архаичность этого окружения определяет иногда близость региональных разновидностей речи различных зон Романии. В принципе, исторически Романию можно было бы представить как подобие архипелага: отдельные вершины островов в море окружающих их региональных разновидностей романской речи, которые демонстрируют в целом гораздо большее единство Романии, чем нам видится, если мы сосредоточены прежде всего на тех национальных литературных языках, которые традиционно «олицетворяют» подгруппы романских языков, к которым относятся. Степень отличия этих литературных языков от окружающих разновидностей романской речи в современной Романии определялась историческими условиями формирования и утверждения национальных литературных языков, спецификой социокультурных и социолингвистических ситуаций в странах романской речи. При этом важно помнить, что языки (когда-то диалекты, выдвинувшиеся на роль национальных языков), традиционно рассматриваемые как наиболее характерные представители своей подгруппы, сформировавшись в особых условиях, часто имеют черты, выделяющие их не только на фоне Романии в целом, но и отличающие их от более близкого окружения, нередко представляющего архаизирующие идиомы, чем и может объясняться их близость с региональными разновидностями речи других зон Романии.

2

Трудности в определении границ ареалов (и, соответственно, классификации разновидностей романской речи) создают также зоны языковых контактов. Имеются в виду не только приграничные говоры, но и языковые контакты, влияющие на тот или иной ареал в целом в силу сложившихся исторических и социальных условий, как это имеет место в Галисии, где значительное влияние кастильского привело к изменениям, существенно отдалившим галисийский от португальского — например, утрата сформировавшимися носовыми гласными признака назальности или выделение его вновь в виде согласного (*germanum* > *irmão* > *irmán/irmá*) ‘брат’.

3

Высказанные соображения, отнюдь не призывая к радикальному пересмотру традиционной классификации романских языков, подчеркивают сохранение актуальности этой проблематики для романских языков, связанной с меняющимися условиями их бытования. При значительном структурном сходстве и историче-

ской близости романских языков, классификации, основанные на различных критериях, могли бы представить более детальную типологическую характеристику романских языков. В принципе классификации могут отражать разные характеристики романских языков, различия по социолингвистическим критериям, по характеру протекания исторических процессов (в частности, скорости протекания исторических процессов, общих для романских языков, одновременности сходных процессов, что проявляется в степени «архаичности»/«инновационности» тех или иных языков; важно показать «зоны инновационности» — в каких ареалах или на каких участках языковых систем они имеют место, например, образование дифтонга вследствие вокализации и дальнейшая монофтонгизация (*alterum* > фр. *autre*, порт. *outro*, исп. *otro* ‘другой’).

4

Весьма значительны различия в процессах нормализации и кодификации романских языков. Эти различия связаны: 1) с особенностями исторической и социолингвистической ситуации, с условиями становления нормы и формирования литературного языка; 2) с характерным для данного социума пониманием нормы — изучение романской лингвистической традиции показывает достаточно устойчивые характеристики в видении вопросов нормы, принципов кодификации, свойственные отдельным ареалам. В результате мы сталкиваемся с совершенно разными подходами к проблемам вариантности и основы нормы (территориальной, функциональной) в различных романских языках.

Примером особого отношения к вариантности может служить итальянский, где до сих пор встречается значительное число дублетных форм (*concludere/conchiudere* ‘заклучать’, *vedei / vedetti* ‘я увидел’) в литературном языке, а не в диалектах. Как пишут авторы «Истории итальянского языка: «Трудно определить в каждом конкретном случае, почему именно данная форма вошла в литературный язык» [Алисова, Чельшева, 2009: 51]. В особенностях нормализации и кодификации итальянского языка, растянувшейся на огромное время, вплоть до середины XIX в., когда отмечалась очень большая вариативность форм, весьма необычная для развитого литературного языка с давней письменной традицией, отражается не только специфика социолингвистической Италии. На характер складывающейся нормы влияют и особенности языковой системы, «степень ее системности», в частности, отмеченное ранее преимущественное внимание к отдельным формам, а не к моделям и парадигмам. Специфика итальянской нормы может объясняться не только особой социолингвистической ситуацией (огромным количеством

разновидностей романской речи на Апеннинском полуострове), но и давним принципом сохранения конкретных живых языковых форм, в противовес характерному для других зон Романии соблюдению принципов словоизменения, ведущего к «выравниванию», регулярности парадигмы.

Типологические различия романских языков проявляются и в выборе территориальной базы нормы. Нормализация и кодификация французского и испанского опиралась преимущественно на один из диалектов. Для португальского характерна консолидация диалектов при смене диалектной базы. В Италии, где на протяжении всей истории были очень сильны позиции диалектов, многие из которых имеют давнюю и авторитетную письменную традицию, существует особое (и изменяющееся) соотношение литературного языка и диалектов, так что давний спор о языке в Италии был совершенно закономерен.

Необходимо учитывать также весьма существенные различия в отношении к региональным разновидностям речи в романских странах, что находит отражение, в частности, в языковом законодательстве Франции, Испании, Италии и Португалии.

Важным остается также изучение функциональной базы нормы и связанного с этой проблематикой вопроса о соотношения нормы и узуса. Среди литературных романских языков особое место в этом отношении занимает португальский, в котором дистанция, «зазор» между нормой и узусом минимален (это радикально отличает его, например, от французского). Именно особое понимание нормы (ее близости к узусу) способствовало подвижности португальской нормы, и, как следствие, препятствовало созданию академической грамматики, несмотря на рано сложившуюся и развитую грамматическую традицию. Причем, именно в первой португальской грамматике (1536) мы находим концепцию нормы, наиболее близкую к современному ее пониманию [Косарик, 2013].

Таким образом, между особенностями формирования романских языков, становлением их нормы, развитием лингвистической традиции, теми характерными чертами современной социолингвистической ситуации в странах романской речи, которые определяют отношения между национальным литературным языком, региональными языками и диалектами, четко прослеживается глубокая связь.

Заключение

Приведенные в статье отдельные факты, касающиеся разных аспектов романских языков, свидетельствуют об актуальности многих проблем романистики и важности даже, казалось бы, давно

решенных вопросов. Применение к традиционной тематике достижений современной науки о языке — системного подхода к языку, теории нормы, социолингвистики, типологии — позволяет увидеть некоторые новые аспекты романских языков в морфемике (в частности, в именном и глагольном словоизменении/формообразовании), в наборе выражаемых грамматических значений, в различиях на системном уровне и на уровне реализаций, в решении вопросов классификации, в процессах нормализации и кодификации.

Список литературы

- Алисова Т.Б., Чельшева И.И.* История итальянского языка. От первых памятников до XVI в. М., 2009.
- Алисова Т.Б., Чельшева И.И.* Романские языки // Языки мира. Романские языки / Под ред. И.И. Чельшевой, Б.П. Нарумова, О.И. Романовой. М., 2001. С. 15–56.
- Будагов Р.А.* Литературные языки и языковые стили. М., 1967.
- Бурсье Э.* Основы романского языкознания. М., 1952.
- Косарик М.А.* К проблеме традиции и инновации в истории языкознания. Ренессансная и современная лингвистические парадигмы — связь эпох // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1995. № 5. С. 104–116.
- Косарик М.А.* Социолингвистическая проблематика в ранних португальских сочинениях о языке. В рамках проекта «Лингвистическая доктрина Португалии XVI–XVII веков: Теория и практика описания языка». М., 2013.
- Нарумов Б.П.* Астурийский язык // Языки мира. Романские языки / Под ред. И.И. Чельшевой, Б.П. Нарумова, О.И. Романовой. М., 2001. С. 535–550.
- Нарумов Б.П.* Формирование романских литературных языков. Современный галисийский язык. М., 1987.
- Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Проблема структурной общности / Под ред. М.С. Гурычевой. М., 1972.
- Степанов Г.В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.
- Сухачев Н.Л., Горенко Г.М.* Ретороманский язык // Языки мира. Романские языки / Под ред. И.И. Чельшевой, Б.П. Нарумова, О.И. Романовой. М., 2001. С. 335–364.
- Типология сходств и различий близкородственных языков / Под ред. Г.В. Степанова. Кишинев, 1976.
- Чельшева И.И.* Дialectы Италии // Языки мира. Романские языки / Под ред. И.И. Чельшевой, Б.П. Нарумова, О.И. Романовой. М., 2001. С. 90–146.
- Шишмарёв В.Ф.* Очерки по истории языков Испании. М.; Л., 1941.

- Языки мира. Романские языки / Под ред. И.И. Чельшевой, Б.П. Нарумова, О.И. Романовой. М., 2001.
- Alonso A.* Estudios lingüísticos. Temas Temas españoles. 3ª ed. Madrid, 1982.
- Alvar M.* Dialectología española. Madrid, 1962.
- Azevedo Maia C. de.* História do galego-português. Estado linguístico da Galiza e do Noroeste de Portugal desde o século XIII ao século XVI. Coimbra, 1986.
- Badia Margarit A.M.* La formació de la llengua catalana. Barcelona, 1981.
- Bosque I., Demonte Barreto V., Lázaro Carreter F., Pavón Lucero M.V.* Gramática descriptiva de la lengua española. Vol. I—III. Madrid, 1999.
- Brunot F.* Histoire de la langue française dès origines à 1900. Vol 1. P., 1924.
- Calabrese A.* Metaphony in Romance // The Blackwell companion to phonology / M. van Oostendorp, C. Ewen, E. Hume, K. Rice (eds.). Malden, Mass., 2011. P. 1—31.
- Calabrese A.* Metaphony revisited // Rivista di linguistica. 1998. № 10. P. 7—68.
- Cremona J.* L'axe nord-sud de la Romania et la position du toscan // Actele celui de-al XII-lea congres internațional de lingvistică și filologie romanică. XII ACILFR / A. Rosetti, S. Reinheimer-Rîpeanu (eds). București, 1970. P. 155—159.
- Cunha C., Cintra L. Lindley.* Nova Gramática do Português Contemporâneo. Lisboa, 1999.
- Dardano M., Trifone P.* Grammatica italiana. Bologna, 2005.
- Devoto G., Giacomelli G.* I dialetti delle regioni d'Italia. Firenze, 1972.
- Díaz R. de A.* Gramática comparada de las lenguas ibéricas. Gijón, 2013.
- Dies M., Morales F., Sabin A.* Las lenguas de España. Madrid, 1980.
- Entwistle W.J.* Las lenguas de España: castellano, catalán, vasco y gallego-portugués. Madrid, 1982.
- Francescato G.* A proposal for the classification of Romance languages // Italic and Romance Linguistic Studies in Honor of Ernst Pulgram / E. Pulgram, Izzo H.J. (eds.). Amsterdam, 1980. P. 75—84.
- García de Diego V.* El catalán, habla hispánica pirenaica. Boletim de Filologia, 1949—1950, Vol. 2. P. 55—60.
- Hamp E.P.* A case of paradigmatic continuity in Italic and Romance // Italic and Romance Linguistic Studies in Honor of Ernst Pulgram / E. Pulgram, H.J. Izzo (eds.). Amsterdam, 1980. P. 69—74.
- Kossarik M.* Early Portuguese treatises and the case of scientific paradigms. Interparadigmatic periods and the two hyperparadigms in linguistic history // Tradition and Innovation in the History of Linguistics: Contributions from the 13th International Conference on the History of the Language Sciences (ICHoLS XIII), Vila Real, 25—29 August 2014 / C. Assunção, G. Fernandes, R. Kemmler (eds.). Münster, 2016. P. 176—185.
- Lapesa R.* Historia de la lengua española. Madrid, 1981.
- Lausberg H.* Linguística românica. Lisboa, 1981.

- Lepschy A.L., Lepschy G.* La lingua italiana. Storia, varietà dell'uso, grammatica. Milano, 1986.
- Lexikon der romanistischen Linguistik / Hrsg. von G. Holtus, M. Metzeltin, C. Schmitt. Tübingen, 1988–1997.
- Lois X.* Auxiliary selection and past participle agreement in Romance // *Probus*. 1990. № 2. (2). P. 233–255.
- Loporcaro M.* Un nuovo manuale e la linguistica romanza nella nuova università // *Romanische Forschungen*. 2005. 117. Bd., H. 1. P. 45–58.
- Loporcaro M., Silvestri G.* Residui del genere neutro come categoria morfosintatticamente funzionale nell'italo-romanzo meridionale // *Actes du XXVIIe Congrès international de linguistique et de philologie romanes* (Nancy, 15–20 juillet 2013). Section 4: Syntaxe / *Ledgeway A., Gennamo M., Mensching G.* (eds.). Nancy, 2016. URL: <http://www.atilf.fr/cil-pr2013/actes/section-4/CILPR-2013-4-Loporcaro-Silvestri.pdf> (accessed: 20.05.2018).
- Maiden M., Parry M.* The dialects of Italy. Routledge, 2006.
- Medina López J.* Historia de la lengua española I. Español medieval. Madrid, 2003.
- Menéndez Pidal R.* Cantar de mio Cid. Texto, gramática, vocabulário. Vol. I–III. Madrid, 1908–1911.
- Menéndez Pidal R.* Orígenes del español. Estado lingüístico de la Península Ibérica hasta el siglo XI. Madrid, 1926.
- Migliorini B.* Storia della lingua italiana. Firenze, 1960.
- Muljačić Z.* I tratti distintivi intrinseci come criterio per una classificazione delle lingue romanze // *Estudios ofrecidos a Emilio Alarcos Llorach*, Vol. 5. 1983. P. 93–112.
- Muljačić Ž.* Per una classificazione «Standardologica» delle lingue romanze // *Italic and Romance Linguistic Studies in Honor of Ernst Pulgram* / *Pulgram E., Izzo H.J.* (eds). Amsterdam, 1980. P. 85–96.
- Paiva Raposo E., Vicente G., Veloso R.* Gramática do português. Vols. I–II. Lisboa, 2013.
- Rohlf G.* Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. Vol. I, II, III. Torino, 1966, 1969.
- Rohlf G.* Romanische Philologie. T. I–II. Heidelberg, 1950, 1952.
- Russo M.* Metafonia rumena e metafonia italiana a confronto: un'unica catena anaforica armonizzante? // *Zeitschrift für Balkanologie*, 2014, Vol. 50. No. 2. P. 222–245.
- Scarano A.* Aggettivi qualificativi nel parlato italiano, francese, portoghese e spagnolo (corpus C-ORAL-ROM): frequenze e strutture // *Lingua cultura e intercultura: l'italiano e le altre lingue*, Atti dell' VIII Convegno Internazionale della Società di Linguistica e Filologia Italiana (SILFI) / *Korzen J.* (ed.). Copenhagen, 2005. P. 281–294.
- Silva Neto S. da.* História da língua portuguesa. Rio de Janeiro, 1992.
- Tagliavini C.* Le origini delle lingue neolatine. Bologna, 1972.
- Tekavčić P.* Grammatica storica dell'italiano. Vol. II: Morfosintassi. Bologna, 1972.

Thornton A.M. La canonicità del tipo it. braccia // braccia/bracci: sovrabbondanza, difettività o iperdifferenziazione? // *Studi di grammatica italiana*. A cura dell'Accademia della Crusca. Volume XXIX–XXX. Firenze, 2011. P. 419–478.

Vasquez Cuesta P., Mendes da Luz M.A. Gramática portuguesa. Madrid, 1987.

Wartburg W. La fragmentation linguistique de la Romania. Paris, 1967.

Wiltshire C., Camps J. Romance phonology and variation // *Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science Series*, 2002. 4. P. 1–10.

Marina Kossarik

RE-EMPHASIZING CERTAIN TRADITIONAL ASPECTS OF ROMANCE LANGUAGE STUDIES

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

Despite many studies on Romance languages, some issues still remain unclear. This paper focuses on 1) phonological and morphological differences between the Romance languages in theory and practice, including peculiarities of vocalic systems, markers of gender, number, and perfect tense, and 2) the correlation between the Romance languages throughout the history of their development — from the moment when various communities around the world were latinized to the time when territorial variants of the language were pronounced and standardized. Special emphasis is laid on the criteria of classifying the Romance languages. Dialects that got promoted to fulfil the role of national languages are traditionally regarded as the most typical representatives of their subgroups. However, they often have features that oppose them not only to representatives of other subgroups but also to their immediate neighbours having more archaic traits (and thus retaining similarity with other regional languages and dialects from outside their subgroup). The analysis emphasizes the importance of studying traditional problems of Romance linguistics from a perspective that combines synchronic and diachronic outlook with the sociolinguistic approach revealing specific features of Romance languages as conditioned by their history and sociolinguistic status, rather than purely arbitrary nature.

Key words: Romance linguistics; Romance languages; history of language; language norm; typology of closely related languages; sociolinguistic situation in Romance-speaking countries; phonetics; morphology.

About the author: *Marina Kossarik* — Dr. habil., Professor, Head of the Department of Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: olissipo@yandex.ru).

References

- Alisova T.B., Chelysheva I.I. *Istoriya ital'yanskogo yazyka. Ot pervykh pamyatnikov do XVI v.* [History of Italian. From the earliest writings to the 16th century]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo univ., 2009. 438 p.
- Alisova T.B., Chelysheva I.I. Romanskije yazyki [Romance languages]. In: *Yazyki mira. Romanskije yazyki* [Languages of the world. Romance languages]. Chelysheva I.I., Narumov B.P., Romanova O.I. (eds.). Moscow, Academia Publ, 2001, pp. 15–56. (In Russ.)
- Budagov R.A. *Literaturnye yazyki i yazykovye stili* [Literary languages and language styles], Moscow, Vysshaja shkola Publ, 1967. 376 p.
- Bourciez E. *Osnovy romanskogo yazykoznanija* [Elements of Romance linguistics]. Tr. Bourciez E. *Éléments de linguistique romane* 4e. éd. Paris: Klincksieck, 1946. Moscow, Izd-vo literatury na inostrannyh jazykah Publ, 1952. 278 p.
- Kossarik M.A. K probleme tradicii i innovacii v istorii yazykoznanija. Rensansnaya i sovremennaya lingvisticheskie paradigmy — svyaz' ehpozh [On the problem of tradition and innovation in the history of linguistic studies. Renaissance and contemporary linguistic paradigms: two epochs' bondage]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology], 1995, 5, pp. 104–116. (In Russ.)
- Kossarik M.A. *Sociolingvisticheskaya problematika v rannih portugal'skih sochineniyah o yazyke* [Renaissance Portuguese treatises on language: sociolinguistic aspects]. Moscow, MAKS Press, 2013. 208 p.
- Narumov B.P. Asturijskij yazyk [Asturian language]. In: *Yazyki mira. Romanskije yazyki* [Languages of the world. Romance languages]. Chelysheva I.I., Narumov B.P., Romanova O.I. (eds.). Moscow, Academia Publ, 2001, pp. 535–550. (In Russ.)
- Narumov B.P. *Formirovanie romanskij literaturnykh yazykov. Sovremennyy galisijskij yazyk* [Development of the Romance literary languages. Modern Galician]. Moscow, Nauka Publ, 1987. 165 p. (In Russ.)
- Sravnitel'no-sopostavitel'naya grammatika romanskij yazykov. Problema strukturnoj obshchnosti* [Comparative-typological grammar of the Romance languages. The problem of structural similarity]. Gurycheva M.S. (ed.). Moscow, Nauka Publ, 1972. 410 p.
- Stepanov G.V. *Tipologiya yazykovykh sostojanij i situacij v stranah romanskij rechi.* [Typology of language statuses and sociolinguistic situations in the Romance-speaking countries]. Moscow, Nauka Publ, 1976. 224 p.
- Suhachev N.L., Gorenko G.M. *Retoromanskij yazyk* [Rhaeto-Romance language]. In: *Yazyki mira. Romanskije yazyki* [Languages of the world. Romance languages]. Chelysheva I.I., Narumov B.P., Romanova O.I. (eds.). Moscow, Academia Publ, 2001, pp. 335–364. (In Russ.)
- Tipologiya skhodstv i razlichij blizkorodstvennykh yazykov* [Typology of similarities and dissimilarities of closely related languages]. Stepanov G.V. (ed.). Kishinev, Știință Publ, 1976. 100 p.

- Chelysheva I.I. Dialekty Italii [The dialects of Italy]. In: *Yazyki mira. Romanskies yazyki* [Languages of the world. Romance languages]. Chelysheva I.I., Narumov B.P., Romanova O.I. (eds.). Moscow, Academia Publ, 2001, pp. 90–146. (In Russ.)
- Shishmaryov V.F. *Ocherki po istorii yazykov Ispanii* [Outlines of the history of the languages spoken in Spain]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ, 1941. 339 p.
- Yazyki mira. Romanskies yazyki*. [Languages of the world. Romance languages]. Chelysheva I.I., Narumov B.P., Romanova O.I. (eds.). Moscow, Academia Publ, 2001. 720 p.
- Alonso A. *Estudios lingüísticos. Temas Temas españoles* [Studies in linguistics. On Spanish]. 3^a ed. Madrid, Gredos, 1982. 286 p.
- Alvar M. *Dialectología española* [Spanish dialectology]. Madrid, C.S.I.C., 1962. 93 p.
- Azevedo Maia C. de. *História do galego-português. Estado linguístico da Galiza e do Noroeste de Portugal desde o século XIII ao século XVI* [History of Galician Portuguese. Languages of Galicia and Northern Portugal in the 13th-16th centuries]. [Lisboa], Fundação Calouste Gulbenkian, 1986. 1006 p.
- Badia Margarit A.M. *La formació de la llengua catalana* [Development of the Catalan language]. Barcelona, Publicacions de Abadia de Montserrat, 1981. 207 p.
- Bosque I., Demonte Barreto V., Lázaro Carreter F., Pavón Lucero M.V. *Gramática descriptiva de la lengua española* [A descriptive grammar of Spanish]. Vol. I–III. Madrid, Espasa 1999. 3503 p.
- Brunot F. *Histoire de la langue française dès origines à 1900* [History of French from the origins to the year 1900]. Vol 1. Paris, Librairie Armand Colin, 1905. 600 p.
- Calabrese A. Metaphony in Romance. *The Blackwell companion to phonology*, M. van Oostendorp, C. Ewen, E. Hume, K. Rice (eds.). Malden, Mass., 2011, pp. 1–31.
- Calabrese A. Metaphony revisited. *Rivista di linguistica*, 1998, 10, pp. 7–68.
- Cremona J. L'axe nord-sud de la Romania et la position du toscan [The north-south axis of Romania and the position of Tuscan]. *Actele celui de-al XII-lea congres internațional de lingvistică și filologie romanică. XII ACILFR, 1970, Vol. I–II. București* [Proceedings of the XIIth Congress on the Romance linguistics and philology. XII ACILFR, 1970]. Rosetti A., Reineheimer-Ripeanu S. (eds). Bucharest, 1970, pp. 155–159. (In Italian)
- Cunha C., Cintra L. Lindley. *Nova Gramática do Português Contemporâneo* [New grammar of Modern Portuguese]. Lisboa, JSC, 1999. 734 p. (In Portuguese)
- Dardano M., Trifone P. *Grammatica italiana* [Italian grammar]. Bologna, Zanichelli, 2005. 415 p. (In Italian)
- Devoto G., Giacomelli G. *I dialetti delle regioni d'Italia* [The dialects of the Italian regions]. Firenze, Sansoni, 1973. XLII-220 p. (In Italian)

- Díaz R. de A. *Gramática comparada de las lenguas ibéricas* [Comparative grammar of the Ibero-Romance languages]. Gijón, Editorial Trea, 2013. 822 p. (In Spanish)
- Dies M., Morales F., Sabin A. *Las lenguas de España* [Languages of Spain]. Madrid, Ministerio de Educación, 1980. 444 p. (In Spanish)
- Entwistle W.J. *Las lenguas de España: castellano, catalán, vasco y gallego-portugués* [The languages of Spain: Castilian, Catalan, Basque and Galician Portuguese]. Madrid, Ediciones Istmo, 1982. 443 p. (In Spanish).
- Francescato G. A proposal for the classification of Romance languages. *Italic and Romance Linguistic Studies in Honor of Ernst Pulgram*. Pulgram E., Izzo H.J. (eds.). Amsterdam, John Benjamins B.V., 1980, pp. 75–84.
- García de Diego V. El catalán, habla hispánica pirenaica [Catalan, an Ibero-Romance idiom]. *Boletim de Filologia*, 1949-1950, Vol. 2, pp. 55–60. (In Spanish.).
- Hamp E.P. A case of paradigmatic continuity in Italic and Romance. *Italic and Romance Linguistic Studies in Honor of Ernst Pulgram*. Pulgram E., Izzo H.J. (eds.). Amsterdam, John Benjamins B.V., 1980, pp. 69–74.
- Holtus G., Metzeltin M., Schmitt eds. *Lexikon der romanistischen Linguistik* [Lexicon of the Romance Linguistics]. Tübingen, Niemeyer, 1988–1997. (In German)
- Kossarik M. Early Portuguese treatises and the case of scientific paradigms. Interparadigmatic periods and the two hyperparadigms in linguistic history. *Tradition and Innovation in the History of Linguistics: Contributions from the 13th International Conference on the History of the Language Sciences (ICHoLS XIII), Vila Real, 25–29 August 2014*. Assunção C., Fernandes G., Kemmler R. (eds.). Münster, Nodus Publikationen, 2016, pp. 176–185.
- Lapesa R. *Historia de la lengua española* [History of Spanish]. Madrid, Gredos, 1981. 690 p. (In Spanish)
- Lausberg H. *Linguística românica* [Romance linguistics] Lisboa, Fundação Calluste Gulbenkian, 1981. 458 p. (In Portuguese)
- Lepschy A.L., Lepschy G. *La lingua italiana. Storia, varietà dell'uso, grammatica* [The Italian language. History, varieties of use, grammar]. Milano, Bompiani, 1986. 232 p. (In Italian)
- Lois X. Auxiliary selection and past participle agreement in Romance. *Probus*, 1990, 2 (2), pp. 233–255. (In German)
- Loporcaro M. Un nuovo manuale e la linguistica romanza nella nuova università [A new manual and Romance linguistics in the new university]. *Romanische Forschungen*, 2005, 117 Bd., H. 1, pp. 45–58. (In Italian)
- Loporcaro M., Silvestri G. Residui del genere neutro come categoria morfosintatticamente funzionale nell'italo-romanzo meridionale [Remains of neutral gender as a functional morphosyntactic category in the southern Italo-Romance idioms]. *Actes du XXVIIe Congrès international de linguistique et de philologie romanes (Nancy, 15–20 juillet 2013). Section 4: Syntaxe*. Ledgeway A., Gennamo M., Mensching G. (eds.) Nancy, 2016.

- URL: <http://www.atilf.fr/cilpr2013/actes/section-4/CILPR-2013-4-Lo-porcaro-Silvestri.pdf> (accessed: 20.05.2018). (In Italian)
- Maiden M., Parry M. *The dialects of Italy*. Routledge, 2006. 496 p.
- Medina López J. *Historia de la lengua española I. Español medieval* [History of Spanish]. Madrid, Arco Libros 2003. 99 p. (In Spanish.).
- Menéndez Pidal R. *Cantar de mio Cid. Texto, gramática, vocabulário* [The Cantar de mio Cid. Text, grammar, vocabulary]. Vol. I–III. Madrid, 1908–1911. 1231 p. (In Spanish.).
- Menéndez Pidal R. *Orígenes del español. Estado lingüístico de la Península Ibérica hasta el siglo XI* [The linguistic state of the Iberian Peninsula by the 11th century]. Madrid, Hernando, 1926. XII, 579 p. (In Spanish)
- Migliorini B. *Storia della lingua italiana*. [History of the Italian language]. Firenze, Sansoni, 1960. 706 p. (In Italian)
- Muljačić Z. I tratti distintivi intrinseci come criterio per una classificazione delle lingue romanze [Internal distinctive features as a criterion for classifying the Romance languages]. *Estudios ofrecidos a Emilio Alarcos Llorach*, Vol. 5, 1983, pp. 93–112. (In Italian)
- Muljačić Ž. Per una classificazione «Standardologica» delle lingue romanze [On the «standardological» classification of the Romance languages]. *Italic and Romance Linguistic Studies in Honor of Ernst Pulgram*. Pulgram E., Izzo H.J. (eds.). Amsterdam, John Benjamins B.V., 1980, pp. 85–96. (In Italian)
- Paiva Raposo E., Vicente G., Veloso R. *Gramática do português* [Grammar of Portuguese]. Vols. I-II. Lisboa, Fundação Calouste Gulbenkian, 2013, 1148 + 2410 p. (In Portuguese)
- Rohlf G. *Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti* [Historical grammar of the Italian language and dialects]. Vol. I, II, III. Torino, Einaudi, 1969. XL, 575 p. (In Italian)
- Rohlf G. *Romanische Philologie* [Romance philology]. T. I–II. Heidelberg, Winter, 1950, 1952. 437 p., XII, 230 p. (In German)
- Russo M. Metafonia rumena e metafonia italiana a confronto: un'unica catena anafonica armonizzante? [Romanian and Italian metaphony in comparison: a single harmonizing chain?]. *Zeitschrift für Balkanologie*, 2014, Vol. 50, No. 2, pp. 222–245. (In Italian)
- Scarano A. Aggettivi qualificativi nel parlato italiano, francese, portoghese e spagnolo (corpus C-ORAL-ROM): frequenze e strutture [Descriptive adjectives in Spoken Italian, French, Portuguese and Spanish (corpus C-ORAL-ROM)]. *Lingua cultura e intercultura: l'italiano e le altre lingue, Atti dell' VIII Convegno Internazionale della Società di Linguistica e Filologia Italiana (SILFI), Samfundslitteratur* [Language, culture and intercultural: Italian and other languages. Proceedings of the VIII International Congress of the Italian Linguistic and Philological Society (SILFI)]. Korzen J. (ed.). Copenhagen, Samfundslitteratur, 2005, pp. 281–294. (In Italian)
- Silva Neto S. da. *História da língua portuguesa* [History of the Portuguese language]. Rio de Janeiro, Dinalivro, 1992. 670 p. (In Portuguese)

- Tagliavini C. *Le origini delle lingue neolatine* [The origins of Neolatin languages]. Bologna, Pàtron, 1972. XLII, 681 p. (In Italian)
- Tekavčić P. *Grammatica storica dell'italiano* [Historical grammar of Italian]. Volume II: Morfosintassi. Bologna, Mulino, 1972. 740 p. (In Italian)
- Thoronton A.M. La canonicità del tipo it. braccia // braccia / bracci: sovrabbondanza, difettività o iperdifferenziazione? [The canonicity of the type braccia // braccia / bracci in Italian: redundancy, defectiveness or hyperdifferentiation?] *Studi di grammatica italiana. A cura dell'Accademia della Crusca. Volume XXIX–XXX* [Studies in Italian grammar. Ed. by the Crusca Academy. Vol. XXIX–XXX]. Florence, Le Lettere, 2011, pp. 419–478. (In Italian)
- Vasquez Cuesta P., Mendes da Luz M.A. *Gramática portuguesa* [Portuguese grammar]. Madrid, Gredos, 1987. 403 p. (In Portuguese)
- Wartburg W. *La fragmentation linguistique de la Romania* [The linguistic division of the Romance area]. Paris, Librairie C. Klincksieck, 1967. 148 p. (In French)
- Wiltshire C., Camps J. Romance phonology and variation. *Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistic Science Series*, 2002, 4, pp. 1–10.

Е.Г. Борисова

УПРАВЛЕНИЕ ПОНИМАНИЕМ. ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ПОНИМАНИЕ СООБЩЕНИЯ

*Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Московский городской педагогический университет»
Москва 129226, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4*

В статье анализируются случаи, когда говорящий прилагает усилия по содействию правильному пониманию того, что сказано слушающим. Управление пониманием в коммуникации интерпретируется как вид речевой деятельности говорящего. Делается попытка определить условия его появления в речи, а также выявить используемые при этом языковые средства. Анализируются как общеизвестные средства, облегчающие понимание (*то есть, я имею в виду* и т.п.), так и единицы языка, которые не рассматривались как средства управления вниманием слушающего и его действиями в процессе понимания сообщения (частицы, используемые для управления вниманием, вводные слова *собственно, actually* и т.п. как маркеры предотвращения или последующей коррекции неверных импликатур).

Ключевые слова: речевая деятельность; деятельность слушающего (адресата); импликатура; имплицитные смыслы; дискурсивные слова; частицы; вводные слова; хеджинг.

1. Речевая деятельность в лингвистическом описании. Современные динамические модели языка, ориентированные на описание языка с учетом речевой деятельности, позволили выявить особенности большого количества языковых единиц, задействованных в этом процессе. Именно описание языка в действии позволило дать толкование большинству частиц и других дискурсивных слов, указательным местоимениям, синтаксическим конструкциям. Более подробное отражение деятельности участников общения открывает новые возможности для описания особенностей лексических и грамматических единиц и конструкций. Имеется целый ряд направлений, ориентированных на «грамматику говорящего» [Норман, 1994; Апресян, 2014]. Появляются труды по «лингвистике слушающего» [Борисова, 2015]. Развивается подход, строящийся на представлении речевой деятельности как взаимодействию говорящего и слушающего [Ochs et al., 1996].

Борисова Елена Георгиевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германистики и лингводидактики ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (e-mail: egbor@mail.ru).

Более пристальное внимание к деятельности участников общения позволяет обнаружить такие аспекты этой деятельности, которые ранее находились на периферии исследовательского внимания. В данной статье рассматривается такой вид речевой деятельности говорящего, как управление пониманием сообщения, осуществляемым слушающим.

Основой всех моделей речевой деятельности является представление о деятельности говорящего, заключающейся в кодировке средствами языка своего замысла и передаче такого сообщения, которое впоследствии дешифруется слушающим. Дальнейшие исследования деятельности двух основных участников коммуникации, особенно те работы, которые были ориентированы на практическое использование, существенно обогатили и расширили представления о деятельности говорящего, поскольку выбор нужных языковых единиц в речи не мог выводиться из представлений о структуре языка. Необходимость создания активной модели речепорождения заставила создать заново активную грамматику, правила описания лексических единиц, позволяющие алгоритмизировать выбор из семантически близких слов в определенных ситуациях и многое другое.

Важнейший в деятельности слушающего (адресата, реципиента) процесс понимания достаточно долго мыслился как сопоставление выявленных в сообщении единиц их словарному и или грамматическому описанию. Однако при решении многих практических задач — от обучения пониманию иноязычных текстов до описания речевого воздействия в рекламе — такое отражение оказывается недостаточным. В процесс понимания пришлось включить установление референции, извлечение скрытых смыслов, учет эмоционального состояния адресата и многое другое. В итоге возникли модели, которые рассматривают процесс речевого общения как взаимное прогнозирование понимания — шифровки намерения участника коммуникации. Такие интерактивные описания позволяют учитывать некоторые особенности как говорения, так и понимания.

В частности, именно в этих рамках удалось выявить такую часть поведения говорящего, как управление пониманием адресата. В принципе, наличие некоторых дополнительных усилий говорящего для улучшения взаимопонимания с адресатом уже отмечалось. Так, на жестовую составляющую коррекции понимания обратил внимание А.Н. Баранов. В других работах можно найти указание на управление вниманием адресата [Talmy, 1998; Борисова, 2006]. Попытки описания дискурсивных слов позволяют утверждать, что управление пониманием — как вербальными, так и невербальными средствами, включая управление вниманием, — составляет достаточно важную часть деятельности говорящего.

2. Управление пониманием как особая речевая деятельность говорящего. Когда необходимы особые усилия по управлению пониманием? И почему возникает такая необходимость? Ведь практически вся деятельность говорящего направлена на оптимизацию процесса понимания, что отражено в постулатах Грайса. Действительно, по логике вещей говорящий, идущий на коммуникацию, имеет целью передать информацию, причем наиболее полно и точно [Sperber, Wilson, 1986]. (Другие цели, например, запутать слушающего, уже вторичны и должны рассматриваться особо, как стало ясно вскоре после обращения к этим постулатам.) В связи с этим говорящий отбирает средства выражения — слова, конструкции, грамеммы — исходя из этих установок [Борисова, 2006б].

Тем не менее эта цель — обеспечение понимания сообщения — далеко не всегда достигается. И в случаях, когда понимание может быть нарушено, говорящий может попытаться предотвратить это нарушение или, если оно уже состоялось, его подкорректировать.

Нарушение понимания происходит на разных этапах восприятия сообщения, причем в некоторых случаях оно происходит случайно и может только поправляться постфактум. В других же случаях нарушение в процессе понимания вероятно, а то и неизбежно, если не будет специального вмешательства, которое мы и называем управлением. Таким образом, управление пониманием — это намеренное использование говорящим языковых единиц, которые позволяют ликвидировать или хотя бы минимизировать неправильное понимание сообщения (или вообще отсутствие понимания, что можно рассматривать как частный случай неправильного понимания),

Причины непонимания рассматриваются в большом количестве работ как в рамках выявления особенностей процесса понимания, так и как самостоятельная проблема [Mustajoki, 2013]. Это явление исследуется психологами и психолингвистами, а также специалистами в социальной сфере и в областях пересечения социальных и языковых дисциплин. На основании этих исследований делаются выводы о причинах нарушения понимания между участниками коммуникации [Zaeffer, 1977], которые обобщенно можно свести к нескольким основным группам.

Во-первых, случаи непонимания бывают вызваны нарушением речевой программы говорящего: описки; оговорки; неправильное употребление слов. Во-вторых, существенную часть случаев непонимания составляют особенности поведения слушающего, которые отличаются от прогнозирования ожидаемого восстановления их говорящим: неправильное понимание слова, в том числе из-за выбора неподходящего значения (ЛСВ, т.е. лексико-семантический вариант), неожиданное для говорящего восстановление импликатур — или отсутствие такого восстановления. Наконец, наиболее

значимым оказывается третья группа случаев: нарушение понимания из-за невозможности (или затруднительности) выразить какое-либо значение средствами языка. Поскольку в этом случае причина кроется в структуре языка, составляющих ее единицах, мы называем последние структурными причинами непонимания.

В каждой из этих групп случаев возможна корректировка говорящим высказывания как ответ на реакцию слушающего. Иногда возможно предварительное действие говорящего, способное предотвратить нарушение понимания.

Случаи, когда нарушение понимания и его коррекция связаны с особенностями речевой деятельности говорящего, мы назовем **речевыми**. Сюда относятся упомянутые нами нарушения понимания — оговорки, описки, неразборчивая устная или письменная речь.

Обычно такие ошибки исправляются говорящим вслед за реакцией слушающего типа: *Что-что? Что это слово означает?* и т.п. Иногда говорящий, осуществляя самоконтроль, сам обнаруживает неправильно написанное или произнесенное слово. Такие ошибки можно отнести к «сбоям программы», имеющим психолингвистические корни [Сморгонская, 2008]. Существует целый набор речевых тактик и языковых средств для предупреждения о самокоррекции: *ой, то есть, простите, тьфу ты, я хотел сказать* и т.п.

В случае речевых причин непонимания вина лежит полностью на говорящем. В остальных случаях непонимание вызвано тем, что слушающий повел себя не так, как прогнозировал говорящий.

3. Нарушения понимания, связанные с поведением слушающего, и их коррекция. Причиной непонимания или неполного понимания сообщения являются речевые программы, реализуемые слушающим: восстановление значений слова; структуры высказываний и сообщения в целом; референция имен и местоимений; восстановление имплицатур.

Нередко нарушение понимания вызвано различиями в коммуникационных кодах: разных представлениях о реальности (картине мира); о широком контексте высказывания (например, слушающий не знал о чьих-то словах, на которые намекает говорящий); различиях в индивидуальных представлениях о лексических значениях [Mustajoki, 2013]. Такие нарушения обычно называют **коммуникационными** или коммуникативными. В этих случаях, как и в предыдущих, и у слушающего, и у говорящего есть возможность дополнительными речевыми средствами преодолеть непонимание. Слушающий сигнализирует о нарушении понимания, причем часть средств употребляется независимо от причин непонимания: *Простите, не понял; Не понял; Что вы сказали?* Иногда используются более сложные стратегии, в частности, попытка слушающего перефразировать сказанное

говорящим в соответствии со своим пониманием высказывания, предваряемое словами: *вы имели в виду что, я понял, что..., то есть...* и т.п. (обычно вопросительные предложения).

Говорящий может среагировать на проявление слушающим (не всегда вербальное) признаков непонимания и перифразировать или прокомментировать высказывание, используя в основном схожие средства, обращенные к себе: *я имею в виду, я хотел сказать, то есть, иначе говоря, проще говоря (выражаясь), это означает* и т.п.

(1) *Тогда вы меня не поняли. Я имел в виду легкую обучаемость языку.* (Пример из НКРЯ.)

И наконец, говорящий может заранее предотвратить ожидаемое непонимание, осознав в ходе речи свою неправильную оценку представлений или познаний слушающего. При этом используются стратегии перифразы, дополнительного пояснения.

(2) *Вот в бою их и проверяют. Я имею в виду — на выборах.* (Пример из НКРЯ.)

Промежуточным случаем оказывается запрос слушающего о его понимании: *ты понял? Ясно? Понятно?*

(3) [Сухов, Анатолий Кузнецов, муж] *А барышням объяви / что никакого Абдуллы не будет / чтоб без паники / ясно?* (Пример из НКРЯ.)

Для введения высказывания, предотвращающего непонимание, в русском языке используются дискурсивные единицы *иными словами, иначе говоря, то есть* и т.п.

(4) *В постановлении сказано: «Производство по делу об административном правонарушении в отношении Ч. прекратить ввиду отсутствия состава административного правонарушения». Иными словами, суд не усмотрел в действиях Елены выезда на встречную полосу дороги.* (Сергей Волгин. Дело о вьезде под «кирпич» (2003) // За рулем, 2003.05.15 — пример из НКРЯ.)

4. Распределение внимания слушающего как фактор успешного понимания. Сбой в деятельности слушающего, воспринимающего сообщение, может объясняться как отсутствием необходимых знаний, общих для собеседника [Mustajoki, 2013], так и возможностями психики, определяющими распределение внимание, объем перерабатываемой информации и т.п. В связи с этим управление пониманием включает и деятельность говорящего, помогающую скорректировать сбой: ограничить объем; правильно распределить внимание и т.п.

В частности, слушающий не всегда в состоянии учитывать полный объем информации, который передается в каждом сообщении. Как правило, распределение внимания слушающего определяется последовательностью подачи материала: говорящий сообщает нечто о том, о чем уже говорилось ранее (на этом, как известно, построена коммуникативная или тема-рематическая организация отдельных

высказываний и сообщения в целом). Однако нередко приходится обращаться к объектам, не входящим в эту цепочку, что требует определенных усилий от слушающего, в частности концентрации внимания.

Вмешательство говорящего может быть связано с привлечением внимания к тому или иному слову или фрагменту высказывания. В таких случаях говорят об управлении вниманием адресата [Борисова, 2006]. Например, при помощи частицы *-то* можно привлечь внимание к слову, появление которого оказывается неожиданным, не подготовленным в данном контексте

(5) *А ты знаешь, Иван-то женился!*

(Пример из [Борисова 1983], где дается подробное описание семантики частицы *-то*). Привлекая внимание к слову, говорящий показывает, что упоминание Ивана в данном контексте действительно неожиданно. В противном случае, если внимание слушающего привлечено не будет, он может предположить, что пропустил введение Ивана в актуализированную картину беседы, сделать неправильные выводы, не суметь отождествить Ивана с лицом, известным обоим собеседникам.

Есть и другие типы высказываний, когда говорящий использует дополнительные средства для того, чтобы добиться более адекватного понимания. Это может проявляться в использовании усилительных частиц для выделения того объекта или фрагмента значения, который важен для данного сообщения в большей степени, чем можно предполагать.

(6) *Я не согласен именно с последним.*

Здесь частица *именно*, выделяя слово *последнее*, перераспределяет внимание слушающего в его пользу. Это позволяет предотвратить неправильное понимание относительно объекта несогласия.

Управление вниманием — важный аспект управления пониманием, но не единственный. Даже при организованном внимании слушающего перед последним стоит еще целый ряд задач, неправильное выполнение которых приведет к нарушению понимания: осуществление референции; восстановление импликатур; понимание смысла, передаваемого лексикой; определение намерений говорящего. Практически для всех этих случаев у говорящего есть возможности, в том числе и закрепленные в языковых единицах, способствовать устранению возникшего или ожидаемого неправильного понимания сообщения. Так, для предотвращения неправильного понимания референции используется иерархия личных и указательных местоимений [Kibrik, 2011]: *он, тот, тот самый* и т.п. а также перифразы с использованием существительных (7).

(7) *Отдельные случаи нехватки сахара переходят в его тотальный дефицит, поэтому и единичные стычки перерастают в широкомас-*

штабные столкновения. Что дальше, Серёжа? Дальше они неизбежно стихают. Я имею в виду столкновения. (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // Новый Мир, 2001 — пример из НКРЯ.)

Поскольку эта проблема получила глубокую разработку, мы не будем на ней останавливаться. Обратим внимание на такой важной составляющей деятельности слушающего, как восстановление имплицитного смысла, закладываемого говорящим, рассчитывающим на возможность его понимания.

5. Коррекция имплицатур. Имплицитная информация составляет существенную часть понимания сообщения. Как мы уже упоминали, ее восстановление зависит от целого ряда факторов: общих знаний говорящего и слушающего, понимания предшествующего текста, представлений о значениях используемых слов. В связи с этим восстановление имплицатур далеко не всегда является однозначным. Скорее наоборот, можно говорить, что почти всегда имплицитная информация восстанавливается только с некоторой долей вероятности: в одних случаях вероятность велика и может условно приниматься за единицу, в других же примерах восстановление подразумеваемого может быть весьма ненадежно (8).

(8) *А где Н? — Носу сломал.*

Вероятность вывода «если у человека сломана нога, он не может быть на работе» весьма велика и хоть не является стопроцентной, но близка к ней. В связи с этим реакция человека, который не сделал такого вывода, скорее будет воспринята как необычная (9).

(9) *Ну и что? А почему он не на работе?*

(10) *Ты хочешь на машине? А после обеда обещали снег*

А высказывание (10) дает уже не такую высокую степень вероятности вывода. Вероятность вывода «не нужно ехать на машине» достаточно велика (по крайней мере, для мест с недостаточно хорошей уборкой снега с дорог), так как включает промежуточный вывод «если дороги будут в снегу, ехать будет сложно», который тоже достаточно вероятен, однако не стопроцентный. В связи с этим, хотя скорее всего и в данном случае вряд ли нормальным будет непонимание имплицатуры, однако возможно несогласие с ней (11).

(11) *Ну и что? Я что, первый раз в снегопад попаду?*

Понятно, что именно в возможности неправильного выявления имплицитных смыслов кроется опасность непонимания, и в этом случае говорящий может принять особые меры — перед высказыванием с имплицатурой или после него, чтобы это непонимание устранить. Самым тривиальным при этом является экспликация таких скрытых выводов (12).

(12) *Ты хочешь поехать на машине, но я тебе этого не советую, т.к. после обеда обещали снегопад, он затруднит движение и тебе будет некомфортно.*

В некоторых случаях, например, в официальных документах, такая экспликация допустима и желательна. Однако чаще всего повышение вероятности правильного понимания не требует полной экспликации. Вероятность нужного вывода можно повысить за счет одного-двух слов, причем нередко специально для этого предназначенных.

Так для примера (12) способом управления расшифровкой имплицатуры было бы добавление средств предупреждения:

(14) *Ты хочешь поехать на машине? Смотри, после обеда обещали снег.*

Добавление средства предостережения *смотри* эксплицирует существенную часть имплицатуры «я тебе этого не советую», что делает гораздо более вероятным восстановление прочих частей.

Частичная экспликация имплицатур говорящим достигается употреблением модальных (усилительных) частиц (15).

(15) *Ты хочешь поехать на машине? Да ведь после обеда обещали снег!*

Частицы *да* и *ведь* передают отношение говорящего к предполагаемому действию слушающего, включающие удивление (*да*), причинное значение, передаваемое частицей *ведь* (в данном случае причинная связь требует восстановления имплицитного смысла «я удивлен», который уже частично эксплицирован частицей *да* и, возможно, интонацией). В результате экспликация общего замысла «говорящий считает поездку нежелательной» становится очень вероятной.

При невозможности (или нежелании) собеседника осуществлять заложенные говорящим выводы он может выразить недоумение явно (16).

(16) *С тех пор, как бабы начали Рядиться в ситцы красные, Леса не поднимаются, А хлеба хоть не сей.*

— *Да чем же ситцы красные / тут провинились. Матушка? Ума не приложу.* (Н.А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо».)

Достаточно часто для той же цели собеседник использует выражение *Ну и что* (*и что/и что с того*), после чего экспликация, хотя бы частичная, становится обязательной (17).

(17) *Типично французский вопрос: «Бенедикт, к тебе приезжал русский друг из Москвы, а на каком языке ты с ним общалась?» — Конечно, на русском. — Но он же говорит по-французски. — Ну и что? — Ну вы же во Франции? — Ну и что. — Что, вы совсем не говорите между собой по-французски?* (Запись LiveJournal (2004) — пример из НКРЯ.) Для собеседника вывод описываемого француза «во Франции все, кто знают французский, должны говорить по-французски» представляется маловероятным, поэтому он долго не может восстановить

импликацию и сигнализирует об этом собеседнику средствами, в русском переводе звучащими как *ну и что*.

Важной операцией по корректировке импликаций является указание на неверность ожидаемого вывода (18).

(18) *Он живет за счет женщин, но это не то, о чем ты подумал.*

Нарушение ожидаемого вывода составляет основное содержание таких синтаксических отношений, как противопоставление (союзы *но, однако*), уступка (*хоть*). Эти явления выражаются узואльно закрепленными единицами языка, и по отношению к ним вряд ли уместно говорить о дополнительных усилиях, которые мы относим к средствам управления пониманием. Однако существует целый ряд слов и фразеологических единиц, которые помогают понять нарушение ожидания, т.е. возможной импликации слушающего, в тех случаях, когда это ожидание не является результатом понимания всего высказывания.

Рассмотрим пример (19) из работы [Кобозева, Щедрина, 2009].

(19) *Мы, собственно, только отксерить.*

Авторы статьи описывают ситуацию, в которой зафиксирована фраза: говорящий заходит в офис, где ремонтируют технику и попутно делают копии на заказ. Очевидно, что просьба о ремонте со стороны вошедшего более ожидаема, чем о копировании. Слово *собственно* здесь, по мнению авторов, можно интерпретировать как «вы могли подумать, что мы будем что-то ремонтировать, но это не так». Иными словами, наречие *собственно* используется для корректировки предполагаемого ожидания собеседника, вытекающего не из диалога, а из реальной ситуации.

Использование специальной лексики для маркировки нарушения ожиданий отмечалось и в зарубежных исследованиях. Аналогичный вывод относительно английского слова *actually* делает К. Аймер [Aijmer, 2002], которая так трактует значение слова *actually* как ‘It can be used to deny certain implicit belief’ (т.е. «она может использоваться для отрицания определенного имплицитного предположения»).

В различных языках, в том числе и русском, имеется немало количество слов и словосочетаний, которые используются и для коррекции возможных неправильных импликаций, и для предупреждения ложных ожиданий слушающего: *собственно, собственно говоря, в сущности, по сути, на самом деле, фактически, правду говоря, честно говоря, вообще (-то), в принципе* и др. Близкие функции могут быть выполнены отдельными предложениями, глаголами (20).

(20) *Ах, мне, **признаться**, недосуг.*

Отмеченные ранее слова, которые используются в русском языке, образуют заметную группу внутри так называемых вводных слов (сюда попадают и двусловные выражения *собственно говоря*, и т.п.) [Яковлева, 1983]. В англоязычной традиции их относят к *stance ad-*

verbs, и их особенности в дискурсе и диалоге тоже становятся предметом исследований [Tseronis, 2011].

Все слова и словосочетания, используемые для коррекции ожиданий слушающего, обладают собственным лексическим значением, хотя и не всегда легко эксплицируемым. Уточнение понимания, а также дополнительные коннотации — это их назначение, аналогичное назначению усиления у многих частиц, которые сами по себе тоже далеко не синонимичны.

В большинстве случаев данная группа слов имеет в своем значении фрагмент «на самом деле». Этот элемент позволяет отбрасывать возможные импликатуры, самая распространенная — «вы могли подумать нечто, но на самом деле это не так» (21).

(21) *В России, в сущности, всё созрело для военного путча, и загвоздка только в одном.* (Юлия Латынина. Армия второго сорта (2003) // Еженедельный журнал, 2003.03.24 — пример НКРЯ.)

Основанием для возникновения такой импликатуры чаще всего оказывается то, что сказанное говорящим может иметь несколько интерпретаций, причем та, что имеется в виду, оказывается не самой очевидной. Так, в примере (21) явно имеется в виду, что буквальное понимание «всё созрело» является не самым правильным: скорее всего, это обобщение, которое при буквальном понимании включает выводы о реальной готовности структур, наличии организаций и т.п., а этого автор не имеет в виду.

Смысл «на самом деле» способствует возникновению дополнительных импликатур, объясняющих, почему говорящему понадобилось обращение к «реальному положению дел», они могут узуализоваться [Борисова, 2000] и способствовать возникновению у этих слов новых оттенков значений.

Говорящий может отметить нарушение ожидания и без дополнительных коннотаций:

(22) *Принцип действия цифровых солнечных часов, в сущности, ничем не отличается от любых других солнечных часов. Единственное, что стоит отметить, так это то, что время в цифрах отображается благодаря специальным отверстиям в самих часах.* (URL: <http://www.novate.ru/blogs/020116/34428/> — пример НКРЯ.)

Других коннотаций, как нередко бывает и при употреблении *в сущности*, в данном случае не возникает.

(23) *Он, в сущности, проявил завидное терпение.*

В примере же (23) говорящий выражает одобрение субъекту. Видимо, предполагалось, что действия описываемого человека будут осуждены, поэтому предупреждение неверных ожиданий сопровождаются выражением несогласия с возможной (предположительно, отрицательной) оценкой этих действий, неодобрения собеседника. Это можно перефразировать как «напрасно ты ругаешь

его за реакцию, можно считать, что реакция могла быть гораздо более резкой».

Слова, уточняющие понимание, можно поделить на подгруппы по дополнительным оттенкам, соотносимым с интенциями говорящего. В качестве первой (точнее, нулевой) можно взять случаи, когда оттенки кроме предварительного или последующего опровержения ожидания отсутствуют (21), (22). Маркировка нарушения ожидания нередко бывает связана с несогласием, недовольством (20). Эту роль могут играть слова *честно говоря, вообще-то, в сущности, собственно говоря* и др. (24)

(24) *Мне, честно говоря, это перестает нравиться.*

Этот вывод может быть эксплицирован как «ты мог предполагать, что нечто нормально, но ты не прав».

Достаточно распространенной оказывается следующая группа со значением сожаления и близкого к сожалению оттенка извинения: *правду сказать, честно говоря, вообще-то*. Такой оттенок вытекает из факта опровержения ожидания говорящего, обычно, когда это нарушение ожидания было неприятно для слушающего (25).

(25) — *Спасибо, что не уехали.*

— *Честно говоря, я не планировал вас ждать.*

(26) *Спасибо, что уступили, но вообще-то я на следующей схожу.*

Во фразе (26) говорящий считает нужным исправить вывод адресата «говорящий будет ехать дальше», вытекающий из общих представлений о поездке в транспорте: пассажир может выйти на любой из остановок, поэтому вывод о выходе на следующей представляется равновероятным со всеми другими остановками, т.е. весьма невелик, тогда как представление о дальнейшей поездке, напротив, значительно.

Наконец, не исключены и прямо противоположные коннотации, а именно упрек (27).

(27) *Вообще-то женщинам обычно уступают места.*

Тут можно говорить об иронической интерпретации значения *вообще-то*.

Поскольку дополнительные оттенки вытекают из нарушения ожидания слушающего, они препятствуют кооперативному общению, поэтому их маркировка одновременно с указанием на извинительную интенцию говорящего оказывается достаточно важной (24).

6. Управление пониманием значений слова. В ряде случаев употребление маркеров, помогающих правильному пониманию сообщения, можно связать с проблемами интерпретации значения отдельных слов. Ошибки в понимании лексики применительно к передаваемому смыслу можно назвать **номинационными**.

Понимание значения слова представляется еще более сложной и тонкой проблемой. Здесь речь идет о возможности отнесения

определенного слова (точнее, его лексико-семантического варианта) к ситуации, которую отражает говорящий в высказывании. Это действие говорящего называют также актом номинации [Языковая номинация, 1977]. В философии данная проблема известна как соотношение реальности и ее отражения. И хотя в общем плане она лежит за пределами языкознания, с ней постоянно приходится сталкиваться при описании семантики слова и высказывания.

В языкознании принято представление о принципиальном несопадении отражаемой реальности и языковых средств ее описания, поэтому в моделях языка обычно имеют дело с представлениями реальности, уже переработанными средствами языкового сознания [Мельчук, 1995]. Однако отражение речевой деятельности заставляет учитывать и такой внелингвистический аспект понимания, как соотношение высказывания с представлениями слушающего. В частности, такая проблема встает при описании единиц языка, используемых говорящим для управления пониманием лексического значения.

(28) *Бизнес-слой сегодня состоит из трех больших подгрупп: предпринимателей, имеющих своё дело, бизнесменов, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью, и, так сказать, полупредпринимателей.* (Янис Астафьев — пример из НКРЯ.)

Автор (28) не уверен, что употребленное слово — входящее в потенциальный лексический запас, но не распространенное в реальном общении, — будет понято. В связи с этим он показывает необходимость дополнительных усилий по его пониманию, употребив вводное слово *так сказать*.

При корректировке понимания, связанной с выбором номинации, частично используются те же средства, что и при корректировке импликатур (29).

(29) *Это, фактически предательство.*

Слово *фактически* (29) показывает, что выбор номинации для описания явления затруднен, говорящий понимает, что обозначение явления словом *предательство* может быть не совсем точно, вызывать несогласие слушающего. Однако говорящий предлагает слушающему выбрать именно это слово, хотя и понимает возможность сомнений (30).

(30) *В сущности, он проигнорировал все замечания.*

(31) *Кроме того, теперь законопроекты, которые готовят чиновники, должны быть обнародованы до того, как над ними вдоволь поработают парламентарии (п. б). Остальное в сущности мелочи. Но это — скорее по западным меркам, у нас они до сих пор были за семью печатями.* (Леонид Семеняка. Как слеза. Российское правительство хочет быть прозрачным (2003) // Известия, 2003.02.17 — пример из НКРЯ.)

Употребление слова *в сущности* (31) показывает, что говорящий употребляет слово *мелочи*, сознавая, что оно не вполне подходит к описываемой ситуации, но тем не менее считает его допустимым.

Указание на возможность неточного понимания слова соответствует представлению о хеджинге — явлении, впервые отмеченном У. Вейнрейхом, впоследствии рассмотренном Дж. Лакоффом [Lakoff, 1972]. Первоначально использование вводных слов для ограничения (именно так переводится слово *hedging*) смысла, передаваемого словом, рассматривалось с позиций такой интенции говорящего, как смягчение (*mitigation*) [Schroeder et al., 1997]. Действительно, во многих случаях можно видеть, что уточнение лексического значения делает утверждение менее категоричным. В примере (29), как мы уже отмечали, утверждение без слова *фактически* выглядит прямым обвинением. В то время как введение этого слова позволяет истолковать высказывание следующим образом: «Это явление может называться не так категорично, как предательство, но оно имеет много общих черт с ним и может быть названо и этим словом».

В том, что одни и те же единицы используются и для уточнения сообщения, и для уточнения понимания, можно увидеть параллели в процессе номинации и предикации.

Однако совпадение не полное. Фраза (32) нежелательна.

(32)? *Это, собственно, обман*

(33) *Это, собственно говоря, обман.*

Возможно, это связано с тем, что (33) *собственно* (как и *фактически*, и ряд других) предупреждает неявные импликатуры, а *собственно говоря* имеет несколько иную функцию: оно связывает выводы говорящего с актом говорения. Иными словами, если для первого случая имеет смысл восстанавливать импликатуру как вывод из содержания сообщения, то во втором — как вывод из факта говорения, передающего это сообщение.

Кроме того, только для управления пониманием отдельными словами используются слова *буквально*, *так сказать*, разговорное *прямо* [Яковлева, 1983], частица *просто*.

Заключение. Мы рассмотрели несколько случаев дополнительных усилий говорящего для предотвращения неправильного понимания сказанного или того, что будет сказано. Эта часть деятельности говорящего, как было показано, основана на его постоянном предсказании возможного понимания сообщения адресатом (адресатами). Предварительное вмешательство проявляется в управлении вниманием — перераспределении внимания адресата из-за особых условий обращения к теме сообщения или важности части сообщения в реме. Здесь используются средства, называемые дискурсивными маркерами, более или менее изученные в рамках исследований по коммуникативной организации высказывания.

Важным моментом понимания сообщения является расшифровка скрытого (имплицитного) смысла, поэтому управление пониманием включает и предотвращение возможных неверных импликатур — иногда до того, как они могли быть сделаны, но чаще после возникновения ситуации, где эти импликатуры весьма вероятны.

В принципе, с теми же явлениями говорящий имеет дело и тогда, когда предотвращает неточное понимание значения слова. Однако данные языка свидетельствуют, что эти явления не вполне идентичны, так как есть некоторое расхождение в используемых средствах.

Вне нашего рассмотрения остались такие важные аспекты процессов понимания, как понимание оценки сообщения говорящим, выявление интенций, в том числе скрытых, и ряд других. Роль понимания диктума сообщения, на наш взгляд, является ведущей для говорящего. Именно здесь он наиболее активно использует средства управления пониманием как предупреждение, так и коррекцию ошибок слушающего.

Список обнаруженных лексических средств управления не является исчерпывающим пониманием. Описание этих единиц — самостоятельная задача.

Список литературы

- Апресян Ю.Д.* Активный словарь русского языка: Т. 1–2, А–Г / Ю.Д. Апресян (отв. ред.). М., 2014.
- Борисова Е.Г.* Семантический анализ усилительных частиц русского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1983.
- Борисова Е.Г.* К вопросу о механизме узуализации // Wiener Slawistischer Almanach. b. 46. 2000. S. 209–224.
- Борисова Е.Г.* Управление вниманием и пониманием: предварительные действия говорящего // Вторая международная конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов. СПб, 2006. С. 218–220.
- Борисова Е.Г.* Интерактивный подход в лингвистике: пределы применимости // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог». М., 2006. С. 84–88.
- Борисова Е.Г.* Речевая ориентация как категория рецептивной лингвистики // Социальные и гуманитарные знания. 2015. № 2. С. 147–151.
- Кобозева И.М., Щедрин Н.С.* Дискурсивные единицы «собственно» и «фактически» как средство манипуляции представлениями адресата // Эффективность коммуникации: Сборник статей по итогам междисциплинарной конференции 22–23.04.2008. Кафедра массовой коммуникации исторического факультета МГПУ / Сост. Е.Г. Борисова. М., 2008. С. 95–100.

- Мельчук И.А.* Русский язык в модели «смысл — текст». М.; Вена, 1995.
- Норман Б.Ю.* Грамматика говорящего. СПб, 1994.
- Сморгонская Е.Б.* Психолингвистическая дифференциация и классификация речевых сбоев // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 140–142.
- Языковая номинация: Общие вопросы / Под ред. Б.А. Серебренникова. М., 1977.
- Яковлева Е.С.* Значение и употребление модальных слов, относимых к разряду показателей достоверности/недостоверности: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1983.
- Aijmer K.* English Discourse Particles. Evidence From a Corpus. John Benjamins. Amsterdam, 2002.
- Kibrik A.A.* Reference in Discourse. Oxford, 2011. 651 с.
- Lakoff G.* Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Papers from the Eight Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. 1972. P. 183–228.
- Mustajoki A.* 2013. Risks of miscommunication in various speech genres // E. Borisova, O. Souleimanova (eds). Understanding by communication. Cambridge, 2013. P. 33–53.
- Ochs A., Schegloff E.E. and Thompson S.* Interaction and Grammar. Cambridge, 1996.
- Schroeder H. and Zimmer D.* Hedging Research in Pragmatics: A Bibliographic Research Guide to Hedging. R. Markkanen & H. Schroeder (Eds.). Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts. Berlin; N.Y., 1997. P. 249–271.
- Talmy L.* The windowing of attention in language. M. Shibatani and S. Thompson (Eds.). Grammatical constructions: Their form and meaning. Oxford, 1996. P. 235–287.
- Tseronis Assimakis* Use and abuse of the strategic function of in fact and frankly qualifying a standpoint // Pragmatics. 2011. 21 n 3. 2. P. 473–490.
- Zaefferer D.* Understanding misunderstanding: A proposal for an explanation of reading choices // Pragmatics. 1. 1977. P. 329–346.

Elena Borisova

UNDERSTANDING MANAGEMENT: LANGUAGE UNITS AS INDICATORS OF MESSAGE COMPREHENSION

*Moscow Teachers Training University
4 2 Selskohoziastvenny pr , Moscow, 129226*

This article analyzes communicative situations where the speaker makes efforts to help the listener get a better understanding of what is being said or what is going

to be said. Understanding management is conceived of as a type of communicative activity on the part of the speaker. An attempt is made to identify conditions for this kind of activity and language means used in understanding management. The focus is on common Russian phrases that help to understand things better (*to est'*/that is, *ya imeyu v vidu*/I mean) and on modal particles, interjections and introductory words like *sobstvenno*/actually which have not yet been considered to be tools for managing the listener's attention and behavior. These are regarded to be discourse markers that secure the right understanding of things being spoken about and correctors of the meaning that is mistakenly deduced from the conversation.

Key words: speech activity; actions of the hearer (addressee); implicatures; implicite meaning; discourse markers; modal particles; parenthesis; stance adverbs; hedging.

About the author: *Elena Borisova* — Dr. habil., Professor, Moscow State Teachers Training University (e-mail: egbor@mail.ru).

References

- Aijmer K. *English Discourse Particles. Evidence From a Corpus*. John Benjamins. Amsterdam, 2002.
- Apresyan Yu.D. *Aktivnyj slovar' russkogo yazyka*, t. 1–2 A–G. YU. D. Apresyan (otv. red). M., IRyaz, 2014.
- Borisova E.G. *Semanticheskij analiz usilitel'nyh chastic russkogo yazyka. Avtoref. dis. ... kand. filol. n.* 10.02.01. Moskva, MGU, 1983.
- Borisova E.G. K voprosu o mekhanizme uzualizacii. *Wiener Slawistischer Almanach*. b. 46. 2000. 209–224 S.
- Borisova E.G. Upravlenie vnimaniem i ponimaniem: predvaritel'nye dejstviya govoryashchego. *Vtoraya mezhdunarodnaya konferenciya po kognitivnoj nauke. Tezisy dokladov*. SPb, 2006. S. 218–220.
- Borisova E.G. Interaktivnyj podhod v lingvistike: predely primenimosti. Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. *Trudy Mezhdunarodnoj konferencii «Dialog»*. 2006. S. 84–88.
- Borisova E.G. Rechevaya orientaciya kak kategoriya receptivnoj lingvistiki. *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2015. № 2. S. 147–151.
- Kibrik A.A. *Reference in Discourse*. Oxford, Oxford university press, 2011, 651 p.
- Kobozeva I.M., Shchedrina N.S. Diskursivnye edinicy «Sobstvenno» i «Fakticheski» kak sredstvo manipuljacii predstavleniyami adresata. Moskva, 2008. *Effektivnost' kommunikacii: sbornik statej po itogam mezhdisciplinarnoj konferencii 22–23.04.2008. Kafedra massovoj kommunikacii istoricheskogo fakul'teta MGPU*, sost. E.G. Borisova. Moskva, MGPU, 2008. S. 95–100.
- Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. *Papers from the Eight Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*, 1972, pp. 183–228.

- Mel'chuk I.A. *Russkij yazyk v modeli «Smysl — Tekst»*. M., Vena, YAzyki russkoj kul'tury, 1995.
- Mustajoki A. Risks of miscommunication in various speech genres. E. Borisova, O. Souleimanova (eds). *Understanding by communication*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013, pp. 33–53.
- Norman B.YU. *Grammatika govoryashchego*. SPb, 1994, 227 p.
- Ochs A., Schegloff E.E. and Thompson S. *Interaction and Grammar*. Cambridge, Cambridge University Press, 1996.
- Schroeder H. and Zimmer D. Hedging Research in Pragmatics: A Bibliographic Research Guide to Hedging. R. Markkanen and H. Schroeder (Eds.), *Hedging and Discourse: Approaches to the Analysis of a Pragmatic Phenomenon in Academic Texts*. Berlin, N. Y., de Gruyter, 1997, pp. 249–271.
- Smorgonskaya E.B. Psiholingvističeskaya differenciaciya i klassifikacija rečevykh sboev. *Vestnik Voronežskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikacija*, 2008, № 3, pp. 140–142.
- Sperber D. and Wilson D. *Relevance: Communication and Cognition*. Oxford: Blackwell, 1996.
- Talmy L. The windowing of attention in language. M. Shibatani and S. Thompson (Eds.), *Grammatical constructions: Their form and meaning*. Oxford, Oxford University Press, 1996, pp. 235–287.
- Tseronis Assimakis. Use and abuse of the strategic function of in fact and frankly qualifying a standpoint, *Pragmatics*, 2011, 21 n 3, 2, pp. 473–490.
- Jazykovaya nominacija: Obščie voprosy*. Pod red. B.A. Serebrennikova M., Nauka, 1977.
- Yakovleva E.S. *Znachenie i upotreblenie modal'nyh slov, odnosimyh k razryadu pokazatelej dostovernosti/nedostovernosti: Avtoref. dis.... kand. filol. nauk*. M., 1983.
- Zaefferer D. Understanding misunderstanding: A proposal for an explanation of reading choices. *Journal of Pragmatics*, 1, 1977, pp. 329–346.

О.Ю. Инькова

**КСТАТИ И МЕЖДУ ПРОЧИМ:
ТАКИЕ БЛИЗКИЕ И ТАКИЕ ДАЛЕКИЕ¹**

*Женевский университет, Женева, Швейцария
24 rue du Général-Dufour, CH-1211 Genève 4*

В статье предлагается сопоставительное описание функционирования двух коннекторов русского языка: *кстати* и *между прочим*. В посвященной им немногочисленной литературе, анализируемой в § 1, эти языковые единицы считаются синонимами, вводящими факультативный комментарий, но эта формулировка не позволяет описать их семантические различия. На основе семантического анализа (§ 2–3), опирающегося на примеры из Национального корпуса русского языка и статистические данные, полученные в Надкорпусной базе данных коннекторов, автор предлагает относить *кстати* к показателям аддитивного иллюкутивного отношения (подтип добавление по ассоциации), а *между прочим* — к показателям спецификации (подтип дифференцированный выбор). Семантика *кстати* и *между прочим* определяет различия в их функционировании, описанные в § 4. В силу незапланированного характера вводимой им информации, нарушающей линейный порядок изложения мыслей говорящего, *кстати* несомненно с некоторыми логико-семантическими отношениями, в первую очередь, причинными, а поскольку оформляемое им сообщение всегда имеет зависимый характер комментария, — не может использоваться как самостоятельный аргумент. *Между прочим* говорит лишь о том, что вводимая им информация — одна из множества возможных, позволяющих дополнить картину. Поэтому эта языковая единица безразлична к признакам незапланированности изложения и предупрежденности информации, а также к направлению аргументации и статусу вводимого им сообщения, но требует, в отличие от *кстати*, контактного расположения соединяемых ей фрагментов текста. В контекстах, отвечающих условиям употребления обеих языковых единиц, они взаимозаменяемы без существенной модификации смысла высказывания.

Ключевые слова: лингвистика текста; семантика; коннекторы; русский язык; *кстати*; *между прочим*.

Инькова-Манзотти Ольга Юрьевна — доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы филологического факультета Женевского университета, Швейцария (e-mail: Olga.Inkova@unige.ch).

¹ Исследование выполнено в рамках совместного проекта “Corpus-based contrastive study of connectors in Russian” (РФФИ № 16-24-41002, ШННФ/FNS № IZLRZ1_164059).

1. Вводные замечания. Интересующие нас языковые единицы (далее — ЯЕ) уже привлекали внимание лингвистов. *Кстати* посвящены, насколько нам известно, работы [Моро, 1998; Откидыч, 2017а; Баранов, Добровольский, 2018; Инькова, 2018], *между прочим* — работы [Трипольская, 1992; Инькова, Манзотти, 2017; Откидыч, 2017б]. Упомянуты обе ЯЕ и в [Вежбицка, 1978].

Работа [Откидыч, 2017б] интересна для нас тем, что в ней делается попытка сопоставительного анализа *кстати* и *между прочим*, которые автор считает синонимами, вводящими «факультативный комментарий». *Кстати* «присоединяет информацию, напрямую не связанную с содержанием высказывания, но выполняющую функцию расширения информационного поля текста (высказывания)» [Откидыч, 2017а: 266], тогда как *между прочим* — «нейтральную, никак не маркированную (интересная/неинтересная) информацию, представляющую собой дополнительный комментарий, расширяющий семантическое поле текста» [Откидыч, 2017б: 277]. Определения различаются признаком маркированности информации с точки зрения ее «интересности», которым обладает только *между прочим*². Но далее, при описании употреблений *между прочим* в монологе, исследовательница разделяет их на две группы: 1) неспецифическое употребление, тождественное *кстати*, и 2) специфическое употребление. В первом из них выделяются, в свою очередь, две группы употреблений. В 1а) *между прочим* присоединяет «немаркированную информацию; в 1б) *между прочим* присоединяет «маркированную информацию», которая «может быть потенциально интересна читателю» [там же: 278].

В рамках специфического употребления предлагается различать: 2а) «акцентированный комментарий» (ср. ниже «актуализирующий комментарий» для *кстати*), когда «присоединяется информация, заостряющая внимание на ближайшем предтексте и делающая его более весомым в смысловом отношении» (возникает вопрос, как одна и та же ЯЕ может «заострять» внимание то на предыдущем, то на последующем контексте; ср. 1б?); 2б) «оценочный комментарий (аргумент/пример в рассуждении)» (ср. далее употребление 1) для *кстати*). При этом отмечается, что скрепа «сообщает высказыванию некоторую эмоциональность» (об «эмоциональном заряде», который несет *между прочим*, говорится и в [Трипольская, 1992]),

² Схожее представление о семантике *между прочим* находим в работе [Трипольская, 1992]. Автор различает у него две функции: функция показателя важности вводимой информации и функция связи между высказываниями, второе из которых может вводить, наоборот, не главную информацию. Семантический механизм, который позволяет *между прочим* выполнять столь разные функции, при этом не определяется.

что подтверждается таким примером, где вряд ли можно говорить о какой-либо эмоциональности:

- (1) *Это сейчас они гонят работу, даже пренебрегая технологическими нормами безопасности, как на Оскольском ЭМК, <...>. А в условиях кризиса сбегут туда, где теплее. Такой вариант уже, между прочим, прошел в Аргентине, примеру которой нас одно время призывали следовать.* (Василий Алтухов. Не в силе бог, а в правде (2003) // Завтра, 2003.05.20.)

При анализе диалога «маркированная» информация превращается в «важную», а «немаркированная» — в «неважную», но тут же отмечается, что *между прочим* придает попутному комментарию «большой “вес” с субъективной точки зрения автора, нежели *кстати*» [там же: 279]. Кроме того (и только в диалоге!), *между прочим* может вводить «назидательный комментарий <...> обобщающего характера» [там же: 280].

Для *кстати* в монологе предлагаются следующие употребления:

- 1) факультативный комментарий аргументирующего характера, который может как уводить рассуждение в сторону (1a), так и направлять рассуждение в нужное русло (1b);

- 2) актуализирующий комментарий, который «акцентирует внимание адресата высказывания на какой-либо информации, кажущейся важной или интересной говорящему» (ср. значение «акцентированного комментария» для *между прочим*);

- 3) псевдорезюмирование: «вводит информацию, ассоциативно связанную со всем предтекстом или конкретным словом/высказыванием из дальнего левого предтекста, тем самым завершая весь текст». Возникает, однако, закономерный вопрос: достаточно ли позиции в конце текста, чтобы считать высказывание резюмирующим, тем более что в приводимом авторе примере по смыслу оно таковым не является. Заметим также, что схожий пример дается и для *между прочим* [там же: 280], но в отдельный «вариант значения» это употребление не выделяется.

Получается, что единственный критерий, позволяющий различить *кстати* и *между прочим* на уровне определения их значения, нивелируется, поскольку свойством вводить как «маркированную», так и «немаркированную» информацию обладает и *кстати*; ср. его употребления 1) и 3), с одной стороны, и 2) — с другой.

Для описания функционирования *кстати* в диалоге выбираются синтаксические или прагматические критерии. Согласно исследовательнице, *кстати* присоединяет вопросительное высказывание (его значение не указывается) или комментарий «в ситуации знакомства/представления имен» (заметим, что такое употребление, по данным НКРЯ, возможно и для *между прочим* — см. (2)); или же присоединяет

комментарий с помощью структуры *кстати, о/насчет/по поводу* + N_6 . Вполне очевидно, что эта синтаксическая конструкция возможна и в монологе; что касается характера этого комментария, то он не уточняется.

- (2) — *Едем, — уговаривал меня таксист. — Через час будешь на месте. Дорого не возьму. Меня, между прочим, Володя зовут.* (Екатерина Костикова. Наша бронелодка стоит на запасном пути (1997) // Столица, 1997.05.27.)

Таким образом, если внимательно вчитаться в описания, получается, что у интересующих нас ЯЕ выделяются под разными этикетками одинаковые значения, а некоторые общие употребления, наоборот, не упоминаются. Но дело не только в этом. Критерии для описания двух ЯЕ не имеют объяснительной силы: они разнородны (семантические, синтаксические, коммуникативные) и субъективны (интерпретация примеров более, чем спорна, а термины «важный»/«неважный», «интересный»/«неинтересный» вряд ли можно считать классифицирующими), а иногда и противоречивы; ср., например, для *между прочим* в диалоге «неважная информация», но «с бóльшим весом».

Чтобы придать описанию объективность, следует, на мой взгляд, исходить из семантики самих ЯЕ, что позволяет, в свою очередь, более точно описать различия в их функционировании, — задача, которую автор ставит в этом исследовании³. Предлагаемый ниже анализ опирается на примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ, www.ruscorpora.ru), а статистические данные получены в Надкорпусной базе данных коннекторов (НБД) для 126 случаев употребления *кстати* и 138 случаев употребления *между прочим*; подробнее о НБД см. [Зацман и др., 2016].

2. Семантика *кстати*. Словари [например: БАС; МАС; Бурцева, 2010] дают для *кстати* три значения, связывая их с той или иной частеречной принадлежностью. *Кстати* — наречие означает «в удачный, подходящий момент, к месту, вовремя» и «пользуясь случаем, заодно с чем-л., вместе с тем» [МАС, s.v.]; ср. (3) и (4):

- (3) *Им теперь не до меня, да и мне надо освежиться, потому, брат, ты кстати пришел: еще две минуты, и я бы там подрался, ей-богу!* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 1866.)
- (4) *Соня. И прекрасно. Это такая редкость, что вы у нас ночуете. Вы, небось, не обедали? Астров. Нет-с, не обедал. Соня. Так вот кстати и пообедаете.* (А.П. Чехов. Дядя Ваня, 1897.)

³ Семантика *кстати* и *между прочим* подробно описана в работах [Инькова, 2018; Инькова, Манзотти, 2017] и [Инькова, Манзотти, 2018]. В связи с этим в § 2–3 мы лишь кратко воспроизведем их основные итоги, имеющие значение для сопоставительного анализа этих ЯЕ.

В употреблении типа (4) уже можно видеть у *кстати* зачатки употребления в функции коннектора. *Кстати* представляет ситуацию, описанную в первом фрагменте текста *p*, как обстоятельство, благоприятствующее реализации ситуации, описанной во фрагменте текста *q*, маркированном *кстати*. Об отличии от чисто наречного употребления говорит тот факт, что *кстати* здесь не поддается градации (ср. для *кстати* — наречия: *Вы очень кстати пришли!*), его антонимом не может быть *некстати*, оно выдвигается в начальную позицию, характерную для коннекторов, и для его интерпретации необходим предыдущий контекст.

То же отношение «благоприятствующего обстоятельства» *кстати* выражает и на уровне высказывания в своем третьем значении: первое высказывание *p* является благоприятствующим обстоятельством для реализации высказывания *q*. Благоприятствующим в том смысле, что, как мы увидим, *p* вызывает у говорящего некоторую ассоциацию, благодаря которой он производит высказывание *q*; ср. также «присоединение по ассоциации» в [Виноградов, 1947: 740].

- (5) *А человек он, в общем, неплохой. Знаете, кстати, разницу между хорошим и плохим человеком?* (В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2, 1960.)

Утверждение *p* = человек он неплохой служит подволом для вопроса *q*, знает ли собеседник разницу между плохим и хорошим человеком. Заметим, что, по данным НБД, на долю вопросительных высказываний приходится 17% всех случаев употребления *кстати* (для *между прочим* — всего 1,4%).

Граница между двумя употреблениями *кстати* «благоприятствующего обстоятельства» — пропозициональным (4) и иллокутивным (5) — иногда стирается. Показателен в этом отношении (6), где *кстати* отделено запятой, что характерно для его употребления на уровне высказывания, но по смыслу соответствует, скорее, его пропозициональному употреблению («пользуясь случаем, заодно»); ср. характерное присутствие в таких высказываниях частицы *и* аналогии:

- (6) <...> *начнете вместе проверку по всем оперативным учетам <...>. Выберите всех женщин по имени Анна, хотя бы мало-мальских подходящих под наш размер. Кстати, загляни и в картотеку кличек...* (А. и Г. Вайнеры. Эра милосердия, 1975).

Распределение употреблений *кстати* по трем значениям такое: «в подходящий момент, к месту» — 23,8%; «пользуясь случаем, заодно» — 12%; иллокутивное аддитивное — 64,2%.

Что касается смысловой связи между соединяемыми *кстати* фрагментами текста *p* и *q*, то здесь у исследователей и лексикографов нет единодушия. [БАС; МАС] считают, что *кстати* в этом значении «употребляется для обозначения того, что та или иная фраза говорит-

ся по связи с чем-либо только что сказанным, в дополнение к нему», а в [Баранов, Добровольский, 2018: 38] противопоставляются два его употребления: в первом *кстати* употреблено «в существенной смысловой связи со сказанным ранее», а во втором — «для сохранения внешней связности дискурса, в том числе для введения новой темы, то есть по смыслу “не кстати”».

Как было показано в [Инькова, 2018], смысловая связь между *p* и *q*, связанными *кстати*, есть всегда, но меняется степень ее очевидности. Фрагменты текста *p* и *q* могут иметь общие компоненты, связанные, как правило, разного рода анафорическими отношениями: от лексического повтора до презумптивной анафоры в (7):

- (7) *Она может кормить его. Она может искренне поверить в его гениальность. И наконец, женщина может оставить его в покое. Кстати, третья не исключает второго и первого.* (С.Д. Довлатов. Чемодан, 1986.)

Но *p* и *q* могут не иметь общих компонентов. Однако и здесь они соотносятся на основе ассоциации идей, а именно на основе отношения сосуществования различных объектов, находящихся в дискурсивной памяти как говорящего, так и слушающего: предмет и его функция, действие и его субъект или признак и его носитель; разного рода мереологические отношения, как в (5) выше, где от частного утверждения о «неплохом человеке» говорящий переходит к общему вопросу о разнице между хорошими и плохими людьми; подробнее см. [Инькова, 2018: 176–180].

Важным представляется тот факт, что *кстати* в обоих случаях — как при наличии общих компонентов, так и при их отсутствии — является показателем отклонения от линейного порядка изложения, вводя относительно сказанного комментарий, пришедший говорящему в голову по ходу сообщения, а также тот факт, что во всех рассмотренных примерах *p* и *q* непосредственно следуют друг за другом. В том случае, когда *p* и *q* разделены текстом, функция *кстати* — наоборот вернуть к предыдущему разговору, к какой-то его детали, оставшейся невыясненной. Так, в (8), который в [Баранов, Добровольский, 2018: 38] приводится на случай, когда *кстати* употреблено «для сохранения внешней связности дискурса», оно как раз возвращает к недосказанному (об этом свидетельствует глагол *помнить*, анафорическое местоимение *это* и перечисление деталей, позволяющих слушающему вспомнить), по поводу которого говорящий сообщает новую подробность.

- (8) *Он торопился; но, уже выходя и уж почти затворив за собою дверь, вдруг отворил ее снова и сказал, глядя куда-то в сторону: — Кстати! Помнишь это убийство, ну, вот Порфирий-то: старуху-то? Ну, так знай, что убийца этот отыскался, сознался сам и доказательство все представил.* [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание]

Реплика, вводимая *кстати*, действительно не имеет ничего общего с предыдущим разговором, но само по себе *кстати* не способно обеспечить связности дискурса: оно может лишь вводить высказывание, активирующее знания слушающего или антиципирующее прояснение ассоциации между *p* и *q*. Но эта ассоциация должна быть более или менее ясна слушающему. Если этого нет, то говорящий может выразить свое недоумение, что и делает Раскольников в (9):

- (9) — *Вы по Марфе Петровне, кажется, очень скучаете? — Я? Может быть. Право, может быть. А кстати, верите вы в привидения? — В какие привидения? — В обыкновенные привидения, в какие! — А вы верите? — Да, пожалуй, и нет, pour vous plaire... То есть не то что нет... — Являются, что ли? Свидригайлов как-то странно посмотрел на него. — Марфа Петровна посещать изволят <...>. (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 1866.)*

Таким образом, *кстати* сигнализирует о том, что вводимый им фрагмент текста связан с предыдущим, непосредственно предшествующим или отделенным текстом, на основе ассоциации идей, возникшей у говорящего во время изложения своих мыслей (и в этом смысле вводимое *кстати* высказывание ‘вызвано’ той информацией, которая была только что сообщена или актуализируется в дискурсивной памяти говорящих) и что о ней сообщается некоторая не выясненная до этого подробность. На этом основании *кстати* можно отнести к показателям аддитивных иллокутивных отношений (в их разновидности добавление по ассоциации).

3. Семантика между прочим. У *между прочим* другая семантика, хотя словари в интересующем нас употреблении в функции коннектора, дают ему толкования, идентичные *кстати*; ср., помимо уже указанных [Морковкин, 1997; Остроумова, Фрамполь 2009]. Этот коннектор, который также может функционировать на пропозициональном уровне и на уровне высказывания, является показателем одного из видов спецификации — отношения дифференцированного выбора [Инькова, Манзотти, 2018], и всегда имеет парадигматизирующее значение: элемент или ситуация, вводимая *между прочим*, принадлежит множеству элементов или ситуаций, из которых говорящий делает выбор.

На пропозициональном уровне (35,5% случаев употребления) *между прочим* связывает два сегмента А и В такие, что:

а) А вводит множество М, а В — его подмножество X_0 (это употребление в современном языке маргинально):

- (10) *При выходе Левин встретил еще много знакомых, с которыми он поговорил и о политике, и о музыке, и об общих знакомых; между прочим, встретил графа Боля, про визит к которому он совсем забыл. (Л.Н. Толстой. Анна Каренина, ч. 5–8, 1873–1877);*

б) А вводит множество в виде списка составляющих его элементов, а В вводит элемент x_0 , завершающий перечисление:

- (11) *И вот они с Цапиным грабнули двенадцать заграничных туристских автобусов. Унесли чемоданы, радиоприёмники, магнитофоны, зонтики, плащи и шляпы. И между прочим, запасное колесо. Через сутки их арестовали.* (С.Д. Довлатов. Наши, 1983.);

в) А описывает положение вещей, которое может осуществляться разными способами; В выбирает один (или несколько) из способов его осуществления, отсылая к имплицитному множеству:

- (12) *Я говорю: — Собирайся. — Что такое? — Психа везем на Иоссер. Какой-то ээк рехнулся в четырнадцатом бараке. Между прочим, тетю Шуру укусил.* (С.Д. Довлатов. Чемодан, 1986);

г) с глаголами речи *между прочим* также может отсылать как к эксплицитному, так и имплицитному (13) множеству М, выбирая один из его элементов:

- (13) *Я читала его письма к Коле в Париж. В них, между прочим, он настойчиво рекомендует Коле не встречаться с Вячеславом Ивановым <...>.* (Л.К. Чуковская. Записки об Анне Ахматовой, 1976.)

На уровне высказывания (63% случаев употребления⁴) *между прочим* возможно в том случае, когда А вводит положение вещей p , В — положение вещей p_0 , входящее в имплицитное множество положений вещей $\{p_i\}$, более или менее связанных с p , которые могли бы быть упомянуты для дополнения сказанного, как в (1); подробнее [Инькова, Манзотти, 2017].

В отличие от *кстати* фрагменты текста, связываемые *между прочим*, должны всегда непосредственно следовать друг за другом, а их наиболее распространенным смысловым соотношением при употреблении на уровне высказывания является такое, где фрагмент текста, вводимый *между прочим*, добавляет одну среди прочих возможных характеристик, релевантных для описания референта именной группы, находящейся в предыдущем контексте.

4. Кстати и между прочим: сходства и различия. Различия в семантике *кстати* и *между прочим* наиболее четко проявляются в их пропозициональном употреблении (14).

- (14) *Гости Маркелова еще спали, когда к нему явился посланец с письмом от его сестры, 2-жи Сипягиной. В этом письме Валентина Михайловна говорила ему о каких-то хозяйственных пустячках, просила его послать ей взятую им книгу — да кстати в постскриптуме сообщала ему «забавную» новость: его бывшая пассия, Марианна, влюбилась в учителя Нежданова.*

⁴ 1,5% приходятся на наречное употребление *между прочим* в сочетании с *как бы*: Рассказал, как бы между прочим, что даже и здоровые мышцы при многомесячном неестественном положении привыкают к нему (Варлам Шаламов. Колымские рассказы, 1954–1962).

<...> да *между прочим* в постскриптуме сообщала ему «забавную» новость: его бывшая пассия, Марианна, влюбилась в учителя Незданова. (И.С. Тургенев. Невья.)

Кстати значит ‘заодно’: рассказывая новости, сестра Маркелова сообщала ему в постскриптуме и о романе его бывшей пассии. Если заменить *кстати* на *между прочим*, то оно будет отсылать к имплицитному множеству возможных новостей и означать ‘среди прочих новостей, сообщаемых в постскриптуме’.

Различие между *кстати* и *между прочим* сохраняется, пусть в менее явном виде, и на уровне высказывания, поскольку их семантика — дополнительное сообщение, ассоциативно связанное со сказанным ранее, для *кстати* и выбор элемента из множества для дополнения сказанного для *между прочим* — определяют различия в их функционировании. Перечислим некоторые из них:

1. Дистанция между *p* и *q*.

Как мы видели, при употреблении *между прочим* фрагменты *p* и *q* должны непосредственно следовать друг за другом; при употреблении *кстати* они могут быть разделены текстом; ср. (8) и (15), где *кстати* возвращает к предмету, упомянутому в разговоре (Шиллер), и где *между прочим*, не обладающее таким свойством, будет неуместным.

- (15) *Вы — Шиллер, вы — идеалист! Всё это, конечно, так и должно быть и надо бы удивляться, если б оно было иначе, но, однако ж, как-то все-таки странно в действительности... Ах, жаль, что времени мало, потому вы сами прелюбопытный субъект! А кстати, вы любите Шиллера? Я ужасно люблю.* (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, 1866.)
...?? *А между прочим, вы любите Шиллера?*

2. ‘Предупомянутасть’ информации, служащей предметом высказывания *q*.

Для того чтобы высказывание с *кстати* стало приемлемым, во вводимом им фрагменте *q* должны быть общие с *p* элементы смысла или ассоциативные связи, или же эти связи должны быть в общем бэкграунде собеседников и могут быть активированы слушающим. Для *между прочим* это условие не является обязательным.

- (16) <№ 0> *Первый вопрос к гостю / как Ваше отчество / а то обращаться неудобно. <№ 2, муж> № 2. Ну Михаил / Михаил / так проще... Я уже объяснял всем кстати / у меня отец между прочим был русский писатель. Это значит / что вы все слушаете музыку / но не читаете.* (М. Задорнов. Беседа на радио с М. Задорновым // Интернет, 2001.)

В (16) *кстати* дает слушающему сигнал искать связь с предыдущим высказыванием (отчество → мой отец), сообщая затем информацию об отце; *между прочим* лишь указывает, что эта информация —

одна из возможных, которую можно сообщить об отце, но именно она релевантна в контексте данного разговора. *Кстати* на его месте возможно только в том случае, когда об отцах-писателях уже шла речь (и значило бы «мой отец *тоже* кстати был русский писатель») и когда высказывание, содержащее *кстати*, — самостоятельное сообщение (здесь *между прочим* является частью изъяснительного придаточного, представляющего с главным единое коммуникативное целое).

В (17) *кстати* также неприемлемо: тот факт, что в Афганистане идет война, известен собеседникам, и о нем не сообщается никакой новой информации, и если между *p* и *q* есть ассоциация по месту действия (*здесь*), она появляется лишь во второй части сопоставления, но не становится в нем предметом самостоятельного сообщения.

- (17) *Одевается в меха и замшу. Пьет стаканами. И никаких забот... В Афганистане, между прочим, льется кровь, а здесь рекой течет шампанское!..* (С.Д. Довлатов. Иностранка, 1985.)
... **В Афганистане, кстати, льется кровь, а здесь рекой течет шампанское!..*

3. Сочетаемость с другими логико-семантическими отношениями.

В отличие от *между прочим*, *кстати*, в силу незапланированности вводимой им информации, плохо совместимо с логико-семантическими отношениями, предполагающими, наоборот, логический ход мыслей. Это касается, в первую очередь, отношений мотивации (18).

- (18) *Не могу, — говорю, — есть объективные причины. — То есть? — У меня нет костюма. Для театра нужна соответствующая одежда. Там, между прочим, бывают иностранцы.* (С.Д. Довлатов. Чемодан, 1986.)
≠... *Там, кстати, бывают иностранцы.*

Между прочим, сохраняя тему необходимости для театра костюма, вводит одну из причин, по которой он нужен: высказывание, содержащее *между прочим*, можно начать с *потому что*. *Кстати* указывает лишь на то, что предыдущее высказывание стало «благоприятным обстоятельством» для вводимого им высказывания, которое, однако, отклоняется от темы, переводя ее на иностранцев (*потому что* будет здесь неуместным).

В отличие от *между прочим*, *кстати* несовместимо и с отношением сопоставления, особенно контрастного [Зализняк, Микаэлян, 2018], в том числе потому, что оно связывает две противоположные ситуации, имеющие одинаковый коммуникативный статус (19).

- (19) — *Дядя Федя, ты со мною не шути! Ведь если разобраться, ты — никто. А я, между прочим, зять самого Татаровича!..* (С.Д. Довлатов. Иностранка, 1986.)

Кстати может вводить только некоторую деталь, идущую в том же направлении аргументации и имеющую статус комментария (20).

- (20) — *Я привезу тебе солнечные очки. — Сейчас февраль. — Неважно. Ты мог прилететь из Абиссинии... Кстату, люди не знают, почему у тебя разбита физиономия.* (С.Д. Довлатов. Чемодан, 1986.)

Напротив, *кстату*, совместимо с так называемым *а* присоединительным или «аддитивным» [там же], поскольку оно также вводит комментарий (21).

- (21) *Понятно, что большого политического будущего у Шанцева нет — он работающий пенсионер, а пенсионеров, кстату, на нижегородских заводах увольняют в первую очередь.* (Коллективный. Мистер Рейтинг, 2015.03.14.)

4. Коммуникативный статус высказывания.

Сообщение, вводимое *кстату*, всегда имеет подчиненный, зависимый характер. В связи с этим оно не может, в отличие от сообщения, вводимого *между прочим*, использоваться для контраргументации. Ср. (22):

- (22) — *А ты как думаешь, суд — он тоже от имени всех этих людей на улице? Или он от себя только работает? — У нас суд, между прочим, народным называется.* (А. и Г. Вайнеры, Эра милосердия, 1975.)
**У нас суд, кстату, народным называется.*

Жеглов, оправдываясь в своей лжи, говорит, что он сделал это ради справедливости и что любой человек на улице с ним согласится. На что собеседник возражает, задавая ему риторический вопрос, согласится ли суд с ложью. Жеглов защищается, приводя контраргумент: суд думает, как народ, потому что он народный. *Кстату* неуместно в этом контексте.

5. Заключительные замечания

Проведенный анализ позволил выявить функциональные особенности *кстату* и *между прочим* как показателей связи между высказываниями, обусловленные различием лежащих в основе их семантики механизмов. *Кстату* указывает на то, что вводимое им высказывание мотивировано только что сказанным или информацией, находящейся в общем фонде знаний собеседников, но оставшейся не до конца выясненной. Слушающий должен быть в состоянии активировать эти связи. В силу незапланированного характера вводимой им информации, нарушающей ход мысли говорящего, *кстату* несовместимо с некоторыми логико-семантическими отношениями, а поскольку оформляемое им сообщение всегда имеет зависимый характер комментария, оно не может использоваться как самостоятельный аргумент.

Между прочим говорит лишь о том, что вводимая им информация — одна из множества возможных, позволяющих дополнить картину. Поэтому оно безразлично к признакам незапланированности изложения и предупомянутости, а также к направлению

аргументации и коммуникативному статусу вводимого им сообщения, но требует непосредственного следования соединяемых им фрагментов текста.

В контекстах, отвечающих условиям употребления обеих ЯЕ, они взаимозаменяемы без существенной модификации смысла высказывания (23).

- (23) *Днем она готовилась к экзаменам, А я предавался тупой бездеятельности, на что, **кстати**, уходила масса времени.* (С.Д. Довлатов. Филиал, 1987.)
≈... *на что, **между прочим**, уходила масса времени.*

Список литературы

- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Кстати и некстати: к речевым практикам Достоевского // Русский язык в научном освещении. 2018. № 35 (1). С. 33–45.*
- БАС — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М., 1948–1965.*
- Бурцева В.В. (сост.) Словарь наречий и служебных слов русского языка. М., 2010.*
- Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. С. 402–421.*
- Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.*
- Зализняк Анна А., Микаэлян И.Л. Союз а // Семантика коннекторов: контрастные исследования / Под ред. О.Ю. Иньковой. М., 2018. С. 24–79.*
- Зацман И.М., О.Ю. Инькова, М.Г. Кружков, Н.А. Попкова. Представление кроссязыковых знаний о коннекторах в надкорпусных базах данных // Информатика и ее применения. № 10 (1), 2016. С. 106–118.*
- Инькова О., Манзотти Е. Tra l'altro, между прочим, entre autres: сходства и различия // Съпоставително езиковознание. 2017. № XLII (4). С. 35–47.*
- Инькова О., Манзотти Е. О семантике спецификации (на материале русского и итальянского языков) // Вопросы языкознания. 2018. № 4. С. 82–113.*
- Инькова О. Кстати: «одно слово другое зовет, одна мысль другую вызывает» // Contributions suisses au XVIe congrès mondial des slavistes à Belgrade, août 2018 / E. Velmezova éd. Berne, 2018. P. 165–186.*
- МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981.*
- Морковкин В.В. (ред.) Словарь структурных слов русского языка. М., 1997.*
- Моро С. КСТАТИ, или ОДНО К ОДНОМУ // Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М., 1998. С. 248–256.*

- Остроумова О.А., Фрамполь О.Д.* Трудности русской пунктуации: Словарь вводных слов, сочетаний и предложений. М., 2009.
- Откидыч Е.В.* Кстати // Служебные слова в лексикографическом аспекте / Под ред. Е.С. Шереметьевой, Е.А. Стародумовой, П.М. Тюрина. Владивосток, 2017(а). С. 263–275.
- Откидыч Е.В.* Между прочим // Служебные слова в лексикографическом аспекте / Под ред. Е.С. Шереметьевой, Е.А. Стародумовой, П.М. Тюрина. Владивосток, 2017(б). С. 276–285.
- Трипольская Т.А.* Модусное значение «важности» высказывания и способности его выражения // Модальность в её связях с другими категориями / Под ред. И.П. Матхановой. Новосибирск, 1992. С. 27–33.

Olga Inkova

KSTATI AND MEZHDU PROTCHIM: SO MUCH ALIKE AND YET DIFFERENT

24 rue du Général-Dufour, CH-1211 Genève 4

The article offers a comparative analysis into the functioning of two connectives in Russian: *kstati* and *mezhdut protchim*, the English equivalents of ‘by the way’. An overview of studies on the question at hand shows that the two terms serve to introduce an optional comment and therefore can be viewed as synonymous. However, it may be argued that this is not the case as researchers fail to discern any semantic difference between them. A semantic analysis in Sections 2 and 3 of examples from the Russian National Corpus and statistical data obtained from the Supracorpora database of connectives shows that the two items differ in terms of logic and semantics. It is assumed that *kstati* functions as a marker of the additive illocutionary relation (subtype ‘associative addition’), and *mezhdut protchim* as a marker of the specification relation (subtype ‘differentiated choice’). Section 4 shows how the semantics of either of the terms determines the differences in their functioning. *Kstati* serves to present information as if it were not planned to be introduced and hence, it breaks the linear progression of thought, which makes it incompatible with some types of logico-semantic relations, especially causal. Moreover, since the utterance it introduces normally has a dependent character, it functions as a comment pusher and cannot appear as a marker of a fully independent statement or argument. The information introduced by *mezhdut protchim* serves as one of many possible ways to complement the picture. This feature not only makes *mezhdut protchim* indifferent to the status of information being introduced (whether it is already part of the speaker’s knowledge, or whether it is presented purposefully or in passing), but also imposes no restrictions with respect to the direction of argumentation or the status of the utterance. Unlike *kstati*, it requires a contiguous sequence of interrelated text fragments. In those contexts that are felicitous for the use of both terms, *kstati* and *mezhdut protchim* are interchangeable with no change to the meaning of the utterance.

Key words: text linguistics; semantics; connectives; Russian; *kstati, mezhdru protchim.*

About the author: *Olga Inkova-Manzotti* — Dr. habil., Associate Professor, Faculty of Arts, University of Geneva, Switzerland (e-mail: olga.inkova@unige.ch).

References

- Baranov A.N., Dobrovol'skij D.O. Kstati i nekstati: k rechevy'm praktikam Dostoevskogo [Kstati i nekstati: o the speech practices of Dostoevsky]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshhenii*, 2018, Vol. 35(1), pp. 33–45. (In Russ.)
- BAS — Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of the modern standard Russian]. T. 1–17. Moscow, *Izdatel'stvo AN SSSR*, 1948–1965. (In Russ.)
- Burtseva V.V. ed. Slovar' narechij i sluzhebnyh slov russkogo jazyka [Dictionary of the adverbs and structural words of Russian language]. Moscow, *Drofa*, 2010. 752 p. (In Russ.)
- Vinogradov V.V. Russkij yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [Russian language. Grammatical study of the word]. Moscow, *Uchpedgiz*, 1947. 784 p. (In Russ.)
- Wierzbicka A. Metatekst v tekste [Metatext in the text], *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New issues in the foreign linguistics], T.M. Nikolaeva ed. Moscow, *Progress*, 1978. Issue 8, pp. 402–421. (In Russ.)
- Zaliznyak Anna A., Mikae'lyan I.L. Soyuz a [Conjunction a], *Semantika konnektorov: kontrastivny'e issledovaniya*, O.Yu. Inkova ed. Moscow, *TORUSPRESS*, 2018, pp. 24–79. (In Russ.)
- Zatsman I.M., Inkova O. Yu., Kruzhkov M.G., Popkova H.A. Predstavlenie krossyazakovykh znaniy o konnektorakh v nadkorporusnykh bazakh danynykh [Representation of cross-lingual knowledge about connectors in supracorpora databases], *Informatika i ee primeneniya* [Informatics and Applications], 2016, Vol. 10/1, pp. 106–118. (In Russ.)
- Inkova O., Manzotti E. Tra l'altro, mezhdru prochim, entre autres: sxodstva i razlichiya [Tra l'altro, mezhdru prochim, entre autres: Similarities and differences]. *S»postavitelno ezikoznanie*. 2017, XLII, 4, pp. 35–47. (In Russ.)
- Inkova O., Manzotti E. O semantike specifikacii (na materiale russkogo i ital'yanskogo yazykov) [On the semantics of specification (a contrastive analysis of Russian and Italian)], *Voprosy' yazy'koznaniya*, 2018, 4, pp. 82–113. (In Russ.)
- Inkova O. Kstati: «odno slovczo drugoe zovet, odna my'sl' druguyu vy'zy'vaet» [Kstati: «One word calls another, one thinks another»], *Contributions suisses au XVIe congrès mondial des slavistes à Belgrade, août 2018*, E. Velmezova éd. Berne, *Peter Lang*, 2018, pp. 165–186. (In Russ.)
- MAS — Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. In 4 t. / A.P. Evgen'eva ed., Moscow, *Russkij yazyk*, 1981. (In Russ.)

- Morkovkin V.V. ed. Slovar' strukturnykh slov russkogo yazyka [Dictionary of structural words of the Russian language], Moscow, *Lazur'*, (1997). (In Russ.)
- Moro S. KSTATI, ili ODNO K ODNOMU [KSTATI, or ONE TO ONE], Diskursivny'e slova russkogo yazy'ka: opy't kontekstno-semanticheskogo opisaniya [Discourse words of Russian: experience of contextual-semantic description], K. Kiseleva, D. Pajar eds. Moscow, *Metatekst*, 1998, pp. 248–256. (In Russ.)
- Ostroumova O.A., Frampol' O.D. Trudnosti russkoj punktuacii. Slovar' vvodny'x slov, sochetanij i predlozhenij [Difficulties of Russian punctuation. Dictionary of parenthetical words, phrases and utterances]. Moscow, *Izdatel'stvo sovremennogo gumanitarnogo universiteta*, 2009. (In Russ.)
- Otkidy'ch E.V. Kstati [Kstati], Sluzhebny'e slova v leksikograficheskom aspekte [Functional words in the lexicographic aspect], E.S. Sheremet'eva, E.A. Starodumova, P.M. Tyurin eds. Vladivostok, *Dal'nevostochny'j federal'ny'j universitet*, 2017(a), pp. 263–275. (In Russ.)
- Otkidy'ch E.V. Mezhdu prochim [Mezhdu prochim], Sluzhebny'e slova v leksikograficheskom aspekte [Functional words in the lexicographic aspect], E.S. Sheremet'eva, E.A. Starodumova, P.M. Tyurin eds. Vladivostok, *Dal'nevostochny'j federal'ny'j universitet*, 2017(b), pp. 276–285. (In Russ.)
- Tripol'skaya T.A. Modusnoe znachenie «vazhnosti» vy'skazyvaniya i sposoby ego vy'razheniya [Modus value of the «importance» of the utterance and ways of its expression], Modal'nost' v eyo svyazyax s drugimi kategoriyami [Modality and its relations to other categories], I.P. Matxanova eds. Novosibirsk, *Novosibirskij gosudarstvenny'j pedagogicheskij institut*, 1992, pp. 27–33. (In Russ.)

Е.А. Нефедова

**«АРХАНГЕЛЬСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СЛОВАРЬ»
КАК ИСТОЧНИК ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
ИНФОРМАЦИИ**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье обсуждается вопрос о целесообразности введения в современные диалектные словари этнолингвистической информации; рассматриваются типы такой информации, представленные в «Архангельском областном словаре»; признается их необходимость в аспекте отражения народных представлений о мире. В словарь включается лексика обычаев, обрядов и верований, лексика фольклора. При семантизации слов обыденной лексики в иллюстративную часть соответствующих словарных статей помещаются тексты, содержащие разнообразную культурную информацию, что позволяет полнее показать жизнь слова, его представленность в разных функциональных стилях. Комментарии к отдельным словарным статьям дополняют информацию, содержащуюся в дефиниции.

Ключевые слова: диалектная лексикография; этнолингвистика; реконструкция традиционной картины мира.

Как известно, диалектология зарождалась в условиях интереса к народной жизни, к этнографии, фольклору и живому языку народа. Это отразилось и в названиях словарей конца XIX столетия, например, таких, как «Словарь архангельского областного наречия в его бытовом и этнографическом применении» А.О. Подвысоцкого и «Словарь олонецкого областного наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г.И. Куликовского.

«Многие словари общенационального масштаба <...> носят эмпирически этнолингвистический характер: в них отражена картина материального быта и духовной культуры народа, в основном крестьянства, в образах и представлениях, закрепленных многовековой традицией» [Плотникова, 2000: 10].

В этнолингвистике, предметом изучения которой является традиционная народная культура, диалект рассматривается не только как исключительно лингвистическая, но одновременно и как этногра-

Нефедова Елена Алексеевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: eanefedova@gmail.com).

фическая и культурологическая территориальная единица [Толстой, 1995]. В этом контексте вновь становится актуальным изучение говоров в их «бытовом и этнографическом» освещении, о чем, в частности, пишет в одной из своих работ М.Э. Рут [Рут, 2002: 250].

Данным диалектных словарей в этнолингвистике отводится важная роль. В связи с этим правомерен вопрос, как и в какой мере современные диалектные словари, будучи словарями лингвистического (не энциклопедического) типа, отражают сведения, соответствующие комплексному представлению о диалекте и могущие служить источником материалов для этнолингвистики. Ведь большинство современных словарей относятся к типу дифференциальных. Возможным критерием включения в дифференциальный словарь материала этнолингвистического характера является наличие в нем диалектного слова. Лексика обрядов и верований, общая с литературным языком, а также вся культурная информация, связанная с обыденной лексикой, может оказаться за рамками такого словаря.

Хотя народный лексикон, основной объект исследования этнолингвистики, собран и описан еще недостаточно полно, в иллюстративном материале любого регионального словаря содержится определенное количество «тонкой», по определению А.Ф. Журавлева, культурной информации, которая позволяет увидеть народную культуру изнутри [Журавлев, 2003: 179–180]. Возможность извлечения такой информации связана с количеством иллюстраций, которое может позволить себе словарь неаспектный, словарь общего типа.

Взгляд с позиций лексикографа переводит проблему в другую плоскость — насколько соответствует включение этнолингвистических сведений теоретической платформе словаря, тем принципам, которые положены в его основу. Ведь для многих словарей эти принципы формировались в контексте структурной парадигмы, задолго до становления русской этнолингвистики как самостоятельной науки.

В статье речь пойдет о двух моментах, рассматриваемых применительно к «Архангельскому областному словарю» (АОС). Это вопрос о целесообразности включения в словарь этнолингвистического материала, и второй — о значении этих данных для отражения в словаре картины мира носителей народной культуры.

АОС был задуман О.Г. Гецовой в 1950-е годы как словарь дифференциального типа, но с широким пониманием принципа дифференциальности [АОС, вып. 1, 1980: 8–17]. Принятая в нем ориентация на любое отличие слова в диалекте от соответствующего слова в литературном языке предопределила активный сбор и включение в словник словаря, кроме диалектной, лексики просторечной, разговорной, устаревшей в литературном языке и не имеющей такой стилистической окрашенности в говорах.

Одним из важных исходных положений, заявленных О.Г. Гецовой для словаря дифференциального типа, является внимание к семантике слов, общих для говора и литературного языка. Как известно, общерусские слова имеют в говорах наиболее развитую семантическую структуру. С одной стороны, в них лучше сохраняются архаические значения, уже утраченные литературным языком. С другой стороны, в условиях устной речи при отсутствии жесткой кодифицированной нормы такие слова раскрывают свои семантические потенции в производных значениях, отсутствующих в литературном языке [Гецова, 1999: 186–188; Нефедова, 2010: 91–102]. Что же касается значений, общих для литературного языка и говоров, то у них, как правило, обнаруживаются отличия в сочетаемости, в том числе и метафорической.

Особое внимание к сочетаемости слова, к его функционированию в контексте, столь актуальное для современной научной парадигмы, прослеживается в целом ряде работ О.Г. Гецовой 1960-х — начала 1970-х годов. В «Проекте Архангельского областного словаря» подчеркивается, что «именно особенности сочетаемости в значительной части случаев резко отличают диалектное слово от соответствующего литературного, одинакового с диалектным и по фонемному составу и, в основном, по значению» [Гецова, 1970: 85]. При этом речь идет не только об устойчивых сочетаниях, но и о полусвободной и свободной сочетаемости слов, обнаруживающейся в процессе их функционирования. Для диалектологии и диалектной лексикографии того времени это была новаторская позиция.

В последних выпусках АОС общерусское слово представлено во всей совокупности его значений, в том числе и значений, не обнаруживающих отличий от литературного языка. Такой подход прямо соотносится с принципом системности словаря.

Кроме пятимиллионной бумажной картотеки, в распоряжении авторов-составителей словаря имеется обширная электронная картотека, регулярно пополняемая материалами ежегодных экспедиций. Электронная картотека с ее возможностями поиска — важный источник материала на общерусские слова, часто не фиксируемые собирателями специально, если в них не отмечено никаких отличий от литературного языка.

В течение тридцати пяти лет, отделяющих нас от первого выпуска АОС, происходило его постепенное эволюционирование от дифференциального типа к полному, что не могло не сказаться на представленности сведений, интересных для этнолингвистики.

В последние выпуски АОС по возможности полно, независимо от ее общности с литературным языком, включается лексика обрядов, обычаев и верований, а также фольклорная лексика. Например:

Заде́ри́ха ‘мифическое существо женского пола, живущее в бане’. *Заде́ри́ха-то ба́ба в ба́йне, зла́я, да́, пуга́ли дете́й-то и фсе́х. Ба́ня бы́ла че́рным ме́стом, обде́ри́ха жы́ла. Хо́дило тако́йе пове́рьье, оди́н попроси́лся в ба́ню ночева́ть. Ра́с попроси́лся, она́ йево́ и бережо́т, обде́ри́ха, да заде́ри́ха, фся́ко зва́ли. Обде́ри́хо-заде́ри́ха, пусьти́ в ба́йенку помы́ца, погрёца, попа́рица (фольк.)*¹ [АОС, вып. 16, 2015: 234].

Жи́хорь ‘по народным поверьям, мифическое существо, злой дух, черт’. *Я се́дня жы́хоря ви́дела. Со́лбма заша́вартила, зашумела́, я́кобы жы́хорь ста́л выходи́ть. Ве́к свой мо́лоли, што жы́хорь в ба́йне, да жы́хорь в ови́не, да жы́хорь в ызбе́, а нико́г нет, ни́кто не ви́дел, ни́где не ви́дала ника́кого жы́хоря. Го́споди Иису́се, кой ле́ший ходит у мене́ — не жы́хорь ли? Жыхоря́ — ма́ленькиѣ дете́й пуга́ли* [АОС, вып. 14, 2012: 238–239].

Слово *ба́енник* отмечено в несколько значений, несущих этнолингвистическую информацию [АОС, вып. 1, 1980: 89–90]. **Ба́енник** (1) ‘мифическое существо, по традиционным народным представлениям, обитающее в бане’. *Вас ба́енник ви́пугат. Ра́ньше говори́ли — ба́енник, по́зно в ба́не не мо́йтесь. Ба́еник в ба́йне жы́вет, а в ови́не, быва́ло, ска́жут — ови́нник. Тепе́ря, ска́жут, ба́еник мо́ецца. Йейо́-то в ба́йне ба́еник смени́л, одну́ оста́вили. В ба́не жы́вет ба́енник, на че́рдаке́ — хозя́ин. Загри́вок сверну́т ба́еники.*

Иллюстрации содержат объяснение, почему в бане поздно мыться нельзя, раскрывают возможные действия ба́енника — он пугает, может свернуть загривок, подменить моющих, вечером моется сам.

Ба́енник (2) ‘свадебный пирог, приносившийся после мытья молодых в бане’. *У нас ба́йонник несла́ жэ́ншьчына, на́шэй мо́лотки. Пекли́ ба́йеньник — большу́ кулеба́ку в ба́йну носи́ли. Э́тот ба́енник привезе́н из друго́й дере́вни.*

Ба́енник (3) ‘поднос, на который кладутся подарки невесте во время свадьбы’. *Што положи́ли на ба́йенник, што подари́ли. Ба́йенник — не́весте да́рят пода́рки йейо́ родня́.*

Ба́енник (4) ‘скатерть, платок, в которые зашивались (закальвались) подарки и угощение невесте и гостям на свадьбе’. *Ба́йенной сто́л — ба́йенник принесе́т, у́зел, ба́йенник распору́т — та́м кулеба́йки, коври́ги. Ба́йенник розде́льывали, де́фки ка́жда по була́фке возме́т. Ба́йенник заве́ртиш госьти́нци.*

При семантизации слов обыденной лексики последовательно проводится принцип включения в иллюстративную часть соответствующих словарных статей текстов, содержащих разнообразную культурную информацию.

¹ В статье используется упрощенная фонетическая транскрипция, принятая для «Архангельского областного словаря» [АОС, вып. 1, 1980: 50–52].

Жо́нка ‘жена’. В пословицах, поговорках. *Гово́ря́т, не бері́ жо́нки од дете́й, а су́ки от щеня́т. Йе́дет жо́нка па́р паха́ть, мужы́к до́ма упра́вля́ть. Не йе́ште пибо́нку да не ході́ по чо́ужы́м жо́нкам. Жо́нку за́прых ф коренну́, те́щу в присы́тягну́* (в оглобли, основные и боковые). *Пе́рва — жо́на, фто́ра — жо́нка, а тре́тья — жо́нчэ́нка*. В примете: *Ты не ле́й* (не проливай водку в еду) — *жо́нка пъя́ница бу́дет*. В загадке: *Крошы́л крошо́нки — не себе́, не жо́нки. — Пи́ла-то ручы́на на ту́, на дру́гу сто́рону* (отгадка) [АОС, вып. 14, 2012: 279].

Зака́ркать ‘начать каркать’. *Воро́ны зака́рка́ли, заре́вели, дак пота́йка* (таяние снега) *бу́дет* (примета) [АОС, вып. 17, 2016: 29].

Доморо́зить ‘сильно охладить’. *Ча́й не пью́т, доморо́зи́ла — ста́ры́й мужы́к* (муж) *бу́дет* (примета) [АОС, вып. 11, 2001: 392].

Же́них ‘мужчина в период сватовства и заключения брака’. *Толстогу́бы́й же́них бу́дет, йе́сли ча́шка непóлная* (примета) [АОС, вып. 13, 2010: 304].

Житы́ё ‘хорошая, благополучная жизнь’. В приметах. *А бы́йба́ца, лома́йце́ца* (посуда) *г жы́тыю́. Йе́сьли присы́нця жы́то — зна́чит, хорошо́, г жы́тыю́, к ця́сью. Жы́то во сне́ види́ш, бу́тто г жы́тыю́. Если г жы́тыю́, ко́т пойде́т* (в новый дом). *Уме́ня тарака́ны не ко́пяца — дак не г жы́тыю́. Та́к оджыма́ю* (белье), *дак от себя́ жы́тыё оттога́диваю* (отталкиваю). *Гром гре́мит, жы́тыё су́лит* [АОС, вып. 14, 2010: 225].

Определение значения слова при необходимости может сопровождаться комментарием, содержащим информацию, дополняющую дефиницию.

Забы́тыш ‘изделие из теста, случайно не поставленное в печь для выпечки, забытое’. *О́й, че́б зде́лала — забы́тыш! От тоску́й, кто́ о ко́м тоску́йет, тово́ и покорми́ть — скуча́ть не бу́деш, фсе́ позабу́деш. Зде́лай хлё́п, кото́рый забыва́йет. На́до, што́бы забы́лось оно́ само́ по себе́*.

Комментарий. *Забы́тыш* участвует в магическом обряде для избавления от тоски: нужно покормить тоскующего человека изделием из теста, которое «случайно» забыли выпечь вместе с остальными изделиями и допекали отдельно [АОС, вып. 15, 2013: 231].

Дерева́нный ого́нь ‘огонь, добываемый трением’. *Как си́льная боле́знь, так фсего́ излома́йет, так лю́ди дерева́нный ого́нь жга́ли, после́ того́ боле́знь поте́ряйце́ца, да по́льза бы́ла. Бы́ла испа́нка, немо́щь, дерева́нный ого́нь до́быва́ли, веретно́ тако́. Бере́ску то́чят, то́чят — так тако́й дерева́нный ого́нь до́быде́ца, дере́во од дере́ва*.

Комментарий. *Дерева́нный ого́нь*, согласно народным поверьям, способствовал уничтожению болезней, им окуривали помещения во время эпидемий [АОС, вып. 11, 2001: 68].

За́лазь ‘освобожденная от коры верхняя часть ствола дерева с сучками’. *За́лазь — на дере́во спо́лзают, и та́м на вершы́ны опто́кают су́цкы́й, опка́рзают, как ру́цкы́ми оста́вят. Это́ за́лазь зде́лана, на па́мять зде́лана*.

Комментарий. *Зáлазь* делается кем-н. из молодых мужчин по просьбе женщины, в первый раз вышедшей на полевые работы (сенокос) после замужества. В честь прихода на общую работу после изготовления *зáлази* молодая женщина организует угощение с выпивкой. [АОС, вып. 17, 2016: 285].

Заблúдшой ‘заблудившийся, пропавший’. *Йéсли гдé ктó-то заблúтший, вот тóлько такúm путём: пéчек нёт, старáйтесь черес цёркву. Достáть — пожáлуста, жывотíну ли чегó.*

Комментарий. По народным поверьям, узнать об исчезнувшем человеке или домашнем животном можно, «позвав» его одновременно через три открытые со стороны топки печные трубы или заказав службу в трех церквях в одно и то же время. Если человек жив, он появится или даст о себе знать, а если мертв, обнаружится тело [АОС, вып. 15, 2013: 114].

Рассмотренные примеры включены в словарные статьи на многозначные слова, каждое из значений сопровождается значительным количеством контекстов, иллюстрирующих жизнь слова в обиходном языке. И к этому по возможности добавляются цитаты из фольклора, высказывания, отражающие мифологичность сознания носителей диалекта.

Если посмотреть на обсуждаемую тему с позиций лексикографии, то вполне правомерным оказывается вопрос: что дает словарю включение в него этнолингвистической информации? Начнем с того, что в фольклорных текстах сохраняются слова, малоупотребительные или уже устаревшие, не отмеченные в общем дискурсе. Например, каждое из приведенных ниже слов представлено в Словаре лишь одним примером фольклорного характера.

Забудúщий ‘приносящий покой, забвение’. *Лежы́ спí-то ты́ спокóйным снóм, забудúщим* (фольк., причитание) [АОС, вып. 15, 2013: 213].

Завídливый ‘вызывающий зависть’. *Ты́ растí, мíлый сýн, дóбрым лóдьям завídливый, крáсным дéушкам замítливой* (фольк.) [АОС, вып. 15, 2013: 352].

Завísлой ‘висящий на чем-н.’. *Ах, я́блоцько рослó завísлойе, а у врагá под Москвóй дéло кíслóйе* (фольк.) [АОС, вып. 15, 2013: 362].

Беднопáшной ‘бедный, несчастный’. *Пойдú, вýйду, беднопáшная, на крылéцько на тесóвойо, уж я сяду, беднопáшная...* (фольк.) [АОС, вып. 1, 1980: 142].

Фольклорный материал может компенсировать недостаток иллюстраций общеупотребительного характера. Например, многозначный глагол **заворотíться** в переносном значении ‘вернуться в прежние времена, во времена своей молодости’ представлен в картотеке лишь одним примером: *Кáбы взáмуш, кáбы взáмуш, на недéлуу*

на одну, кабы наза́д завороті́ца, заплесті́ косу́ одну́ (фольк.) [АОС, вып. 15, 2013: 427].

Включение в словарную статью фольклорных данных — это одна из возможностей полнее показать жизнь слова, его представленность в разных функциональных стилях. Наличие значительного количества иллюстраций позволяет не только продемонстрировать в словаре оттенки употребления слова, но и раскрыть фактологические, культурные сведения о стоящей за словом реальности.

Существует еще один аспект, актуальный как для лексикографии, так и для этнолингвистики. Главная цель этнолингвистических исследований — реконструкция традиционной народной картины мира. Диалектный словарь также призван отразить коллективные представления о мире в виде дефиниций, передающих видение объекта глазами носителей диалекта. Следование этому принципу проявляется во многих словарных статьях АОС; см., например, определение значений глагола *заговорі́ть* [АОС, вып. 16, 2015: 85–90].

Общерусское значение глагола: ‘начать высказывать вслух свои мысли, говорить что-н.’ — *Вэ́ра што́ заговорі́т, даг го́лос ре́ской, то́нкой — Чеверка́ло* (прозвище), *фсе́ чеверка́йет, как пта́шка. Тако́й хі́трой, заговорі́т шоб, так не поду́маш, как што́ учі́л*; с ним связано значение ‘начать говорить что-н. странное, глупое или непонятное’, реализуемое в условиях ограниченной семантической сочетаемости, — *И склеро́з быва́йет иногда́, говорі́т-говорі́т и не то́ заговорі́т. Дак сама́ и де́лала, дак пото́м ди́ко заговорі́ла. Тайі́сья Петро́вна, учі́телем рабо́тала, зуба́нья така́, чево́-то зде́лалось, здра́я заговорі́ла. Ста́рик по́ двору́ ході́л, не с ума́ заговорі́л, не дайо́т отстра́паца, посылáет сва́таца* (фольк.).

Толкование следующего значения глагола *заговорі́ть* ‘о проявлении определенного вида порчи, при которой, по традиционным народным представлениям, болезнь («икота») поселяется в человеке и «говорит», произносит что-н. независимо от его воли’ передает народное, мифологическое представление о кликушестве, называемом в говорах верхней и средней Пинеги *ико́той*. — *Жо́нки поса́дят ико́ту-то, а ико́ты и заговора́ят. Никогда́ ф притво́ри не на́до лешака́цце, а она́ откры́ла двэ́ри-те и шоб-то лешакну́лась, о́т ико́та-та пото́м и заговорі́ла: я́, говри́т, три го́да висе́ла и, говри́т, ты́ лешакну́лась, я́ ф ту по́ру к тебе́ и заско́цила, ма́тери йевонной поса́дила ико́ту. Така́ позево́та была́, и она́ к не́й заско́цила и заговорі́ла: я́ тебе́ сътира́ть не да́м и убирáть не да́м. Она́ сама́ заговорі́т, го́лос заподава́т, и заката́йеца це́ловек-от. С во́здуха это́ фсе́ леті́т, оно́ залеті́т как му́хой, а пото́м та́м заговорі́т, в го́рле-то. Жэ́не йево́ поса́дили ико́ту. Так она́ предвеші́ала фсе́ по войне́ — ико́та заговорі́ла у нейо́ так, и вот йейо́ привлека́ли за это́. Заговорі́т-то она́, заговорі́т, ико́та, на́до прижа́ть па́лец (безымянный), и она́ фсе́ ска́жэ́т.*

Определение еще одного значения глагола *заговорить* ‘воздействовать на кого-н., что-н. магическими словами, обладающими, по традиционным народным представлениям, целебной или колдовской силой’, также отражает взгляд на мир как бы изнутри диалекта. В словарной статье раскрывается денотативная сфера глагольного значения: о воздействии на человека, животное: *Вот ф Солозере был пастух. Он взял и корову заговорил в лесу — йему старуха молока не дала — корова рядом, десять человек ищут, найти не могут. Могут жэниха заговорить, невесту нахаять, размолвка и падэцца*; о воздействии на предметы: *Так он (Иоанн Кронштадский) заговорил нашу зэмку-то, крыс нету, фсе проподоли. Она заговорила ведёрко-то, чё-то там наговорила, нашэптала*; о воздействии на болезнь: *Ура-от (синяк, ушиб) тэжэ могу заговорить. Каг заговорит водичку, помойет — и сходило. Были, што и зубы заговорят. Грыжы мама сама мэжэ заговорить, пупик надо закусить, нат пупиком, зубами пощёлкать. С наговорами они моят, маленький только родицца, дак надо сразу намыть и заговорить. У меня бэнка ворожыла, могла заговорить. Собираёца застолье, она пошэптала — застолье проходило без драки.*

В представленных материалах признаки дефиниции извлекаются из иллюстративного материала и им же подкрепляются.

Отдельная проблема — толкование имен объектов природы (растений, грибов, насекомых, метеорологической лексики), адекватное народному представлению о них. Наиболее простое решение, часто принимаемое словарями — семантизация через русский или/и латинский термин. АОС в некоторых случаях также использует подобный прием. Например, *груздь* (1) — ‘гриб груздь настоящий — *Lactarius resimus* (Fr)’ [АОС, вып. 10, 1999: 95], *волнуха* (3) — ‘гриб волнушка розовая *Lactarius deliciosus*’ [АОС, вып. 4, 1985: 38].

Вполне очевидно, что подобные определения никак не передают видение объекта носителями диалекта. На что может опираться лексикограф при выявлении признаков объекта, действительно соответствующих взгляду изнутри диалекта? Для выполнения подобной задачи многое дает сочетаемость, не только устойчивая, но и свободная. Повторяемость признака, извлекаемого из сочетаемости, — показатель его важности для носителей диалекта, показатель его устойчивости. Это один из критериев включения признака в дефиницию.

Например, в сочетаемости слова *груздь* (в микологии ‘груздь настоящий — *Lactarius resimus* (Fr)’) фиксируются такие признаки, как цвет — *белый, заячий* (признак выражен метафорически), слизистость шляпки — *слизкой, сырой, масляный* (признак также передан через сравнение с маслом), форма — *кудрявый* (шляпка имеет волнистые края), симбиоз с деревом — *берёзовый, мегловый* (арх. *мегла* ‘ли-

ственница'), место произрастания — *логовой, носовой* (*нос* 'излучина реки'), *рёмовый* (*рём* 'глухой лес'), время произрастания — *ильинский* (растет после второго августа — дня церковного праздника пророка Илии). С учетом признаков, определяющих место гриба в народной таксономии, а также особенности его использования (они выявлены на основе семантических оппозиций слов *губа* — *гриб, гриб солёный* — *гриб сухой*), формируется дефиниция слова *груздь*: 'съедобный пластинчатый гриб белого цвета, имеющий слизистую шляпку, произрастает во второй половине лета на низких местах вблизи берез или лиственниц, заготавливается путем замачивания и соления'.

Выявить видение объекта глазами носителя диалекта помогает мотивированность его названий. Признаки номинации, несомненно, аккумулируют свойства объекта, важные именно с точки зрения диалекта. Возможны дефиниции, основанные на совокупности признаков, отраженных во внутренней форме наименований. Так, гриб *груздь желтый* (*Lactarius scrobiculatus* Fs.) представлен в архангельских говорах следующими номинациями: по признаку симбиоза с определенным видом дерева — *подосиновик, осиновик, подосиноватик, осиноватик, подосиноватник, подосинник, подосиновка, осиновка, осинник, осиновый груздь, берёзовый груздь, подберёзовик, берёзовик*; по признаку слизистости шляпки — *масленик, масляный груздь, маслёнок, потник* (он как бы вспотел); по признаку цвета — *жёлтый груздь, горбоховик* ('желтый, как горох'). Словарное толкование значений соответствующих названий гриба *груздя желтого*, включающее признаки номинации этого микологического объекта: 'съедобный пластинчатый гриб цвета желтого, как горох, имеет слизистую, как бы маслянистую, шляпку, растет у осин и берез, заготавливается путем замачивания и соления'. Толкование включает также признаки, определяющие место гриба в народной таксономии, и признаки, отражающие особенности его использования.

Следует признать, что этнолингвистическая информация «рассыпана» по всему пространству словаря. Она не претендует на системность даже в силу его жанровых особенностей, предполагающих алфавитное расположение материала. Однако несомненна ценность этой информации для этнолингвистики, относящей словаря к одному из своих важных источников. Имеется возможность поиска этнолингвистической информации по ключевым словам типа «фольк.», «примета», «обычай», «в обряде» и т.п., поскольку выпуски АОС выставлены на сайте кабинета диалектологии <http://www.philol.msu.ru/~dialectology/dictionary/>.

Таким образом, современная диалектная лексикография и этнолингвистика могут строить свои отношения на двусторонней основе, что с учетом их общей цели — реконструкции диалектной картины мира должно послужить на пользу каждой из сторон.

Список литературы

- Гецова О.Г.* Проект «Архангельского областного словаря». М., 1970.
- Гецова О.Г.* Место общерусской лексики в лексических системах современных говоров (в свете новых диалектных данных) // Русский язык и русистика в современном культурном пространстве. Екатеринбург, 1999.
- Журавлев А.Ф.* Диалектный словарь и культурные реконструкции // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003. Доклады российской делегации. М., 2003.
- Нефедова Е.А.* Общерусское слово в диалектном словаре // Межкафедральный словарный кабинет им. Б.А. Ларина: Сборник статей. СПб, 2010.
- Плотникова А.А.* Словари и народная культура: Очерки славянской лексикографии. М., 2000.
- Рут М.Э.* Этнографические материалы в диалектном словаре: проблемы подачи // Материалы и исследования по русской диалектологии I (VII). М., 2002.
- Толстой Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
- Словари*
- Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой. Вып. 1–9. М., 1980–1996; вып. 10–12. М., 1999–2004 / Под ред. О.Г. Гецовой, Е.А. Нефедовой. Вып. 13–15, М., 2010–2013 / Под ред. Е.А. Нефедовой. Вып. 16–19, 2015–2018.
- Куликовский Г.И.* Словарь олонекского областного наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб, 1898.
- Подвысоцкий А.О.* Словарь архангельского областного наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб, 1885.

Elena Nefedova

THE ARKHANGELSK REGIONAL DICTIONARY AS A SOURCE OF ETHNO-LINGUISTIC INFORMATION

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Drawing upon the information presented in the Arkhangelsk regional dictionary, the article discusses the feasibility of including ethno-linguistic information in modern dialect dictionaries and a possible typology of this kind of information. It is pointed out that modern dialect dictionaries should be in greater demand by researchers and users as they include words to do with customs, rites, beliefs, and folklore, thereby reflecting people's ideas about the world. When words of everyday

language are semanticized, by way of illustration a dictionary entry is supplied with texts having cultural information. Representations of a word across functional styles provide a better understanding of its uses. Definitions of individual entries are complemented with a commentary.

Key words: dialect lexicography; ethno-linguistics; reconstruction of the traditional picture of the world.

About the author: *Elena Nefedova* — Dr. habil., Professor, Department of Russian language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: eanefedova@gmail.com).

References

The Place of the all-Russian lexicon in lexical systems with- temporary dialects (in light of new dialect data) // Russian language and Russian studies in the modern cultural space. Youkaterinburg, 1999.

Gecova O.G. Proekt «Arhangel'skogo oblastnogo slovarja». M., MGU, 1970.

Zhuravlev A.F. Dialektnyj slovar' i kul'turnye rekonstrukcii. Slavjanskoe jazykoznanie. HIII Mezhdunarodnyj s#ezd slavistov. Ljubljana, 2003. Doklady rossijskoj delegacii. M., *Indrik*. 2003.

Nefedova E.A. Obshcherusskoye slovo v dialektnom slovare. Mezhkafedralnyy slovarnyy kabinet im. B.A. Larina. Sbornik statey. *SPGu*.

Plotnikova A.A. Slovarei i narodnaya kultura. *Ocherki slavyanskoy leksikografii*. M., 2000.

Rut M. Je. Jetnograficheskie materialy v dialektnom slovare: problemy podachi. Materialy i issledovanija po russskoj dialektologii I (VII). M., Nauka. 2002.

Tolstoj N.I. Jazyk i narodnaja kul'tura: Ocherki po slavjanskoj mifologii i jetnolingvistike. M., *Indrik*. 1995.

Slovarei

Arhangel'skij oblastnoj slovar' / Pod red. O.G. Gecovoj. Vyp. 1–9. M., MGU, 1980–1996, vyp. 10–12. M., Nauka, 1999–2004 / Pod red. O.G. Gecovoj, E.A. Nefedovoj. Vyp. 13–15, M., Nauka, 2010–2013 / Pod red. E.A. Nefedovoj. Vyp. 16–19, 2015–2018.

Kulikovskij G.I. Slovar' oloneckogo oblastnogo narechija v ego bytovom i jetnograficheskom primenenii. SPb, 1898.

Podvysockij A.O. Slovar' arhangel'skogo oblastnogo narechija v ego bytovom i jetnograficheskom primenenii. SPb, 1885.

Н.В. Николенкова

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В МОСКОВСКОМ ЧУДОВОМ МОНАСТЫРЕ: НОВЫЕ ДАННЫЕ О КРУЖКЕ ЕПИФАНИЯ СЛАВИНЕЦКОГО¹

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье определяются ключевые особенности языковой личности двух членов кружка ученых книжников Чудова монастыря, ранее не привлекавших пристального внимания лингвистов. Один из них — монах Исая, автор перевода тома «Италия» из географического сочинения Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus, над которым в 50-е годы XVII в. работали в том числе Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский. Характер выполненного им перевода позволяет предположить, что Исая был выходцем из Юго-Западной Руси и, вполне возможно, учился в Киеве; а сопоставление его перевода с выполненным Славинецким и Сатановским убедительно говорит в пользу совместной работы, обнаруживает общие лингвистические установки, характерные для ученого регистра церковнославянского языка второй половины XVII в. Второй книжник, переписчик фрагмента рассматриваемого тома, был несомненно москвичом; лингвистические особенности беловика демонстрирует низкий уровень его образованности в сопоставлении с объемом знаний выходцев из Киева: так, есть убедительные доказательства незнания греческого языка, слабых представлений о нормах (в том числе орфографических), предписанной Грамматикой 1648 г. Ошибки, допущенные при копировании черновика, свидетельствуют и о небольшом объеме общекультурных знаний московского писца. В целом новые данные позволяют уточнить характер переводческой деятельности в Чудовом монастыре в 50-е годы XVII в. и добавить сведений о формировании ученого регистра церковнославянского языка на этапе завершения его функционирования как книжного языка Московской Руси.

Ключевые слова: церковнославянский язык XVII в.; переводы; круг книжников Епифания Славинецкого; языковая личность.

Одним из самых значительных событий в истории русского литературного языка середины XVII в. считается приезд летом 1649 г. из Киева в Москву группы образованных книжников — «сведущих в

Николенкова Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: natanik2004@mail.ru).

¹ Выражаю глубокую благодарность за помощь и обсуждение идей этой работы проф. Т.В. Пентковской.

книжном деле людей» [Панченко, 1992: 310]. Для киевских ученых, среди которых в первую очередь называют Епифания Славинецкого и Арсения Сатановского, организована школа в Андреевском монастыре, где они начинают учить молодых московских подъячих греческому и латыни [там же: 311]. С 1651 (или 1652) г. Епифаний Славинецкий поселяется в Чудовом монастыре, где ведет активную переводческую, а также и преподавательскую деятельность. Сложившийся в Чудовом монастыре кружок книжников считают основой распространения «еллино-славянских» стилей русского литературного языка XVII в., основой грекофильской ориентации в книжном языке [Виноградов, 1982: 16].

Нам хорошо известен сейчас состав этого кружка в период 70-х годов XVII в., когда среди активных членов его был известный московский книжник Евфимий Чудовский. Исследования последнего времени выявили как переводчиков, так и писцов скриптории в этот период: к примеру, монахом Моисеем в 1671 г. сделан перевод книги Иова, писцом ее являлся чудовский же монах Феофан [Исаченко, 2009: 47–51; Пентковская, 2016b: 11]. При этом в самый ранний период переводческой деятельности Славинецкого в Чудовом монастыре названные выше лица принимали минимальное участие: Евфимий начиная с 1652 г. был справщиком Печатного двора, готовя к изданию Ирмологий (1654), Скрижаль (1656), Требник (1658) и Пролог (1659–1660), а сообщения о его участиях в переводах мы встречаем лишь с 1674–1676 гг. [Исаченко, 2009: 231, 236]; точные данные о переводческой деятельности чудовского иеродиакона Дамаскина относятся лишь к началу XVIII в. [там же: 244]. К периоду после 70-х годов относятся сведения о скриптории Чудова монастыря, так как атрибуция почерков проводится начиная с рукописей перевода Нового Завета, относящихся к 70-м годам XVII в. [там же: 246].

О самом раннем этапе деятельности кружка Славинецкого в Чудовом монастыре (1651–1660-е годы) мы имеем меньше сведений. В большинстве исследований говорится, что Славинецкий и Сатановский выполнили перевод Лексикона А.С. Калепина, ряд переводов с греческого языка, потом переводили с латыни «Большой атлас» голландского картографа Блау, а также «Анатомию» А. Везалия, текст которой считается утраченным [Панченко 1992: 312]. Подробнее перечисляет переводы киевских ученых в этот период К.В. Харлампович: по мнению исследователя, в 1649–1653 гг. Славинецкий переводит литургию Иоанна Златоуста и канон св. Марии Египетской (с греческого), послание Афанасия Александрийского к Маркеллину (с латыни) и деяния константинопольского собора 1593 г. об учреждении в Москве патриаршества и т.д. [Харлампович, 1914: 138]. Среди сотрудников Славинецкого в 1650–1656 гг. Харлампович упоминает приехавшего из Киева Дамаскина Птицына, однако на несомненно

принадлежащие ему переводные труды не указывает [там же: 124, 141]. Арсений Сатановский летом 1652 г. занимался переводом с латыни² книги *Hortus reginae, sive sermons Meffreth* [там же: 140]. К 1653 г. Харлампович относит его совместный со Славинецким перевод Атласа Блау, в работе над которым принимает участие еще один насельник Чудового монастыря — *Исайя* [там же: 140–141].

Во многих современных работах сведения о деятельности Славинецкого и его товарищей этого времени сопровождаются многочисленными ошибками: неточно описаны рукописи перевода Атласа Блау в труде о деятельности патриарха Никона и в статье В.С. Румянцевой, посвященной пребыванию Славинецкого в Москве [Николенкова 2016: 113–114]. Румянцева перечисляет состав кружка Епифания в Чудовом монастыре, включая в него переводчиков с латинского Исайю Чудовского, старца Исайю из Андреевского монастыря, выпускника Киево-Могилевской коллегии москвича Ивана Озерова³, а также скрипторов, каллиграфов и писцов [Румянцева, 2012: 274]. Старец Исайя, которому вместе с прибывшими в Москву в 1651 г. межигорскими старцами надлежит проживать «за Бѣлымъ городомъ въ ондрѣевскомъ монастырѣ» упомянут и в исследовании [Харлампович, 1914: 131]; ученый предполагает, что андреевский старец Исайя и чудовский переводчик Исайя могут быть одной и той же личностью [там же: 141].

Повторяющаяся информация о переводах раннего периода по-прежнему во многом основывается на работе митрополита Евгения (Болховитинова) 1827 г. и на описании рукописей Синодального собрания, сделанном в 1970-х годов ХХ в. Т.Н. Протасьевой [Протасьева, 1970: 110–112]. В этих описаниях упоминается личность одного сотрудника переводческого кружка — монаха *Исайи*. По описанию Протасьевой понятно, что им переведены с латинского две части Атласа Блау (3 и 4), одна сохранилась лишь в черновом варианте (Син. 41, описание Англии, 1°, 624 л.), другая представлена в черновике и в беловике: черновик Син. 780 (4°, 650 л., помета кинноварью на 1 листе — «превѣд^д Исаин таварища Епифаніѣва»; беловик Син. 204 (1°, 522 л., русский полуустав разных рук, на л. 1–9 — запись скорописью XVII в. «175 (1666) положил книгу Италию святаѣйший Никон патриарх ...»)

Изучение перевода, сделанного Исайей, и беловика, сделанного анонимным писцом (будет рассмотрен фрагмент, написанный одним почерком), позволяет нам расширить представление о пере-

² Большинство исследователей сходятся во мнении, что греческого языка Арсений Сатановский не знает [Харлампович, 1914: 139; Белоброва, Матвеева, 1992: 111].

³ По сообщению Харламповича, москвичи Иван Озеров с Порфирием Зеркальниковым просились на учебу в Киев еще в 1649 и уехали туда в 1650 г. на исходе зимы [Харлампович, 1914: 135].

водческой деятельности в Москве с период 50–60-х годов XVII в. В первую очередь необходимо установить, был ли чудовский *Исайя* москвичом или выходцем из Киева. Нам неизвестны переводы с латинского языка, сделанные в Чудовом монастыре до появления там Славинецкого, зато есть много сведений о переезде в Москву в период с 1651 г. и особенно после 1654 г. большого числа малороссийского монашества [Харлампович, 1914: 131, 250]⁴, часть выходцев приезжала непосредственно из Киево-Могилянской коллегии [Аскоченский, 1856: 144].

Даже если не отождествлять чудовского переводчика Исайю с андреевским старцем Исайей, лингвистические особенности перевода подтверждают наблюдения, сделанные в начале XX в. А.И. Соболевский, характеризуя язык перевода, называет его «ученым церковнославянским, с полонизмами и южнорусизмами» [Соболевский, 1903: 62], не приводя конкретных примеров. Число полонизмов и южнорусизмов (как лексических, так и фонетических) в тексте достаточно велико и позволяет предположить владение Исайей как украинским, так и польским языками⁵ и очевидную его связь с Киевом.

Напримеру, лат. “metallum” и образования от этого корня переданы полонизмом «**кꙋꙋꙋщѣцъ**» (“kruszec” отмечен в [Sondel, 1997: 622]). Лексема «**крушець/кружець**» встречается в письменности XVII в. — в «Сказании о роскошном житии и веселии» (тексте, основанном на украинской и польской литературной традиции), в одной из рукописей «Книги глаголемой гречески алфавит», а также в сочинении 1691 г. «Отразительное письмо о новоизобретенном пути самоубийственных смертей» [СРЯ 8, 1981: 92], следовательно, широкого распространения лексема не имеет даже в период активного влияния польского на русский литературный язык в конце XVII в. В переводе главы «Италия» лексема отмечена часто: **і зѣліама вса́кого рѡда преиспѡлнена єсть, ни́же кꙋꙋщѡвъ коєгѡждѡ рѡда превѡсхождѣніє нієдиной ꙗ́ землі поꙋꙋщаєтъ** (7–7об⁶; herbarum quoque omnis generis fertissima est, nec metallorum cujusvis generis praestantia uttis terries cedit. — 2с); **изѡвѣнѣншаа кꙋꙋщѡвъ землѣ былабы** (7об; foecundior metallorum quoque erat tellus); **па́ки кꙋꙋщцы вса́каго рѡда и ловлѣніа дѡбѣрѡвнѡа** (9; item metalla omnis generis, ac venationes

⁴ В частности, Харлампович упоминает о совместной со Славинецким книжной деятельности Петра Белорусца, знатока польского и латинского языка [Харлампович, 1914: 254].

⁵ Хочется поблагодарить доц. О.А. Остапчук за обсуждение вопросов, связанных с польским и украинским материалом.

⁶ Цитаты в основном даны по беловику Син. 204, в случае расхождения черногого и белогого вариантов это специально указывается; все цитаты даются с максимальным соблюдением орфографии и диакритики. Латинские цитаты даны по изданию, размещенному на сайте. URL: <http://bdh-rd.bne.es/>.

luculentas — 3a); **крьшцомъ златымъ сребреннымъ** (10; metallis auri, argenti — 3/4a) и др.

Другим ярким полонизмом будет прилагательное «**чарный**»: **ѣтъскін блн ливѣанъ чърнаа землѣ копаема** (8; in Thuscia prope Libbianum Terra nigra foditur — 2c); «Czarny» является польским эквивалентом латинского «niger/-gra/-grum» [Sondel 1997: 656]. При перечислении имен различных писателей упомянут **доминѣк(с)ъ чърный** (2 об. черновика; 1 об беловика⁷, Dominicus niger — 1a); речь идет о Доминикусе Мариусе Нигере, авторе географического сочинения середины XVI в. (позже о нем в «Истории Российской» упомянет В.Н. Татищев). Еще несколько употреблений прилагательного «чарный» мы отмечаем в переводе стихотворного фрагмента на л. 5d: **коліко пекѣльное цртво вѣднѣющаго знініа даже допослѣднихъ вѣзднѣ, и чърной ѣзеровъ пѣговины ѿгѣорныхъ землѣ зїаетъ** (16об; quantum Tartareus regni pallentis hiattus ad manes imos atque atr & stagna paludis a supera tellure patet); **она ѿвсюдѣ ѿблаки тѣдѣ чърныхъ мѣцетъ** (там же — illa unique nubes huc atras agit — 5d) «Чарный» здесь выступает аналогом латинского “ater, atra, atrum” [Sondel 1997: 88]. Другим полонизмом в отрывке является прилагательное «**пекельный**» (“piekielny” = «адский», tartareus [Sondel 1997: 933]); отмечено в [СРЯ 14, 1988: 186] в тексте «Праздника кабацкихъ ярыжекъ» второй половины XVII в.

На л. 8–8об отмечаем еще **барзо малое мнѣжество** (admodum parva soria — 2d), **ѣвлѣ барзо дрѣжевное виноградомъ** (mirum in modum amicus vitibus — 2d), а также фонетический полонизм **крьштталъ** (cristallus — 2c).

Полонизмом, отмеченным в словаре русского языка XI–XVII вв., является «рок»⁸ в значении «год»: **Здѣ весна непреходимаа, и блѣгополучное неѣвычными мѣсѣцы лѣто, двѣжды врокъ раждаются скоты** (10–10об; hic ver assiduum, atque alienis mensibus aetas: bis gravidæ pecudes — 3–4b⁹); этот полонизм встречается в III Новгородской летописи и Челобитной королю Сигизмунду [СРЯ, 22, 2004: 210]. А образованное от существительного прилагательное в исторических словарях не фиксируется, но нами в переводе отмечено: **не достѣитъ чюдїтїса, сїце рамѣренномъ всѣми рѣчными частми,**

⁷ Особенностью начальных листов черновой рукописи Син. 780 является большое число исправлений. В передаче данного имени Исайя исправил четвертую букву имени: ѣ правлено на «и». Седьмая буква имени в черновике читается как «к», однако ее элементы автор пишет с пробелом. Писец беловика переписывает ее как «с». В черновике не акцентировано имя, на прозвище ударение черновика и беловика совпадают.

⁸ Не украинское «рік» в ед.ч. [Ганич, Олейник, 1990: 46]

⁹ В латинском издании фоліация идет таким образом: 1, 2, 3–4, 5 и т.д. Нарушения в нумерации страниц свойственны всем томам, вероятнее всего, из-за карт, вставленных в текст.

таможде дѣрѣтатисѧ въздуха блгобрастворенію (5; non mirandum, tam moderatam omnibus anni partibus ibidem reperiri aeris tempestatem — 2a);
 ноπάче всѣхъ прекраснаѧ естъ въздуха размѣренное, іакъже рѣчное
 время приноситъ (9, sed omnium pulcherrima est, aëris moderata, ut
 anni tempus fert — 3a); «annuus, -a, -um» = «гоцзны» [Sondel 1997:
 63]. Отмечено в переводе Исайи и совпадающее для польского и
 украинского языков прилагательное «перший/ pierwszy»: и першимъ
 црѣвъ раздѣлены выша ѿнижшаго моря квысочаншемъ (17, primisque
 Imperatoribus distinctæ fuerunt ab infero mari ad superum — 5d); Пѣршин
 симъ двостышіе напола кикѣбѣскін амѣкаскін, рѣснынъ придрѣваю вина
 (7; prior hoc disticho: *Cæcuba fundanis generosa coguuntur Amyclis* — 2d,
 выделение издателя), а также наречие «троха/ trocheę»: Протгженіѧ
 ихъ естъ ѿвышереченныхъ горы кенесін даже до менша горы стго
 бернарда итроха даlee (17об—18; tractus earum est à supradicto monte
 Cenisio ad minorem usque montem divi Bernhardi & paulo ultra — 6a).

В данных примерах обращает на себя внимание написание
 «двостышіе» (как в черновике, так и в беловике). Московские писцы
 (например, автор белого экземпляра первого тома, переведенного
 Славинецким) обычно исправляют такие южнорусизмы: «высоты»
 на «высоты», а «попрыщъ» на «поприць» [Николенкова, 2010: 92].
 При работе над беловиком «Италии» писец в большинстве случаев
 проводит верное исправление в соответствии с московской нормой:
 тисашъ → тысашъ; італітскіѧ стѣхѧ (черновик, 18об) → італітскѧ
 стѣхѧ (беловик, 12об); древныхъ → древнихъ; простырахъ ста (21об)
 → простирахъ са (14об) и т.д. Однако в ряде случаев (в большинстве
 своем именно в лексемах с корнем «стих») писец сохраняет «ы»
 черновика, возможно будучи не вполне уверенным в верном напи-
 сании¹⁰. Правкой того же типа можно считать регулярную замену и
 на ѣ (и наоборот) в словах общеупотребительных (самым частотным
 примером будет правка свѣдѣтелемъ → свидѣтелемъ), что также
 характерно для московских писцов, работающих над беловиками
 других томов Атласа [там же].

Особенности киевских орфоэпических норм и их восприятия
 у московских книжников отражены в рассматриваемой главе при
 передаче различных культурных реалий. В первую очередь речь идет
 об именах собственных, число которых в труде отца и сына Блау
 очень велико. Сам Славинецкий в переводе первой части чаще всего
 склоняется к грецизированной передаче имен (что отмечено еще
 в [Соболевский, 1903: 62]), тогда как Исайя демонстрирует иную
 стратегию, при этом вынужден менять ее с первых же страниц пере-
 вода, вероятнее всего приспособиваясь к привычным московским

¹⁰ Как раз неверное употребление и вместо ы под влиянием киевской нормы в этот период оказывается распространенной ошибкой в письменности [Успенский, 2002: 436].

нормам. Антропонимы он транслитерирует, при этом принципы соответствуют выработанным для передачи латинских слов в украинском (и польском) языках этого времени, например:

Латинский текст	Син. 780 (черновик Исаяи)
Descriperferunt eam accuratius ex veteribus C. Sempronius, M. Cato, Hilybius lib.2 diligentissime, ut caetera, Strabo; ex recentioribus Blondus, Ioannes Annius Viterbiensis in Commentariis in Berosum caeterosque ei adjunctos auctores, Volaterranus, Sabellicus, Bernardus Saccus, Dominicus niger, & Leander Albertus (1a).	Описаха ю пространнѣе ѿ древны ^x ма ^{тхъ} инѣ семпрон ^{нѣ} ни, марко катвнѣ полв ^{нѣ} ни вкнизѣ вѣторой зѣлѣо прилежателнѣ, такъ же прочата страво ѿ новѣйшихъ блонд ^{нѣ} ий и іваннѣ анн ^{нѣ} ий витервиенчикъ вѣ своеѣмъ толкованіи на верозѣ, и прочнихъ еѣмѣ сопряженныхъ списателей волатерран ^{нѣ} ъ савеллик ^{нѣ} ъ, бернардъ сакк ^{нѣ} ий Домингѣкъ чарный, и Леандеръ алберт ^{нѣ} ъ (черновик Син. 780, 2об)

Привычка Исаяи к передаче латинских имен посредством транслитерации (с использованием для передачи элемента —us вариантов *Ѹсъ/Ѹшъ*) основана на принципах передачи латинизмов в украинском языке. Звук [s] «міг мати три варіанти: дзвінкий [з] у позиції між голосними, глухі [ш] і [с] — в інших позиціях, напр: casus → казус, discursus → дискурсъ/дышкурсъ, animus → анѣмушно, arcus → аркушъ» [Гриценко 2011: 165]. Сформированная, вероятно, во время обучения (в Киеве?), в Москве такая норма противоречила традиции. Именно это заставляет Исаяю вносить исправления в черновик (вероятнее всего, по совету более опытных товарищей). Чуть ниже мы встречаем еще одно исправление: **Дионісін аликарн^{нѣ}енскіи** (3). Московский писец переносит имена в беловик в привычной для него форме: **маннѣ семпронн^{нѣ}, марко катѣ, поливіа... іваннѣ анніи витервиенчикъ^{нѣ} ... волатерра савелликъ, бернардъ саккии... дионісін аликарн^{нѣ}енскіи** (Син. 204, 1об). Однако Исаяя часто забывает, что стратегия московского перевода должна отличаться от привычного ему и допускает отступления, которых не замечает московский писец, копируя написанное в черновом варианте: **плінѣѸшово** (Син. 780, 4об) → **плѣнеоѸшово** (Син. 204, 3); **пліннѣѸшъ** (Син. 780, 5) → **плннѣоѸшъ** (Син. 204, 3);

Нет сомнений, что мы сталкиваемся с устойчивой привычкой автора перевода и слабым представлением переписчика о тех культурных реалиях, с которыми он встречается в тексте. Можно смело утверждать, что узнать подробнее об этих реалиях писец не стремился, допуская ошибки при переписывании черновика (чего не позволяет себе автор белого текста первого тома, тоже москвич). Ярким примером будет передача имени римского поэта V в. Клавдия

¹¹ Отдельная благодарность Т.В. Пентковской, обратившей наше внимание на суффикс «чик», использованный в прозвище **витервиенчикъ**, что также можно считать полонизмом в переводе Исаяи, этим суффиксом оформляются национальности и пр. (Macedończyk — македонец).

Рутилия Нуманциана, о котором в черновике написано: *послѣдѣю ѿ изображеніи италіи и качествѣ ея рѣтилїа клѣвдїа нѣ-мантїана стыхї* (7об; последняя часть имени оказывается на переносе), тогда как писец беловика передает этот фрагмент так: *рѣтилїа клѣвдїанѣ, мантїана* (4об). На л. 24об писец искажает имя поселения: *Кастѣлло деллѣ Алпи* (33об черновика) превращается в *кастѣмо дем алпѣ*. И даже частотное в тексте имя Помпоний Мела в одном месте он передает как *помпѣлін мѣла* (14об).

Таким образом, по характеру перевода Исайи мы с уверенностью можем говорить о юго-западнорусском происхождении переводчика, знании им латинского языка (при этом знания он приобрел не от Славинецкого, учился несколько по-иному) и образовании, полученном, вполне возможно, в Киево-Могилянской коллегии. Рискнем предположить, что он прошел в коллегии все четыре низших класса: первой статьёй училищной инструкции было изучение латинского, славянского и греческого языков, при поступлении в 4 — класс Синтаксимы — они практиковались в переводах с латинского и греческого на славянский и обратно [Аскоченский, 1856: 133–134]. А вот следующего класса (класс поэзии, Пиитики) Исайя, как нам кажется, не закончил, а может быть, и не начинал это обучение, так как, встречая в латинском тексте поэтические фрагменты, не пытается их даже выделять графически, не говоря о попытке зарифмовать. Переводя первый том, Епифаний Славинецкий не рифмовал строки, однако выделял их в рукописи, оформляя как стихи, тогда как Исайя все переводы делает одинаково.

Писец беловика (судя по почерку, москвич) не имеет такого уровня образования, копирует текст с ошибками, чаще, чем писец беловика первого и большей части второго тома не видит южнорусских написаний и не исправляет их. Московское происхождение не исключают некоторые описки беловика, могущие свидетельствовать о произношении; встречается аканье: *въ акѣанѣ* (20, черновик *ѿкѣанѣ*, 28), *во ѡписанїи* (22, черновик *въ ѿписании*, 30об), *хронографомѣ* (22, *хронографомѣ* 30об); оглушение согласных: *нерѣтко* (16), *нискоѣ* (25об), *пѣтнѣмъ тѣщица* (часто, реже — *дѣщица*); ассимиляция: *дожжїи* (20), *расмотренїю* (25, при частотном, например, *разсѣланїи*).

Различный уровень образования Исайи и писца беловика подчеркивается еще и тем, что Исайя, по всей видимости, владеет греческим языком. На лл. 7–9 латинского текста помещен обширный рассказ о роли греческого языка и его влияния на язык разных территорий Италии¹². В издании приводятся греческие слова, которые Исайя активно

¹² Наши исследования показывают, что Блау активно использовали различные источники. Так, в первом томе приведен целиком текст «Диатрибы о языках европейцев» Иосифа Юста Скалигера, опубликованный в 1610 г. (первое издание Атласа Блау относится к 1631 г.). Очевидно, что текст о греческом языке также восходит к какому-то источнику, однако мы его пока не установили.

воспроизводит в черновике (часть транслитерируя, часть греческими буквами, при этом допускает ошибки в некоторых написаниях) и дают славянский эквивалент: сѣ извѣстное ѣсть бѣчисленными ѣще призовиловати в немъ словесемъ начала греческаго, и хже сословіе¹³ кто восхощетъ, да приступитъ къ марка мерулан космографин въ описани италии, въ главѣ всмънадесятой. Таковага сѣтъ, овѣмъ, ὄων, ганце, лана, (λῆνος), вѣлна, пѣрпѣра, порфира, пѣрпѣра, лѣпѣсъ, λυκθ, волкъ, корнѣ, керасъ, рогъ, нѣммусъ, νοῦμνος, сѣлтъница, вѣмъ, αἰων, вѣкъ... (черновик 42об-43; hoc certum est, infinitas adhuc supresse in ea voces originis Græcæ, quarum syllabum qui volet, adeat P. Merulæ Cosmographiam in descriptionen Italiæ, cap. 18. tales sunt, ovum, ὄων; lana, λῆνος¹⁴; purpur, πορφύρα; lupus, λύκος; cornu, κέρα; nummus, νοῦμνος; ævum, αἰών — 9с). Писец беловика один раз пробует переписать слово греческими буквами, однако навык этот у него очевидно отсутствует, поэтому дальше он переписывает переведенный текст кириллицей с многочисленными ошибками. Так, греческое ὄων превратилось в **воуѣ**, волна — в **воина** (значения греческого слова автор беловика не знает), λυκθ (ошибочно переписанное Исайей) транслитерировано как **лѣкъ**. Устав бороться с незнакомыми написаниями, писец решает дальше оставлять пробелы для греческих слов (л. 32об), переписывая только славянские. Ниже, встретив в черновике такой фрагмент: и дѣже во вѣщии диалѣктѣ имѣаше х, ф, θ, вѣрацѣти онѣ вѣыкоша на к, п, т **такъ** хѣтра, кѣтра, ὄλλα, **горнецъ**¹⁵. χιτών, κιτών, **вестис**, **риза**, χρῆμα, κρῆμα, **пѣкѣниа**, **пѣниази**¹⁶ (черновик 43об-44; ubi enim communis dialectus habebat х, ф, θ, vertere ipsi consueverant in к, п, т, ut хѣтра, кѣтра, olla; χιτών, κιτών, vestis; χρῆμα, κρῆμα, rescunia — 9с), — писец беловика оставил несколько свободных строк, не пытаясь разобраться в сложном для себя фрагменте.

Исследуя принципы перевода Исайи, мы можем с достаточным основанием сказать, что работа над переводом главы «Италия» велась, с одной стороны, на основании близких к установкам Епифания Славинецкого принципам, но, с другой — отражала и самостоятельность подхода Исайи. Например, можно отметить довольно широкое употребление слов архаичных для эпохи XVII в., характерное для переводов Славинецкого раннего периода [Николенкова 2017а: 310–312]. Исайя в своем переводе использует лексику (**нѣ**) **пѣщевати** и производные от нее, а также образования от глагола **говѣзгити**: **сѣ** **ниже**

¹³ В переводе была иная версия слова, к сожалению, разобрать зачеркнутое невозможно.

¹⁴ Слово напечатано с ошибками.

¹⁵ Латинское “olla” имеет значение ‘горшок’; вариант «горнецъ» встречается в текстах начиная с Синайского Патерика [СРЯ 4, 1977: 87]; в XVII в. есть употребление в значении «горшечник».

¹⁶ Частотное для переводов Славинецкого и членов его кружка слово, об особенностях его употребления см. [Николенкова, 2017а: 310; Пентковская, 2016а: 203].

промышлѣніи, ниже писмены, ниже хитрецевъ славою, ниже силнымъ говзованіемъ, ниже оученіемъ жизни, ниже какимъ добродѣтели образомъ, ни единомъ ѿ языкъ попѣсти когда (1; ea non ingeniis, non litteris, non eruditorum fama, non agri fertilitate, non disciplina vitæ, non ullo virtutis genere ulli gentium concessit unquam — 1a); Но нѣкомѣже чюдно непщевати должно ёсть (3об; sed mirum nemini videri debet — 1c); Зависти оустраши ёстество, имало непщева, понѣ стѣсненными алпесъ облагаются перси (5; invidiam timuit Natura, parumque putavit arctoï Alpes opposuisse minis — 2a); также старовѣчны имать непщеваніа (8; ut antiquorum habet opinio — 2d); Варры овещехъ есны вкнизѣ первой вглавѣ второй, ни единыже ёта говзователнѣишю быти пише (5об; Varro de re rustica lib. I, cap. 2, nullam ea cultiorem esse scribit — 2a) и др. Реже можно встретить прилагательное «изящный» в значении ‘отличный, выдающийся’: и тако ѿклавдиевъ, ихже ѿсавино рѣдшихъ пріахомъ, иже вше израдныа и изащныа силы, нерѣнъ наречеса (34; itaque ex Claudii, quos à Sabinis otiundos accepimus, qui erat egregia & præstanti fortitudine, Nero appellatus est — 9d). Латинское «egregius, a, um», имеющее значение ‘отличный, превосходный’, в Лексиконе латинском, переведенном Славинецким и Сатановским в начале своей московской деятельности, имеет толкование «израдный, избранный, нарочить», а наречие “egregiè” — «израднѣ, изящнѣ» [Німчук, 1973: 175]. Таким образом, Исайя знаком с лексиконом и предложениями своих товарищей по передаче на славянский часто употребляемых латинских слов.

В ряде случаев Исайя не повторяет предложений Славинецкого, но поиски слова для передачи латинского употребления идут в русле исканий самого ученого киевского книжника. Так, сам Епифаний пытается точно распределить значения слов «писатель/ писарь» и подобных [Николенкова, 2017b: 37]. Исайя также экспериментирует со словами, обозначающими сочинителей различных текстов, однако указанных выше слов никогда не использует. Самый частотный вариант — «списатель»: и прѣчихъ емѣ спраженныхъ списателей (2об, cæterosque ei adjunctos auctores — 1a); широко употребляемый в значении ‘писатель, историк, летописец’ в памятниках письменности с древнейших времен [СРЯ 27, 2006: 36]. Другое частотное употребление — «творец» (в лексиконе латинско-славянском Славинецкого этот вариант предложен как перевод как раз лексемы “auctor” [Німчук, 1973: 97]), которым Исайя переводит латинское “poëta”: но и творцевъ началника имже италин своей послѣдше (10; sed & poëtarum principis, quo Italiam suam prosequitur — 3/4b); наоучаетъ ома ключеріи ивысотѣ егѣ тако творцы пише (24; docet Ph. Cluverius. De altitudine ejus sic poëtæ canunt — 7b); значение ‘создатель поэтических произведений’ у лексемы «творец» отмечено в славянской письменности с древнейших времен [СРЯ 29, 2011: 250].

Лексему “auctor” Исайя часто переводит композитом «хронограф»: **ѡкъже хронографъ вѣро покрѣплеть** (4; ut auctor adfirmat Varro — 1d), **начало его наразличны^х положіша мѣстахъ различныхъ хронографове** (24; initium ejus variis posuerunt in locis auctores varii — 7b), что свидетельствует о его знании греческого языка. Но есть у переводчика и стремление дать славянскую версию композита: **Алпемъ оубо єдинственнымъ числомъ оупотреблахъ латинскіиже ієллинскіи книгописатели** (14об; Alpem quoque singulari numero usurparunt Latini simul Græcique auctores — 5b).

Надо отметить, что яркой особенностью перевода Исайи в сравнении с текстом самого Епифания Славинецкого будет резкое уменьшение числа вводимых в сочинение грецизмов, в том числе новых для церковнославянского языка, что будет яркой особенностью лексической структуры части, переводимой Епифанием [Николенкова, 2017а: 310]. Из грецизмов, которые вводит в книжный язык Московской Руси именно Славинецкий, отметим в томе Исайи лишь употребление лексемы «диалект»: **токо діалектами разделѣнни** (13об); **Понѣже оубо различныхъ быша греческаго языка діалекты** (33). Можно предположить, что для Исайи греческий язык все же не основной, тогда как латинским он считает для себя главным, что вполне соответствует духу Киевской коллегии в 30–40-х годов [Аскоценский, 1856: 142–144]. Отказ от греческой ориентации, например, проявляется в неиспользовании лексемы «география» и производных от нее, хотя Славинецкий, предложив несколько вариантов перевода, останавливается в результате на грецизме. Исайя предлагает в основном модели, составленные из славянских корней, например: **Воистиннѣ полѣби повѣсти иземлеписаніа иксѣсѣиши, иже алпестъ іавственнѣ самъ, ѡкъ втрѣтей книзѣ свѣдѣтельствуетъ** (15–15об, verum Polybius, Historiæ & Geographiæ peritissimus, & qui Alpes coram ipse, ut lib. 3 testatur — 5c).

Собственно неориентированность Исайи на греческий язык и могла, как нам кажется, оказаться причиной того, что, приняв участие в переводе с латинского, он оказался в стороне от дальнейшей деятельности кружка Епифания Славинецкого.

Не отмечен среди писцов более и автор рассмотренной части беловика. Вероятнее всего, причиной могло послужить его плохое знание грамматики, в частности отсутствие ориентации на предлагаемые в ней орфографические нормы. Даже по приведенным в статье фрагментам белового текста видно, что писец часто нарушает правила. Он довольно тщательно исправляет юго-западнорусские написания: практически всегда меняет **ѡ** после согласных в середине слов на **ѡ**, регулярно меняет **и** перед гласной черновика на **і** и **ү** черновика на диграф в начале слов и **ѡ** после согласных. Однако правилом распределения букв **ѡ** и **ѡ** он, очевидно, уже владеет слабо. Скажем, вариативность

использования им **о** и **ѡ** в формах наречий практически равна (в одном и том же предложении может быть отмечено **многѡ** и **широко** (л. 33); в окончаниях родительного падежа прилагательных мужского рода мы в основном встречаем окончание **-аго** (**греческаго, латинскаго, третїаго, смѣшеннаго**); даже верные употребления **ѡ** в приставках чернового варианта он исправляет на неверное с грамматической точки зрения **о** (и даже на **а**, что показано выше): **обвожденїа, описѹетъ, обыкоша** и т.д. Примеров же последовательного распределения им **о** и **ѡ** в формах единственного и множественного чисел нами не зафиксировано. Как было отмечено ранее, правка ошибочных юго-западнорусских написаний также осуществлена весьма непоследовательно, что, возможно, и стало причиной смены писца.

Перевод Атласа Блау, вне всякого сомнения, является ценным лингвистическим источником и дает нам новые сведения как о деятельности книжного круга Епифания Славинецкого, так и в целом о языковой ситуации в Москве периода 50–60-х годов XVII в.

Список литературы

- Аскоченский В.И.* Киев с древнейшим его училищем Академїею. Ч. 1. К., 1856.
- Белоброва О.А., Матвеева Е.Н.* Арсений Сатановский (Корецкий) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1 (А–З). СПб, 1992. С. 110–112.
- Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М., 1982.
- Ганич Д.И., Олейник И.С.* Русско-украинский и украинско-русский словарь. К., 1990.
- Гриценко С.П.* Лексичні латинїзми в українськомовних текстах кінца XVI–XVII столїття. К., 2011.
- Исаченко Т.А.* Переводная московская книжность. Митрополичий и патриарший скрипторий XV–XVII вв. М., 2009.
- [*Німчук В.В.*] «Лексїконъ латинскїй» Є. Славинецького. «Лексїкон словено-латинскїй» Є. Славинецького та А. Корецького. Сатановського / підгот. до вид. *В. В. Німчук*, Київ: 1973.
- Николенкова Н.В.* Лексическая структура перевода Атласа Блау как образец ученого церковнославянского языка XVII в. // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 4 (65). С. 308–314.
- Николенкова Н.В.* Место перевода «Атласа Блау» в формировании лингвокультурологической ситуации кануна петровских реформ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2017. № 6. С. 32–43.
- Николенкова Н.В.* Русская географическая терминология во «Вводении в Космографию»: Лингвистический аспект // Историческая география. Т. 3. М., 2016. С. 108–145.
- Николенкова Н.В.* Церковнославянский перевод Атласа Влаеу: нерешенные вопросы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2010. № 6. С. 86–98.

- Панченко А.М.* Епифаний Славинецкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1 (А–З). СПб, 1992. С. 309–313.
- Пентковская Т.В.* Новый Завет в переводе книжного круга Епифания Славинецкого и польская переводческая традиция XVI в.: перевод аргументов к Апостолу // Русский язык в научном освещении. 2016. № 1. С. 84–229.
- Пентковская Т.В.* Перевод аргументов к книге Иова 1671 г. на фоне московских библейских переводов с польского языка // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2016. № 2. С. 10–39.
- Протасьева Т.Н.* Описаниях рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева). М., 1970.
- Румянцева В.С.* Епифаний Славинецкий в Москве // Православие Украины и Московской Руси в XV–XVII веках: общее и различное. М., 2012. С. 270–281.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1. М., 1975 — наст. вр.
- Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. СПб, 1903.
- Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд. М., 2002.
- Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. I. Казань, 1914.
- Sondel J.* Słownik łacińsko-polski dla prawników i historyków. Kraków, 1997. *Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum.* Editae a Guiljele et Ioanne *Blaeu*. Amsterdami. Anno 1645 *Biblioteca Digital Hispánica.* URL: <http://bdh-rd.bne.es/>

Natalia Nikolenkova

**TRANSLATION ACTIVITIES AT THE MOSCOW
CHUDOV MONASTERY: NEW DATA
ON THE CIRCLE OF EPIPHANY SLAVINETSKY**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Researchers have paid little heed, if at all, to the idiolects of two scribes from the Chudov monastery, the monk Isaiah who translated the volume *Italy* from the atlas *Theatrum Orbis Terrarum, Sive, Atlas Novus*, and an unknown monk who copied a fragment of the volume. A comparison of Isaiah's translation with the translations made by Epiphanius Slavinetsky and Arseny Satanovsky in the 1650's shows that Isaiah was a native of South-Western Russia and might have studied in Kyiv, the centre of Church Slavonic education, as the style of his translation reveals the features typical of Epiphanius Slavinetsky and Arseny Satanovsky whose work best exemplifies the academic register of Church Slavonic language in the second half of the 17th century. The analysis of the second monk's idiolect shows

that he was most certainly a muscovite as the linguistic features of his manuscript make him inferior to the scholars from Kyiv. The article provides convincing evidence of his ignorance of Greek and poor knowledge of standards (including spelling) prescribed by the 1648 Grammar. The mistakes made in the process of copying the manuscript demonstrate a low level of general cultural knowledge of the Moscow-based scribe. Discussing the nature of translation activities at the Chudov monastery in the 1650's, the article provides insights into the formation of academic register in Church Slavonic.

Key words: Church Slavonic language of the 17th century; translations; circle of the scribes Epiphany Slavinetsky; linguistic personality.

About the author: *Natalia Nikolenkova* — Candidate of Philology, Associate Professor (e-mail: natanik2004@mail.ru).

References

- Askochenskij V.I. *Kiev s drevnejšim ego uchilishchem Akademieyu* [Kiev with its oldest academy]. Kiev, 1856.
- Belobrova O.A., Matveeva E.N. Arsenij Satanovskij (Koreckij) [Arseny Satanovsky (Koretsky)]. *Slovar' knižnikov i knižnosti Drevnej Rusi*. Vyp. 3 (XVII v.) Chast' 1 (A–Z). SPb, 1992, pp. 110–112 (In Russ.)
- Ganich D.I., Olejnik I.S. *Russko-ukrainskij i ukraïno-russkij slovar'* [Russian–Ukrainian and Ukrainian–Russian dictionary]. Kiev, 1990.
- Gricenko S.P. *Leksichni latinizmi v ukrains'komovnih tekstah kinca XVI–XVII stolittya*. [Lexical Latinisms in the Ukrainian texts of the late XVI–XVII centuries]. Kiev, 2011.
- Harlampovich K.V. *Malorossijskoe vliyanie na velikorusskuyu cerkovnuyu zhizn'*. [Little Russian influence on the great Russian church life] T.I. Kazan', 1914.
- Isachenko T.A. *Perevodnaya moskovskaya knižhnost'*. *Mitropolichij i patriarshij skriptorij XV–XVII vv.* [Translated Moscow bookishness. Metropolitan and patriarchal scriptorium XV–XVII centuries]. M., 2009.
- Nikolenkova N.V. *Leksicheskaya struktura perevoda Atlasa Blau kak obrazec učenogo cerkovnoslavyanskogo yazyka XVII v.* [Lexical structure of the Atlas Blau translation as a model of the scholar of the Church Slavonic language of the 17th century]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2017, № 4 (65), pp. 308–314. (In Russ.)
- Nikolenkova N.V. *Mesto perevoda "Atlasa Blau" v formirovanii lingvokul'turologičeskoj situacii kanuna petrovskih reform* [The place of the Atlas Blau translation in the formation of the linguistic and cultural situation on the eve of Peter's reforms]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2017, № 6, pp. 32–43. (In Russ.)
- Nikolenkova N.V. *Russkaya geograficheskaya terminologiya vo "Vvozhdenii v Kosmografiyu": Lingvističeskij aspekt* [Russian Geographical Terminology in "Introduction to Cosmography": The Linguistic Aspect]. *Istoričeskaya geografiya*. T. 3. M., 2016, pp. 108–145. (In Russ.)

- Nikolenkova N.V. Cerkovnoslavjanskij perevod Atlasa Blaeu: nereshennye voprosy [Church Slavonic translation of Atlas Blaeu: unsolved questions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*. 2010, № 6, p. 86–98. (In Russ.)
- [Nimchuk V.V.] “*Leksikon latinskij*” E. Slavinec’kogo. “*Leksikon slovenolatinskij*” E. Slavinec’kogo ta A. Korec’kogo. *Satanovs’kogo* [“Lexicon of Latin” by E. Slavinec’kogo. “Lexicon of Slovenian-Latin” by Y. Slavinec’kogo and A. Korec’kogo. Satanovsky]. Kiev, 1973.
- Panchenko A.M. Epifanij Slavineckij [Epifanij Slavinec’kij]. *Slovar’ knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi*. Vyp. 3 (XVII v.) Chast’ 1 (A–Z). SPb, 1992, pp. 309–313.
- Pentkovskaya T.V. Novyj Zavet v perevode knizhnogo kruga Epifaniya Slavineckogo i pol’skaya perevodcheskaya tradiciya XVI v.: perevod argumentov k Apostolu [New Testament in the translation of the book circle Epiphany Slavinec’kij and the Polish translation tradition of the 16th century: translation of the arguments to the Apostle]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*. 2016, № 1, pp. 84–229. (In Russ.)
- Pentkovskaya T.V. Perevod argumentov k knige Iova 1671 g. na fone moskovskih biblejskih perevodov s pol’skogo yazyka [Translation of arguments to the book of Job in 1671 against the background of Moscow Bible translations from the Polish language]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*. 2016, № 2, pp. 10–39. (In Russ.)
- Protas’eva T.N. *Opisaniyah rukopisej Sinodal’nogo sobraniya (ne voshedshih v opisanie A.V. Gorskogo i K.I. Nevostrueva)* [The descriptions of the manuscripts of the Synodal Assembly (not included in the description of AV Gorsky and KN Nevostruev)]. M., 1970.
- Rumyanceva V.S. Epifanij Slavineckij v Moskve [Epifanij Slavinec’kij in Moscow]. *Pravoslavie Ukrainy i Moskovskoj Rusi v XV–XVII vekah: obshchee i razlichnoe*. M., 2012, pp. 270–281. (In Russ.)
- Slovar’ russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries] T. 1. M. 1975 — nast. vr.
- Sobolevskij A.I. *Perevodnaya literatura Moskovskoj Rusi XIV–XVII vekov* [Translated literature of Moscow Russia of the 14th–17th centuries]. SPb, 1903.
- Uspenskij B.A. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI–XVII vv.)* [History of the Russian literary language (XI–XVII centuries)]. Izd. 3-e. M., 2002.
- Vinogradov V.V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vekov*. [Essays on the history of the Russian literary language of the XVII–XIX centuries] M., 1982.
- Sondel J. *Słownik łacińsko-polski dla prawników i historyków*. Kraków, 1997. *Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum*. Editae a Guiljele et Ioanne Blaeu. Amsterdami. Anno 1645 Biblioteca Digital Hispánica. URL: <http://bdh-rd.bne.es/>

В.М. Толмачёв

**БАЙРОН И НАПОЛЕОН: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ БАЙРОНА И ПОЭМЫ
«ПАЛОМНИЧЕСТВО ЧАЙЛЬДА ГАРОЛЬДА»**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье исследуются психологические и творческие аспекты самоотождествления Байрона с Наполеоном. Разнообразие всего этот опыт отражен в поэме «Паломничество Чайльда Гарольда». Детально проанализированы наиболее значимые высказывания Байрона о Наполеоне (письма, дневники, воспоминания современников), этапах его биографии, автор находит им соответствия как в собственной биографии Байрона, стилизовавшей им в наполеоновском духе, так и в четырех песнях поэмы. «Грэнд-тур», писательский триумф в Лондоне — исходная фаза байроновского наполеонизма (Песни I—II), стихийная трансформация себя молодым поэтом-эксцентриком из ниоткуда в революционного первого консула литературы, законодателя литературной моды. Вынужденный отъезд из Великобритании и путешествие по наполеоновским местам Европы, проекция Наполеона на свою биографию, природу или своих литературных героев — осмысление масштаба своей теперь уже осознанной наполеонической миссии (Песнь III). Итальянский этап творческой биографии Байрона — возвращение поэта к жизни уже в роли императора поэзии, а также его предвидение своей гибели (Греция как эквивалент острова св. Елены). Сакрализация Байроном своей поэтической миссии объясняет значение ключевой сцены Песни IV (обнаружение лирическим героем «храма в храме» в римском Соборе св. апостола Петра; встреча с «богом неведомым»). Поэма в целом предстает как квест и опыт инициации, уравнивающей поэзию и герметическое знание.

Ключевые слова: Байрон; Наполеон; фактология байроновской рецепции Наполеона; самоотождествление поэта с Наполеоном; образы Байрона-Наполеона в «Паломничестве Чайльда Гарольда»; поэма как разновидность романтической автобиографии; принципы деления поэмы на песни; Байрон как Наполеон литературы; сакрализация Байроном своего поэтического призвания.

Тема «Байрон и Наполеон» достаточно очевидна. Во-первых, в романтической культуре первой половины XIX в. Наполеон стал

Толмачёв Василий Михайлович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tolmatchoff@hotmail.com).

важнейшим символом героики, борьбы с деспотическим роком. Во-вторых, Байрон — младший современник Бонапарта, связанных с ним исторических событий, и фигура француза так или иначе не могла не интриговать его, как она интриговала множество байроновских современников¹ — скажем, Л. ван Бетховена, посвятившего ему свою Симфонию № 3 («Героическую») в 1803 г. (затем, правда, посвящение было снято), или участника русского похода Стендаля, который наполеоновское тождество стиля и человека считал для себя образцовым. Как правило, раннее очарование Бонапартом сменялось затем более трезвым отношением к нему (творчество В. Гюго). Байроновский казус сложнее.

Напомним, что Наполеон существует в мире Байрона образно. Речь идет о пяти стихотворениях 1814–1816 годов — «Ода к Наполеону Бонапарту» («Ode to Napoleon Buonaparte», опубл. 16 апреля 1814 г.); «Прощание Наполеона» («Napoleon's Farewell», опубл. 30 июля 1815 г.); «С французского» («From the French», опубл. 15 марта 1816 г.); «Звезда Почетного легиона» («Ode on the Star of "The Legion of Honour"», опубл. 7 апреля 1816 г.) «С французского» («Ode [From the French]», опубл. 15 марта 1816 г.)²; о явной или угадываемой теме Наполеона в поэмах «Корсар», «Лара», «Прометей», «Паломничество Чайльда Гарольда»³, «Дон Жуан», «Бронзовый век». Кроме того, он фигурирует в наследии Байрона как историческое лицо (более 20 раз, по нашим подсчетам, упоминающееся в доступных нам письмах и дневниках поэта), а также, если воспользоваться выражением В. Набокова, в виде «метафизического культа» [Набоков, 1999: 249]. В связи с этим многие исследователи Байрона — от Андре Моруа с его биографией Наполеона (1930)⁴ до скончавшегося в 2015 г. председателя Байроновского общества сэра Питера Кохрена (доклад «Байрон и Наполеон» на международной конференции в Гданьске, сделанный 13 мая 2003 г.) или Мэлкема

¹ См., напр.: *Bainbridge, Simon. Napoleon and English Romanticism. Cambridge, 1995.*

² Стихотворения Байрона приведены в порядке их написания. Впервые под именем автора на титульной обложке вошли в поэтическую книгу «Стихи» («Poems», 1816), открывавшуюся не подписанной вступительной заметкой Дж. Хобхауса.

³ «Паломничество Чайльд-Гарольда» в широко известном русском переводе В. Левика (1972), цитирующемся в настоящем издании. Перевод названия Левиком учитывает традицию восприятия поэзии Байрона русскими писателями XIX в., но вместе с тем предстает несколько архаичным в свете современных принципов транслитерации английских имен и названий; кроме того, Левик опускает труднопереводимый подзаголовок поэмы («A Romaunt»), который, на наш взгляд, следует переводить как «Роман», что отсылает к стилистике названия средневековых поэм («Роман о Розе» и др.). Именно этот смысл, как известно, был обыгран А.С. Пушкиным в его байроническом «романе в стихах».

⁴ Первое русское изд.: *Моруа, Андре. Байрон / Пер. с фр. М. Богословской. М., 1937.*

Келсалла (монография «Политика Байрона»⁵) и Джона Клабба (серия статей 1993–2006 годов, среди них такие превосходные работы, как «Между императором и ссылкой: Байрон и Наполеон. 1814–1816», 1997⁶; «Бетховен, Байрон и Наполеон», 2000) весьма обстоятельно касались ее с фактологической точки зрения⁷.

Опираясь на доступные нам издания писем и дневников Байрона⁸, попробуем внести в понимание темы новые штрихи на материале поэмы «Паломничество Чайльда Гарольда: Роман» (*Childe Harold's Pilgrimage: A Romance*; писалась с 1809 г.; публ. Песен I и II — 1812, Песни III — 1816, Песни IV — 1818; общее книжное изд. — 1819), наполеоновское измерение которой, по нашему мнению, весьма многомерно, касается не только соответствующей тематики, образности, но и принципов работы воображения поэта (стилизация собственной биографии), а также построения композиции. В первую очередь нас будут интересовать творческо-психологические обстоятельства самоотождествления поэта с Наполеоном, которого Байрон лично никогда не встречал, но который вместе с тем стал путеводной звездой его поэзии. Что же касается самого императора, то, скорее всего, он о Байроне не имел никакого представления. До 1816 г. не существовало переводов Байрона на французский. Когда же сосланный на остров св. Елены Наполеон стал впервые в жизни учить английский язык и читать по-английски, Байрон не входил в его круг чтения. Тем не менее любопытно, что в изгнании бывший император ознакомился с книгой ближайшего друга Байрона, также своего горячего почитателя, Джона Кэма Хобхауса (1786–1869) «Письма англичанина, жителя Парижа, в последнее царствование императора Наполеона» (“*The Substance of Some Letters Written by an Englishman Resident at Paris during the Last Reign of Napoleon*”, 1816; фр. пер. 1817), на титульном листе которой имелось посвящение Байрону.

Без преувеличения, поэма о Чайльде Гарольде (ее своеобразным продолжением следует считать многочастного «Дон Жуана», поэму, также в значительной степени автобиографическую и не оконченную автором) — первая последовательно романтическая поэма, своего рода неклассическая вариация «Энеиды» (странствие вечно бездомного поэта-изгнанника по жизни) и прототип позднейших

⁵ Kelsall, Malcolm. *Byron's Politics*. Sussex: Harvester, 1987.

⁶ Clubbe J. *Between Emperor and Exile: Byron and Napoleon*, The Journal of the International Napoleonic Society. V.1. 1997. №1 (April).

⁷ Среди отечественных исследователей это в первую очередь Н.Я. Дьяконова; см., напр.: Дьяконова Н. Байрон в годы изгнания. Л.: Худож. лит., 1974; Дьяконова Н.Я. Лирическая поэзия Байрона. М.: Наука, 1975.

⁸ Марченду [Вугол 1950; 2015]. Самое полное издание писем (3000 единиц) и дневников Байрона принадлежат Лесли Марченду ([Вугол, 1973–1982; 1995]). Все переводы цитат из вышеназванных изданий принадлежат автору статьи. Русские издания: [Байрон, 1963; 1989].

«хождений поэтов перед самими собой» (выражение А. Белого), от «Евгения Онегина» до «Бесплодной земли» и паундовских «Песен». Имеются в виду не столько ее собственно поэтические достоинства или архетипический образ ультра-индивидуалиста, сколько неуловимость жанра. Речь идет как о нестойком сочетании автобиографии, травелога, пикарески, политической сатиры, *orbis pictus* дикой природы и экзотических ландшафтов, исторических экскурсов, вставных «оммажей» или «поэтических надгробий» (леди Байрон; Уингфилд, Ч.С. Мэтьюз, дочь Ада), пространных повествовательных кусков, фрагментов, лирических озарений, иронического дистанцирования автора от героя или, напротив, их сближения и т.д., так и о смешении нарративного времени в поэме (прошлое/настоящее), что сказывается на прихотливом замедлении/убыстрении его ритма, но главное — на стихийном «разрастании» текста, — текста, отражающего знаменитую романтическую универсализацию изменчивости через поэзию, безостановочное, как бы поэтическое, движение мира, а вместе с ним и активизирующее это движение автора. Реально в поэме Байрона, писавшейся по частям шесть лет, при разном жизненном и творческом настрое, не один Чайльд, бегущий то ли от самого себя, к некоей границе, на край света, то ли к самому себе, своего рода источнику мудрости, а несколько Чайльдов. Предупреждение автора читателю в предисловии к поэме о том, что она не о нем самом, не лишено глубинного смысла. Памятуя о словах Абрама Терца (А. Синявского) по поводу «Евгения Онегина» («какая-то всепроницаемость Пушкина, умение испаряться и возникать внезапно... всюду сующего нос, неуловимого и вездесущего, универсального человека Никто... Пушкин нарочито писал роман ни о чем ... Проследите, как последовательно осуществляется подмена одного направления другим, третьим, пятым, десятым, так что к концу строфы забывается, о чем говорилось в ее начале» [Терц, 1993: 6, 64]), мы можем адаптировать их к «Чайльду Гарольду» и утверждать в особом смысле, что это поэма без «героя».

И вместе с тем всегда и во всех своих порой неожиданных блужданиях, отражениях, самоотражениях, взлетах, скачках, «танцах» она — само кажущееся олицетворение путешествия *без цели*, триумфа поэтической стихии, о герое — в данном случае о той структурирующей материал лирической силе «субъективного эпоса»⁹, которая обеспечивает непредсказуемое выстраивание самых разных и относительно случайно накопленных элементов поэтического видения в нечто безусловное, объектное — подобие строящегося, растущего с участием «вечного» поэта-скитальца Храма. Поскольку

⁹ См. об этом у старшего современника Байрона, Гёте, восхитавшегося английским поэтом: «Роман — это субъективная эпопея, в которой автор испрашивает дозволения на свой лад перетолковывать мир. А стало быть, весь вопрос в том, обладает ли он своим собственным ладом» [Гёте, 1975: 580–581].

слова “Childe” и “pilgrimage” подразумевают наличие ожидающего посвящения в рыцаря и святыни, рыцарского паломничества к ней, то у Байрона речь идет фактически о квазирелигиозном обожествлении поэта и поэзии, ибо ни о какой абсолютной ценности выше поэзии в поэме не говорится.

Сделаем предположение, что под стать этой программной романтической неуловимости жанра «Чайльда Гарольда», а также обыгрывания в «бесконечной» поэме символа либо бегства от самого себя (человека), либо приближения к самому себе (поэту), и образ, точнее, различные образы и воплощения Наполеона в поэме.

Имеет смысл выделить наиболее колоритные эпизоды байроновской рецепции Бонапарта. Об истоках интереса юного лорда к Наполеону известно мало. Однако в любом случае нельзя не отметить в самом начале XIX столетия двух в европейском масштабе максимально несопоставимых величин — уже легендарного француза и безвестного шотландского гордеца с больной ногой.

Итак, отец Байрона, шотландец Джон Байрон (известный как «Сумасшедший Джек» за свою склонность к мотовству и разгульной жизни), в сентябре 1790 г. фактически сбежал от жены и долгов во Францию, где умер в августе 1792 г. Тем не менее, его политически просвещенная вдова, вдохновляясь чтением газет, вопреки всем эскападам покойного и его беспутному поведению на континенте постаралась внушить сыну сочувственное отношение как к отцу, так и к французской революции. Трудно сказать, в чем именно она преуспела, но когда Байрон с согласия своего опекуна лорда Карлайла учился в Хэрроу (1801–1805), частной школе неподалеку от Лондона, ему принадлежал бюст Наполеона, которым он в 1803 г. всячески бравировал, упрямо ставил на видном месте. Учитывая обстоятельства фактической англо-французской войны и протесты школьников-патриотов, жест, напоминающий об эскападе теккереевской Бекки Шарп (та, покидая школу в 1814 г., выкрикивает к ужасу подруги: «Да здравствует император!»¹⁰), был, по меньшей мере, отважным, если не рискованным. Подобная демонстративная влюбленность в Наполеона объяснима не только высокомерием, провокативным поведением, отличавшим юного лорда, не только его выбором героя для подражания (вышедший из народных недр гений революционной эпохи, республиканизма), но и психологически.

Безусловно немало зная о Наполеоне, а этот интерес не слабел у него со временем вплоть до появления «Мемориала Святой Елены» (1822–1823) графа Э.О. де Лас Каза, Байрон, нуждавшийся в идеальном отцовстве, а также в средствах борьбы с комплексом неполноценности (из-за врожденной хромоты) мог проецировать

¹⁰ Роман «Ярмарка тщеславия» (1848), гл. 1.

на себя детство Наполеона (Корсика/Шотландия), его честолюбие, позерство, невысокий рост, склонность к полноте (см. запись поэта в дневнике от 17 ноября 1813 года., III: 212)), итальянский акцент (Байрон не сразу избавился в Хэрроу от шотландского акцента), а также стремительный путь от корсиканской безвестности к мировой славе и фатализм (см., например, запись в дневнике от 18 февраля 1814 г., где в связи с Наполеоном как человеком рока Байрон цитирует «Оды Горация: “Omnes eodem cogimur, etc.”¹¹ [Lansdown, 2015: 159]).

Последнее для кальвиниста, с детства уверовавшего на основании врожденной хромоты в свою роковую печать Каина, было важно: поэт всегда помнил о предсказании гадалки, обещавшей ему несчастливый брак и смерть в 37 лет. Тем не менее настойчиво повторяя о своем желании отдаться «велениям неотвратимой судьбы» (разговор с леди Бессингтон от 16 мая 1823 г. [Байрон, 1989: 295]), Байрон вопреки прорицаниям и собственным предчувствиям, снам инстинктивно верил в свою звезду. Стихотворение «Звезда Почетного легиона» написано о комете, бросающей вызов самому солнцу, о «мы», «прекрасных в гордой смерти» (здесь и далее перевод Вяч. Иванова), — в равной степени как о Наполеоне, так и о себе. Наконец, в плане отождествления себя с Бонапартом необычно звучат (уже в 1812 г.!) следующие слова: «Подобно Наполеону, я всегда испытывал большое отвращение к женщинам, и это отношение к ним сформировалось не в спешке, но на основании собственного фатального опыта» [Моруа, 1992: 128].

Первая фаза байроновского наполеонизма связана с «грэнд-туром» (традиционной в начале XIX в. поездкой молодого англичанина по странам Европы, призванной завершить его образование и воспитание), обстоятельства которого положены в основу первых двух песен «Чайльда Гарольда» (опубликовано в марте 1812 г.). Речь идет о двухлетнем путешествии Байрона и Хобхауса, начавшемся с прибытия в Лиссабон 7 июля 1809 г. и продлившемся до июля 1811 г. Наполеон в первых песнях не фигурирует, хотя многое в них обусловлено его незримым присутствием. С одной стороны, маршрут Байрона (Лиссабон, Севилья, Кадис, Гибралтар, Мальта, Сардиния, Патры, Янина, Миссолонги, Дельфы, Парнас, Афины, Смирна, Эфес, Константинополь) старательно огибает все подконтрольные императору и его войскам территории. О громких сражениях лета 1809 г. между французами и португальцами, испанцами, поддерживавшими их англичанами (битвы при Вимейро, Талавере), знатный турист, прежде всего отдающий должное, о чем повествует «Чайльд Гарольд», севильским красавицам или корриде, знает лишь понаслышке. Тем не менее, считая важным упомянуть в поэме о воздей-

¹¹ «Все должны следовать путям судьбы» (лат.).

ствии войны на мирное население, риске путешествия, поддержке герилю, Байрон обрушивается не на армию Наполеона, а на своих соотечественников, которые после подписания в португальской Синтре договора между воюющими сторонами предоставляют войскам генерала Ж.А. Жюно свои суда для их транспортировки во Францию. Затем, минуя опасные места, Байрон продвигается в направлении Константинополя как бы путями Наполеона, его египетского похода. Он попадает на Мальту, затем добирается до Востока, где как своего рода конкистадор, полный, отметим, негодования по поводу англичан и английской политики, в отличие от Наполеона, добивается успехов — встречается с властителем Эпира Али-пашой (в котором, отметим, различает «магометанского Бонапарта»¹²) и его грозными албанцами, принят турецким султаном, переплывает в память о Леандре Геллеспонт, обозревает окрестности с вершин албанских гор и труднодоступного из-за военных действий Акрополя.

По возвращении в Лондон в ореоле «завоевателя» мусульманского Востока, ставшего подобием байроновского Тулона, мизантропически было настроенный поэт-метеор печатает первые две песни «Чайльда Гарольда» (10 марта 1812 г.) и неожиданно для себя просыпается в день выхода этого издания знаменитым. Рост славы на время примиряет его с английским обществом. Эту славу подогревает успех особого рода. Поле моего сражения женщина, мог бы сказать Байрон в особом смысле о своем творчестве, держа в памяти военные победы Бонапарта. Именно *нелюбимые* им женщины стали, по позднему признанию поэта, его главной читательской аудиторией («все, что я сочинил, действительно написано для дам»¹³), а некоторые из них, как леди Каролина Лэм, накануне публикации первых песен поэмы сделали все возможное, чтобы заинтриговать лондонский высший свет произведением рокового поэта-любовника.

Восторженное отношение Байрона к Наполеону чуть было не колебали события 1812–1814 годов, приведшие к отречению и, как казалось, закату императора. Однако даже в момент нараставшей критики Наполеона в газетах или даже углубления собственного разочарования в нем (пик его отражен в записях дневника от 17 ноября 1813 г. — «... этот Анаким анархии Бонапарт! Дать себя разбить трем... туповатым подданным старорежимных династий...» [Quennell, 1950, I: 211], а также от 8 и 9 апреля 1814 г.: «По возвращении я обнаружил моего маленького идола сброшенным с пьедестала. В этом его собственная вина. Воры вошли в Париж. ... Пережить *Лоди*... ради этого!» [Marchand, 1973–1982, IV: 93], Байрон все же заключает с Хобхаусом пари, что союзники не вступят в Париж к концу февраля 1814 г. (и выигрывает его), или упрямо верит в новое воспарение «Орла»

¹² См. письмо матери от 12 ноября 1809 г. [Lansdown, 2015: 59].

¹³ Из разговора с П.Б. Шелли в 1822 г. [Байрон, 1989: 277].

(дневник от 9 апреля 1814 г.). В вышеупомянутой дневниковой записи от 17 ноября 1813 г. подобная упрямая вера в Наполеона как *литературный феномен* звучала, в свете нашей темы, еще более интригующе: «...он был для меня *héro de Roman*» (франц. «героем Романа»).

Нет нужды говорить, что возвращение «корсиканского чудовища» вызвало у Байрона не только восторг («воскрешение Наполеона» [Marchand, 1973—1982, XIII: 34]), но и прилив творческого энтузиазма (ранее, в апреле 1814 г., он даже заявлял о конце поэтической карьеры). И напротив, поражение при Ватерлоо означает для Байрона не только грядущую смерть героя, но связанную с этим утрату всех надежд на республику: «Мы должны жить дальше при старом строе» (письмо Т. Муру от 7 июля 1815 г. [Quennell, 1950, I: 316]). Что остается Байрону?

Пожалуй, невозможное. Превратить поражение, горчайшую из ран (1814 г.: «Безумие. Я сойду с ума!» [Marchand, 1973—1982, III: 257]), в победу и самому стать своего рода Наполеоном, «величайшим из людей» [Marchand, 1973—1982, IX: 29]).

Стратегия этой романтической самоидентификации коснулась, как известно, образности в цикле стихотворений Байрона о Наполеоне. «Ода к Наполеону Бонапарту» (смятенное стихотворение 1814 г., которое можно воспринимать как отречение лирического героя от своего кумира, который вместо того, чтобы пасть на поле битвы и стать эквивалентом Денницы-Кометы или Прометея, остался жив в позорной роли «полу-императора», что препятствует в исторической перспективе явлению «другого Наполеона») сменяется одой «С французского» (первая строка заключительной пятой строфы: “*My chief, my king, my friend, adieu!*”), а также «Звездой Почетного легиона», где «я» и «он» слиты в «мы», и Наполеон остается вопреки Ватерлоо и своему падению грозой тиранов, светящей во тьме «звездой отважных», огнем небесной революции:

And Freedom hallows with her tread
The silent cities of the dead;
For beautiful in death are they
Who proudly fall in her array;
And soon, Oh Goddess! May we be
For evermore with them or thee!

И веяньем Свободы свят
Немых могил недвижный ряд.
Прекрасен в гордой смерти тот,
Кто в войске Вольности падет.
Мы скоро сможем быть всегда,
С тобой и с ними, о, Звезда!

Однако Байрон не только уподоблял своего лирического героя Бонапарту, но явно, выделяя в биографии Наполеона нечто для себя лично значимое (уже в цитированной оде «С французского»

Наполеон победы уступает место Наполеону поражения — типу романтического героя, разделяющему с его кумиром «его падение, его изгнание, его конец», “Sharing by the hero’s side / His fall, his exile, and his grave”¹⁴), распространял это уподобление на свою биографию как нечто творимое. В январе 1815 г. он всерьез заявил мужу Августы Ли, что считает себя «величайшим из когда-либо живших». Джордж пробовал отшутиться: «За исключением Наполеона». На это последовал ответ: “God. I don’t know that I do except even him” [Elwin, 1962: 369]. Момент этого признания приходится на месяц женитьбы Байрона на Эннебел Миллбэнк, которую он очень скоро оценил не только как личный ад, но и как катастрофу всей своей лондонской жизни, ранее отмеченной, судя по его восприятию, печатью наполеонического триумфа. Вину за них несут, помимо Эннебел, принц-регент, палата лордов (где он чужак, оппозиционер), презренные дамы лондонского высшего общества.

Иной важнейший эпизод «вживания» в образ Бонапарта. В августе 1815 г. Байрон был очарован наполеоновской темно-синей каретой, на которой император перемещался по континенту во время «100 дней». Захваченная в качестве трофея при Ватерлоо, она была выставлена в так называемом Египетском зале на площади Пикадилли неподалеку от съемной квартиры Байрона, где буквально осаждалась желающими осмотреть ее зевачами, что отражено в карикатурах А. Крукшенка и Т. Роландсона. Байрон, вечно имевший чудовищные долги, после осмотра экипажа сделал заказ известному каретнику сделать себе точную копию кареты за целых 500 гиней (так им и не заплаченных). Он меняет лишь ее цвет, с темно-синего на темно-зеленый, но сохраняет наполеоновскую монограмму на дверце, «NB». Это, разумеется, и его монограмма, лорда Ноэла Байрона. Именно на этой карете он при стечении тех же зевач, вынужден отправиться после скандального развода с Эннебел Миллбэнк и обвинений в инцесте с кузиной в апреле 1816 г. в изгнание, из которого никогда не возвратится.

Первое, что Байрон посещает в Европе (4 мая 1816 г.), — это уже заросшее травой поле Ватерлоо. Для полноты ощущений ему с трудом находят для осмотра горы Сен-Жан, места ожесточенных атак наполеоновской конницы на британские позиции, лошадь местного инвалида (сообщение майора П.Л. Гордона, друга матери поэта). По-особому отдав должное некоторым из своих соотечественников, которые отправились на поле боя прямо с бала, где бывшая возлюбленная Байрона, леди Фрэнсис Уэбстер, кокетничала с герцогом

¹⁴ Ср. с позднейшей вариацией мотива в последней строке стихотворения «Прометей» (1816), написанного под впечатлением посещения различных наполеоновских мест на Рейне и в Швейцарии («And making Death a Victory», «И Смерть в Победу обращать»).

Веллингтоном, Байрон не празднует в новой (третьей) песне «Чайльда Гарольда» победу коалиционных сил, а Хобхаусу отсылает письмо 16 мая, где о Ватерлоо можно прочитать следующее: «Не исключаю, что я пристрастен, но я презираю эту битву, ее победителей и их победу...» [Lansdown, 2015: 222]. В том же письме Байрон сообщает о горе Сен-Жан следующее: «Я проехался на казачьей лошади, брошенной джентльменом с Дона в Брюсселе...» [Lansdown, 2015: 221]».

После Ватерлоо Байрон специально отправляется в Антверпен, чтобы осмотреть то, что осталось от наполеоновских фортификаций, строившихся в 1811—1813 гг. для запланированного захвата Англии. Затем, не имея возможности въезда во Францию, где ему из-за кареты с «наполеоновской» символикой отказывают ему во въезде, Байрон по Рейну продвигается в направлении Швейцарии именно по наполеоновским местам (Кобленц и др.). Апофеоз этих посещений — письмо в Англию Маргарет Элфинстоун от 11 апреля 1816 г. из Мальмезона *на личном наполеоновском бланке с орлом*, доставшееся ему по случаю из разоренной имперской канцелярии.

Затем поэт проведет на Женевском озере три летних месяца в компании с П.Б. Шелли (специально отметим встречи поэта в Коппе с Ж. де Сталь, которая многое, пусть и пристрастно, могла рассказать о Наполеоне), а затем, окончательно ожив в сентябре 1816 года под звуки некоей героической симфонии природы в Альпах, этого неподвластного земным монархам Наполеона в природе (отражено в Песни третьей «Чайльда Гарольда», где мотивы Наполеона — «сверхчеловека» и «нового бога», свободного полета, разгула ночной стихии инкорпорированы в образ самого Байрона-поэта, берущегося за выражение невыразимого; см., например, строфы 42—45, 72—75, 90—97), переберется в октябре 1816 г. в Италию, создавая маршрут уже своего второго «грэнд-тура». Именно Поэту предстоит осуществить миссию наполеонического масштаба — восстать из пепла, освободить Италию и, возможно, Грецию.

На сей раз он осуществлялся едва ли не под наполеоновскими знаменами. Запряженная четверкой лошадей карета, как в прошлом и наполеоновские войска при втором итальянском походе Бонапарта, одолеет Симплонский перевал по военной дороге, построенной солдатами Наполеона (Байрон внимательно осмотрел это возведенное над безднами знаменитое сооружение), а также остановится для осмотра наполеоновских мест на Лаго-Маджоре (дворец Борромео на острове Изола-Белла), при Маренго, а затем, уже по ту сторону Альп, достигнет (ноябрь 1817 г.) в сопровождении личного врача с итальянской фамилией Дж.У. Полидори (по иронии врач *корсиканца* на острове св. Елены — британский хирург Бэри О'Миер) Милана и Венеции, в которой при желании можно угадать байроновскую

Эльбу, или, далее процитируем знаменитые слова из письма Т. Муру от 17 ноября 1816 г., «самый зеленый остров моего воображения».

Именно в Венеции, ожив как в человеческом, так и творческом смысле, он вступает в *свои сто дней* — пробует шансы вернуться из английского «ада» к новой жизни в роли либо спасителя итальянцев от папства, Бурбонов или австрияков (налицо вариация наполеоновской темы), а (в перспективе) греков от турок, либо, что у него получается лучше, *императора* литературы. Прологом этой инициации и становится в глубинном смысле Песнь четвертая. В ней автор прощается с героем своего квеста как «учеником», носителем начальной рыцарской степени, и приветствует его в финале как «мастера», в католической власти которого сам Океан, владычество через творчество над временем и стихиями.

Обратим внимание, что несколько позже, в поэме «Дон Жуан», естественном для себя продолжении «Чайльда Гарольда», — оба текста-«травелога» с открытыми концовками представляют собой части поэмы длиною в жизнь, — Байрон делает-таки признание от первого лица о своем невольном перевоплощении в «великого Наполеона царства рифм» (XI, 55: 5–8):

Even I—albeit I'm sure I did not know it,
Nor sought of foolscap subjects to be king, —
Was reckoned, a considerable time,
The grand Napoleon of the realms of rhyme.

Хотя корону шутовскую эту
Я ценностью большой не признаю,
Но почему-то нравился миллионам
И слыл по части рифм Наполеоном.

(пер. Т. Гнедич)

Эта несколько неожиданная метаморфоза республиканца, кальвинистского «проклятого», в монарха литературы (“to be king”) обыгрывает опыт Наполеона. Вдохновляясь, возможно, примером Бонапарта, заключившего конкордат с папой Пием VII (1801), ставшего императором (2 декабря 1804 г. в Нотр-Дам-де-Пари), вступившего в «истинно» монархический брак с австрийской принцессой (апрель 1810 г.), Байрон заводит в Венеции новую возлюбленную — католичку, графиню Гамба (в замужестве Гвиччиоли), имя которой Тереза, напоминает имя Марии Луизы.

Разумеется, в Песни четвертой речь идет о Наполеоне и в буквальном смысле. Во-первых, он (пусть и временный¹⁵) освободитель Италии, всколыхнувший как носитель свободы, народного начала итальянское национальное сознание; во-вторых, он соперник пап, а также использует их в своих целях; в-третьих, Наполеон — новый

¹⁵ В 1797 г. Венеция была передана Наполеоном австрийцам.

Юлий Цезарь (см. строфу 91); в-четвертых, это некий новый святой, герой безостановочного полета-движения, максималист, со своим лозунгом «Ничто иль все!» (пер. В. Левика; “And would be all or nothing...”, 91:2)¹⁶, не вполне сознающий, какую именно миссию — «куклы» или, напротив, героя всемирной истории — в преддверии последних времен (в строфе 92 возникает образ современного всемирного потопа) выполняет.

Последнее связано с темой, проходящей в том или ином виде через всю Песнь четвертую. Италия вызывает у лирического героя священный трепет как прародина поэтической души, «мать всех искусств» (“Mother of Arts!”, 47:3), а также как «ликующая творческая сила» (5:7), сам «дух Свободы» (98:1), вечной «весны». Она *всемирна* (см. о всемирности Рима в строфе 108), проявляя себя во всем — от гор и рек, исторических деятелей, самых разных верований до гениев творчества (Байрон приводит развернутую панораму этих вечно возобновляющихся в истории проявлений италянизма), самого лирического героя. Однако это же свойство Италии столь же обостренно обращает его внимание на мимолетность жизни, на преходящий характер всех и вся («Как все течет: народы, царства, боги», 146:5) — «Карфагена, Афин, Рима» (182:1), на неизбежность смерти (“...shalt thou not last?”, 146:7).

Борьба с временем, с тлением, с «всё течет», с той Италией, где все так или иначе напоминает о прошлом, о музейном характере мира, закономерно приводит Байрона к борьбе в поэтическом творчестве за Абсолют, к тому, что он не только политизирует (декларируемая вера в освобождение Италии от всякого гнета), но и сакрализирует свою миссию императора поэзии.

Этому важнейшему назначению творчества посвящена, на наш взгляд, центральная — и в ином смысле не вполне понятная — сцена Песни четвертой, посвященная посещению героем римского Собора св. апостола Петра (строфы 153–159). В этом эпизоде сообщается — отметим, сообщается посредством не вполне понятного аллегорического языка — о приобщении к италянизму в особом мистическом, но при этом не традиционно религиозном, смысле слова.

Несомненно, что италянизм Песни четвертой в целом — прежде всего категория творчества — некий вечный незримый огонь, который *есть*, который не подлежал и не подлежит угасанию. С одной стороны, это продолжение реально осязаемого *genius loci*, неотторжимо связанного со средиземноморской природой. Подобный огонь естественно трансформируется в традицию, в которую включены поэты, создавшие Италию как феномен литературного языка (таковы

¹⁶ Здесь и далее русский текст перевода В. Левика с указанием строфы и строки дается по первому изданию перевода [Байрон, 1972], английский текст приводится по [Byron, 1853].

в описании Песни четвертой Петрарка, Данте, Боккаччо, Ариосто, Тассо). Своими корнями эта традиция уходит еще в имперский Рим, мир Тита Ливия, Вергилия и Цицерона, а также в мир легендарных героев и героинь, языческих богов. Но она же, достигая современности, дополняется деятелями искусства (А. Канова, У. Фосколи, И. Альбрицци и др.), которых Байрон перечисляет в письме Хобхаусу, ставшем предисловием Песни четвертой.

С другой стороны, это те же поэты (либо поэты-изгнанники, либо поэты, пострадавшие от тех или иных видов деспотии) в виде адептов мистериальной, эзотерической традиции. Они — подобие каменщиков растущего в разрезе истории незримого храма (по совпадению Канова, Фосколи, Альбрицци — не только патриоты или в силу своего антипапизма поклонники Наполеона, но и тайные карбонарии), некие бессмертные голоса, гул которых периодически долетает до Чайльда Гарольда (см., например, строфу 167).

Отсюда — особое восприятие Гарольдом Собора св. апостола Петра в Риме. Тот предстает не христианской святыней как таковой, а чем-то надысторичным (к этому приглашают сравнения собора с египетскими пирамидами, легендарным храмом Дианы в Эфесе, храмом Соломона, константинопольской Софией), источником «святая святых» (“His Holy of Holies”, 155: 9). Иными словами, герой различает внутри собора некий храм в храме. Примета такого храма — таинственный свет (“Then pause, and be enlightened”, 159: 1), дающий больше, чем верующим дает благодать (“awe”, 159: 3). Озарение им приходит не сразу («В котором лишь сумбур ты видел в первый миг...»; “The glory which at once upon thee did not dart...”, 157: 9), а только вместе с постепенным постижением «музыки» собора, в данном случае чего-то не застывшего, догматичного, однозначного, а постоянно растущего, никого ни к чему не принуждающего.

Собственно, постижение собора есть постижение героем и тайны его строителей, «великих мастеров» (“great masters”, 159: 5), открывших священный источник духовного знания (“The fountain of sublimity”, 159: 7), и собственного духовного роста (“growing with its growth”, 158: 8). Подобная тайна имеет орфическо-пифагорейский характер — связана с языком как числом, музыкой, пропорцией (“proportions”, “graduations”, 157: 7, 8), с той магической огромностью языка (см. строфу 157), которая позволяет соотнести микромир и макромир, разнообразие видимых частей (“part by part”, 157: 7) и таинственное целое (“the great whole”, 157: 2), «море»¹⁷.

После мистериальной встречи героя с богом неведомым растущего как цветок храма¹⁸, с богом, перерастающим храм и его в конечном

¹⁷ См. развитие этой темы У.Б. Йейтсом в программном стихотворении «Плывание в Византию».

¹⁸ Тема, позднее обыгранная в известных стихотворениях на тему собора у О. Мандельштама, Р.М. Рильке, М. Цветаевой.

счете не предполагающим (очевидно, что как именно христианская святыня собор Байрона не волнует), герой в полной мере становится Поэтом и *богом*. Он готов встретить своего бога Поэзии везде, его бог всегда рядом и в нем (сердце поэта), здесь и сейчас, в виде бесконечных россыпей «золотого песка» (“golden sands”, 159: 9). Именно поэтический язык у поэта-«алхимика» золотит все, к чему прикасается, позволяет постигнуть великое (“great conceptions”, 159: 9) через малое.

Не вызывает удивления, что из Собора св. апостола Петра Байрон посылает Чайльда Гарольда в Ватиканский дворец. Опять-таки цель подобного шага — творческо-религиозная. В стенах Ватикана герой соприкасается с конкретикой высшего типа творчества. При созерцании статуй Лаокоона и Аполлона Бельведерского он слышит «божий глас», увязывает между собой «рану», «Прометеевы» муки творчества и ослепительную белизну искусства, искупление в нем и через него жизни. Для Байрона, пожалуй, важно, что обе скульптуры немало веков пролежали в земле, но затем вопреки забвению, «ночи» извлечены на свет и заняли подобающее им место в «пантеоне» бессмертия.

На описании *встречи в соборе* поэма в основополагающем ее смысле фактически заканчивается. Произошло главное. Инициация Гарольда окончательно состоялась. Герой и его автор, ранее отдельные, стали по сути одним лицом. «Паломник» именно в Италии, на берегу моря (моря в прямом и переносном смысле) завершил путь. Он перестает быть «подмастерьем», младшим в рыцарской иерархии, хотя по-прежнему продолжает откликаться на современные события, общая со всей силой своего профетическо-поэтического знания грозные времена и эшафот (строфа 171) монархам Европы.

Соответственно, Гарольд последней, 186-й, строфы Песни четвертой выведен как слуга Аполлона, своего рода Гермес, поскольку он владелец крылатых сандалий (“sandal shoon”, 186: 7) и магического жезла, т.е. в данном случае Аполлоновой лиры (“scallop shell”, 186: 7; из этих двух деталей в переводе В. Левика сохранена одна: «посох взял избраннык мой»). Прикосновение подобного кадуцея к любому материалу готово превратить его из тленного начала в нетленное. Оставляя своего героя на берегу моря («Океана»), Байрон суггерирует, что «золотыми песчинками» для этого нового Икара и императора поэзии может стать в море жизни все, что угодно, — каждое мгновение может быть остановленным.

В свете этой инициации вся поэма предстает как чередой летящих сцен, «блужданий», так и возможным источником такого особого языка, который проступает сквозь кажущийся сумбур частей. К пониманию этого языка и призывается (не без иронии) читатель в последней строфе, отметим, не читатель-профан, а читатель-брат, способный постигнуть тайный урок, преподанный ему на примере

Гарольда в поэтическом романе воспитания. Аналогичное обращение к брату-читателю напоминает о себе как у Бодлера в стихотворении, открывающем «Цветы зла», так и в заключительных строках первой части «Бесплодной земли» Т.С. Элиота.

Из сказанного вытекает возможность отношения к «Чайльдзу Гарольду» как к особой духовной автобиографии, подобной «Фаусту» (Байрон аллегорически выведен во второй части драматической поэмы Гёте в виде Эвфориона; знаменитая сцена с водопадом в ней, не исключаем, творчески заимствована именно у Байрона), а точнее, как к биографии творчества, связанной с обретением тайной мудрости.

Итак, какой бы порой ни представляла перед читателем поэма в своих частностях, как целое она направляет в сторону незримого храма и посвящена, таким образом, квесту, что обыграно в ее названии.

Добавим, что в ложе миланского Ла Скала, принадлежавшей монсенюру Л. ди Брёме, осенью 1816 г. Байрон познакомился как с местными знаменитостями-карбонариями (и сам стал позднее главой одной из вен¹⁹), так и с говорившим по-английски Анри Бейлем (Стендалем). Поэт задал будущему автору «Красного и черного» немало вопросов о личности Наполеона, а также об обстоятельствах русской кампании императора («Лорд Байрон хотел подробно расспросить о походе в Россию живого его свидетеля; он хотел добиться правды и запутать меня...»; «Лорд Байрон одновременно и восхищался Наполеоном, и завидовал ему» [Байрон, 1989: 251, 252]) и его бегства из России, по ходу которого Бонапарт, в передаче Бейля, несколько раз словно в лихорадке подписывал свои бумаги именем Протей.

Итак, перевоплотившись именно в Италии в Наполеона литературы, в дух творчества, который не знает никаких ограничений, Байрон не только создал свой общепризнанный шедевр, «Дон Жуана», ставший апофеозом его поэтического империализма, но и под знаком роковой перемены жизни и творчества, себя и Бонапарта до конца испил чашу своей теперь уже неразложимо байроновско-наполеоновской судьбы.

Ему теперь и Италии мало. Он бросает уже не «зеленую», а в его новом восприятии умирающую как предательницу Наполеона Венецию, бросает «тщеславную» Терезу, а затем и Италию («Италия мне не надоела, но здесь нужно петь дуэты, быть Чичисбеем и Знатком оперы... Я люблю женщин — видит Бог — но чем больше их общество влияет на меня — тем мне хуже — в особенности после Турции — здесь *полигамия* принадлежит женщинам»; письмо Хобхаусу от 3 окт. 1819 [Lansdown, 2015: 337]), чтобы устремиться фактически в одиночестве, без женщин, смертельно больным навстречу героической, но вместе с тем одинокой гибели в Миссолонги.

¹⁹ «Я состою или состоял в следующих клубах или обществах... и последнее по счету, но не по значению — общество итальянских карбонариев» [Байрон, 1963: 250].

Эта роковая гибель, мифологизированная, правда, современниками в виде истинно романтической жертвы (на алтарь свободы Эллады), предвосхищена в письме Хобхаусу: «Браммел в Кале, Скроп — в Брюгге, Бонапарт — на святой Елене, ты — в твоём новом жилище [тюрьме], а я в Равенне, задумайся!» [Моруа, 1992: 294].

На смерть Бонапарта Байрон откликнулся в письме Джону Марри из Пизы (4 декабря 1821 г.) в связи с упоминанием в «Вестнике Галиньяни» бывшего императора и себя самого как крайнего воплощения современного тщеславия: «Бедный Наполеон! Он едва ли мог вообразить, к каким “мерзким сравнениям” толкнет его имя поворот Колеса судьбы» [Lansdown, 2015: 403]. Последний всплеск темы Наполеона у Байрона — поэма «Бронзовый век» (1823), где поэт говорит от лица Наполеона.

Смерть в Миссолонги, неожиданном аналоге острова св. Елены (Байрон успел познакомиться с книгами «Наполеон в изгнании» Б. О’Миера, «Мемориал св. Елены» графа де Лас Каза, увидевшими свет в 1822–1823 гг., и взялся за собственные «Мемуары», которые позднее были уничтожены его душеприказчиками), завершила легитимацию Байрона как поэта-метеора и политического изгнанника калибра Бонапарта.

Подведем итог. Отождествление себя с Наполеоном — подлинным или воображаемым, поначалу безнадежное, дало свои плоды — личностные и, что существеннее, творческие. Уже к концу 1820-х годов лица, в 1800-е годы абсолютно несопоставимые, встали в один ряд, стали ликами на двух сторонах одной романтической медали. Образное свидетельство этого седьмая глава «Евгения Онегина» (XIX):

И лорда Байрона портрет,
И столбик с куклою чугунной
Под шляпой с пасмурным челом,
С руками, сжатыми крестом.

Иными словами, если во «Фрагментах» Фридриха фон Шлегеля истоки современного «универсального землетрясения» возведены к Французской революции, «Наукоучению» Фихте и «Странствованиям Вильгельма Мейстера» Гёте, то усилиями английского поэта карта новейшей романтической культуры лишилась немецких контуров и предстала на долгое время как конstellация совсем других имен и названий. Важнейшие среди них — Наполеон и его *alter ego* Байрон, автор «Паломничества Чайльда Гарольда».

Список литературы

Байрон, Джордж Гордон. Дневники. Письма / Пер. с англ.; сост. А.А. Елистратовой. М., 1963.

- Байрон Дж.Г.* Паломничество Чайльд-Гарольда. Дон-Жуан / Пер. с англ. Вильгельма Левика, Татьяны Гнедич. М., 1972.
- Байрон Дж.Г.* На перепутьях бытия: Художественная публицистика / Пер. с англ.; сост. А.М. Зверева. М., 1989.
- Гёте И.В.* Максимы и рефлексии [1822–1832] // Гёте И.В. Об искусстве / Пер. с нем.; сост. А.В. Гулыги. М., 1975.
- Моруа А.* Байрон / Пер. с франц. М., 1992.
- Набоков В.* Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / Пер. с англ.; под ред. А.Н. Николюкина. М., 1999.
- Терц А.* Прогулки с Пушкиным. СПб, 1993.
- Byron L.* Childe Harold's Pilgrimage: A Romaunt. L.: John Murray, 1853.
- Byron: A Self-Portrait. Letters and Diaries 1798-1824 / Ed. in 2 v. by Peter Quennell. L.: John Murray, 1950.*
- Byron's Letters and Journals: In 13 v. / Ed. by Leslie A. Marchand. L.: John Murray, 1973-1982, 1995.*
- Byron's Letters and Journals: A New Selection / Ed. by Richard Lansdown. Oxford: Oxford UP, 2015.*
- Elwin M.* Lord Byron's Wife. N.Y.: Harcourt, 1962.

Vasily Tolmatchoff

**BYRON AND NAPOLEON: AN EXPERIENCE OF INTERPRETING
BYRON'S LITERARY CAREER AND *CHILDE HAROLD'S
PILGRIMAGE***

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article examines psychological and literary aspects of Byron's self-identification with Napoleon in *Childe Harold's Pilgrimage*. Byron's remarks about Napoleon in letters, diaries, talks, and recollections of contemporaries correlate with what can be found in Byron's biography, which Byron stylized in a Napoleonic way, and in the four cantos of his poem. The 'Grand tour', the poet's hayday, is Byron's initial stage of napoleonism (Cantos I-II), which brought about his spontaneous transformation from an eccentric young poet from nowhere to the first revolutionary council of literature and a legislator of literary fashion. A forced departure from Great Britain, the consequent visits to Napoleon places in Europe, the conscientious projection of Napoleon upon his own biography and his literary characters, all this shows that Byron was very well aware of his Napoleonic mission and was now thinking of how great it was (Canto III). The Italian period of Byron's literary biography shows the poet was making a comeback as a poetical emperor, but it also reveals that he had a premonition of his own death (Greece as a parallel to Saint Helena Island). Sacralization by Byron of his poetical mission is the key to the denouement in Canto IV, where the lyrical hero finds a "temple within a

temple” at St. Peter’s Cathedral in Rome and encounters ‘the god unknown’. The poem is structured like a quest or an experience of initiation, which turns it into a symbol of hermetic.

Key words: Byron; Napoleon; Byron’s reception of Napoleon; Byron’s self-identification with Napoleon; images of Byron-Napoleon in Childe Harold’s Pilgrimage; Romantic autobiography; principles of dividing a poem into parts; Byron as the Napoleon of literature; his poetical mission and its sacralization.

About the author: *Vasily Tolmatchoff* — Dr. habil., Professor, Head of the Department of the History of Foreign Literature, Chairman, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tolmatchoff@hotmail.com).

References

- Bairon Dz.G. *Dnevniki. Pis'ma* [Journals. Diaries]. Per. s angl.; sost. A.A. Elis-tratova. Moskva: Nauka, 1963.
- Bairon Dz.G. *Palomnichestvo Chail'd-Garol'da. Don-Zhuan* [Childe Harold’s Pilgrimage. Don Juan]. Per. s angl. Vil’gel’m Levik, Tatiana Gnedich. Moskva: Hudozh. lit., 1972. 864 p.
- Bairon Dz.G. *Na pereput’jah bitija: Hudozhestvennaja publizistika* [At the Cross-Roads of Being: Literary Journalism]. Per. s angl.; sost. A.M. Zverev. Moskva: Progress, 1989.
- Goethe I.V. *Maksimi i refleksii* [Maksims and Reflections] [1822–1832], Goethe I.V. *Ob iskusstve* [On Art]. Per. s nem.; sost. A.V. Guliga. Moskva: Iskusstvo, 1975.
- Morua A. [Maurois, Andre]. *Bairon* [Byron]. Per. s franc. Moskva: Respublika, 1992.
- Nabokov V. *Kommentarii k Evgeniju Oneginu Aleksandra Pushkina* [Commentaries to *Eugene Onegin* by Alexander Pushkin]. Red. per. s angl. A.N. Nikoliukina. Moskva: NPK “Intelvak”, 1999.
- Terz A. *Progulki s Pushkinim* [Walking with Pushkin]. Saint-Petersburgh: Vsemirnoje slovo, 1993.
- Byron L. *Childe Harold’s Pilgrimage: A Romaunt*. L.: John Murray, 1853. 311 p.
- Byron: A Self-Portrait. Letters and Diaries 1798-1824*. Ed. in 2 v. by Peter Quennell. L.: John Murray, 1950.
- Byron’s Letters and Journals*: In 13 v. Ed. by Leslie A. Marchand. L.: John Murray, 1973–1982, 1995.
- Byron’s Letters and Journals: A New Selection*. Ed. by Richard Lansdown. Oxford: Oxford UP, 2015.
- Elwin M. *Lord Byron’s Wife*. N.Y.: Harcourt, 1962.

И. Киселюте

**«БЕДНЫЕ ЛЮДИ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО:
ИСЧЕЗНУВШИЕ «МЫСЛИ О ЕГО
ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВЕ»**

*Вильнюсский университет,
LT-01513, Литва, Вильнюс, Университетская ул., 3, LT-01513*

Первое произведение Ф.М. Достоевского, роман «Бедные люди», впервые был опубликован в «Петербургском сборнике», подготовленном Н.А. Некрасовым в 1846 г. В том же году в письме брату Достоевский выразил желание дать «Бедных людей» отдельным изданием (вышло в ноябре 1847 г.). Писатель учел замечания критиков насчет чрезмерной растянутости текста и его сократил: в редакции 1847 г. отсутствуют детские воспоминания Варвары Доброселовой и мысли Макара Девушкина «о его превосходительстве».

В статье главным образом анализируются причины устранения из редакции 1847 г. рассуждения Макара Девушкина по поводу возвращения 100 руб., которые ему дал Его превосходительство. Коротко описывается степень изученности данной проблемы, предлагаются возможные объяснения отказа от упомянутых частей текста.

Выдвигается гипотеза о связи исчезнувших мыслей героя в «исправленном издании» романа с выходом Достоевского из «натуральной школы», которая подтверждается отношениями внутри школы в период между первой и второй публикацией романа.

Ключевые слова: Достоевский; Бедные люди; Макар Девушкин; вторая редакция; письма.

4 мая 1845 г. Ф.М. Достоевский писал брату: «участь первых произведений всегда такова, их переправляешь до бесконечности». Писатель в самом начале своего творческого пути так предугадал и судьбу романа «Бедные люди». На наш взгляд, на его «переправки» стоит обратить внимание еще раз.

Впервые роман «Бедные люди» был опубликован в альманахе Н.А. Некрасова «Петербургский сборник» в 1846 г. В том же самом году Достоевский в письме брату выразил свое желание дать отдельные издания «Бедных людей» и «Двойника». Планы писателя отчасти свершились, и уже в следующем 1847 г., в ноябре, исправленная редакция романа «Бедные люди» вышла отдельной книгой. Достоевский позже

Киселюте Ингрида — докторант Вильнюсского университета, Вильнюс, Литва (e-mail: kisieliute.ingrida@gmail.com).

не раз исправлял роман при подготовке собрания сочинений, но для нас актуальными являются первые две редакции романа.

В академическом Полном собрании сочинений Достоевского представлен список всех внесенных писателем поправок. В основном правка мелкая, например, устранение уменьшительно-ласкательных форм, и среди этой мелкой правки ярко своим объемом выделяется устранение трех отрывков: воспоминаний Варвары Доброселовой о своем детстве и двух отрывков из писем Макара Девушкина.

Исследователь творчества Достоевского Георгий Чулков еще в 1939 г., обратив внимание на отсутствие этих фрагментов во второй редакции, с полным основанием ссылается на замечания критиков-современников Достоевского по поводу растянутости текста [Чулков, 1939: 22–27]. Недавно Константин Баршт, подробно описывая творческий процесс создания произведения, высказывает мнение о том, что автор отказался от описания детских воспоминаний Варвары Доброселовой, так как они были созданы еще в 1844 г., когда Достоевский учился в инженерном училище, и поэтому могли быть уже не актуальными по своей стилистике [Баршт, 2015: 383]. Другие две исчезнувшие части писем Девушкина у Баршта не упоминаются.

Внимание привлекает тот факт, что в изъятых частях из писем Девушкина выражаются мысли и сомнения персонажа по поводу возвращения денег своему начальнику — его превосходительству, который пожалел плохо одетого и растерянного своего чиновника и вручил ему 100 руб. Нам показалось весьма странным, что эти исчезнувшие отрывки не привлекли большего внимания историков русской литературы, так как в пропущенной части текста содержится важная деталь характеристики главного героя. Мы выдвинули гипотезу, что исчезновение мыслей Девушкина о его превосходительстве связано с внешними литературными событиями в жизни Достоевского.

Роман «Бедные люди» — это переписка двух людей, которые делятся своими ежедневными впечатлениями, воспоминаниями и бытовыми проблемами. Как уже упоминалось выше, деньги, которые Девушкин получил от его превосходительства, были очень нужны как ему, так и Варваре. В письме от 11 сентября он пишет, что счастливы и их дела поправились; отмечает, что узнал о благодеяниях его превосходительства, который, по его словам, помогал не только ему, но и другим людям. В том же самом письме в первом, журнальном, издании романа присутствовали и соображения Девушкина, которые исчезли во второй редакции:

«Да! Так вот что; я главное-то и позабываю. Займемся-ка теперь делами, родная моя. Я, маточка, рассчитал сегодня, как мне будет лучше и удобнее его превосходительству долг отдать. А отдать-то как можно поскорее нужно; непременно нужно, Варенька. Они и сами-то человек небогатый. Они мне сами в этом во всем признались.

Конечно, у них здесь и домик свой есть, и даже два домика есть, и деревенька-другая есть, но как же вы хотите, маточка, как же вы это так хотите, они ведь и жить-то должны не по-нашему. Ведь они, ангельчик мой, лицо. Они человек не простой, не наш брат темный человек. Они там по-своему должны фигурировать. У них, вон, звезда есть, дескать, знай наших — вот что! Так вот и отдать им, по сему случаю, нужно как можно скорее. Да и для меня-то самого хорошо будет. Исправность мою заметят, одобрением своим осчастливят. Вот какой я расчет сделал, Варенька, слушайте-ка: при первом жалованье, в ноябре месяце, вручить им, голубчику, два рубля серебром, с всенижайшим извинением, что не более. Потом каждый месяц отдавать по пяти руб. ассигнациями. Таким образом, если благословит Господь и к Святой я получу обычное награждение, то уж разом и вручу им всё остальное, с всенижайшей благодарностью. Но как вы думаете, не будут ли они, мой голубчик, сердиться за такую медленность в отдаче? Но ведь по обстоятельства-то мои каковы! Сами о том посудите, маточка! Как вы думаете? Вы, пожалуйста, мысли ваши на этот счет мне во всей подробности опишите и, что теперь предпринять на сей конец, посоветуйте» [Достоевский, 1846: 142–143].

Тот же мотив повторяется (и исчезает в отдельной публикации романа) в письме от 19 сентября, когда у Девушкина появляется дополнительный источник денег за переписывание бумаг:

«Таким образом я теперь его превосходительству разом рублей 25 выплачу; оно все благороднее как-то белую ассигнацию вручить, — а? Как вы думаете? Так вот я к тому и пишу» [там же: 150].

Идея Макара Девушкина о возвращении денег привлекла наше внимание по нескольким причинам. Во-первых, Девушкин советуется с Варенькой, что ему не свойственно. Кроме представленных удаленных частей их переписки, Девушкин просит совета у нее только один раз, и также просит дать ему финансовый совет — одалживать ему деньги или нет?

Во-вторых, в исключенной части письма от 11 сентября Девушкин подробно характеризует его превосходительство с социальной стороны: по словам Девушкина, для своего статуса, статуса «лица», его превосходительство сами не богаты. И, главное, у Девушкина была мысль вернуть его превосходительству подаренные 100 руб. с детальным расчетом, как эту идею осуществить, так как деньги его превосходительству следует вернуть непременно.

Попытка отнести время создания этих фрагментов текста романа (как и удаленную часть воспоминаний Вареньки), к 1844 г. имеет текстологическое и фактическое основание. Исследователями давно замечено, что датировка писем в «Бедных людях» не только художественный вымысел. Если обратимся к переписке Достоевского в сентябре месяце 1844 г. (так датированы письма Макара Девушкина),

вспомним семейную ссору писателя с мужем сестры Карепиным по поводу его части отцовского имения Даровое: писатель нуждался в деньгах для начала своей литературной жизни [Достоевский, 1985: 92–98]. Принцип подсчета, как выплатить 100 руб., по своей стилистике напоминает настоящие письма самого автора романа. Это могло бы объяснить появление данной темы в первой редакции романа «Бедные люди». Но что стало причиной отказа от данных частей писем персонажа?

Почему-то кажется наивным полагать, что Достоевский, послушав критиков, «просто» сократил свой текст и случайно пожертвовал именно данной частью романа. Ведь В.Г. Белинскому, например, не совсем понравилась другая часть «Бедных людей» — та, в которой старик Покровский бежит за гробом своего сына-студента.

Отказ от части текста можно было бы объяснить, вспомнив деятельность и отношения Достоевского с представителями натуральной школы в период между первой и второй публикацией романа.

В упомянутом нами письме брату от 20 октября 1846 г., там, где Достоевский говорит об отдельном издании, он просит брата участвовать деньгами в издании, потому что «издавать на свой счет — это все. На чужой — это значит на страх, можно погибнуть. Книгопродавцы подлецы». А между тем он пишет новую повесть («Хозяйку»), которую обещает отдать А.А. Краевскому — «Пусть господа “Современника” сердятся, это ничего» [Достоевский, 1985: 131].

Через неделю, 26 октября того же года, Достоевский извещает брата, что «имел неприятность окончательно поссориться с “Современником” в лице Некрасова. Он, досадуя на то, что я все-таки даю повести Краевскому, которому я должен, и что я не хотел публично объявить, что не принадлежу к “Отечеств<енным> запискам”, отчаявшись получить от меня в скором времени повесть, наделал мне грубостей и неосторожно потребовал денег. Я его поймал на слове и обещал заемным письмом выдать ему сумму к 15-му декабря. <...> Это всё подлецы и завистники». И далее: «Видишь ли что, брат: из всего этого я извлек премудрое правило. 1-е убыточное дело для начинающего таланта — это дружба с проприетерами изданий, из которой необходимым следствием исходит кумовство и потом разные сальности» [Достоевский, 1985: 134]. Ссора с Некрасовым, о которой пишет Достоевский, имеет как денежную, так и покровительственную подоплеку.

Некрасов, заплатив Достоевскому за еще неизданных «Бедных людей» 150 руб. серебром, из-за угрызений совести добавляет еще 100 руб. Как замечает Игорь Волгин, отданный в сборник Некрасова роман Некрасова — это «акт идейной солидарности» [Волгин, 1991: 383] и свидетельство близости к кружку натуральной школы, так

как заплаченная сумма очень маленькая. Думается, что Некрасов принял соображения Белинского, что следует платить только тем литераторам, которые нуждаются в деньгах. Достоевский безоговорочно в них нуждался. Следовательно, Некрасов был покровителем Достоевского, понимал его нужду в деньгах и давал деньги вперед.

Вернемся к тексту романа. В начале того письма, где Девушкин объясняет Вареньке, как планирует вернуть деньги его превосходительству, он пишет, что все о себе, об их отношениях и благодеянии его превосходительства рассказал своим товарищам. Они смеются: Девушкин ведь поступил так, как им же обруганный Гоголь, который рассказал историю бедного Акакия Акакиевича в «Шинели»: «И для чего же такое писать? И для чего оно нужно? Что мне за это, шинель кто-нибудь из читателей сделает, что ли? Сапоги, что ли, новые купит? Нет, Варенька, прочтет, да еще продолжения потребует. Прячешься иногда, прячешься, скрываешься в том, чем не взял, боишься нос подчас показать — куда бы там ни было, потому что пересуда трепещешь, потому что из всего, что ни есть на свете, из всего тебе пасквиль сработают, и вот уж вся гражданская и семейная жизнь твоя по литературе ходит, всё напечатано, прочитано, осмеяно, пересужено!» [Достоевский, 1846: 87–88]. Дело в том, что в начале 1846 г. «по литературе начал ходить» и сам Достоевский. Он стал персонажем.

В истории русской литературы известен текст — «Послание Белинского Достоевскому», в начале 1846 г. созданный Тургеневым и Некрасовым. Литературоведы отмечают, что Достоевский не знал о существовании текста вплоть до 1880 г., когда о нем вспомнили в «Вестнике Европы», но в этом, как нам представляется, можно усомниться. Достоевский, не оставляя об этом письменных свидетельств, вполне мог знать о шуточных сочинениях, принадлежащих перу его «сотоварищей по школе». В воспоминаниях Панаевой присутствуют упоминания ссоры Достоевского с Некрасовым по поводу шуточного текста в 1848 г. [Панаева, 1927] и, хотя эти воспоминания не всегда, как известно, являются надежным источником, вряд ли стоит автоматически отвергать каждое свидетельство Панаевой. Нам думается, что возможно предположить здесь со стороны Достоевского простую забывчивость или, что еще вероятнее, нежелание вспоминать спустя много лет факт, болезненный для его самолюбия.

К тому же Достоевский не всегда был точен в своих позднейших воспоминаниях. Например, в «Дневнике писателя» начало работы над «Бедными людьми» он датирует 1845 годом, хотя письма брату свидетельствуют о том, что приступил к созданию романа раньше. Наконец, можно предположить и то, что Достоевский, не зная конкретного содержания текста о нем, мог знать хотя бы о том, что про него что-то сочиняют.

Следовательно, Макар Девушкин и автор, год спустя, становятся похожими друг на друга. Оба они получают дополнительные 100 руб., от уважаемого человека, который сам не является богачом, оба ценят его рукопожатие, человеческие отношения больше, чем деньги, и на них обоих их покровители начинают ругаться. В связи с этим устранение фрагментов писем Макара Девушкина может быть связано с осознанием того, что деньги герой не желает возвращать «его превосходительству», как Достоевский не желает их возвращать Некрасову: отношения Достоевского с Некрасовым, бывшим благодетелем, изменились. Еще одной причиной личного характера могло быть и то, что Белинский Достоевского уже не хвалит, а его литературные товарищи Тургенев с Некрасовым пишут о нем шуточные тексты, а Некрасов даже просит вернуть деньги.

Достоевский, обиженный тем, что сам стал персонажем литературных произведений тех людей, которые ему открыли путь в литературу и начали платить за литературный труд, мог увидеть в своем тексте свои собственные жизненные обстоятельства. Напрашивается вывод, что удаление указанных частей писем персонажа может быть связано именно с финансовыми и человеческими отношениями внутри натуральной школы, которую, по словам В.И. Кулешова, Достоевский так быстро закончил.

Список литературы

- Волгин И.Л.* Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. М., 1991.
- Достоевский Ф.М.* Бедные люди / Подготовка текста, послесловие, комм. К.А. Баршта. М., 2015.
- Достоевский Ф.М.* Бедные люди // Петербургский сборник. СПб, 1846.
- Достоевский Ф.М.* Публицистика и письма. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. 28(1) / Под ред. И.А. Битюгова и Г.М. Фридендера. Л., 1985.
- Панаева А.* Воспоминания. 1824–1870 / Под ред. К. Чуковского. Л., 1927.
- Чулков Г.* Как работал Достоевский. М., 1939.

Ingrida Kisieliute

POOR FOLK BY FYODOR DOSTOYEVSKY: LOST THOUGHTS ABOUT “HIS EXCELLENCY”

*Vilnius University,
LT-01513, Lithuania, Vilnius, University str., 3*

The first work by Fyodor Dostoevsky – the novel ‘Poor Folk’ – was published for the first time in 1846 in Nikolay Nekrasov’s almanac “Peterburgsky Sbornik”

(Petersburg Collection). In the same year Dostoevsky wrote in a letter to his brother that he wanted to publish *Poor Folk* as a separate publication. And Next October it was done. Critics would tell Dostoevsky that the novel was too long and he abridged it: in the newer publication of 1847 Makar Devushkin's thoughts on "his Excellency" and some parts telling about childhood memories of Varvara Dobroselova were gone. This article analyzes these missing parts in the 2nd edition, specifically what Makar Devushkin thought on giving back 100 rubles which "his Excellency" had given him. The author of this article is trying to answer the question, why Dostoevsky had shortened the two letters where Devushkin is trying to get advice from Varvara Dobroselova on how to give back the money, based on the first two editions of the novel *Poor Folk*. The article overviews the research on this subject and offers possible explanations of the author's decision. It is hypothesized that the disappearance of Devushkin's thoughts on "his Excellency" from the second edition of the novel is due to the fact that Dostoevsky had left the so-called natural school. An analysis of the relations between the school members during the period between the first and the second edition of the novel *Poor Folk* proves the hypothesis.

Key words: Dostoyevsky; *Poor Folk*; Makar Devushkin; second edition; letters.

About the author: *Ingrida Kisieliute* — PhD student, Vilnius university, Lithuania (e-mail: kisieliute.ingrida@gmail.com).

References

- Volgin I.V. *Roditsa v Rossii. Dostoevsky i sovremenniki*. M., 1991. [Volgin I.V. To be born in Russia. Dostoevsky and his contemporaries. Moscow, 1991]
- Dostoyevskij F.M. Bednye liudi*. Podgotovka texta, posleslovije, komm. K.A. Barshta. M., 2015. [Dostoevsky F.M. *Poor folk*. The preparation of the text, afterword, commentary by K.A. Barsht. Moscow, 2015]
- Dostoyevskij F.M. Bednye liudi*, Peterburgsky sbornik [Petersburg Collection]. Sankt- Peterburg, 1846. [Dostoevsky F.M. *Poor folk*. St. — Petersburg Miscellany. St.-Petersbourg, 1846]
- Dostoyevskij F.M. Publicistika i pisma. Polnoe sobranie sochinenii v tridtsati tomach*. Vol. 28(1)]. Pod red. I.A. Bitiuygova i G.M. Fridlendera. L., 1985. [Dostoevsky F.M. Journalism and letters. Complete works in 30 vol. / Ed by I.A. Bitiygov and G.M. Fridlender. L., 1985]
- Panaeva A. *Vospominaniya. 1824–1870*. Pod red. K. Chukovskogo. L., 1927. [Panaeva A. *Memoirs 1824–1870*. Ed. by K. Chukovsky. L., 1927]
- Chulkov G. *Kak rabotal Dostoyevsky*. M., 1939. [Chulkov G. How Dostoevsky had worked. Moscow, 1939]

О.Ю. Панова

РЕАЛЬНОСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ: ДЯДЯ ТОМ И ЕГО ПРОТОТИП¹

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Роман Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома, или Жизнь среди униженных» (1852) воспринимался самим автором, его читателями и критиками не столько как художественный текст, сколько как свидетельство, коллекция правдивых историй, отражающих реальность. Эта установка была характерна для аболиционистской литературы, в пропагандистских целях всегда настаивавшей на абсолютной правдивости и реальности рассказанного в тексте. Такое восприятие романа зафиксировано в откликах на роман и письмах читателей, публиковавшихся в американской и канадской периодике, в том числе и в знаменитой полемике чернокожих аболиционистов Ф. Дугласа и М. Делани на страницах газеты “Frederick Douglass Paper” в 1853 г. Материалы периодики ясно демонстрируют, что книгу расценивали не только как текст, но и как иллюкативный акт, поступок, прямо влияющий на социальную реальность. Проблематичность границы между действительностью и романном миром выразилась, в частности, в попытках поставить знак равенства между заглавным персонажем романа дядей Томом и его главным прототипом, бывшим рабом Джосайей Хенсоном, на автобиографию которого «Жизнь Джосайи Хенсона, бывшего раба, ныне жителя Канады, рассказанная им самим» (1849) во многом опиралась Г. Бичер-Стоу, создавая образ своего героя. М. Делани настаивал на выплате части прибыли от продаж романа Джосайе Хенсону. Сама Г. Бичер-Стоу в своей книге-автокомментарии к роману «Ключ к “Хижине дяди Тома”», посвящает большую часть главы «Дядя Том» пересказу автобиографии Джосайи Хенсона и анализу его характера, на основе которого создавался образ дяди Тома. Тем не менее обращение к повествованию Джосайи Хенсона и сопоставление его с романом демонстрируют, что в «Хижине дяди Тома» действуют законы фикционального письма: писатель, выполняя социальный заказ, тем не менее совершал «вымыслообразующие акты» и создавал «эффект реальности», а потому попытки поставить знак равенства между персонажем и его прототипом могли диктоваться только экстралитературными соображениями, относящимися к области пропаганды

Панова Ольга Юрьевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: olgapanova65@rambler.ru).

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00241А «История афро-американской литературы XVIII–XX вв.»

(Бичер-Стоу), авторского права (М. Делани) или коммерческой выгоды (Джосая Хенсон).

Ключевые слова: история литературы США; афро-американская литература; аболиционизм; Гарриет Бичер-Стоу; «Хижина дяди Тома»; «Ключ к «Хижине дяди Тома»»; дядя Том; Джосая Хенсон; невольничьи повествования; Мартин Делани; прототип; персонаж; художественный вымысел.

Роман Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома, или Жизнь среди униженных» [Beecher Stowe, 1852], ставший самым авторитетным художественным высказыванием по расовому вопросу в США в XIX веке, как в фокусе собрал все, чем на тот момент владела американская мысль и литературная традиция в плане осмысления негритянской проблемы.

Основные контексты романа достаточно хорошо исследованы²; важнейшие из них — «христианские тексты» (Библия, гимны, «Путь паломника» Дж. Баньяна, проповеди, сочинения на религиозно-нравственные темы³, памфлеты, назидательные повести и рассказы, публиковавшиеся, например, Американским евангелическим обществом — American Tract Society, миллениаристские тексты У. Миллера и его последователей), издания Американского Колонизационного общества и дискуссии в прессе вокруг проекта колонизации («репатриации» афроамериканцев), плантаторский роман и южная апологетическая публицистика, «сентиментальная культура»⁴, минстрел-шоу, материалы аболиционистской прессы, памфлеты (в особенности «Рабство в Массачусетсе» Г. Торо), аболиционистские стихи и песни⁵ и т.д.

Среди этого множества особо выделяются невольничьи повествования (slave narratives), которые в 1830–1850-х годов были в числе самых популярных и широко тиражируемых образцов аболиционистской пропаганды. Лишь некоторые из огромного корпуса этих текстов были написаны самими бывшими рабами. Обычно

² См. например: [Морозова, 2000: 354–380; Орлова, 1971; Gossett, 1985], статью В.М. Толмачёва «Хэрриет Бичер-Стоу и ее роман “Хижина дяди Тома или Жизнь среди униженных”» [Бичер-Стоу, 2010: 5–40], а также материалы тематического учебно-исследовательского ресурса Виргинского университета: Uncle Tom’s Cabin and American Culture: a Multimedia Archive. Directed by Stephen Railton, Dept of English, University of Virginia. URL: <http://utc.iath.virginia.edu/sitemap.html>

³ Например: [Gardiner, 1845; Upham, 1845; Palmer, 1845].

⁴ С. Рейлтон приводит тексты песен для домашнего музицирования, посвященные детям, семье, дому — песни «Дом, милый дом» (Home, Sweet Home), «Женское сердце» (The True Heart of Woman) и т.п.: книги по домоводству (например: [Beecher, 1842; Child, 1829]), сентиментальную поэзию о страданиях, изгнанниках, смерти детей — «маленьких ангелов», в частности, популярную балладу «Метель» (Snow Storm, 1843), поэмы Г.У. Лонгфелло «Евангелина» (1847), Э. Смит «Безгрешное дитя» (1843), сентиментальные романы женщин-писательниц, таких как Фанни Ферн и Грейс Гринвуд.

⁵ См. сборник песен, составленный У. Уэллсом Брауном [The Anti-Slavery Harp, 1848].

рассказы эти записывались abolitionистами со слов беглых или выкупленных рабов, обрабатывались, а порой и просто сочинялись «по лекалу» уже сложившегося к началу 1830-х годов канона. Тексты эти воспринимались как свидетельства, рассказы о реальных событиях и людях, и главным условием была правдивость: если бы не удалось убедить в истинности повествований аудиторию, эти тексты не могли бы выполнить свою пропагандистскую задачу. Вопрос о том, в какой степени правдивы невольничьи повествования, постоянно дебатировался в полемике abolitionистов с апологетами рабовладения; вопрос этот так и остается нерешенным и до сих пор активно обсуждается историками литературы⁶.

Заверениями, доказательствами и свидетельствами подлинности и реальности описываемых событий обычно снабжались не только невольничьи повествования, но и abolitionистские романы, рассказы и даже стихотворения. В книге «Ключ к “Хижине дяди Тома”» (1853), где Бичер-Стоу описывает документальную основу своего романа, писательница настаивает на реальности, «невывышенности» своего романного мира, подчеркивает отсутствие границы между романом и действительностью: «Это сочинение, быть может, больше, чем какое бы то ни было художественное произведение, когда-либо написанное, было собранием реальных случаев, действительно совершившихся событий, на самом деле сказанных слов, сгруппированных так, чтобы достичь нужного результата. У этой книги была цель, полностью выходящая за границы художественной литературы, и, соответственно, публика предъявляла к ней требования, которые обычно не предъявляются художественной литературе. Ее воспринимали как реальность — просеянную, проверенную, испытанную» [Beecher Stowe, 1853: 1].

Известное утверждение президента Линкольна, что именно роман «Хижина дяди Тома» вызвал «большую войну» и изменил ход американской истории, — не просто комплимент в адрес автора, но и указание на особый статус романа: он воспринимался не только как текст, но и как поступок, действие, которого требовал от своих последователей социальный евангелизм. Позиционирование литературы как части реальности, вербального и одновременно иллюкативного акта, в котором речь и действие соединены, — родовая черта abolitionистских текстов. Об этом же свидетельствуют и отклики на роман, публиковавшиеся в американской и канадской периодике

⁶ См. пионерское исследование М. Старлинг [Starling, 1946], классическую монографию Ч.Х. Николса [Nichols, 1969], статьи Д.Д. Брюса (*Bruce D.D. Politics and Political Philosophy in the Slave Narrative*), В. Вудворта (*Woodward V.C. History from Slave Sources*), Дж. Блэссингейма (*Blassingame J.W. Using the Testimony of Ex-Slaves: Approaches and Problems*), в коллективном труде о невольничьих повествованиях [The Slave's Narratives, 1985: 28–43, 48–58, 78–97], полемическую статью Дж. Сикоры [Sekora, 1987], фундаментальную монографию Д.Д. Брюса [Bruce, 2001: 239–242].

сразу после выхода книги в свет: в них в основном анализировалось воздействие книги на социальную ситуацию в США (например: [S.J., 1852; Negro Emigration..., 1854; Condition of Fugitives..., 1855]). Очень распространены были «письма в редакцию», где авторы рассказывали о различных реальных историях и ситуациях, которые «могли бы войти в роман миссис Стоу» [Incident for Another..., 1852; Slave Murdered..., 1854]. Бывали и случаи, когда ставили знак равенства между персонажем романа и его прототипом, как это делал, например, чернокожий радикальный публицист и литератор Мартин Делани (1812–1885), стоявший на позициях этноцентризма и расовой «самопомощи», в полемике с Фредериком Дугласом по поводу «Хижины дяди Тома». В ходе их дискуссии, развернувшейся на страницах газеты Дугласа “Frederick Douglass Paper”, Делани в своем втором письме в редакцию от 15 апреля 1853 г. (опубликовано 29 апреля 1853 г.) потребовал выплаты гонораров и признания авторских прав для Джосайи Хенсона, бывшего раба, ставшего главным прототипом дяди Тома:

Фредерику Дугласу, эсквайру

Дорогой сэръ, сейчас уже точно известно, что преп. Джосайя Хенсон, проживающий в поселении Дон (Канада-Уэст), и есть настоящий дядя Том, христианский герой прославленной книги миссис Стоу «Хижина дяди Тома». Мы оба с Вами хорошо знакомы с мистером Хенсоном, и потому знаем, что все, рассказанное о нем миссис Стоу в ее книге «Ключ к “Хижине дяди Тома”» буквально соответствует истине. Так вот, у меня есть предложение. Миссис Стоу и господа «Джуитт и К» получили солидную сумму благодаря изданию произведения, основанного на истории этого прекрасного старика. Он является живым свидетельством истинности повествования и тем самым поддерживает успех этой великой книги, с продажи каждого экземпляра которой автор получает один доллар, а издатели — пять. Я полагаю, не будет чрезмерным предложить издателю выплатить отцу Джосайе Хенсону, по крайней мере, пять тысяч... впрочем, нет, я не стану называть точную сумму — а скажу, процент от прибыли. Не знаю, что Вы думаете об этом, но мне кажется, что это было бы честно и справедливо. <...>

Я придерживаюсь того мнения, что миссис Стоу изрядно почерпнула излучших невольничьих повествований — по крайней мере, из Дугласа, Брауна, Бибба, вероятно, Кларков⁷, а также из отца Джосайи Хенсона... Заимствования из этих повествований обогатили язык миссис Стоу, сделав ее сочинение более ценным и *более правдивым*. <...>

Вероятно, для того, чтобы сделать историю более впечатляющей, а, может быть, чтобы скрыть, что старик, ее герой, все еще жив, миссис Стоу заставила его завершить свой земной путь в Новом Орлеане; но факт, о котором, возможно, не знает издатель, состоит в том, *отец Джосайя Хенсон все еще является рабом по законам Соединенных Штатов — беглым рабом, проживающим в Канаде*. <...> Благодаря личности отца Хенсона ценность произведения миссис Стоу возросла многократ-

⁷ [Douglass, 1845; Brown, 1847; Bibb, 1849; Clarke, 1846]. Генри Бибб, автор «Повествования о жизни и приключениях Генри Бибба, американского раба, написанного им самим» и его жена стали прототипами Джорджа Гарриса и Элизы.

но — особенно в Англии, поскольку там отца Хенсона хорошо знают и почитают. <...> [Delany, 1853].

Надо сказать, что хотя гонорары Джосайе Хенсону не были выплачены, он не остался внакладе: благодаря роману Бичер-Стоу «Жизнь Джосайи Хенсона, бывшего раба, ныне жителя Канады, рассказанная им самим» (1849) не только смогла выделиться из огромного массива невольничьих повествований, но и вошла в число самых известных американских автобиографий XIX в. Переиздания повествования, выходявшие после появления романа Бичер-Стоу, открыто эксплуатировали популярность «Хижины дяди Тома», а также проблематичность границы между вымыслом и реальностью — что заметно уже в поэтике названий, определявшейся коммерческими соображениями: в 1858 г. тем же бостонским издательством “John P. Jewitt & Co”, которое опубликовало «Хижину дяди Тома», была выпущена расширенная версия автобиографии «настоящего дяди Тома», озаглавленная «Правда удивительнее вымысла: рассказ отца Хенсона о своей жизни» [Henson, 1858], а еще через 20 лет вышло лондонское издание, в названии которого — «История жизни дяди Тома: автобиография преп. Джосайи Хенсона» — прототип и персонаж уже полностью сливались; издание, к тому же, было снабжено предисловием, написанным Гарриет Бичер-Стоу [Henson, 1876].

Обвинения и подозрения М. Делани в адрес миссис Стоу полностью снимаются также благодаря ее книге «Ключ к “Хижине дяди Тома”», поскольку, рассказывая в ней о человеке, ставшем главным прототипом дяди Тома, писательница и не думает утаивать детали его биографии. Заглавному герою романа посвящена глава VI «Дядя Том»: в ней Бичер-Стоу описывает нескольких людей, черты характера и поступки которых послужили основой для создания ее героя, и особо останавливается на автобиографии Джосайи Хенсона [Beecher Stowe, 1853: 42–45]. Бичер-Стоу пересказывает и цитирует «Повествование Джосайи Хенсона», сопровождая пересказ своими комментариями; анализируя склад личности Хенсона, мотивы его поступков, она подчеркивает христианские добродетели раба, получившего «языческое воспитание» и самостоятельно пришедшего к вере, ставшего проповедником и завоевавшего авторитет среди своих собратьев; отмечает нравственную силу, стойкость, сложность и богатство внутреннего мира Джосайи, чувство собственного достоинства, справедливость, ум, здравый смысл, жажду свободы, негибаемую волю, смелость и житейскую мудрость.

Характеристику Тома — «полный каталог всех христианских и человеческих добродетелей, переплетенный в черный сафьян» [Бичер-Стоу, 2010: 270] — Бичер-Стоу вкладывает в романе в уста южного джентльмена, рабовладельца и идейного противника рабства Огюстена Сен-Клера. Он же, рассказывая своей кузине-северянке

мисс Офелии о том, как рабство нравственно калечит и хозяина, и раба, называет Тома поразительным исключением из правил, «моральным чудом» [Бичер-Стоу, 2010: 370]. О том, насколько такие определения применимы к прототипу дяди Тома, Джосайе Хенсону, в какой-то мере можно судить по автобиографии, записанной с его слов, хотя эти оценки будут весьма ненадежны: текст Джосайе Хенсона — не просто «коллекция фактов», но сочинение, следующее определенному канону и отвечающее законам жанра.

Повествование Хенсона 1849 г., на которое опиралась Бичер-Стоу, отличается обилием топосов — общих мест, типичных для канона невольничьих повествований, и использует максимальный набор жанровых разновидностей повествований: духовная и секулярная (авто)биография, рассказ об обращении (*conversion narrative*), история успеха, признания преступников, повествование о плавании (*voyage narrative*)⁸.

В основе секулярной автобиографии невольника традиционно находится противопоставление жизни в рабстве и на свободе. Среди общих мест, обычных для этого жанра, у Хенсона присутствуют трагическая судьба родителей рассказчика (в частности, история отца Джосайя, изувеченного за попытку дать отпор надсмотрщику и защитить жену, душераздирающий рассказ о разлуке матерью, назначенной к продаже), смена хозяев, описания жестокостей, наказаний, унижений, непосильного труда, аукционные сцены и продажа в Новый Орлеан; затем рассказ о побеге, вывозе семьи в Канаду и новой жизни на свободе. Очевидно, что большая часть этих элементов оказалась не нужна для создания образа дяди Тома: в романе ничего не сообщается о его детстве, родителях; Том не совершает побега, но умирает в рабстве и соответственно нет описания его жизни на свободе.

История успеха (*success story*) — разновидность секулярной автобиографии. У Хенсона, как и в других невольничьих повествованиях такого типа (например, Мозеса Гранди, Лэнсфорда Лейна, Уильяма Хейдена)⁹, создается положительный образ героя — работающего, ответственного, кристально честного, предприимчивого «творца своей судьбы». Благодаря честности, верности, трудолюбию Джосайя становится управляющим хозяина [Henson, 1849: 19], много работает, копит деньги, чтобы выкупить себе свободу. Самый знаменитый эпизод повествования, подчеркивающий высочайшие нравственные качества Джосайи, — его поездка в Кентукки с группой невольников, которых хозяин поручил ему сопровождать; здесь описывается искушение бежать, внутренняя борьба, закончившаяся решением

⁸ Джосайя Хенсон повествует о двух плаваниях: первое — в Новый Орлеан и обратно, во время которого Джосайя управляет кораблем вместо ослепшего капитана и выхаживает своего тяжело заболевшего хозяина; второе — в Канаду из Огайо во время побега [Henson, 1849: 45–46, 56–58].

⁹ [Grandy, 1843; Hayden, 1846; Lane, 1842].

вернуться к хозяину, оставшись верным своему слову и долгу [Henson, 1849: 21–25]. Присутствует и яркий контраст между высокими нравственными качествами раба и недостойным поведением хозяев, который достигает апогея в рассказе о том, как Джосайя в ответ на свою верную службу сталкивается с черным предательством: хозяева получают от своего раба условленную сумму выкупа, но вместо освобождения продают его в Новый Орлеан. Все эти аспекты, хотя и в сильно переработанном виде, использовались Бичер-Стоу. Однако в повествование Хенсона включен и рассказ о его жизни в Канаде — типичный для «истории успеха» оптимистичный финал с описанием заслуженного героем «земного процветания»: свой дом, семейное благополучие, образование, которое получают дети, и обучение грамоте самого Джосайи, создание поселения бывших рабов на отведенной им территории у трех великих озер, где они ведут строительство, выращивают урожай и занимаются предпринимательской деятельностью, не облагаемой налогом [Henson, 1849: 68–79]. Этот последний аспект — воздаяние за таланты, заслуги и добродетели, полученное еще в этом мире, в более справедливом и гуманном обществе, — совершенно отсутствует в романе Бичер-Стоу.

Канонам духовной автобиографии (*spiritual autobiography*) и признаний преступников (*criminal confessions*)¹⁰ отвечает, во-первых, все то в повествовании, что относится к истории «преподобного Джосайи Хенсона», ставшего проповедником еще в бытность рабом: рассказы о его подвигах любви и милосердия в отношении братьев-рабов и даже хозяев; повествование об обращении (*conversion narrative*) после услышанной в соседнем Джорджтауне проповеди, проповеднические труды в рабстве и «духовная карьера» в Канаде, где он становится знаменитостью и проводит молитвенное собрание вместе с известным белым проповедником преп. Райзли [Henson, 1849: 9, 10–13, 67]; наконец, благочестивое заключение автобиографии, в котором автор возносит хвалу Богу и выражает надежду на лучшее будущее для себя, своих детей и черной расы в Америке. У Бичер-Стоу дядя Том — проповедник и духовный лидер черной общины; это место он сразу занимает, где бы он не оказался: у мистера Шелби, в доме Сен-Клера или на плантации Легри. Харизма Тома-праведника воздействует на ожесточенные (Касси) и грубые натуры (Сэмбо и Квимбо) и даже на белых хозяев (молодой Джордж Шелби; Сен-Клер, устыдившийся своей «невоздержанности» после проповеди Тома о вреде алкоголя). Однако дядя Том — натура абсолютно цельная, практически без колебаний и искушений следующая за Христом по своему крестному пути, — и в этом он заметно отличается от своего прототипа.

¹⁰ Об этих жанрах подробнее см.: [Панова, 2012; 2014].

Кульминационным моментом в повествовании Хенсона становится эпизод, в котором, по определению известного исследователя афроамериканской автобиографии У. Эндрюса, ярко проявилось столкновение двух противоположных сторон личности рассказчика, «двух вариантов внутреннего выбора» [Andrews, 1986: 119]. Первая сторона определяется идеалом христианской веры, цивилизованности, благопристойности; вторая связана с топосом «негр как бестия, язычник и кровожадный дикарь». Присутствие в личности жизни Хенсона этой темной стороны связывается с общей греховностью человеческой природы, с историей черной расы (топика «язычества», «животного начала», «дикарства», «проклятости») — а также с развращающим влиянием рабства, которое способно превратить «дружелюбного и работающего негра в грозного чернокожего бунтаря» [Andrews, 1986: 119]. Топос доминирования животного начала в негре возникает у Хенсона каждый раз, когда он упоминает о своей необычайной выносливости и физической силе, например: «...я вырос мощным и сильным парнем, мало кто мог сравниться со мной, пятнадцатилетним, в работе или спорте — поскольку даже рабское положение не может подавить животное начало в молодом негре» [Henson, 1849: 7]. Бичер-Стоу также постоянно подчеркивает физическую силу и выносливость Тома, его атлетическое сложение — высокий рост, развитую мускулатуру, широкую грудную клетку, — но лишь этим отсылки к топосу «негра-животного и дикаря» в романе и ограничиваются. В повествовании же Хенсона драматическая борьба духовного и звериного начала, христианина и аморального животного, цивилизованного человека и кровожадного дикаря, праведника и преступника достигает кульминации в сцене на корабле во время плавания в Новый Орлеан. Узнав о предательстве хозяина, Джосайя обращается в «дикого зверя», кровожадного дикаря, и замышляет убить своего спящего господина топором. Этот эпизод написан в духе признаний преступников, и У. Эндрюс небезосновательно усматривает его сходство с текстом «Признаний негра Помпа» (1795) [Andrews, 1986: 121], где рассказчик, раб, приговоренный к смертной казни, повествует о том, как он зарубил топором своего спящего хозяина. Хенсон описывает внутреннюю борьбу, в ходе которой пробудившийся в нем «дикарь», «зверь» почти одерживает победу: «...от такой “благодарности” за мою верную службу моя кровь закипела, и я превратился из доброжелательного, приятного человека в угрюмого, опасного раба-дикаря. Я не собирался покорно, как агнец, идти на заклание; напротив, моя ярость росла день ото дня... мое возбуждение и гнев все усиливались и наконец вырвались из-под контроля» [Henson, 1849: 40–41]. Однажды ночью Джосайя, вооружившись топором, прокрался к спящему хозяину и занес над ним орудие убийства; далее описывается пережитый им нравственный перелом: «Я занес

топор для рокового удара — и вдруг ко мне пришла мысль: “Что же это? Убийство? И ты называешь себя христианином?” Ранее я не называл это убийством. Это была самозащита, попытка опередить тех, которые собираются убить меня, деяние оправданное, если не похвальное. И тут мне внезапно открылось, что это не что иное, как преступление... Я едва не потерял все плоды своих трудов по самосовершенствованию» [Henson, 1849: 42]. Схватка праведника и преступника в его душе завершается решительной победой первого. Снова обретая самоконтроль и ясность духа, Хенсон не только оставляет мысль о насилии, но и выхаживает тяжело больного хозяина (который предал его и везет на аукцион), следуя апостольской заповеди служить земным господам не за страх, а за совесть. История о преданном рабе, ставшем сиделкой при больном господине, лег в основу истории верного раба Сципиона, которую рассказывает в романе Огюстен Сен-Клер; что касается ярчайшего эпизода искушения убийством, он трансформировался под пером Бичер-Стоу: зарубить Легри топором (с помощью дяди Тома) собирается отчаявшаяся Касси, но Том увещевает ее не поддаваться дьяволу [Бичер-Стоу, 2010: 662–665].

Повествование Хенсона отличается жанровым синкретизмом и обилием топосов; те же черты присущи и роману Бичер-Стоу. Вместе с тем для великой аболиционистки в высшей степени нехарактерны амбивалентность и проблематичность в трактовке понятий «добро-зло», «порок-добродетель», которые типичны для сложной и «гибкой» системы нравственных координат в невольничьих повествованиях, в том числе и для текста Джосайи Хенсона. Исчерпав легальные пути освобождения, Хенсон принимает радикальное решение о побеге, не воспринимая этот выбор как морально сомнительный. Покушение на убийство хозяина соседствует с преданным служением недавней потенциальной жертвы. Повествуя о кражах хозяйского добра, которые он совершает, чтобы помочь своим страдающим братьям-рабам, Хенсон подает эти поступки как образчик христианского поведения — воровство во имя любви и милосердия. Текст Хенсона соединяет то, что у Бичер-Стоу будет разводиться и противопоставляться. Так, тема воровства и вранья как типичных пороков рабов у нее связана исключительно с топикой развращающего влияния рабства, которое вынуждает раба становиться «трикстером» (Энди и Сэм) и/или делает их нравственно незрелыми, инфантильными существами (Топси, Адольф другие слуги Сен-Клера). В романе аморализм угнетенного объясняется (но не оправдывается!) аморальностью всей системы рабовладения вообще; и на этом фоне тем удивительнее смотрится исключение — «моральное чудо» дяди Тома, который не мог бы допустить мысли о краже или лжи даже во имя помощи ближнему, ибо «грех никогда не породит ничего хорошего» [Бичер-Стоу, 2010: 663].

В творческой лаборатории Бичер-Стоу действуют известные законы фикциональности — писатель совершает «вымыслообразующие акты», занимается селекцией и комбинированием исходного материала, конструирует эффект жизнеподобия, выполняя социальный заказ; что же касается попыток поставить знак равенства между литературным героем и его прототипом, они диктовались экстралитературными побуждениями, относившимися к сфере пропаганды (Бичер-Стоу), авторского права (М. Делани) или коммерческой выгоды (преп. Джосайя Хенсон).

Список литературы

- Бичер-Стоу Х.* Хижина дяди Тома, или Жизнь среди униженных. М., 2010.
- Морозова Т.Л.* Гарриет Бичер-Стоу // История литературы США. Т. 3. М., 2000. С. 354–380.
- Орлова Р.Д.* Гарриет Бичер-Стоу. М., 1971.
- Панова О.Ю.* К истории афроамериканской литературной традиции: жанр признаний преступников в 18 веке и складывание автобиографического канона // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». 2014. № 1. С. 101–106.
- Панова О.Ю.* «Я восславил Господа: Джон Маррант и Первое религиозное пробуждение в Америке // Вестник Православного Свято-Тихоновского университета. Сер. III «Филология». 2012. № 2. С. 119–134.
- Andrews W.L.* To Tell a Free Story: The First Century of Afro-American Autobiography, 1760–1865. Urbana; Chicago, IL, 1986.
- The Anti-Slavery Harp; A Collection of Songs for Anti-Slavery Meetings / Comp. by William Wells Brown, A Fugitive Slave. Boston, MA, 1848.
- Beecher C.E.* A Treatise on Domestic Economy, for the Use of Young Ladies at Home and at School. Boston, MA, 1842.
- Beecher Stowe H.* The Key to Uncle Tom's Cabin; Presenting the Original Facts and Documents upon Which the Story is Founded, Together with Corroborative Statements Verifying the Truth of the Work. Boston, MA, 1853.
- Beecher Stowe H.* Uncle Tom's Cabin, or Life Among the Lowly. Boston, MA; Cleveland, OH, 1852.
- Bibb H.* Narrative of the Life and Adventures of Henry Bibb, an American Slave Written by Himself. N.Y., 1849.
- Brown W.W.* Narrative of William W. Brown, a Fugitive Slave. Written by Himself. Boston, MA, 1847.
- Bruce D.D. Jr.* The Origins of African American Literature: a History of the African American Literary Presence, 1680–1865. Charlottesville, VA, 2001.
- Child L.M.* The American Frugal Housewife, a book of kitchen, economy and directions. Boston, MA, 1829.

- Clarke L.; Clarke M.* Narratives of the Sufferings of Lewis and Milton Clarke, Sons of a Soldier of the Revolution, during a Captivity of More Than Twenty Years among the Slaveholders of Kentucky, one of the so Called Christian States of North America. Dictated by Themselves. Boston, MA, 1846.
- Condition of Fugitives in Canada // Provincial Freedom. 1855. October 13.
- Delany M.* Uncle Tom // Frederick Douglass' Paper. 1853. April 29.
- Douglass F.* Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Written by Himself. Boston, MA, 1845.
- Gardiner S.D.D.* The Attraction of the Cross; Designed to Illustrate the Leading Truths, Obligations and Hopes of Christianity. N.Y., 1845.
- Gossett T.F.* "Uncle Tom's Cabin" and American Culture. Dallas, TX, 1985.
- Grandy M.* Narrative of the Life of Moses Grandy, Late a Slave in the United States of America. L., 1843.
- Hayden W.* Narrative of William Hayden, Containing a Faithful Account of His Travels for a Number of Years, Whilst a Slave, in the South. Written by Himself. Cincinnati, OH, 1846.
- Henson J.* The Life of Josiah Henson, Formerly a Slave, Now an Inhabitant of Canada, as Narrated by Himself. Boston, MA, 1849.
- Henson J.* Truth Stranger than Fiction. Father Henson's Story of His Own Life. Boston, MA, 1858
- Henson J.* Uncle Tom's Story of His Life: an Autobiography of the Rev. Josiah Henson. L, 1876.
- Incident for Another "Uncle Tom's Cabin" // Voice of the Fugitive. 1852. July 29.
- Lane L.* The Narrative of Lunsford Lane, Formerly of Raleigh, N.C. Embracing an Account of His Early Life, the Redemption by Purchase of Himself and Family from Slavery, and His Banishment from the Place of His Birth for the Crime of Wearing a Colored Skin. Boston, MA, 1842.
- Negro Emigration and American Racism // Provincial Freedom. 1854. January 20.
- Palmer Ph.* The Way of Holiness. N.Y., 1845.
- S.J.* Home for the Refugees // Voice of the Fugitive. 1852. July 29.
- Sehora J.* Black Message/White Envelope: Genre, Authenticity, and Authority in the Antebellum Slave Narrative // Callaloo. № 32. Summer 1987. P. 482–515.
- Slave Murdered in Virginia // Provincial Freedom. 1854. July 1.
- The Slave's Narratives / Eds. C.T. Davis, H.L. Gates Jr. N.Y., 1985.
- Starling M.W.* The Slave Narrative: Its Place in American History (1946). Boston, MA, 1981.
- "Uncle Tom's Cabin" and American Culture: a Multimedia Archive / Dir. by Stephen Railton, Dept of English, University of Virginia. URL: <http://utc.iath.virginia.edu/sitemap.html> (accessed: 25.07.2018).
- Upham T.C.* Principles of the Interior or Hidden Life; Designed Particularly for the Consideration of Those Who Are Seeking Assurance of Faith and Perfect Love. Boston, MA, 1845.

Olga Panova

UNCLE TOM AND THE CHARACTER ARCHETYPE: FACTS AND FICTION

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper concentrates on the problem of plausibility and realism in Abolitionist texts — an issue being constantly debated by the readers, writers and scholars since the XIXth century and up to nowadays. The most famous Abolitionist novel *Uncle Tom's Cabin or Life Among the Lowly* (1852) was thought of not as much as a work of fiction, but as an evidence, an attempt to represent reality as it is, or, as Harriet Beecher Stowe herself described it, “a collection and arrangement of real incidents, of actions really performed, of words and expressions really uttered, grouped together with reference to a general result, in the same manner that the mosaic artist groups his fragments of various stones into one general picture.. a mosaic of facts.” Abolitionist literature tried to convince their readers that they deal with facts (and not fiction), which are represented rather truthfully; this attitude, highly typical of Abolitionist writing, complied with its basic target — antislavery propaganda. The fact that Harriet Beecher Stowe succeeded in her effort to equate her fictional world and reality is evidenced by the reviews of the novel and the readers' letters published in American and Canadian periodicals, including Martin Delany's and Frederick Douglass' polemical exchange of letters in the *Frederick Douglass Paper* in 1853. The ambiguous status of H. Beecher Stowe's text that resisted all attempts to draw a distinct line between facts and fiction resulted in the tendency to equate Uncle Tom and Josiah Henson, whose life story *The Life of Josiah Henson, Formerly a Slave, Now an Inhabitant of Canada, as Narrated by Himself* (1849) was an inspiration for Uncle Tom's story. Martin Delany insisted that the publisher of the novel is to pay royalties to Father Henson. As for Harriet Beecher Stowe, she devoted the major part of chapter VI “Uncle Tom” of her *A Key to “Uncle Tom's Cabin”* (a book, written to document veracity of the depiction of slavery in her novel) to Josiah Henson's narrative which obviously suggests that Henson was the main archetype for Uncle Tom. Comparative analysis of Henson's narrative and H. Beecher Stowe's novel, however, demonstrates that the novelist stuck to the principles of creative writing, and the dimensions of fictionalizing, such as selection, combination he created “the effect of reality”; therefore any attempts to equate a novel character with its archetype were made either for the reasons of antislavery propaganda (Harriet Beecher Stowe), copyright claims (Martin Delany), or commercial success (Rev. Josiah Henson).

Key words: American literary history; African American literature; Abolitionism; Harriet Beecher Stowe; *Uncle Tom's Cabin*; *Key to “Uncle Tom's Cabin”*; Uncle Tom; Josiah Henson; slave narratives; Martin Delany; prototype; novel character; fiction.

About the author: *Olga Panova* — Dr. habil., Professor, Department of the History of Foreign Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: olgapanova65@rambler.ru).

References

- Bicher-Stou H. *Khizhina dyadi Toma ili Zhizn' sredi unizhennykh* [Uncle Tom's Cabin, or Life Among the Lowly]. Moscow: Izdatel'stvi Sreten-skogo monastyrja publ., 2010. (In Russ.)
- Morozova T.L. Garriet Bicher-Stou [Harriet Beecher Stowe]. *Istoriya literatury SSHA* [Literary History of the USA], vol. 3. Moscow: IMLA RAN Publ., 2000, pp. 354–380. (In Russ.)
- Orlova R.D. *Garriet Bicher-Stou* [Harriet Beecher Stowe]. Moscow: Prosvetshchenie Publ., 1971. (In Russ.)
- Panova O. Yu. K istorii afroamerikanskoj literaturnoj traditsii: zhanr priznanij prestupnikov v 18 veke i skladyvanie avtobiograficheskogo kanona [Eighteenth Century Criminal Confessions and the Canon of Autobiography in African American Literary History]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin MRSU]. Series “Russian Philology”, 2014, No 1, pp. 101–106. (In Russ.)
- Panova O. Yu. ‘Ya vosslavil Gospoda’: Dzhon Marrant i Pervoe religioznoe probuzhdenie v Amerike [“And I Cries Hallelujah”: John Marrant and the First Great Awakening]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo universiteta* [St. Tikhon's University Review]. Series III “Philology”, 2014, No 2, pp. 119–134. (In Russ.)
- Andrews W.L. *To Tell a Free Story: The First Century of Afro-American Autobiography, 1760–1865*. Urbana; Chicago, IL, 1986.
- The Anti-Slavery Harp; A Collection of Songs for Anti-Slavery Meetings*, comp. by William Wells Brown, A Fugitive Slave. Boston, MA, 1848.
- Beecher C.E. *A Treatise on Domestic Economy, For the Use of Young Ladies at Home, and At School*. Boston, MA, 1842.
- Beecher Stowe H. *The Key to “Uncle Tom's Cabin”; Presenting the Original Facts and Documents Upon Which the Story Is Founded, Together with Corroborative Statements Verifying the Truth of the Work*. Boston, MA, 1853.
- Beecher Stowe H. *Uncle Tom's Cabin, or Life Among the Lowly*. Boston, MA; Cleveland, OH, 1852.
- Bibb H. *Narrative of the Life and Adventures of Henry Bibb, an American Slave Written by Himself*. N.Y., 1849.
- Brown W.W. *Narrative of William W. Brown, a Fugitive Slave. Written by Himself*. Boston, MA, 1847.
- Bruce D.D. Jr. *The Origins of African American Literature: A History of the African American Literary Presence, 1680–1865*. Charlottesville, VA, 2001.
- Child L.M. *The American Frugal Housewife, a book of kitchen, economy and directions*. Boston, MA, 1829.
- Clarke L., Clarke M. *Narratives of the Sufferings of Lewis and Milton Clarke, Sons of a Soldier of the Revolution, During a Captivity of More Than Twenty Years among the Slaveholders of Kentucky, One of the So Called Christian States of North America. Dictated by Themselves*. Boston, MA, 1846.
- Condition of Fugitives in Canada. *Provincial Freedom*, 1855, October 13.
- Delany M. Uncle Tom. *Frederick Douglass' Paper*, 1953. April 29.

- Douglass F. *Narrative of the Life of Frederick Douglass, an American Slave. Written by Himself*. Boston, MA, 1845.
- Gardiner S.D.D. *The Attraction of the Cross; Designed to Illustrate the Leading Truths, Obligations and Hopes of Christianity*. N.Y., 1845.
- Gossett T.F. "Uncle Tom's Cabin" and American Culture. Dallas, TX, 1985.
- Grandy M. *Narrative of the Life of Moses Grandy, Late a Slave in the United States of America*. L., 1843.
- Hayden W. *Narrative of William Hayden, Containing a Faithful Account of His Travels for a Number of Years, Whilst a Slave, in the South. Written by Himself*. Cincinnati, OH, 1846.
- Henson J. *The Life of Josiah Henson, Formerly a Slave, Now an Inhabitant of Canada, as Narrated by Himself*. Boston, MA, 1849.
- Henson J. *Truth Stranger Than Fiction. Father Henson's Story of His Own Life*. Boston, MA, 1858.
- Henson J. *Uncle Tom's Story of His Life: An Autobiography of the Rev. Josiah Henson*. L., 1876.
- Incident for Another *Uncle Tom's Cabin*. *Voice of the Fugitive*, 1852, July 29.
- Lane L. *The Narrative of Lunsford Lane, Formerly of Raleigh, N.C. Embracing an Account of His Early Life, the Redemption by Purchase of Himself and Family from Slavery, and His Banishment from the Place of His Birth for the Crime of Wearing a Colored Skin*. Boston, MA, 1842.
- Negro Emigration and American Racism. *Provincial Freedom*, 1854, January 20.
- Palmer Ph. *The Way of Holiness*. N.Y., 1845.
- S.J. Home for the Refugees. *Voice of the Fugitive*, 1852, July 29.
- Sekora J. Black Message/White Envelope: Genre, Authenticity, and Authority in the Antebellum Slave Narrative. *Callaloo*, summer 1987, No 32, pp. 482–515.
- Slave Murdered in Virginia. *Provincial Freedom*, 1854, July 1.
- The Slave's Narratives*, eds. C.T. Davis, H.L. Gates Jr. N.Y., 1985.
- Starling M.W. *The Slave Narrative: Its Place in American History* (1946). Boston, MA, 1981.
- Uncle Tom's Cabin and American Culture: A Multimedia Archive*, dir. by Stephen Railton, Dept of English, University of Virginia. URL: <http://utc.iath.virginia.edu/sitemap.html> (accessed: 25.07.2018).
- Upham T.C. *Principles of the Interior or Hidden Life; Designed Particularly for the Consideration of Those Who Are Seeking Assurance of Faith and Perfect Love*. Boston, MA, 1845.

Ян Шэнь

ИЕРОГЛИФ «ЧИНАРЕЙ» И КИТАЙСКИЙ ИЕРОГЛИФ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Предлагаемая статья является частью исследования, посвященного рецепции китайской культуры у обэриутов и тем неизбежным трансформациям, которые претерпевает китайская культура, в частности, ключевые понятия и идеи даосизма и буддизма, отражаясь в европейском сознании. С этой точки зрения рассматривается и понятие иероглифа, важное для модернистских художественных систем Запада. Высказывания обэриутов об иероглифе рассматриваются на фоне сопоставимых (и более ранних) высказываний П. Клоделя и Э. Паунда (при этом вопрос о контактных связях остается за рамками работы).

Автор статьи приходит к выводу, что «иероглиф», о котором западные модернисты и русские авангардисты говорили как об идеальном типе знака (иконическом, в котором означаемое и означающее совпадают, знак — «та вещь целиком, которую он знаменует» (слова П. Клоделя в переводе М. Волошина), — это иероглиф «идеализированный», «идея иероглифа», более всего похожий на древние пиктограммы; современная китайская письменность оперирует знаками разного типа, не только пиктограммами, но и идеограммами, фонетическими значками; эта историческая эволюция китайской письменности, бесспорно, известная европейским синологам, игнорируется европейскими поэтами, создающими условный, идеализированный и в некоторых отношениях упрощенный образ Китая. Рассуждения Л. Липавского о ценности «регрессивного движения» как интеллектуального процесса, о возврате к первоосновам («Я хотел через слова найти стихии, обнажить таким способом души вещей...») могут свидетельствовать, что такое игнорирование исторически реального китайского иероглифа в его движении от пиктограмм к условным знакам могло быть сознательным или точнее вполне органичным для чинарей.

Существенно и то, что «иероглиф» чинарей, в отличие от иероглифа как элемента традиционной письменности, не обязательно связан именно с письменной фиксацией речи: «иероглифами» чинари (прежде всего Я. Друскин) называют, например, образы и ситуации, в том числе (и даже прежде всего) не сотворенные художником, но присутствующие в самой

Ян Шэнь — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: y.shen@bk.ru).

жизни, — если они указывают на нечто высшее, невыразимое, являются его «меткой».

Ключевые слова: ОБЭРИУ; чинари; Д. Хармс; П. Клодель; Э. Феноллоза; Э. Паунд; Л. Липавский; иероглиф; компаративистика.

Как известно, «иероглиф» — одно из ключевых понятий философско-поэтической системы чинарей¹; иконические значки, очень похожие именно на иероглифы, иногда можно найти и в их текстах². Иероглиф чинарей уже был предметом внимания исследователей (см., например: [Шадрин, 2010]); в наименьшей степени изучен, как нам представляется, вопрос о том, как соотносятся представления чинарей об иероглифе и иероглиф в прямом смысле слова, элемент традиционной письменности (например, китайской). Опыт европейских модернистов, вдохновленных китайскими иероглифами, показывает, что некоторый «зазор» между «настоящим» иероглифом и иероглифом как модернистской эстетической идеей почти всегда есть. Этот вопрос, как нам представляется, имеет некоторый смысл, потому что обыгрывание понятия «иероглиф» у европейцев и хронологически совпадает и, по сути, связано с усилившимся вниманием Запада к восточной культуре вообще.

Иероглифическая письменность изучалась европейскими лингвистами; но помимо научного изучения иероглифа как такового в европейской культуре сформировалось представление об иероглифе как об особом типе знака, отличном от тех, которыми пользуется европейская письменность, и этот тип знака мог не только изучаться с научной точки зрения, но и переживаться эстетически. Модернисты,

¹ Иероглиф как термин в кругу чинарей, по свидетельству Н. Харджиева, впервые был употреблен Л. Липавским [Сборище друзей, 2000: 810], часто использовался Друскиным при обсуждении произведений А. Введенского, например, в «Некотором количестве разговоров» (1936–1937); он есть и у Хармса. Можно предположить, что термин «иероглиф» используется Липавским именно из-за его предполагаемого интереса к китайскому языку, хотя точных и прямых свидетельств об источниках и характере этого интереса нет.

С «иероглифом» как понятием чинарей связан, видимо, и проект занятий «иерографией» Л. Липавского: «в середине 20-х годов Ляня <Липавский> предложил мне заниматься тем, что он назвал иерографией. Подробностей я не помню. Возможно, что Ляня хотел составить смысловой словарь слов, то есть словарь, в котором слова располагались <бы> не по алфавиту, а по смыслу. Корневой словарь? <...> У Лени были составлены предварительные таблицы родства слов. Мне кажется, из иерографии и возникла “Теория слов”» (воспоминания Я. Друскина, цит. по: [Сборище друзей, 2000: 812]).

² «Вы не забыли значки на стенах в моей комнате. Очень часто попадается такой значок: □ я называю его «окно». <...> Это была Эстер (в переводе на русский — Звезда). <...> Я разговаривал с Эстер не по-русски и ее имя писал латинскими буквами: ESTHER. Потом я сделал из них монограмму, и получилось □. И вот однажды я увидел, что значок □ и есть изображение окна...» (Д. Хармс, 1931 г., набросок письма Р.И. Поляковской, цит. по [Хармс, 2001: 138]).

мечтая о новом художественном языке и о новом общечеловеческом языке, надеялись, что в воплощении этой мечты может помочь знак иероглифического типа.

Отношение авангардистов XX в. к иероглифическому письму существенно отличается от того, как оценивали иероглиф европейцы в XIX в. Для европейского XIX в. к иероглифу показательна, например, позиция А.С. Хомякова, воспринимавшего китайскую культуру как нехристианскую и даже вообще внерелигиозную, связанную прежде всего с материальным, вещественным началом: «Гласовая азбука, в своей рабской зависимости от языка, сохраняет свободу мыслящего духа. Иероглиф ставит мысль человека в рабские отношения к внешней природе» [Хомяков, 1994: 308].

Поэты и художники XX в. не отказываются от понимания иероглифа, как теснейшим образом связанного с вещным миром (в отличие от фонематической европейской письменности); однако в XX в. признается ценность вещи, видимого, противопоставляемого не духовному, а отвлеченному, неконкретному.

В эстетических декларациях модернистов китайский иероглиф предстает явлением существенно более простым, чем в современной китайской письменности. С иероглифом связывается прежде всего представление о пиктограммах, прямо изображающих называемый объект (такие пиктограммы сохранились и до сих пор, например 龟 (черепаха), 艹 (травы), 门 (дверь)); между тем в китайские иероглифы претерпели большие исторические изменения, часто становясь очень условными и утрачивая первоначальный иконический характер. Кроме относительно упрощившихся пиктограмм, в китайской письменности используются так называемые идеограммы, указывающие не на объект, а на понятие (вот, например, указательные идеограммы: 一, 二, 三 — один, два, три; 上, 下 — наверх, вниз; 中 — середина). Важно, что в современном китайском письме начертание слова включает фонетическую составляющую, значки, указывающие на произношение.

Иконическая природа знака в современной китайской письменности, однако, в значительной степени сохраняется и проявляется, например, в так называемом ключе — части иероглифа, задающей область значения. В качестве примера назовем здесь такие часто используемые иероглифы, как 氵 (вода), 亻 (человек), 木 (дерево), из которых составляются разнообразные иероглифы, связанные с «материальной» семантикой ключа: 江 (река), 流 (течь), 淡 (легкий, слабый); 从 (следовать), 丛 (пучок, толпа), 众 (много людей); 林 (роща), 森 (лес). Ключ 豸 (животное) участвует в образовании иероглифов 狗 (собака), 猫 (кот), 猪 (свинья); ключ 钅 (металл) — в образовании иероглифов 铁 (железо), 钢 (сталь), 银 (серебро); ключ 囗 (ограниченное пространство) — в образовании иероглифов

困 (безвыходность, осажденное положение), 田 (поле), 囚 (узник); ключ 讠 (речь) — в образовании иероглифов 说 (говорить), 词 (слово), 读 (читать); ключ 辶 (движение) — в образовании иероглифов 远 (далеко), 近 (близко), 运 (возить).

Среди самых ранних модернистских текстов, посвященных семантическим особенностям и возможностям иероглифа, можно назвать стихотворение в прозе П. Клоделя “*Religion du signe*” (1898). Внимание русских читателей на слова Клоделя о иероглифе не случайно обратил М.А. Волошин, который, будучи и поэтом, и художником, оказался особенно чуток к визуальной выразительности иероглифа. Волошин одобрительно цитирует переведенные им слова Клоделя: «Латинская буква властным жестом утверждает, что вещь такова; китайский же знак есть та вещь целиком, которую он знаменует» [Волошин, 2000: 119].

К понятию иероглифа как художественно актуальному последовательно обращался Эзра Паунд. Разработка понятия иероглифа у Паунда — важнейшая составляющая его эстетики, один из центральных эпизодов истории англоязычной поэзии XX в. По мнению Паунда, слово должно отождествляться с вещью: оно не символически описывает какую-то вещь, а воплощает полноту своего бытия; в 1914 г. поэт писал: «Главное в имагизме то, что он не позволяет использовать образы как украшения. Образ сам по себе есть речь. Образ — это слово по ту сторону сформулированного языка» [Pound, 1970: 53].

Известно, что эстетика Паунда в значительной степени сформировалась под влиянием идей востоковеда Э. Феноллозы, трактат которого, “*The Chinese Written Character as a Medium for Poetry*”, Паунд, отредактировав, напечатал в 1920 г. вместе с собственными работами. Феноллоза противопоставлял китайское иероглифическое письмо и произносимое слово, подчеркивая преимущества первого: “*Chinese notation is something much more than arbitrary symbols. It is based upon a vivid shorthand picture of the operations of nature. In the algebraic figure and in the spoken word there is no natural connection between thing and sign: all depends upon sheer convention. But the Chinese method follows natural suggestion*” [Pound, 1920: 362]. По Феноллозе, в иероглифе отражается «словесная идея действия», в нем есть внутренняя динамика, обусловленная взаимодействием элементов, составляющих иероглиф и отражающих взаимодействие явлений, существ, сил в самой природе.

* * *

У чинарей понятие иероглифа связано с их представлениями о возможностях познания. Предполагается, что человеческому уму, ограниченному рамками времени, недоступно целостное восприя-

тие мира; человек понимает предмет только «сейчас» и «здесь», в переживаемое мгновение. Соответственно, нельзя создать знак, который интегрировал бы разные состояния предмета во времени (прошлое — настоящее — будущее), всякие попытки такой знак предложить неплодотворны. Знак иероглифического типа наиболее точно фиксирует человеческое восприятие мира, потому что он не попытка ложного обобщения, а метка, указание на нечто «реальное», «здесь и сейчас»; в иероглифе есть, как это называл Я. Друскин, «единосущность знака означаемому» [Сборище друзей, 2000: 398].

«Иероглиф» чинарей отличается от иероглифа как элемента традиционной письменности уже тем, что он совсем не обязательно связан именно с письменной фиксацией речи, он совсем не обязательно знак на бумаге или, по крайней мере, не только такой знак (заметим, что и Клодель, и Хлебников видят иконические знаки в буквах латиницы и кириллицы: модернисты до чинарей гораздо ближе к употреблению термина «иероглиф» в значении, близком к исходному). Друскин свидетельствовал о том, как для него как для творящего автора в знак превращались ситуации: «Все мои вещи начинались с видения какого-либо материального иероглифа. Только понятие “материального” надо расширить. Например: небо ночью, звуки уходящих трамваев; при переходе трамвайной линии на углу Невского и Литейного пр. (тогда по Невскому проходили трамвайные пути); прогулка в Александровском парке, дождь, солнце, радуга; желание курить, пауза между вдохом и выдохом дыма; черточки и линии... открытое окно вечером, страх выпасть, “а Бог смеется” — я видел это почти телесно, глазами» [там же: 59–60]. Иероглиф, таким образом, понимается как связь между материально конкретным, единичным — и чем-то несказанным, бесконечным, как указание на это несказанное. Наиболее прямо это сформулировано у Липавского: «Иероглиф — некоторое материальное явление, которое я непосредственно ощущаю, чувствую, воспринимаю и которое говорит мне больше того, что им непосредственно выражается как материальным явлением» [там же: 324–325]. Понятие «иероглиф» определяется большинством исследователей творчества чинарей и обэриутов как то, что делает заметным расстояние между знаком и означаемым, границу ума и тела. Чинари, в особенности Друскин и Введенский, всегда уделяли внимания именно «пробелам» и «границам», а Липавский и Хармс — «этому и тому», релятивному равновесию³.

³ Среди самых распространенных иероглифов чинарей и обэриутов — те, которые связаны с представлениями о границах разного рода: между сознанием и телом, с рождением / смертью, сейчас (настоящее время), здесь / тут (пространство), завершенностью (форма круга).

Превращаясь в иероглифы (индивидуальные или общие для «диалекта» группы⁴), слова у обэриутов уходят от своего словарного значения, становятся семантически загадочными, что усиливает впечатление их необычайно сильной связи с контекстом конкретной ситуации, с «реальностью». Например, так теряет свое значение слово «четверг» в стихотворении «Мир» Введенского: «На обоях человек, / а на блюдечке четверг»; слово «конь» в стихотворении Хармса «Двести бабок нам плясало...»: «конь бездонного мореха» (а вот, например, в стихотворении Заболоцкого «Лицо коня» «конь» имеет значение вполне привычное). По словам Друскина, значение иероглифа «не может быть определено точно и однозначно, его можно передать метафорически, поэтически, иногда соединением логически несовместимых понятий, то есть антиномией, противоречием, бессмыслицей» [там же: 325].

Заметим, что принцип составления иероглифа, указывающего на понятие, из «материальных» элементов предопределил возможность обозначать одно и то же отвлеченное понятие очень по-разному. Так, в древнем Китае очень разные предметы и явления использовались при обозначении определенных промежутков времени: курительная свечка, чашка чая и т.д. Не предполагая здесь никакой генетической связи (она не только в этом случае крайне маловероятна, но и не требуется для объяснения явления), все-таки напомним, что и у обэриутов к одному и тому же обозначаемому могут отсылать многочисленные иероглифы, особенно заметно это у Хармса и Введенского: рождение/смерть — младенец, новорожденный, море, конь, старуха и т.д.; настоящее время — река, ручей, часы без стрелы, суп, стоячая вода и т.д.; здесь / тут — сундук, шкаф, стакан, диван и т.д.; завершнное / совершенство, форма круга — Бог, шар и т.д.

* * *

Натурфилософия Липавского сопоставима с некоторыми явлениями в китайской культуре. В его рассуждениях иероглиф возвращается к уровню первичных стихий:

⁴ Исследователи уже отмечали, что у отдельных обэриутов были свои ключевые иероглифы [Коновалова, 2005]. Например, для Введенского ключевые иероглифы связаны со временем и смертью: «море», «волна», «конь», «растения», «звери»; для Хармса с обыденным мышлением, желаниями, бытом: «суп», «тарелка», «стакан», «дом», «окно», «шкап», «колпак»; для Вагинова с телом: «пальцы», «плечо», «ноги» и т.д.; для Заболоцкого с представлениями о всяческом «наоборот»: «за дом наперед», «кверху дном» и т.д. У слова в идиолекте рождаются устойчивые значения; так, слово «сабля» во многих произведениях Хармса функционирует в качестве меры для измерения непостижимых формальной логикой свойств мира: «Шагами измеряют пашни, / а саблей тело человеческое».

«Л.Л.: Слова обозначают основное — стихии; лишь потом они становятся названиями предметов, действий и свойств. Неопределенное наклонение и есть название стихии, а не действия. Есть стихии, например, тяжести, вязкости, растекания и другие. Они рождаются одни из других. И они воплощены в вещах, как храбрость в льве, так что вещи — иероглифы стихий. Я хочу сказать, что выражение лица прежде самого лица, лицо — это застывшее выражение. Я хотел через слова найти стихии, обнажить таким способом души вещей, узнать их иерархию. Я хотел бы составить колоду иероглифов, наподобие колоды карт» [Сборище друзей, 2000: 226].

Эволюция языка у Липавского уподобляется превращению из неорганического в органическое, переходу из состояния газообразного в жидкое и твердое:

«Дыхание — проекция на жидкость — проекция на мускульное усилие — проекция на вещи, действия и свойства; такова история значений» [там же: 254].

Эта образность и система представлений подробно разрабатываются в работах Липавского: «Трактат о воде» (начало 1930-х годов) и «Теория слов» (1935).

Липавский считает, что современная наука о языке не обращала достаточного внимания на вопрос о происхождении языка, об истории значений.

Порождение значения представлено Липавским так: исходный пункт — дыхание, конечный пункт — мир твердых тел, в котором мы живем. В «Теории слов» поясняется, что есть еще одна стадия — «проекция значений на жидкость» [там же: 265–266], «слова отмечают: густоту, вязкость, растекание, течение бурное или спокойное, обволакивание и захватывание потоком, выпрыскивание и т.п.» [там же: 266]. Главными характеристиками слов на этой стадии являются беспредметность и бессубъектность. За этим следует проекция значений на вещи, действия и свойства:

«Эта стадия истории значений постепенно перешла в новую, когда предметы и действия уже отделились от мускульных усилий, связанных с ними прежде, стали самостоятельными. Только тогда новые значения получили возможность возникать не по строго определенным принципам, а по разнообразным связям, существующим на практике между разными предметами и разными действиями, — по ассоциациям» [там же: 270].

Липавский, таким образом, движется в направлении, обратном эволюции письменности: «Гордитесь, вы присутствовали при Противоположном Вращении. На ваших глазах мир превращался в то, из чего возник, в свою первоначальную бескачественную основу» [там же: 79]. Регрессивный процесс (*противоположное вращение*) возвращает языку его исходную близость к миру.

Список литературы

- Ванна Архимеда / Сост., подгот. текста, вступ. ст., примеч. А.А. Александрова. Л., 1991.
- Волошин М.А.* Поль Клодель в Китае (1911) // Волошин М.А. Собр. соч. М., 2000. Т.3.
- Дроздов К.В.* Липавский и Друскин: Чинари в поисках смысла // Вестник РГГУ. 2007. № 10.
- Жаккар Ж.-Ф.* Даниил Хармс и конец русского авангарда / Пер. с фр. Ф.А. Перовской. СПб., 1995.
- Коновалова А.Ю.* Эстетика и поэтика обэриутов: Дисс. ... канд. филол. наук. Бирская гос. социально-педагогическая академия. Уфа, 2005.
- Кобринский А.А.* На «левом фланге» Ленинграда: обэриуты и «Воинствующий орден имагинистов» // Поэтика ОБЭРИУ в контексте русского литературного авангарда XX века. СПб, 2013. С. 240–271.
- Сборище друзей, оставленных судьбою / Сост., комм., предисл. В.Н. Сажина: В 2 т. Т. 1. М., 2000.
- Хармс Д.* Записные книжки: В 2 ч. Ч. 2. СПб, 2002.
- Хармс Д.* Полное собрание сочинений: В 4 т. Т 4. СПб, 2001.
- Хлебников В.* Наша основа // Хлебников В. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 2005.
- Хомяков А.С.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1994.
- Шадрин А.А.* Знаки-иероглифы в системе Я.С. Друскина // Вестник Удмуртского университета. Философия. Психология. Педагогика. 2010. Вып. 1.
- Pound E.* Instigations of Ezra Pound, together with an essay on the Chinese written character. N.Y., 1920.
- Pound E.* A Critical Anthology. L, 1970.

Ian Shen

THE TRADITIONAL CHINESE HIEROGLYPH AND THE HIEROGLYPH OF THE CHINARI LITERARY GROUP

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses the reception of Chinese culture by the OBERIU, or Chinari, a short-lived avant-garde group of Russian Futurist writers, musicians, and artists in the 1920s and 1930s, as well as specifics of its reflection in European consciousness. Of special interest is the concept of hieroglyph which was important for western modernist aesthetic systems. Oberiuists' views are contrasted to the views of P. Claudel and E. Pound who had spoken about the hieroglyph earlier. It is argued

that the hieroglyph, about which western modernists and Russian avant-gardists spoke as the best type of sign, is an idealized concept that reflects our knowledge of ancient pictograms and differs from the modern Chinese writing system that has to do with signs of different types, not only iconic, but also ideogrammic and phonetic. The historical evolution of Chinese writing, undoubtedly known to European sinologists, is ignored by European poets who create an idealized and somewhat simplified image of China. L. Lipavsky's speculations on the value of 'regressive movement' as an intellectual process prove that ignoring the Chinese character in its evolution from pictograms to conventional signs could have been conscious, or consistent, for these thinkers. The hieroglyph of the Chinari, unlike the hieroglyph as an element of traditional writing, is not necessarily connected with the written fixation of speech as Chinari, specifically Ja. Druskin, have interpreted 'hieroglyphs' as images and real-life situations provided that these images and situations point at something higher and inexpressible.

Key words: OBERIU; D. Kharms; P. Claudel; E. Fenollosa; E. Pound; L. Lipavsky; hieroglyph; comparative studies.

About the author: *Ian Shen* — PhD Student, Department of the History of Modern Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: y.shen@bk.ru).

References

- Vanna Arkhimeda* [Archimedes bath], sost., podgot. teksta, vstup. st., pri-mech. A.A. Aleksandrova [Ed, foreword, commentaries by A.A. Alexandrov]. L.: Khudozhestvennaia literatura [Leningrad: Literature], 1991. (In Russ.)
- Voloshin M.A. *Pol' Klodel' v Kitae (1911)*. [Paul Claudel in China] Voloshin M.A. *Sobr. soch. M.*, 2000. T. 3. (In Russ.)
- Drozдов K.V. *Lipavskii i Druskin: Chinari v poiskakh smysla*. [Lipavsky and Druskin: Chinari in search of meaning] *Vestnik RGGU*. [Bulletin of Russian State University for the Humanities] 2007. № 10. (In Russ.)
- Jaccard J.-F. *Daniil Kharms i konets russkogo avangarda*. [Daniil Kharms and the end of Russian avant-garde] *Per. s fr. F.A. Perovskoi* [translated from French by F.A. Petrovskaya] SPb.: Akademicheskij proekt [St. Petersburg: Academic Project], 1995. (In Russ.)
- Konovalova A. Ju. *Estetika i poetika oberiutov*: Diss. ... kand. filol. nauk. Birskaia gos. sotsial'no-pedagogicheskaia akademiia [Aesthetics and poetics of oberiuts. Candidate of Philology thesis. Birk state socio-pedagogical University] Ufa, 2005. (In Russ.)
- Kobrinskii A.A. *Na «levom flange» Leningrada: oberiuty i «Voinstvuiushchii orden imazhinistov»*, *Poetika OBERIU v kontekste russkogo literaturnogo avangarda XX veka*. [On the left flank of Leningrad: the oberiuts and the Militant order of the imagists, Poetics of OBERIU in Russian literary avant-garde of the XX century context] SPb.: Svoe izdatel'stvo [St. Petersburg: Own publisher], 2013. S. 240–271. (In Russ.)

- Sborishche druzei, ostavlennykh sud'boiu* [A bunch of friends by fate forlorn], Sost., komm., predisl. V.N. Sazhina [Ed., foreword, commentaries by V.N. Sazhin]. V 2 t. [In 2 vol.] T. 1. M.: Ladomir [Moscow: Ladomir], 2000. (In Russ.)
- Kharm's D. *Zapisnye knizhki* [Notebooks]. V 2 ch. [In 2 vol.] Ch. 2. [Vol.2] SPb.: Akademicheskii proekt [St. Petersburg: Academic Project], 2002. (In Russ.)
- Kharm's D. *Polnoe sobranie sochinenii*: V 4 tt. [Complete works: In 4 vol.] T. 4. SPb.: Akademicheskii proekt [St. Petersburg: Academic Project], 2001. (In Russ.)
- Khlebnikov V. *Nasha osnova* [Our basis], Khlebnikov V. *Sobr. soch.*: V 6 t. [Works: In 6 vol.] T. 6 [Vol. 6]. M.: IMLI RAN [Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences], 2005. (In Russ.)
- Khomiakov A.S. *Soch.*: V 2 t. T.1. M.: Medium [Works: in 2 vol. Vol. 1. Moscow: Medium], 1994. (In Russ.)
- Shadrin A.A. *Znaki-ieroglify v sisteme Ia.S. Druskina*, Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofii. Psikhologii. Pedagogika. 2010. Vyp. 1 [Signs of hieroglyphics in the system of Ya.S. Druskin, Bulletin of Udmurtia University. Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2010. Issue 1]. (In Russ.)
- Pound E. *Instigations of Ezra Pound, together with an essay on the Chinese written character*. N.Y.: Boni and Liveright Press, 1920.
- Pound E. *A Critical Anthology*. L., 1970.

К 100-летию А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

М.М. Голубков

М. ГОРЬКИЙ И А.И. СОЛЖЕНИЦЫН: В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮБИЛЕЙНОГО ГОДА

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена сопоставлению творческого опыта двух великих писателей XX в.: Горького и Солженицына. Несмотря на противоположные политические и философские взгляды двух художников, принципиально различные писательские репутации, их объединяют и схожие черты: это масштаб творческого наследия, наличие эпических, драматургических, лирических и лиро-эпических произведений, реализм, общие аспекты проблематики, одни и те же эпохи русской жизни, к которым они обращаются. Их объединяет еще и то, что их подлинный облик заслонен многочисленными мифами.

В статье сопоставляются гражданские позиции писателей, анализируются их отношения с политической властью. Большое внимание уделяется проблематике их творчества, анализу созданных ими типов национальной жизни, принадлежащих одному историческому периоду: последней трети XIX — первой трети XX в.

Однако наибольшее внимание уделяется трактовке обоими писателями такого важного аспекта исторического опыта XX в., как ГУЛАГ и тюрьма. Горький, вернувшись в СССР, испытывает интерес к «перековке», «переделке» человека в ГУЛАГЕ; Солженицын делает ГУЛАГ одним из главных предметов своего изображения. При этом оба писателя видят в тюрьме позитивные стороны. С точки зрения Горького, советская пенитенциарная система перевоспитывает уголовников и политических противников советской власти, делая из них убежденных строителей коммунизма. С точки зрения Солженицына, тюрьма может дать личности позитивный опыт противостояния режиму. Таким образом, Солженицын опровергает социальные иллюзии Горького. В статье показывается, что главным корнем разногласий становятся принципиально разные философские воззрения двух художников. Горький является убежденным гуманистом, Солженицын же — религиозным мыслителем и писателем.

Голубков Михаил Михайлович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: m.golubkov@list.ru).

Ключевые слова: Горький; Солженицын; религиозный писатель; гуманизм Горького; ГУЛАГ; мифологизация образа писателя; писательская репутация; творческое поведение.

Юбилей — дело в определенной степени опасное. Он не только дает повод осмыслить место юбиляра в литературном строю, но и подталкивает к полировке хрестоматийного глянца, что приводит ко все большему отдалению от реального прототипа и вольной или невольной мифологизации его образа.

Нынешний, 2018, год ознаменован двумя круглыми датами: 150 лет со дня рождения Максима Горького и 100 лет со дня рождения Александра Исаевича Солженицына. Неожиданная встреча литературных антиподов в пространстве юбилейного года дает возможность несколько по-новому посмотреть на противоположные фигуры русской литературной истории и не создать новые мифы о них, но, напротив, попытаться, насколько это возможно, представить подлинное место каждого в литературной истории и выявить их неизбежную соотнесенность, обнаружить содержание диалога, в который они, вольно или невольно, вступают как классики русской литературы XX столетия.

Конечно же, реальный диалог между ними был невозможен, они просто не совпали во времени: когда Горький ушел из жизни, Солженицыну не исполнилось еще восемнадцати лет и о его писательских перспективах кроме него самого никто не знал. Естественно, никаких высказываний в адрес Солженицына Горький не сделал. Солженицын в адрес Горького высказывался, и всегда крайне резко, не принимая его общественную позицию и потому, вероятно, не видя тех художественных открытий, которые связаны с его именем. Горькому не нашлось места в «Литературной коллекции» Солженицына, судя по всему, он не воспринимал его как крупного художника, видя в нем основоположника не только социалистического реализма, но и нового типа творческой личности — «советского писателя», Солженицыну ненавистного. Образы советского писателя, талантливого, но лживого, ищущего компромисса с властью и стремящегося всячески ей угодить, даже в домашней застольной беседе, которая не слишком отличается от партсобраний, созданы и в романе «В круге первом» (Галахов), и в рассказе «Абрикосовое варенье» (безымянный Писатель).

Но самое важное, вероятно, в другом: для Солженицына как писателя, мыслителя, публициста, историка характерно тотальное неприятие революции и послереволюционной власти, которая созидалась в 1920–1930-е годы — часто при непосредственном участии Горького. В Горьком он видит виновника ее преступлений и прочно ассоциирует его с ленинской диктатурой и сталинским репрессивным режимом.

Очевидным подтверждением причастности Горького к репрессивному аппарату может стать фрагмент из «Архипелага ГУЛАГ», в котором повествуется о посещении «пролетарским писателем» Соловецкого лагеря. Солженицын подробно описывает ожидания заключенных, которые связывают с посещением писателя иллюзорные надежды на изменение своего положения. Они надеются через него открыть правду о Соловках, думают о том, как смогут высказать ему все: «Надо знать заключенных, чтобы представить их ожидание! В гнездо бесправия, произвола и молчания прорывается сокол и буреви́стник! первый русский писатель! вот он им пропишет! вот он им покажет! вот, батюшка, защитит! Ожидали Горького почти как всеобщую амнистию» [Солженицын, 1990: 43]. Особенно трагичной выглядит судьба некоего мальчика, который смог уединиться с Горьким и в течение полтора часового разговора открыл ему глаза на подлинное положение узников УСЛОНа, в результате чего Горький сентиментально расплакался, обнял мальчика, сел на паром и уплыл, не слыша, вероятно, винтовочных выстрелов — мальчика расстреляли. Из этого эпизода Солженицын делает вывод о том, что Сталин зря убил Горького в 1936 г. — тот вполне принял бы и репрессии 1937 г.

Разумеется, этот эпизод и его трактовка могут быть оспорены: никто не знает, что это был за мальчик, действительно ли его расстреляли — и вопрос, ставший лейтмотивом книги «Жизнь Клима Самгина»: «А был ли мальчик? Может, никакого мальчика-то и не было?» — звучит в контексте этого эпизода без всякой иронии. Мы знаем лишь, что Горький действительно посещал Соловки в 1929 г., беседовал с осужденными, общался с Ягодой. Все остальное — фольклор обитателей ГУЛАГА, а не документально зафиксированные факты. А вот брошенная мимоходом фраза как содержащая совершенно достоверный факт об убийстве Сталиным Горького критики с современных научных позиций не выдерживает. Достаточно вспомнить исследования, проведенные в секторе М. Горького ИМЛИ РАН [Вокруг смерти Горького, 2001; Спиридонова, 2004; Спиридонова, 2013], которые документально опровергают версию об убийстве Горького Сталиным, зато назван другой убийца — Ягода, чьим политическим интересам и далеко идущим планам как раз и отвечала смерть писателя.

Конечно, когда Солженицын писал «Архипелаг ГУЛАГ», современные научные труды о жизни и творчестве Горького еще не были созданы в ИМЛИ РАН, наиболее авторитетном центре современного горьковедения, и нелепо упрекать его в том, что он находился в близком ему контексте источников информации, которые легли в основу «опыта художественного исследования». Дело в другом:

Солженицын отвергает не столько художественный опыт Горького, сколько его общественную роль в «России фараонов», как назвал в 1935 г. СССР Р. Роллан, и, как следствие, те социальные маски, которые были на него надеты по возвращении из эмиграции. По сути дела, Солженицын воспроизводит мифологические образы некогда «буревестника революции», теперь же «бывшего главсокола, ныне центружа», которые формировались в 1920-е годы рапповской и левовской критикой. По крайней мере, вопрос о том, зачем приплыл Горький на Соловки, чего он искал в этой поездке, какие иллюзии питал и почему, в «Архипелаге» не ставится. Мы вернемся к этому вопросу позже: в ответе на него во многом и кроется причина принципиального несовпадения двух великих писателей XX в. Но только ли несовпадений? Эпизод с Соловецким визитом Горького парадоксально открывает и точки схождения между ними...

2018 год, в пространстве которого встретились два юбиляра, дает возможность посмотреть на взаимоотношения этих писателей в несколько ином ракурсе и увидеть в них не только непримиримых оппонентов. Возможно, их сближает, помимо юбилейных дат, еще что-то не менее важное в контексте русской литературной (и не только литературной) истории.

В первую очередь, это писательские репутации. Перед нами два ближайших к нам по времени великих писателя: Горький — первой половины XX в.; Солженицын — второй. Равновеликий масштаб их в контексте литературной истории XX в. подтверждается объемом созданного.

Оба проявили себя как эпики, как создатели эпических полотен национальной жизни в ее историческом измерении: это «Жизнь Матвея Кожемякина», «Дело Артамоновых», «Жизнь Клим Самгина» — у Горького; «Раковый корпус», «В круге первом», «Архипелаг ГУЛАГ» и, конечно же, «Красное Колесо» — у Солженицына.

Оба обращались к другим родам литературы: к лирике, к лиро-эпосу (поэма «Дороженька» у Солженицына) и, конечно же, к драматургии. Горьковская драматургия представляет собой более объемный массив литературы, но и драмы Солженицына, как, например, его трилогия «1945 год», куда вошли «Пир победителей», «Пленники», «Республика труда», занимает важное место в литературной истории.

Во-вторых, сближает их и общественная позиция непримиримых критиков существующего политического режима: царского и ленинского — у Горького; советского — у Солженицына. В конечном итоге, оба они «бодались с дубом», и из этой борьбы вышли титанами — победителями. Горький участвовал в первой русской революции 1905–1907 гг., помогал революционерам деньгами, был

вынужден скрываться в эмиграции после поражения революции; приветствовал свержение ненавистного ему царизма, т.е. в итоге победил «дуб», с которым «бодался». Правда, спустя всего несколько месяцев автор «Несвоевременных мыслей» вынужден был перед новым «дубом» отступить, его не преодолев, и в результате уехать во вторую эмиграцию в 1921 г. Солженицыну борьба с «дубом» стоила ареста и депортации, но «дуб» все же рухнул — в том числе и из-за усилий «теленка». Правда, вернувшись из изгнания, писатель создает книгу «Россия в обвале» (1998), своего рода аналог «Несвоевременных мыслей», написанных на 80 лет раньше, которая ставит его, как и Горького, в оппозицию новой власти. Кульминацией этого противостояния оказывается отказ от ордена Святого апостола Андрея Первозванного — получать его из рук Ельцина писатель отказывается. Вернувшись на рубеже 1920—1930-х годов на родину, Горький пытается играть роль «умягчителя сердец и нравов» при Сталине, своеобразного просветителя, роль подобную той, что играл Державин при дворе Екатерины Второй. В какой-то степени это ему удается: примеры заступничества Горького, когда его обращения и ходатайства удовлетворялись, общеизвестны, и список их выглядит весьма внушительно. Эту роль ему удавалось играть, по крайней мере, до декабря 1934 г., до убийства Кирова, которое усиливает недоверие и подозрительность Сталина, в том числе и по отношению к Горькому. Солженицын после ухода Ельцина видит в Путине политического лидера, способного вывести Россию из обвала, и его отношение к власти, как и у Горького в конце жизни, меняется. Оба уходят из жизни не оппонентами власти, но, скорее, ее сторонниками и даже сподвижниками. Оба получают своеобразную посмертную канонизацию в качестве великих художников современности, что, собственно, вполне справедливо.

В-третьих, парадоксально сближаются и их эстетические взгляды. Оба были убежденными реалистами, один категорически отвергал модернизм (для Горького он был синонимом декаданса, и созданный им комический образ Смертяшкина указывает на это со всей очевидностью), а неприятие Солженицыным постмодернизма известно каждому, кто обращался к его публицистике, где писатель говорит о постмодернизме как о «натужной игре на пустотах», размышляет о «безжизненности» его перспектив. Оба, однако, ощущая себя реалистами, были передовыми художниками своего времени и не могли обойти творческие открытия модернизма и постмодернизма, возможно, того не осознавая. Например, в цикле рассказов 1922—1924 гг. Горький принципиально отказывается от реалистической мотивировки характеров, понимая ее явную недостаточность для современного уровня литературного развития, а Солженицын в

«Красном Колесе» обнаруживает не только близость к модернистской эстетике, но и к творческим опытам постмодернизма.

Говорить о сближении двух художников в литературном пространстве их столетия возможно еще и потому, что оба, обращаясь к одной и той же эпохе русской жизни, началу XX столетия, создали удивительные национальные типы, в первую очередь, женские. Образы Вассы Железновой, Марины Зотовой («Жизнь Клима Самгина») соотносятся с образами Ирины и Ксении Томчак, Ольды Андозерской («Красное Колесо») — обоим писателям удалось создать удивительные типажи русских женщин, поражающих своей силой, красотой и незаурядностью, — будь то кормчая сектантского корабля (Марина Зотова у Горького) или профессор истории, специалист по европейскому средневековью (Ольда Андозерская у Солженицына). Пожалуй, в литературе XX в. лишь Распутину удалось создать тип русской женщины, пусть и принадлежащий совершенно иной социально-исторической и культурной среде, но равный по силе, масштабности и незаурядности образам Горького и Солженицына.

И такого рода аналогий можно привести множество. В данном случае речь не идет о влиянии Горького на Солженицына, а, скорее, о типологических схождениях двух художников равного масштаба при обращении к одной и той же исторической эпохе. Оба писателя создают ярчайшие типы русской жизни, созданные переломной эпохой. Это и образы русских предпринимателей (Артамоновы, Савва Морозов, миллионщик Бугров — у Горького; экономия Томчака — у Солженицына); образы революционеров (Кутузов, Рахиль — у Горького; Адалия и Агнесса Ленартовичи — у Солженицына); образ Ленина, конечно же, с диаметрально противоположных позиций — у обоих; образы провокаторов (Карамора — у Горького; Богров — у Солженицына).

И еще одна общая черта, касающаяся уже не столько творческого наследия двух великих писателей, сколько их писательской репутации, которая создавалась и при жизни, и после ухода каждого из них. Речь идет о мифологизации образа писателя, о том, что он со временем обрастает мифами, которые часто, не имея никакого основания ни в творчестве, ни в творческом поведении писателя, воспринимаются тем не менее как истина и упрощают, примитивизируют, искажают подлинный облик творческой личности. При этом мифологизация касается не только широкой читательской аудитории; не в меньшей степени она захватывает и профессиональную литературоведческую среду.

Миф о Горьком как о буревице революции закрывает от читателя весь массив реалистического творчества писателя как до-

революционного, так и пореволюционного. Кроме того, традиция школьного образования делает Горького автором двух романтических рассказов («Макар Чудра» и «Старуха Изергиль») и пьесы «На дне». Солженицын и по сей день тоже воспринимается многими как автор двух рассказов («Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор») и писатель лишь лагерной темы, что резко сужает проблематику его творчества.

Впрочем, миф о Солженицыне более многообразен и противоречив. С одной стороны, это миф о «теленке», поборовшем «дуб»; с другой — существует весьма устойчивая мифология, ставящая под сомнение историческую достоверность многих его произведений, в первую очередь, «Архипелага ГУЛАГ», когда сомнению подвергаются и факты этой книги, и ее статистические выкладки. Еще один миф, оправдывающий читательскую и исследовательскую лень, говорит о нечитабельности его произведений, особенно «Красного Колеса». Подробнее анализировать мифологию о Солженицыне просто не интересно.

В обоих случаях мифологизация приводит к редукции реальных представлений о масштабе и содержании творческого наследия обоих художников.

Однако главное даже не в месте их литературной иерархии XX в., не в определенной общности литературных репутаций, не в отношениях с властью, эстетических взглядах и даже не в масштабе сделанного, а в удивительном и отчасти парадоксальном совпадении тематики и проблематики их творчества.

Одной из основных (но отнюдь не единственной!) темой Солженицына стал ГУЛАГ. Судьба человека, поглощенного лагерем и тюрьмой, формирует проблематику его творчества и исследуется во множестве произведений: рассказах «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», повести «Раковый корпус», романе «В круге первом», пьесах «Пленники» и «Знают истину танки» и, конечно же, в опыте художественного исследования «Архипелаг ГУЛАГ», своеобразной энциклопедии ГУЛАГА как явления советской истории.

Но ведь и Горький не обошел в своем творчестве тему ГУЛАГА! Вновь вспомним его визит на Соловки — что он там делал, чего искал? Солженицын не только не дает ответа на этот вопрос, но даже не ставит его, ограничиваясь суждениями о сугубо материальной заинтересованности, тогда как понять отношения Горького с Ягодой, с НКВД, его представления о СЛОНЕ (Соловецком лагере особого назначения) и о советской пенитенциарной системе в целом, а на самом деле системе массовых политических репрессий, — значит, найти одну из причин возвращения Горького из эмиграции, понять, на чем были основаны его политические и социальные иллюзии.

Конечно, у Горького мы не найдем ни одного произведения, в которых описывался бы не то что ГУЛАГ — вообще реальность советского времени. Вдохновение для своего творчества он черпал исключительно в дореволюционной жизни, и даже повествование в «Жизни Клима Самгина» не перевел (и не планировал переводить) через рубеж 1917 г. Исключение представляет, пожалуй, единственная его неудачная пьеса «Сомов и другие», в основу сюжета которой лег процесс по делу Промпартии. Драматургический конфликт этой пьесы завершается прямо-таки в соответствии с канонами античной драматургии: подобно *deus ex machina* появляются чекисты и арестовывают всех участников конфликта. Пьеса получилась очевидно слабой, Горький ее не ставил и не публиковал при жизни, но сохранилось множество воспоминаний о его дружбе с Ягодой, о его искреннем интересе к Соловкам, к строительству Беломорканала, на котором работали те же зеки и которым руководил НКВД.

Важнейшей идеей философии Горького была идея перековки людей, идея создания из человеческого шлама, доставшегося от прошлой эпохи, нового человека. В полном соответствии с этой идеей, преступники, уголовные элементы, политические противники новой власти проходили и в СЛОНЕ, и на строительстве Беломорканала «перековку», переживали преобразование, в соответствии с утопическими философскими идеями А. Блока о революции как метаморфозе, выраженными в его пореволюционной публицистике, в частности, статье «Катилина» и поэме «Двенадцать» [Голубков, 2018]. Именно поэтому рассказ гипотетического мальчика привел Горького в отчаяние и заставил лить слезы: не зеков он жалел, но плакал о неудаче грандиозного социально-утопического проекта перековки старого человека в сознательного строителя нового мира. Впрочем, Ягода и другие высокопоставленные офицеры НКВД помогли восстановить Горькому оптику его розовых очков: «Черти драповые, вы сами не знаете, что сделали», — говорил он, улыбаясь ударному труду строителей Беломорканала.

Именно эта идея переделки человека, а отнюдь не компромисс с властью и тем более примитивная сервильность заставили Горького организовать книгу о строительстве Беломорканала. При его непосредственном участии формировались писательские бригады преимущественно из бывших рапповцев, которые создали своеобразную летопись быта заключенных на строительстве Беломорканала. Эта книга и выражает одну из основополагающих горьковских идей: формирование в ГУЛАГЕ нового человека, строителя нового мира из уголовных преступников и социально чуждых элементов.

Конечно, социальные иллюзии, в плену у которых оказался Горький, ни коим образом не оправдывают людоедскую практику

ГУЛАГА. Но все же понять, чем руководствовался писатель,водя дружбу с Ягодой и высшими офицерами НКВД, значит объяснить очень важную грань его мировоззрения, которая, правда, не получила художественного воплощения, но определила некоторые черты его творческого поведения и писательской репутации, сложившейся в 1930-е годы.

Что же объединяет Горького, питавшего несбыточные социальные иллюзии в отношении репрессивного аппарата НКВД, и Солженицына, последовательного критика и главного обвинителя перед всем мировым сообществом архипелага ГУЛАГ?

Способность увидеть их позитивные черты, как ни странно, парадоксально и даже кощунственно это бы ни прозвучало. Наивное восхищение Горького перед деяниями «чертей драповых» и знаменитое «Благословение тебе, тюрьма!» [Солженицын, 1990: 412] из уст Солженицына. За что же шлет благословение тюрьме Солженицын? Уж явно не за перековку человеческого материала в соответствии с гулаговскими утопиями Горького.

Для ответа на этот вопрос можно обратиться к истории взаимоотношений А.И. Солженицына и В.Т. Шаламова, в частности, к тому эпизоду, когда Солженицын предложил Шаламову совместно работать над «Архипелагом». Шаламов отказался, так как исходная концепция Солженицына, стремившегося показать и позитивные примеры выстоявших духом и сохранивших человеческое в нечеловеческих условиях, казалась ему глубоко ложной: Шаламов не видел в лагере ничего позитивного, он утверждал невозможность положительного опыта лагерной жизни. Глубокий и выстрадавший пессимизм Шаламова оказался в противоречии с оптимизмом Солженицына, способного и в тюремных условиях увидеть позитивное — в том числе и в отношении к собственной судьбе. Завязалась довольно острая полемика, в частности, и на страницах «Архипелага»:

«Шаламов говорит: духовно обеднены все, кто сидел в лагерях. А я как вспомню или как встречу бывшего зека — так личность.

Шаламов и сам в другом месте пишет: ведь не стану же я доносить на других! ведь не стану же я бригадиром, чтобы заставлять работать других.

А отчего это, Варлам Тихонович? Почему это вы не станете стукачом или бригадиром, раз никто в лагере не может избежать этой наклонной горки растления? Раз правда и ложь — родные сестры? Значит, за какой-то сук вы уцепились? В какой-то камень вы упнулись — и дальше не поползли? Может, злоба все-таки — не самое долговечное чувство? Своей личностью и своими стихами не опровергаете ли вы собственные концепции?» [Солженицын, 1990: 416]

Истоки этой полемики — в принципиально разном понимании лагерного опыта. Оптимизм Солженицына — в глубокой религиозности писателя. В своем лагерном опыте он видит проявление Божественной воли, уведшей его с ложного пути, открывшей ему истинный смысл его писательства, показавшей, каким писателем он должен стать, отвратившей его от пути «советского писателя», по которому он непременно пошел бы, вослед Горькому, когда бы не арест и тюрьма. Благословение тюрьме — это низкий поклон Божественной воле, которая уводит от несправедного пути: «как море сбивает с ног валами неопытного купальщика и выбрасывает на берег — так и меня ударами несчастий больно возвращало на твердь» [Солженицын, 1990: 411]. Вот о какой перековке человеческого материала можно говорить, обращаясь к Солженицыну.

И все же здесь видится еще одно парадоксальное сближение Горького и Солженицына: несбыточные надежды Горького на «перековку» и представление о тюрьме как о ниспосланном свыше испытании дают возможность обоим находить в ГУЛАГЕ позитивный смысл — на принципиально разных, диаметрально противоположных основаниях.

Однако именно в этом пункте и проявляется подлинная причина антиномичности двух писателей, приведшая к их вековой распре. Она лежит в принципиальном различии их философии, той картины мира и концепции художественного творчества, которой придерживались оба художника. Суть в том, что Горький был убежденным гуманистом, а Солженицын — религиозным писателем.

Гуманизм Горького последователен и непреложен. Ницшеанский монолог Сатина («На дне») может стать своеобразным манифестом Горького: «Человек — вот правда! <...> Это — огромно! В этом — все начала и концы... Все — в человеке, все для человека! Существует только человек, все же остальное — дело его рук и его мозга! Человек! Это — великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век!» Никакой высшей силы, стоящей над человеком, Горький не видел, полагая в идеальном, совершенном, прекрасном человеке смысл существования Вселенной и уж, по крайней мере, — всей истории человечества. Здесь, однако, писатель приходил к противоречию, не заметить которого не мог и проигнорировать которое никак не получалось. Имея образ идеального человека, Горький никак не находил его воплощения в реальности, что вылилось в замечательной афористичной фразе: «В наши дни ужасно много людей, только нет человека». В связи с этим Его принятие революции, ГУЛАГА, идея «перековки» старого человека в нового были связаны с гуманистической идеей искомого совершенного человека, созидание которого и было, по его мысли, целью всех революционных преобразований. Сентименталь-

ность, о которой пишут все мемуаристы, органическая неспособность принять насилие, что показывают хотя бы «Несвоевременные мысли», парадоксальным образом сочетались в его мировоззрении с надеждой на появление нового, подлинного Человека, хотя бы на Соловках или на строительстве Беломорканала — в результате прямого социального воздействия, перевоспитания.

Солженицын как религиозный писатель прекрасно осознавал тупики гуманистического сознания, в которые попадал Горький. Он многократно говорил о присутствии в жизни людей и в своей собственной жизни силы высшей, себя воспринимая не как суверенного творца собственного художественного мира, но как «маленького подмастерья под небом Бога» [Солженицын, 1995: 8]. Именно поэтому никаких иллюзий по исправлению человеческого материала в тюрьме и ГУЛАГе он не питал и питать не мог. Он не ищет совершенного человека, подобно Горькому, но в самой действительности обнаруживает такие типы, которые Горькому были недоступны, которых он просто не видел. Иными словами, Солженицын находит в самой действительности и предлагает художественное воплощение того самого Человека, какого взыскивал Горький. К ним относятся герои-рыцари, такие, как министр Столыпин, полковник Воротынцев, генералы Самсонов и Свечин. Солженицыну не интересен герой, мыслящий себя центром мироздания и провозглашающий гимны абстрактному идеальному человеку. К такому типу героя приближаются, скорее, революционеры, образы которых созданы в «Красном Колесе», в первую очередь Ленин. Для Солженицына это человек, стремящийся перекроить мир по собственным лекалам, навязать Богом созданному миру свои представления о том, как он должен быть устроен. Ни о какой высшей воле над собой, ни о каком представлении о мире как о Творении Божьем и об истории, несущей замысел Божий о судьбе народа и мира, Ленин и не задумывается, противопоставляя свою волю замыслу Божьему, навязывая истории свои законы.

Но Солженицын создал образы как реальных исторических деятелей, так и вымышленные, приближающиеся к идеалу человеческой личности, как он ее понимал: личности национально ориентированной, патриотически настроенной и связывающей свою жизнь с национально-исторической судьбой. Это герои, стремящиеся защитить Россию от революции и от внешнего врага.

Разумеется, для Горького, революционера и интернационалиста, убежденного противника царизма, ни Столыпин, ни генерал Свечин, ни полковник Воротынцев не могли быть близки. Здесь мы с очевидностью констатируем принципиальные идеологические расхождения писателей. Но все же не в политических взглядах двух художников

кроется их принципиальная оппозиционность друг к другу. Дело в более глубоких причинах и касается глубинных философских расхождений. Сопоставление творческого опыта двух художников с очевидностью показывает, что гуманизм как философскую систему взглядов, с одной стороны, и, с другой — восприятие мира как Творения Божьего, а истории — как проявление Его замысла о русской национальной судьбе, примирить невозможно.

Список литературы

- Вокруг смерти Горького. Документы, факты, версии / Под ред. Л.А. Спиридоновой. М., 2001.
- Голубков М.М. Революция как метаморфоза: к вопросу об одной литературной полемике 1920-х годов // Литература и революция. Век двадцатый / Под ред. О.Ю. Пановой, В.Ю. Поповой, В.М. Толмачева. М., 2018.
- Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Опыт художественного исследования. Т. 2. М., 1990.
- Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. Т. 1. Ярославль, 1995.
- Спиридонова Л.А.М. Горький: новый взгляд. М., 2004.
- Спиридонова Л.А. Настоящий Горький: мифы и реальность. М., 2013.

Mikhail Golubkov

M. GORKY AND A.I. SOLZHENITSYN: IN THE LITERARY SPACE OF THE ANNIVERSARY YEAR

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article attempts to compare the literary experiences of M. Gorky and A. Solzhenitsyn as two prominent writers of the twentieth century. Despite the opposite political and philosophical views of the writers, there are yet some similarities between them: they both left behind a rich literary legacy which includes epic, dramatic and lyrical works, they were both realistic, and they raised similar problems across the same time period in Russian history. Their true appearances are obscured by numerous myths despite their fundamentally different literary reputations. The article compares the public stances of the writers and analyses their relationship with political power. Special emphasis is laid on their literary idiosyncrasies in depicting and treating life. Of special interest is how they interpret GULAG. Gorky considers it as essential part of the penitentiary system that “reforms” and “remakes” criminals and political opponents of the Soviet regime, making them convinced builders of communism, whereas for Solzhenitsyn it is a prison that can

give a person a positive experience of confronting the regime; GULAG becomes one of the main subjects in his imagery. Both writers however view prison from the positive side. Moreover, for Solzhenitsyn it helps to refute Gorky's social illusions. The article shows that the disagreements between the writers are mainly rooted in their fundamentally different philosophical views. Gorky is a convinced humanist, while Solzhenitsyn is a religious philosopher and writer.

Key words: Gorky; Solzhenitsyn; religious writer; Gorky's humanism; GULAG; mythologizing of the writer's image; writer's reputation; literary behavior.

About the author: *Mikhail Golubkov* — Dr. habil., Professor, Head of the Department of the History of Modern Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: m.golubkov@list.ru).

References

- Vokrug smerti Gor'kogo. Dokumenty', fakty', versii.* [Around the death of Gorky. Documents, facts, versions] Pod red. L.A. Spiridonovoj. M., IMLI RAN Publ., 2001. (In Russ.)
- Golubkov M.M. *Revoljucija kak metamorfoza: k voprosu ob odnoj literaturnoj polemike 1920-x godov.* [Revolution as a metamorphosis: to the story of one literary controversy of the 1920-s.], *Literatura i revoljucija. Vek dvadczaty'j.* Pod red. O. Yu. Panovoj, V. Yu. Popovoj, V.M. Tolmacheva. M., 2018. (In Russ.)
- Solzhenicyn A.I. *Arhipelag GULAG. Opy't xudozhestvennogo issledovaniya.* [The GULAG archipelago. The artistic research experience] T. 2. M., 1990. (In Russ.)
- Solzhenicyn A.I. *Publicistika: v 3 t.* [Journalism] T. 1. Yaroslavl', 1995. (In Russ.)
- Spiridonova L.A. *M. Gor'kij: novyj vzglyad.* [Gorky: new look] M., IMLI RAN Publ., 2004. (In Russ.)
- Spiridonova L.A. *Nastoyashhij Gor'kij: mify' i real'nost'.* [The real Gorky: myths and reality] M., IMLI RAN Publ., 2013 (In Russ.).

А.М. Ранчин

К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНЫХ ПОДТЕКСТАХ И О ПОЛЕМИКЕ В «МАТРЁНИНОМ ДВОРЕ»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена рассказу А.И. Солженицына «Матрёнин двор». Показано, что соотносённость рассказа с агиографией носит неоднозначный характер: наряду с отсылками к житийной поэтике в произведении есть ее и отталкивание от нее, отчетливое нарушение житийной топики: праведность героини никем не признана, кроме рассказчика, Матрёна умирает страшной смертью, ее тело превращено в кровавое месиво. Рассказ насыщен аллюзиями на произведения русской классической литературы. Автор полемизирует с «интеллигентским» мифом о благотворной просветительской функции классической литературы, об исключительной ценности книг (в версии Н.А. Некрасова) и с радикальным отрицанием народной крестьянской традиции в «Двенадцати» А.А. Блока. Солженицын изображает уродливое, но по-своему закономерным «воплощением» некрасовской утопической идеи, которая явилась одним из наиболее ярких выражений интеллигентского мифа, где самой интеллигенции отводилась роль обучающего, а народу — обучаемого. Этот миф, питавший радикальные общественные настроения, строился на отрицании традиционной народной культуры, основанной на православии. Его создатели, по Солженицыну, и ответственны за революционную катастрофу, последствия которой описаны в «Матрёнинном дворе». Солженицынскому повествователю не удалось найти старую, первозданную Россию — она не существует. Но ему посчастливилось соприкоснуться с Матрёной, воплощающей лучшие черты патриархальной России и подлинную религиозность. Взаимодействие различных литературных подтекстов в «Матрёнинном дворе» создает представление о большей сложности действительности в сравнении с теми стереотипами, которые вырабатывает для ее описания словесность. В рассказе также содержится вызов леворадикальной интеллигентской традиции и запечатлевшей ее литературе.

Ключевые слова: А.И. Солженицын; «Матрёнин двор»; А.А. Блок; Н.А. Некрасов; подтексты; полемика.

Как известно, в рассказе А.И. Солженицына «Матрёнин двор» достаточно точно воспроизведены реальные события, повествова-

Ранчин Андрей Михайлович — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: aranchin@mail.ru).

тель биографически соотнесен с самим автором, у Матрёны¹ был реальный прототип — крестьянка с тем же именем, топонимика соответствует реальным названиям деревень и поселков Владимирской области, где учительствовал и познакомился с настоящей Матреной Солженицын². Тем не менее «Матрёнин двор» не похож на очерк, на зарисовку из реальной жизни. Например, фактографический пласт наделен символической семантикой³, рассказ глубоко укоренен в русской литературной традиции. В частности, в нем сложным образом соединены различные литературные коды и присутствуют аллюзии на литературные произведения (иногда полемического свойства)⁴.

Так, А.Н. Архангельский отметил очевидную соотнесенность Матрёны с Марией из евангельского сказания, выбравшей истинный путь к Господу и не пекшейся о суетном. Однако он же справедливо отметил: «Вот Матрёна: спервоначалу кажется она т о л ь к о Марией из <...> евангельской притчи; той, что избрала благую участь и не заботится о многом: даже каши как следует сварить и то не умеет. Но жизнь советская и на нее налагает обязанности Марфы <...>» [Архангельский, 1991: 254].

Не менее сложна связь рассказа с агиографией. Матрёна как праведница-мирянка, помогающая ближним, напоминает Юлианию Лазаревскую, необычное житие которой написал ее сын. (Житие приобрело в Новое время широкую известность, о нем писали Ф.И. Буслаев и В.О. Ключевский, оно вошло едва ли не во все хрестоматии древнерусской литературы.) «Основная черта, которая выделяет Житие Юлиании Лазаревской в ряду агиографических памятников, — характер подвига героини: как святая прославляется женщина-мирянка за каждодневные труды и безмерную милостыню: “Она же в те времена по вся ночи без сна пребывающи, в мольбах и в рукоделии, в прядиве и в наличном деле. И то продая, нищим цену даяше и на церковное строение” <...>. Такое уравнивание домашних трудов и молитвы как равных подвигов благочестия было бы вряд ли возможно в традиционном похвальном житии» [Руди, 1996: 96–97]. Однако при этом «Житие Юлиании Лазаревской композиционно выстроено по агиографическим канонам и включает в себя все основные агиографические топосы» [там же: 96–97].

¹ Здесь и далее я в соответствии с особенностями солженицынской орфографии использую букву ё в написании имени солженицынской героини, но не употребляю ее, когда речь идет о ее реальном прототипе. В цитатах из работ, посвященных рассказу, воспроизводится написание, которому следуют их авторы.

² См. об этом, например: [Нива, 1994: 177; Сараскина, 2008: 423–424, 431–432; Радзишевский, 2006: 596–598].

³ Так, символический, мифопоэтический смысл присущ организации пространства в «Матрёнинном дворе». См. об этом: [Лекманов, 2000: 329–332].

⁴ Особенно значим для автора рассказа Н.С. Лесков. О сложной соотнесенности «Матрёнина двора» с произведениями Лескова о праведниках см. в моей статье: [Ранчин, 2018].

В случае с «Матрёниным двором» это совсем не так: Матрёна на первый взгляд как будто бы не благословенная, а отринутая Богом (все ее дети умерли в очень раннем возрасте), так что односельчане полагают, что на ней порча («порция», как выговаривает слово сама несчастная женщина), с чем соглашается и сама героиня, проявляя неприемлемое для житийного персонажа суеверие. Матрёна никогда не крестилась и не молилась (по крайней мере, рассказчик этого не видел). Ее мучения — не страдание за веру, а хождения по мукам, чтобы оформить пенсию, достать сено для козы и торф для обогрева. Она боится поездов и предчувствует недоброе, однако ее ужасная гибель разительно контрастирует с благочестивым успением святых, заранее подготовившихся к уходу из земного мира. Тело Матрёны поезд превратил в кровавое месиво, в то время как тела усопших святых — мощи — обычно нетленны. Впрочем, уцелела правая рука, что одна из односельчанок погибшей считает Божиим благоволением: «Одна женщина перекрестилась и сказала: — Ручку-то правую оставил ей Господь. Там будет Богу молиться...» [Солженицын, 2006: 142].

Наконец, Матрёна — *неузнанная* праведница: «Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село» [Солженицын, 2006: 148]. Святой же может быть не понят и гоним, но после смерти должен получить признание.

Матрёна соотнесена с женщинами-крестьянками Некрасова из поэмы «Мороз, Красный нос»: солженицынская праведница, подобно им, не просто способна коня на скаку остановить, но однажды действительно это делает. Однако некрасовские подтексты в «Матрёнином дворе» вводятся не только для свидетельства преемственности по отношению к поэту-классику, мотивы некрасовской поэзии оказываются и объектом полемики. Как заметил В. Радзишевский по поводу такой детали, как плакат в доме Матрёны («И с грубой плакатной красавицей я свыкся, которая со стены постоянно протягивала мне Белинского, Панфёрова и ещё стопу каких-то книг...» [Солженицын, 2006: 121]): «Плакат как будто иллюстрирует заветную мечту Некрасова, высказанную в поэме “Кому на Руси жить хорошо” (1865–1877), о том желанном времени,

Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесёт...

Только вместо Гоголя всерьез предлагается Федор Панферов (1896–1960), насаждавший коллективизацию в романе “Бруски” (1928–1937), дважды лауреат Сталинской премии» [Радзишевский, 2006: 598–599].

Плакат, очевидно, не «как бы», а реально иллюстрирует и воплощает «заветную мечту» автора «Кому на Руси жить хорошо»: «желанное» «времечко» [Некрасов, 1982б: 35] как будто бы наступило, книга одного из «заступников народных» красуется на плакате в избе крестьянки — почти по Некрасову. (Гоголя, кажется, на плакате нет — может быть, как писатель религиозный, как автор одиозных для советской власти «Выбранных мест их переписки с друзьями» он такой почести не удостоился.) Однако рядом с Белинским, пусть и присвоенным советской идеологией и культурой, но несомненно талантливым и ярким критиком, оказался Панферов, чьи сочинения по «ценностей незыблемой скале» мало чем отличаются от «Блюхера» и комаровского «милорда глупого». Солженицын полемизирует с уродливым, но по-своему закономерным «воплощением» некрасовской утопической идеи, которая явилась одним из наиболее ярких выражений интеллигентского мифа, где самой интеллигенции отводилась роль обучающего, а народу — обучаемого. Этот миф, питавший радикальные общественные настроения, строился на отрицании традиционной народной культуры, основанной на православии. Его создатели, по Солженицыну, и ответственны за революционную катастрофу, последствия которой описаны в «Матрёнинном дворе».

Некрасов в своем хрестоматийном стихотворении «Сеятелям» призывал:

Сеятель знания на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь бесплодную,
Худы ль твои семена?
Робок ли сердцем ты? слаб ли ты силами?
Труд награждается всходами хилыми,
Доброго мало зерна!
Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами,
Где же вы, с полными жита кошницами?
Труд засевающих робко, крупичами,
Двиньте вперед!
Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ... [Некрасов, 1982а: 180]

Идти в народ с учительской миссией — эта идея стала интеллигентским стереотипом в пореформенной России. В таком качестве фактически она была зафиксирована Д.Н. Маминим-Сибиряком в романе «Приваловские миллионы». Перед Надеждой Васильевной Бахаревой, персонажем романа, «[в]передии вставала бесконечная святая работа, которую должна сделать интеллигентная русская женщина». Одна из составляющих этой работы — обучение грамоте. И вот «уже до десятка белоголовых мальчуганов и девчонок исправно являлись к Надежде Васильевне каждое утро, чтобы “происходить

грамоту» [Мамин-Сибиряк, 1949: 373]. Героиня «открыла бесплатную школу», она «учит ребят» [Мамин-Сибиряк, 1949: 374, 387].

В радикально настроенных интеллигентских кругах это труженничество было неразрывно связано с агитацией против существовавшего строя. Итогом стало, по Солженицыну, новое рабство, в котором, вопреки Некрасовскому Грише Добросклонову, уже не было «спасено» «сердце свободное — / Золото, золото / Сердце народное» [Некрасов, 1982б: 233–234].

Солженицын инвертирует роли учащего и обучаемого: главному в жизни (добру, человечности, нестяжательству) учит не интеллигент Игнатич, нарратор истории жизни и смерти Матрёны, преподающий в сельской школе (показательно, что учительский труд повествователя вообще как таковой не показан), а эта крестьянка. Игнатич (интеллигенция) здесь обучаемый, а Матрёна — учащая. Самой своей жизнью, своим зримым примером, своим незаметным и ей самой неведомым подвижничеством.

Плакат, пропагандирующий знания, чтение книг, в доме Матрёны зловещая и чужеродная деталь: это антиикона. Изображенная на нем женщина — антипод Матрёны, словно радующийся ее смерти: «Нет Матрёны. Убит родной человек. <...> Разрисованная красно-жёлтая баба с книжного плаката радостно улыбалась» [Солженицын, 2006: 141].

Этой бабе противопоставлена молодая Матрёна, какой она рисуется Игнатичу: «и вспыхнул передо мной голубой, белый и жёлтый июль четырнадцатого года: ещё мирное небо, плывущие облака и народ, кипящий со спелым жнивом. Я представил их рядом: смоляного богатыря с косой через спину; её, румяную, обнявшую сноп. И — песню, песню под небом, какие давно уже отстала деревня петь, да и не споёшь при механизмах» [Солженицын, 2006: 133]. Эта на первый взгляд аляповатая «картинка» в эстетике плаката могла бы показаться пошлой, если бы не приданная ей роль контрастного элемента по отношению к действительно пошлomu листу, пропагандирующему книгу.

Солженицынский Игнатич ищет «нутряную», подлинную, первоизданную Россию: «Мне хотелось затесаться и затеряться в самой нутряной России — если такая где-то была, жила» [Солженицын, 2006: 117]. Эта же Россия именуется кондовой: «А дальше целый край идёт деревень: Часлицы, Овинцы, Спудни, Шевертни, Шести-мирово — всё поглуше, от железной дороги подале, к озёрам. Ветром успокоения потянуло на меня от этих названий. Они обещали мне кондовую Россию» [Солженицын, 2006].

Редкое слово «кондовая» — несомненно, аллюзия на текст блоковской поэмы «Двенадцать», где содержится призыв:

Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь —
В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!
Эх, эх, без креста! [Блок, 1999: 12]

Солженицынская «нутряную» рифмуется с блоковской «избяную», при том что аллюзия здесь бесспорно полемическая. Блоковский эпитет развернут в образ дома Матрёны — «укривища», спасительного ковчега и для повествователя, истомленного выпавшими на его долю страданиями, и для увечных животных. У Блока — призыв к разрушению, к убийству старой «Святой Руси», персонифицированной в «бабьем» облике («толстозадая»)⁵. У Солженицына — жуткая и удручающая картина отдаленных результатов этого разрушения, нравственные ценности осмысляются как ценности религиозные, а старая Русь представлена также в женском облике, но в образе праведницы Матрёны, единственном светлом образе в рассказе.

Игнатичу не удалось найти «нутряную» и «кондовую» Россию — ее нет⁶. Но ему посчастливилось соприкоснуться с Матрёной, воплощающей лучшие черты патриархальной России и подлинную религиозность.

Взаимодействие различных литературных подтекстов в «Матрёнинном дворе» создает представление о большей сложности действительности в сравнении с теми стереотипами, которые вырабатывает для ее описания словесность. В рассказе также содержится вызов леворадикальной интеллигентской традиции и запечатлевшей ее литературе.

⁵ Как известно, авторская позиция в поэме Блока — предмет многолетних дискуссий; наряду с мнением о «Двенадцати» как об апологии и даже панегирике революции (в целом, видимо, верном) есть и диаметрально противоположное. В случае Солженицына важна «каноническая» советская трактовка поэмы как приветствия революции.

⁶ Невозможно согласиться с В.А. Чалмаевым, утверждающим, что в «Матрёнинном дворе» противопоставление праведников и всех прочих, погрязших в трясине обыденности «не развито, почти не выдержано» и что «неправедный» в рассказе лишь один Фаддей [Чалмаев, 1994: 85]. И отношение односельчан к Матрёне как к дурочке, и беззащитная эксплуатация ими ее доброты, и поглощенность во время поминальных плачей мыслями о наследстве (причеты превращаются в жутковатый агон, в котором плачущие утверждают свои права, приписывая себе мнимую заботу о погибшей) — все это вопиет против такого утверждения. Как справедливо заметил А.Н. Архангельский, для героя-интеллигента повествователя Игнатица ««хождение в народ» оборачивается приходом — к личности, воплотившей, выражаясь по-соловьевски, не то, что народ мыслит о себе, а то, что Бог мыслит о народе. И потому — “народу” в его реальном историческом воплощении противостоящей...» [Архангельский, 1991: 254]. Судьба Матрёны «таит в себе трагедию. Трагично ее прошлое, исковерканное скотской грубостью мужчин. Трагичен ее конец: жадный деверь, который вырвал у нее “горницу, стоявшую без дела”, и сделался, таким образом, косвенной причиной ее бессмысленной смерти на железнодорожном переезде, — это само вечное буйство, эгоизм, хищность, которые обезображивают Россию и рвут “связи и смысл” Матрениной жизни» [Нива, 1984: 86].

Список источников и литературы

- Архангельский А.Н. О символе бедном замолвите слово... («Поэзия и правда» в малой прозе Солженицына) // Архангельский А.Н. У парадного подъезда: Литературные и культурные ситуации периода гласности (1987–1990). М., 1991. С. 245–263.
- Блок А.А. Полное собрание сочинений: В 20 т. Т. 5: Стихотворения и поэмы (1917–1921). М., 1999.
- Лекманов О.А. «От железной дороги подале, к озерам...» (о том, как устроено пространство в рассказе А.И. Солженицына Матренин двор») // Лекманов О.А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000. С. 329–332.
- Мамин-Сибиряк Д.Н. Приваловские миллионы / Послеял. С. Марвина. М.; Л., 1949.
- Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 3: Стихотворения 1866–1877 гг. Л., 1982.
- Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 5: Кому на Руси жить хорошо. Л., 1982.
- Нива Ж. Солженицын / Пер. с франц. Симон Маркиш в сотрудничестве с автором. Л., 1984.
- Радзишевский В. Комментарии // Солженицын А. Собр. соч.: В 30 т. Т. 1: Рассказы и крохотки. М., 2006. С. 572–666.
- Ранчин А.М. Матрёна А.И. Солженицына и праведники Н.С. Лескова // Литературоведческий журнал. 2018. № 43. С. 99–111.
- Руди Т.Р. Житие Юлиании Лазаревской (Повесть об Ульянии Осорьиной) / Исслед. и подгот. текстов Т.Р. Руди; отв. ред. Р.П. Дмитриева. СПб, 1996.
- Сараскина Л. Александр Солженицын. М., 2008.
- Солженицын А. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 1: Рассказы и крохотки. М., 2006.
- Чалмаев В.А. Александр Солженицын: Жизнь и творчество. Книга для учащихся. М., 1994.

Andrey Ranchin

THE LITERARY SUBTEXTS AND POLEMICS IN A. SOLZHENITSYN'S MATRYONA'S PLACE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses A. Solzhenitsyn's *Matryona's place*. It is shown that the correlation of the story with hagiography is ambiguous. On the one hand, it makes references to the hagiographic poetics, on the other hand, it violates the hagiographic topoi: no one recognizes Matryona's righteousness except the

narrator, Matryona dies a terrible death, her body turns into a bloody mess. The story is filled with allusions to Russian classical literature. Solzhenitsyn polemizes against the “intellectual” myth that classical literature fulfills a beneficial educational function, that books have an ultimate value (as is the case with the poet N. Nekrasov), and that the peasant tradition is denied (as in the poem “The Twelve” by A.A. Blok). N. Nekrasov’s utopian idea is conveyed as ugly but consistent, it is a most telling representation of the myth of the intelligentsia, where the intelligentsia was assigned the role of the educator of the people. This myth, fueled by radical public attitudes, was built on the denial of traditional folk culture based on Orthodoxy. Its creators, according to Solzhenitsyn, should be held accountable for the revolution that brought a catastrophe, the consequences of which are described in *Matryona’s Place*. Solzhenitsyn’s narrator was not able to find the old, primordial Russia as it did not exist. But he was fortunate enough to get in touch with Matryona, who embodied true religiosity and the best in the patriarchal Russia. The interaction of various literary subtexts in *Matryona’s Place* shows that stereotypes that develop literature cannot beat reality which is much more complicated. The story also challenges left-radical intelligentsia traditions and the literature that embodies it.

Key words: A.I. Solzhenitsyn; *Matryona’s Place*; A.A. Blok; N.A. Nekrasov; subtexts; polemics.

About the author: *Andrey Ranchin* — Dr. habil., Professor, Department of Russian literature, Lomonosov Moscow State University (e-mail: aranchin@mail.ru).

References

- Arhangel’skij A.N. *O simvole bednom zamolvite slovo... (“Pojezija i pravda” v maloj proze Solzhenicyna)* [On the poor symbol say the word... (“Poetry and Truth” in Solzhenitsyn’s small prose)], Arhangel’skij A.N. *U paradnogo pod”ezda: Literaturnye i kul’turnye situatsii perioda glasnosti (1987–1990)*. Moscow, Sovetskij pisatel’ Publ., 1991, pp. 245–263. (In Russ.)
- Blok A.A. *Polnoe sobranie sochinenij: V 20 t. T. 5: Stihotvorenija i pojemy (1917–1921)* [Complete works: In 20 vols. Vol. 5: Poems and poems (1917–1921)]. Moscow, Nauka Publ., 1999, 566 p. (In Russ.)
- Chalmaev V.A. *Aleksandr Solzhenitsyn: Zhizn’ i tvorcestvo. Kniga dlja uchashihisja* [Aleksandr Solzhenitsyn: Life and work. The book for students]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1994, 287 p. (In Russ.)
- Lekmanov O.A. *“Ot zheleznoj dorogi podale, k ozeram...” (o tom, kak ustroeno prostranstvo v rasskaze A.I. Solzhenicyna Matrenin dvor»)* [“From the railroad farther to the lakes...” (how the space is arranged in the story by A.I. Solzhenitsyn “Matryona’s place”)]. Lekmanov O.A. *Kniga ob akmeizme i drugie raboty*. Tomsk, 2000, pp. 329–332. (In Russ.)
- Mamin-Sibirjak D.N. *Privalovskie milliony*. Poslesl. S. Marvina [Privalovs’ millions. Afterword by S. Marvin]. M.; Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoj literatury, 1949, 412 p. (In Russ.)

- Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 15 t. Vol. 3: Stikhotvoreni-ja 1866–1877 gg.* [Complete Works and Letters: In 15 vols. T. 3: Poems of 1866–1877] Leningrad, Nauka Publ., 1982, 512 p. (In Russ.)
- Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 15 t. T. 5: Komu na Rusi zhit' horosho* [Complete works and letters: In 15 vols. Vol. 5: To whom in Russia to live well]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, 688 p. (In Russ.)
- Nivat G. *Solzhenitsyn*. Perevel s franc. Simon Markish v sotrudnichestve s avtorom [Solzhenitsyn. Translated by Simon Markish in collaboration with the author]. London, Overseas Publications Interchange Ltd., 1984, 245 p. (In Russ.)
- Radzishesliij V. *Kommentarii* [Commentaries]. Solzhenitsyn A. *Sobranie sochinenij: V 30 t. T. 1: Rasskazy i krohotki* [Collected works: In 30 vols. Vol. 1]. Moscow, Vremya Publ., 2006, pp. 572–666.
- Ranchin A.M. *Matryona A.I. Solzhenitsyna i pravedniki N.S. Leskova* [Matryona by A.I. Solzhenitsyn and the righteous by N.S. Leskov. *Literaturnovedcheskij zhurnal* [The Journal of Literary History and Theory], 2018, pp. 43, 99–111. (In Russ.)
- Rudi T.R. *Zhitie Julianii Lazarevskoj (Povest' ob Ul'janii Osor'inoj)*. Issled. i podgot. tekstov T.R. Rudi; Otv. red. R.P. Dmitrieva [Life of Juliania Lazarevskaya (The Tale of Ulyaniya Osorina). Study and preparation of texts by T.R. Rudy; ed. by R.P. Dmitrieva]. Sanct-Petersburg, 1996, 238 p. (In Russ.)
- Saraskina L. *Aleksandr Solzhenitsyn*. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2008, 935, [5] pp. (In Russ.)
- Solzhenitsyn A. *Sobranie sochinenij: V 30 t. T. 1: Rasskazy i krohotki* [Collected works: In 30 vols. Vol. 1]. Moscow, Vremya Publ., 2006, 672 p. (In Russ.)

К 200-летию И.С. ТУРГЕНЕВА

И.А. Беляева

ОБ ОДНОМ НЕРЕАЛИЗОВАННОМ ЗАМЫСЛЕ И.С. ТУРГЕНЕВА: НА ПУТИ ОТ «СТАРой МАНЕРЫ» К «НОВОЙ»

*Федеральное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Московский городской педагогический университет»
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье речь идет об одном нереализованном замысле Тургенева, который в науке о творчестве писателя до сих пор не описан и не включен в контекст тех творческих задач, которые он ставил перед собой в начале 1850-х годов. В это время Тургенев задумывается о смене творческой стратегии, решает свернуть в сторону от того направления, который ему открылся в «Записках охотника». Прежнее творчество он называет «старой манерой» и ставит перед собой амбициозные цели создать большую художественную форму, которая бы позволила ему представить человека крупнее и ярче. Он ищет сюжеты и героя. Какое-то время, в течение 1852–1853 гг., его интерес еще связан с народным характером (повести «Муму» и «Постоялый двор»), но народная тема его полностью не удовлетворяет, Тургенев признается себе в том, что он к ней не готов. Одной из последних попыток писателя приступить к тайнам простого человека является рассмотренный в статье сюжет о дворовом живописце и поэте, сочинившем Пасхальное стихотворение. Само стихотворение с высокой долей вероятности принадлежит раннему Тургеневу. Однако мистификация была разоблачена друзьями писателя, а сам он постепенно разочаровался в том, что идея его будущей повести представить личность одновременно простую, но душевно и духовно прозорливую и творческую, может быть реализована. После этой неудачи Тургенев увереннее поворачивается в сторону «новой манеры», иного типа героя и сюжета, который определяется любовным проблемно-тематическим комплексом. Однако в позднем творчестве писатель вернется к сложным духовно-психологическим задачам, которые хотел бы разрешить, но не сумел, в истории с автором Пасхального стихотворения.

Ключевые слова: Тургенев; Анненков; Некрасов; проза; поэзия; мистификация; герой; сюжет; нереализованный замысел; пасхальная тема; повести из простонародного быта; «новая манера»; «старая манера»; «Муму»; «Постоялый двор»; «Рудин».

Беляева Ирина Анатольевна — доктор филологических наук, профессор, профессор Московского городского университета (МГПУ), профессор МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: belyaeva-i@mail.ru).

Смена творческой парадигмы — от «старой манеры» к «новой» — была определена самим И.С. Тургеневым. Осенью 1852 г. писатель сообщал своим самым доверительным корреспондентам и советчикам, что «намерен пойти другой дорогой» в литературе и «раскланяться навсегда» с прошлым [Тургенев, 1987: 155], прежде всего с «Записками охотника». И это несмотря на то, что именно они сделали его знаменитым писателем как на родине, так и в Европе. Тургенев едва ли лукавил, поскольку уже к началу 1850-х годов свое будущее связывал с созданием «большой повести», или романа, «все стихии которого давно», по его утверждению, в нем «бродили» [Тургенев, 1987: 155] и который позволил бы ему совсем иначе размышлять о человеке. Именно последним Тургенев стремился заниматься пристальнейшим образом с самого начала своей писательской карьеры, ничуть не менее молодого Ф.М. Достоевского, провозгласившего разгадку тайны человека своим главным писательским делом. «Довольно я старался извлекать из людских характеров разводные эссенции — *triples extraits*, — сообщал Тургенев П.В. Анненкову в конце 1852 года, — чтобы влить их потом в маленькие стекляночки — нюхайте, мол, почтенные читатели — откупорьте и нюхайте — не правда ли пахнет русским типом? Довольно — довольно!» [Тургенев, 1987: 155] Это признание Тургенева, свидетельствующее о его желании идти новой дорогой, справедливо стало аксиомой для критиков и исследователей, а сам переход был научно интерпретирован, правда, с определенной долей упрощения [Анненков, 1982; Басихин, 1973; Истомин, 1913], что простительно, когда речь идет о больших в хронологическом плане рядах. Дело в том, что в масштабах почти пятидесятилетнего творческого пути Тургенева собственно поворот от «старой манеры» к «новой» занимает не так много времени, но все же он заслуживает более пристального внимания.

Если формально за точку отсчета взять август 1852 г., когда «Записки охотника» впервые вышли полным изданием, и 1855 г., летом которого Тургенев интенсивно работает над романом «Рудин» (с июня по август), то нужно признать, что на резкую смену творческой стратегии писателю было отведено никак не более трех лет. За пределами нашей формальной логики, правда, остались прозаические опыты Тургенева конца 1840-х — начала 1950-х годов: «Петушков» (1847)¹, «Дневник лишнего человека» (1848 — начало 1850), «Три встречи» (1851 — начало 1852), «Переписка» (1844–1854) и др., — которые свидетельствуют о сложных и порой противоречивых поисках Тургеневым своего пути в литературе. И потому нельзя сказать, что отличающий в будущем «новую манеру» Тургенева проблемно-тематический комплекс не прорастал из его более ранних работ и явился как бы вдруг и ниоткуда. Однако бесповоротная смена художественных приоритетов происходит у него именно в

¹ Здесь и далее указано время написания.

1854—1855 гг., когда в тургеневской прозе формируется единство текстов, которое, с легкой руки самого писателя, получило в науке именование «повестей о “трагическом значении любви”²» [Бялый, 1962]. Эти тексты объединяются вокруг романа «Рудин», в большей степени следуя за ним, чем предшествуя ему. Предшествуют — повести «Затишье» (завершена летом 1854 года, но задумана гораздо раньше), «Переписка», создававшаяся с большим интервалом (1844 — декабрь 1854³), а следуют — «Яков Пасынков» (февраль 1855), «Фауст» (июнь — август 1856), «Ася» (июнь/июль — ноябрь 1857) и др. Истоки «новой манеры» Тургенева составляют предмет отдельного разговора и восходят в равной степени к русской и европейской традициям, которые объединяются в тургеневской прозе и оказываются для нее органичными [Беляева, 2015], а потому эта «манера» и заняла прочные позиции в художественной системе писателя со второй половины 1850-х годов. Она узнаваема, в том числе с точки зрения связки героя и сюжета, который во всех тургеневских текстах «после “Рудина”» не отличался разнообразием [Мазон, 1931: 55] и подразумевал героя соответствующего типа.

Однако до того момента как Тургенев укрепился в своей «новой манере», он искал и примерялся к разным художественным моделям. И особенно интенсивный поиск тем, сюжетов и прежде всего героев происходил, по нашему глубокому убеждению, в 1852—1853 гг. — как раз когда Тургенев сообщал в письмах к К.С. Аксакову и П.В. Анненкову (октябрь 1852) о неизбежном повороте в своем творчестве. Тургенев в это время, как свидетельствуют факты, не спешил отказываться от героя из народной среды. В апреле — мае 1852 г. он работает над повестью «Муму», а в октябре — ноябре того же года — над «Постоялым двором». Оба сочинения написаны вроде бы на социально-бытовую тему и внешне близки к «Запискам охотника», но во многом от них отличаются, прежде всего исключительным вниманием писателя к глубинам душевно-духовного устройства центрального действующего лица. Несмотря на то что повести были оценены друзьями и критиками высоко (известно, что Тургенев всегда дорожил мнением своего близкого круга), уже 25 мая (6 июня) 1853 г. он сообщает П.В. Анненкову о своем впечатлении от чтения «Рыбаков» Д.В. Григоровича и повести «Тит Софроньев Козонок» А.А. Потехина, вынося свой неутешительный вердикт народной теме в целом: «Мужички совсем одолели нас в литературе. Оно бы ничего; но я начинаю подозревать, что мы, так много возившиеся с ними, все-таки ничего в них не смыслим. Притом всё это — по известным причинам — начинает получать такой идиллический колорит, что Геснеру должно быть очень приятно в гробу. Пора мужичков в от-

² Слова принадлежат главному герою романа «Рудин».

³ Интервал в написании может быть в какой-то мере объяснен неготовностью Тургенева в середине 1840-х годов реализовать такого рода сюжет.

ставку» [Тургенев, 1987: 233]. Едва ли только к Д.В. Григоровичу и А.А. Потехину относится это суждение, оно обращено и к самому себе, оказавшемуся в какой-то мере в творческом тупике, поскольку сюжеты о народном характере, даже лишённые идиллического элемента, не были вполне ясны Тургеневу, отсюда горькое высказывание: мы «ничего в них не смыслим». Не потому ли, отчасти, многие замыслы, предназначенные для «Записок охотника», были отложены, что называется, в долгий ящик. К некоторым из них Тургенев вернется в начале 1870-х годов. А пока он ищет новых решений.

Позволим предположить, что повести «Муму» о русском смиренном немом богатыре и «Постоялый двор» о непростом хозяйствовании и личной драме мужика Акима, ставшего в итоге богомольцем, не были последними опытами Тургенева в освоении сложного народного характера и сюжета, который бы этим характером определялся. Осенью 1853 года он вновь обратится к народной теме. Однако в данном случае речь идет о так и не реализованном замысле, который, как мы полагаем, складывался в творческой лаборатории писателя в течение 1853 г. и который мы позволим себе реконструировать на основе переписки Тургенева с коллегами и друзьями.

В центре этого неосуществленного замысла писателя оказался «персонаж», отдаленно напоминающий других тургеневских крестьян. Но он все же он был не похож на остальных, потому что обладал удивительным поэтическим и одновременно душевно-духовным даром, который позволил ему однажды написать проникновенные и высокохудожественные Пасхальные стихи. Собственно история написания этих стихов и должна была стать внутренней пружиной сюжета. Отметим сразу, что во втором академическом издании Тургенева эти стихи приписываются самому писателю, хотя справедливо размещаются в разделе *Dubia*. В обозримом будущем едва ли представляется возможным установить точное авторство этого стихотворного текста, поскольку нет автографа или иных свидетельств, но мы, вслед за авторитетными комментаторами Тургенева (публикацию в академическом издании готовила И.С. Чистова, а И.Г. Ямпольский опубликовал текст, возможно, принадлежащий Тургеневу в серии «Библиотека поэта» еще в 1970 г. [Тургенев, 1970: 381–383]), также с большой долей вероятности отнесем их к раннему тургеневскому наследию⁴. Стихотворение под названием «Христос воскрес!» за подписью Л. (известно, что Тургенев часто подписывал свои ранние произведения криптонимом Т.Л.) было опубликовано в 1840 г. в «Литературной газете» от 13 апреля, № 30. Экземпляр этой газеты хранился в библиотеке Спасского.

⁴ Как подчеркивают комментаторы, впервые предположение об авторстве Тургенева было высказано Н. Юшковым в 1889 г., причем ему не было известно о тургеневской переписке по поводу этого текста с П.В. Анненковым и Н.А. Некрасовым [Тургенев, 1986: 711].

Содержание и эмоциональность стихотворения представляются настолько далекими от того скептического отношения к вопросам веры, которое традиционно признается за Тургеневым, что мы позволим себе привести текст целиком. В современной публикации название стихотворения выглядит иначе, согласно именованию, которое было дано самим Тургеневым в письме к П.В. Анненкову: «Восторг души, или чувства души в высокаторжественный день праздника».

Таинственно в безмолвии ночном
Священной меди звуки раздаются —
О! эти звуки прямо в душу льются
И говорят с душой о неземном.

Христианин, проснись хоть на мгновенье
От суеты земного бытия —
Спеши во храм, пусть в сладком умиленье
Затеплится мольбой душа твоя.

Но за порог таинственного храма
Без теплой веры в сердце не входи —
И не сжигай святого фимиама,
Когда нет жертвы в пламенной груди.

Нам на земле один путеводитель —
Святая вера; яркою звездой
Ее зажег над миром Искупитель —
И озарил к спасенью путь земной.

Иди по нем с надеждой и любовью,
Не уклоняясь тяжкого креста;
Он освящен мучением и кровью
За грешный мир страдавшего Христа.

Кто без слезы святого умиленья,
Без трепета, с холодной душой
Коснется тайн священных искупленья,
Запечатленных кровию святой;

Кто в этот день живых воспоминаний
В душе своей восторга не найдет,
Не заглушит в груди земных страданий,
Руки врага с улыбкой не сожмет, —

Тот с печатью отверженья
На бледнеющем челе —
Не достоин искупленья
В небесах и на земле!

Минувшее открылось предо мною,
Его проник могучий взор души —
И вот оно картину живую
Рисуется в тиши.

В страшный миг часа девятого
Вижу я среди креста
Иудеями распятого
Искупителя Христа —

Все чело облито кровию
От тернового венца,
Взор сиял святой любовью,
Божеством — черты лица.

Вижу знаменье ужасное —
Завес в храме раздрался...
Потемнело солнце ясное —
Потемнели небеса.

Вижу тьму, весь мир объявшую,
Слышу страшный треск громов —
Грудь земли затрепетавшую,
И восставших из гробов!

И в трепете, страхом невольным объятый,
Коварный Израиль, внимая громам,
Воскликнул: воистину нами распяты
Был вечный сын бога, обещанный нам!

Но все ж не утихла в нем мощная злоба...
Вот снято пречистое тело с креста
И в гробе сокрыто — и на ночь вокруг гроба
Поставлена стража врагами Христа.

Вновь покрыл мрак землю хладную,
Стража третью ночь не спит
И с надеждою отрадною
Гроб бессмертного хранит.

Вот и полночь приближается,
Вдруг глубокий мрак исчез —
Ярче солнца озаряется
Гроб сиянием небес.

И спаситель наш божественный
Весь в лучах над ним восстал —
Славой божией торжественной
И бессмертьем он сиял.

И в этот миг раздался хор нетленных,
Хор светлых ангелов с небес —
Он возгласил над миром искупленным:
Христос воскрес! Христос воскрес!

Оледеневшая от страха,
Внимая голосу небес,
Упала стража — и, средь праха,
Воскликнула: воистину воскрес!

Так совершилась тайна искупления —
И гордый враг небес низвержен в прах,
И снова для преступного творенья
Доступна жизнь — и вечность в небесах

[Тургенев, 1986: 553–555].

В истории с этим текстом для нас интереснее не сам факт возможной принадлежности стихотворных строк Тургеневу, сколько его ключевая роль в сюжете предполагаемого сочинения. Подчеркнем, что эти стихи имеют самое прямое отношение к творческим планам Тургенева в 1953 г.

Он решает дать стихотворению, опубликованному более чем десять лет назад в «Литературной газете», вторую жизнь и 14 октября 1853 г. посылает стихи П.В. Анненкову со своими комментариями, в которых подробно рассказывает об их якобы настоящем сочини-

теле. Текст письма развернутый и представляет собой своего рода литературное произведение, с детальным описанием портрета и характера «автора» стихотворения, а также истории его жизни. В письме создается контур сюжета и героя: «Живет у меня в доме старый (54-летний) маляр, бывший живописец, по имени Николай Федосеев Градов. Он был дворовым человеком моей матери и по старости лет не пожелал идти на волю. Когда-то он учился рисованию и декоративной живописи у Скотти, потом жил на оброке, наконец попал обратно к маменьке, писал образа, срисовывал цветы, клеил коробки, подбирал шерсти по узорам, красил комнаты, крыши и даже заборы. Художническая искра в нем всегда была, и фигура у него не дюжинная, огромный нос, голубые глаза, выражение какое-то полупьяное, полувосторженное — впрочем, особенного в нем ничего не замечалось, считался он всегда в “последних”, ходил замарашкой, любил выпить и к женскому полу чувствовал попользование сильное» [Тургенев, 1987: 260–261].

Далее следует история якобы счастливого обретения Тургеневым этих стихов: «Вот на днях мой камердинер (человек чрезвычайно глупый, замечу в скобках) — зная, что я большой охотник до всякого рода любовных писем, стихов и прочей чепухи (здесь можно ощутить интонации “другого” повествователя, некоторые не собственно тургеневские ноты, что свидетельствует о “литературности” личного письма. — *И.Б.*), приносит мне исписанный лист и с иронической улыбкой объявляет, что вот, мол, какие стихи живописец написал. Я взял их, начал читать — и прочел ту *удивительную вещь*, которой копию (вернейшую, за исключением бесчисленных орфографических ошибок)⁵ — Вам посылаю. Я остолбенел — и тотчас отправился к Николаю Федосееву, который в то время белил и красил комнаты дома, куда я намерен перейти из флигеля» [Тургенев, 1987: 261] (курсив наш. — *И.Б.*).

Тургенев прилагает в письме к П.В. Анненкову характерные интонации речи этого в действительности существовавшего живописца «Николая Федосеева Градова». Возможно, что эта информация была не так важна для тургеневского адресата, но если подходить к этому эпистолярному тексту как к наброску будущего сочинения, все это приобретало особое значение:

«На вопрос мой, точно он ли написал стихи, принесенные моим камердинером — он, после первого смущения, отвечал: Наши. — Я, продолжал он, сидя на корточках, на высокой подставке, весь забрыз-

⁵ В конце письма Тургенев даже приводит примеры таких ошибок и описывает рукопись: «Я желал бы показать тот засаленный лист, с которого я списывал — но я буду хранить его у себя. Вот образчик его правописанья: И ни жжигай светова фимиама и т.д.» [Тургенев, 1987: 264]. Ошибки, надо полагать, были тоже частью художественного плана, особенно если принять во внимание, что все описанное Тургеневым оказалось в итоге мистификацией.

ганный белилами — всё упрекал нашего попа, что вот он седьмой год у нас живет, а ни одной проповеди не написал — а он мне сказал: ты художник — напиши-ка ты. Вот я и написал. — Да и ты прежде писал стихи? — Случалось» [Тургенев, 1987: 261]. В личном письме, с одной стороны, воссоздаются узнаваемые интонации, знакомые по «Запискам охотника», а сам писатель оказывается в роли рассказчика и одновременно действующего лица, с другой — фактура повествования пока еще не определилась.

Но совершенно точно сделано было следующее: обозначен психологический стержень всей истории, а именно вопрос о том, как мог человек, который «едва ли <...> когда-нибудь прочел какую-нибудь книгу» и «вовсе не принадлежал к числу дворовых людей полуобразованных и с литературными притязаниями», т. е. был «совершенно простым существом» (курсив наш. — И.Б.) [Тургенев, 1987: 261], — как он мог передать в стихах такой свет душевный и оказаться личностью в высшей степени творческой. «Николай Федосеев Градов» выстраивался в новую, после Герасима и Акима, и не менее интересную художественно-антропологическую задачу и загадку для Тургенева. Отметим, что интерес писателя к человеку из народа в данном случае отличался принципиальной новизной, поскольку герой обладал, при, казалось бы, внешней простоте и даже какой-то примитивности, теми внутренними свойствами, которые были лишь чаемы многими его образованными современниками. Так вопрос применительно к герою из народа у Тургенева еще никогда не стоял, если, конечно, не считать тех метаморфоз, которые произошли с Акимом из повести «Постоялый двор», в финале которой рассказано о странничестве и богомольной жизни героя⁶. Но эти события духовного преображения Акима (хотя в комментариях подчеркивается, что оно имеет отношение к практике сектантов) все же вынесены в эпилог и находятся на периферии сюжета. В истории же со стихами, которые написал дворовый художник, психологическая задача перерастает в духовную и оказывается стержневой и смыслообразующей. Способность написать именно такие стихи

⁶ «Он отвечал, что пойдет сперва в Киев, а оттуда куда бог даст. <...> С тех пор он очень редко показывался домой, хотя никогда не забывал принести барыне просвиру с вынутым зазданным... Зато везде, куда только стекаются богомольные русские люди, можно было увидеть его исхудавшее и постаревшее, но всё еще благообразное и стройное лицо: и у раки св. Сергия, и у Белых берегов, и в Оптиной пустыне, и в отдаленном Валааме; везде бывал он... В нынешнем году он проходил мимо вас в рядах несметного народа, идущего крестным ходом за иконой богородицы в Коренную; на следующий год вы заставали его сидящим, с котомкой за плечами, вместе с другими странниками, на паперти Николая чудотворца во Мценске... В Москву он являлся почти каждую весну... Из края в край скитался он своим тихим, неторопливым, но безостановочным шагом — говорят, он побывал в самом Иерусалиме... Он казался совершенно спокойным и счастливым, и много говорили о его набожности и смиренномудрии те люди, которым удавалось с ним беседовать. <...> и бог один знает, сколько ему еще придется странствовать!» [Тургенев, 1979: 318–319, 320].

обнаруживает в их, казалось бы, незатейливом создателе удивительную душевную красоту, недаром, характеризуя его, Тургенев процитирует свой любимый стих из Евангелия от Иоанна, на латыни: *Spiritus flat ubi vult*⁷.

История поэта-живописца, как следует из письма Тургенева, наделала много шума среди дворовых — и здесь угадываются самые разные возможности для яркого развития действия, если предполагать, что перед нами будущая повесть. Подобное решение встречается, например, в «Муму». А сам «Николай Федосеев Градов», как писал Тургенев, заявил, что теперь «бросает кисть и берется за перо и что он мне <Тургеневу. — И.Б.> напишет стихи под названием “Система Мира”, от которых я приду в совершенный восторг» [Тургенев, 1987: 261–262]. Тургенев не без иронии комментирует этот будущий шедевр так: «удивительнее предсказаний и прочих штук стучащих и вертящихся столов» [Тургенев, 1987: 262].

Заключает писатель очерк этого характера в своем письме к П.В. Анненкову следующим размышлением: «Вот тут пойдите с Вашей психологией, да с знанием человеческого сердца! Все это пустяки — каждый человек — неразрешимая загадка». «Я бы желал показать Вам на минуту фигуру моего живописца, — уверяет Тургенев, — чтобы дать Вам понять, до чего странна и удивительна вся эта вещь» [Тургенев, 1987: 262]. Писатель просит своего друга и искреннего критика написать, что он «об этом скажет» [Тургенев, 1987: 264] и признается, что сам «находится под влиянием» этого «необыкновенного события» [Тургенев, 1987: 260]. Думается, что Тургенев в ответе П.В. Анненкова ожидал для себя подтверждения того, насколько художественно состоятельна рассказанная им история.

Однако обнадежить Тургенева реакция П.В. Анненкова не могла, поскольку он небезосновательно посчитал, что все это — неудачная мистификация. «Либо Н.Ф. вас обманывает, либо вы меня морочите», — писал критик и уверял своего друга, что поверить в этот рассказ можно только в том случае, если согласиться с тем, что «от воды сгорел дом». Его не убеждает «герой». «Я понимаю в нем, — возмущается П.В. Анненков, — теплый и яркий образ, допускаю энергический, великолепный оборот мысли, даже простоту представления от простоты верования происходящую, но уже изящества в стиле, но мастерства в фактуре стихов — вот этого не могу понять, не могу» [Анненков, 2005: 33]. «Не так выходит дикая импровизация, не таковы приемы ее», — убеждает он своего друга. Далее следует довольно детальный разбор того, что не так и почему присланное ему стихотворение могло быть написано именно и только 1853 г. «Язык у него, — утверждает Анненков, — поэзии 1853 года»⁸. Он не

⁷ Дух дышит, где хочет (Ин: 3:8).

⁸ П.В. Анненков не знал о публикации 1840 г.

смет назвать стихотворение «подделкой», однако это следует из его письма [Анненков, 2005: 34].

Само стихотворное сочинение П.В. Анненков принимает с восторгом, как и пришедший к нему в момент чтения Н.А. Некрасов, которому двумя днями позже (16 (28) октября 1852 г.) Тургенев тоже пишет в письме о своей «находке» — «Некрасов, спроси у Анненкова стихи моего живописца (дворового человека), которые я ему послал — и удивись» [Тургенев, 1987: 266] — и который попросит Тургенева поместить этот текст в журнал «Современник». В письме от 17 (29) ноября 1853 г. к Тургеневу Н.А. Некрасов настаивает на публикации стихотворения, зная о сомнениях П.В. Анненкова по поводу их авторства: «Читал я “Чувства души в высокаторж (ественный) праздник”. Кому б ни принадлежали эти стихи — они превосходны. Это мое мнение после троекратного их прочтения, с значительными промежутками. Если ты позволишь, мы бы напечатали их, даже прошу об этом» [Некрасов, 1998: 184]. Но Тургенев этого не сделал, хотя всячески вроде бы желал популяризации творчества «обнаруженного» им поэта. Это тоже любопытный момент, который, на наш взгляд, свидетельствует о том, что у Тургенева были свои планы на это стихотворение. Оно должно было стать важнейшей страницей в сюжете его будущей повести и публиковать стихи, тем более повторно, если учитывать предыдущее их издание в «Литературной газете», он решительно не хотел. Вся история со стихотворением затевалась им явно не для того.

В ответ на «разоблачение» Тургенев пишет П.В. Анненкову другое письмо. Происходит это довольно быстро, всего через пять дней: первое письмо — от 14 (26) октября 1853 г., второе — от 19 (31) октября. Обращаем внимание на этот короткий срок потому, что во втором письме на авторство уже назначается другой человек — «малоархангельский поп»: «Сочинитель этих стихов, как я уже писал Вам, оказывается, некоторый протопоп, по имени Иван Розов, живущий — Малоархангельского уезда в селе Тапки⁹» [Тургенев, 1987: 268]. А «новооткрывшийся поэт и живописец», о котором так проникновенно Тургенев писал в предыдущем письме, объявляется фактически самозванцем: «этот старый шут меня морочил», «дня три сильно рисовался — но, увидев, что от него ждут дальнейших подвигов — сознался в своем подлоге», «на старости лет отлично надул меня». Поэтому «достоинство» стихов, как сообщает Тургенев, «не могло не упасть» в его глазах, хотя стихи, уже в отрыве от их автора, он все равно оценивает как «замечательные» [Тургенев, 1987: 266].

Стоит отметить, что тон второго письма к П.В. Анненкову довольно унылый в той части, которая касается всей этой истории со стихотворением. Тургенев явно разочарован не столько «морочив-

⁹ Село принадлежало Тургеневу.

шим» его живописцем, сколько, видимо, своей неспособностью достоверно и убедительно выстроить характер и представить человека простого, но обладающего мощным внутренним и эстетическим началом. Его фактически разоблачили, а значит, не было уже смысла предпринимать дальнейшие шаги. Сюжет, а вместе с ним и герой, оказались мертворожденными.

Сам Тургенев упорно открещивался от авторства, хотя П. В. Анненков ранее писал об этом прямо, а впоследствии намекал на свою прежнюю версию. В письме к другу от 31 октября (12 ноября) 1853 г. он сдержанно, не без сомнения и едва скрываемой иронии, принимает «авторство» «малоархангельского попа», — «пусть будет так», — заключает он, но уточняет: «несомненно, что они (стихи. — *И. Б.*) столь же замечательны по благородству картины, сколько и по твердости кисти. В этом небольшом произведении есть то, что давно не встречал я в литературе — стиль. Честь попу!» [Анненков, 2005: 34]. Правда, позднее, в письме от 11 (23) ноября 1853 г., П. В. Анненков извинится перед Тургеневым за то, что из-за чрезмерной восторженности своей приписал авторство этих стихов своему другу. Между тем сомнения его не были до конца развеяны.

Переписка по поводу этого стихотворения будет продолжаться между друзьями и в ноябре. Но вот уже теперь «малоархангельский поп» исключается из претендентов на авторство, поскольку, как уверяет П. В. Анненкова в письме от 20 ноября (2 декабря) 1853 г. Тургенев, вся вина лежит на живописце Федосееве. Как бы случайно опять возникает прежний «герой». Это он якобы придумал всю эту историю со стихами. И далее следует объяснение истинного их происхождения, поскольку они, «как теперь достоверно известно через другого его знакомого, вольноотпущенного, живущего в Москве», «выписаны из — “Северной пчелы” 1840-го года» (на самом деле опубликованы в «Литературной газете»). Но, по словам Тургенева, живописец «Николай Федосеев Градов», обманувший всех, и его в том числе, все же решил стать поэтом. Он написал другие стихи — обещанную «Систему Мира». «Эти стихи действительно его, — утверждает Тургенев, — вот образчики:

Злова семя нравы
Сеет везде злодей,
И рвут как тираны
Неистово люди людей —
Кто в должности ходит,
Ото всех имеет честь,
А как полдень приходит,
Ищут наилучше ему есть». [Тургенев, 1987: 278]

Тургенев заключает: «Эти стихи более вероятны. Всё дело приняло теперь интерес более психологический — и Федосеев представляет предмет для комика» [Тургенев, 1987: 277–278]. Но это уже совсем

иная задача, которая в каком-то смысле уже решалась Тургеневым в повести «Петушков», но только отчасти, а сейчас ему хотелось не комического элемента, а глубокой драматургии характера. Ее мог предложить нереализованный замысел, если бы в нем была внутренняя правда. А ее-то как раз не увидел П.В. Анненков, к мнению которого Тургенев обычно прислушивался. История поэта-живописца и его религиозного озарения оказалась неубедительной, и он не стал разрабатывать ее дальше.

Как нам представляется, здесь исчерпывается интерес Тургенева к сюжету о герое из народа, по крайней мере, на том этапе его творческого пути, когда писатель ищет свое слово и свою большую тему в литературе. Позже он вернется к художественному изучению и народного характера, и сложной духовно-душевной организации человека не исключительного, а обыкновенного в своих «студиях типа» и поздних рассказах. Но в ноябре—декабре 1853 г., когда разыгрывалась эта драматическая история с мистификацией, Тургенев уже приступает к написанию повести «Два приятеля», в которой хотя еще очень силен прежний социально-бытовой план, но уже четко прорисовывается проблемно-тематический комплекс «новой манеры». Затем с лета по зиму 1854 г. в ключе новых художественных решений писатель перерабатывает свои старые замыслы в повестях «Затишье» и «Переписка». О вопросах духовных, о сомнениях в Богоприсутствии и страхе человека от сознания Богооставленности, да и в целом о безднах и красоте человеческой души Тургенев будет говорить со своим читателем иным языком — его выбор определяется в пользу любви как центральной сюжетной и проблемной ситуации. Тем не менее сюжет о поэте-живописце из крестьян, который смог выразить в слове Пасхальное чудо, заслуживает внимания, несмотря на то, что он так и не нашел художественного воплощения в творчестве писателя. Возможно, образ крепостного поэта сложился бы у Тургенева в фигуру не менее яркую, чем его великий немой Герасим.

Список источников и литературы

- Анненков П.В.* О мысли в произведениях изящной словесности (Заметки по поводу последних произведений гг. Тургенева и Л.Н. Толстого) // Русская эстетика и критика 40–50-х годов XIX века / Подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. В.К. Кантора и А.Л. Осповата. М., 1982.
- Анненков П.В.* Письма к И.С. Тургеневу. Кн. 1. 1952–1874. СПб, 2005.
- Басихин Ю.Ф.* Поэмы Тургенева (Путь к роману). Саранск, 1973.
- Беляева И.А.* Проза И.С. Тургенева 1850-х годов: «фаустовские» истоки и смыслы // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2015. Т. 74. № 6. С. 5–18.

- Бялый Г.А. Тургенев и русский реализм. М., 1962.
Истомин К.К. Старая манера Тургенева. Опыт психологии творчества. СПб, 1913.
Мазон А. Парижские рукописи Тургенева. М.; Л., 1931.
Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 14. Кн. 1. СПб, 1998.
Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 2. М., 1987.
Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 4. М., 1979.
Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 12. М., 1986.
Тургенев И.С. Стихотворения и поэмы. Л., 1970.

Irina Belyaeva

**SWITCHING FROM THE “OLD MANNER”
TO A “NEW” ONE, OR HOW IVAN TURGENEV DID NOT
REALIZE AN AMBITIOUS PLAN**

Moscow City University

4 Vtoroy Selskhoziazjstvenny proezd, Moscow, 129226

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

The article discusses how Ivan Turgenev did not realize an ambitious plan. Literary critics have long been silent about the writer's radical idea he had in the early 1850's whereas they should have been talking about it for quite a while by now. In the early 1850's Turgenev considers changing the literary strategy he pursues in *Notes of a Hunter*, or in other translated as *Sketches from a Hunter's Album*. He calls his former work 'the old manner' and sets himself an ambitious goal to create a large literary form that would allow him to present his character bigger and brighter. He is looking for a plot and a hero. For some time, during 1852—1853, he is still keen on the national character (as in the stories *Mumu* and *The Inner Court*), but this theme does not fully satisfy Turgenev, he admits to himself that he is not yet ready. One of the last attempts of the writer to get down to the secrets of the common man is the story about a domestic painter and poet who composed an Easter poem. It is highly likely that the poem belongs to the early Turgenev. However the writer's friends highly mystified it, and he gradually became disillusioned about the idea of presenting a character as a person who would be plain but at the same time spiritually penetrating and creative. After this failure, Turgenev grows more enthusiastic about a “new manner”; he heads toward a different type of a plot and a hero determined by the love problem complex. However in his later works the writer turns to increasingly more complex spiritual and psychological problems that he would like to solve, but would not be able to, as in the history of the author of *The Easter Poem*.

Key words: Turgenev; Annenkov; Nekrasov; prose; poetry; mystification; hero; plot; unrealized plot; Easter theme; stories from everyday life; “New manner”; “Old manner”; “Mumu”, “Inner Court”, “Rudin”.

About the author: *Irina Belyaeva* — Dr. habil., Professor, Moscow City University (MGPU), Professor at Moscow State University (e-mail: belyaeva-i@mail.ru).

References

- Annenkov P.V. *O mysli v proizvedeniyah izyashchnoj slovesnosti* (Zametki po povodu poslednih proizvedenij gg. Turgeneva i L.N. Tolstogo) [About thought in works of fiction (Notes on the latest works of Turgenev and Tolstoy)], *Russkaya estetika i kritika 40—50-h godov XIX veka*. Podgot. teksta, sost., vstup. stat’ya i primech. V.K. Kantora i A.L. Ospovata. Moskva: Publ. Iskustvo, 1982. (In Russ.)
- Annenkov P.V. *Pis’ma k I.S. Turgenevu*. [Letters to I.S. Turgenev] Kn. 1. 1952—1874. Saint Petersburg: Publ. Nauka, 2005. (In Russ.)
- Basihin Yu.F. *Poemy Turgeneva (Put’ k romanu)*. [Poems of Turgenev (Way to the novel)]. Saransk: Mord. knizhnoe izd-vo, 1973. (In Russ.)
- Belyaeva I.A. *Proza I.S. Turgeneva 1850-h godov: “faustovskie” istoki i smysly*. [Turgenev’s Prose of 1850s: “Faustian” Origins and Meanings] *Izvestiya RAN. Serija literatury i jazyka*, 2015, vol. 74, no. 6, pp. 5—18. (In Russ.)
- Byalyj G.A. *Turgenev i russkij realizm*. [Turgenev and Russian realism]. Moskva: Publ. Sov. Pisatel’, 1962. (In Russ.)
- Istomin K.K. *Staraya manera Turgeneva. Opyt psichologii tvorchestva*. [Old manner of Turgenev. Experience in the psychology of creativity]. Saint Petersburg: Publ. Imp. Akademii nauk, 1913. (In Russ.)
- Mazon A. *Parizhskie rukopisi Turgeneva*. [Parisian manuscripts of Turgenev]. Moskva; Leningrad: Publ. Academia, 1931. (In Russ.)
- Nekrasov N.A. *Poln. sobr. soch. i pisem*. [Complete Works and Letters]: V 15 t. T. 14. Kn. 1. Saint Petersburg: Publ. Nauka, 1998. (In Russ.)
- Turgenev I.S. *Poln. sobr. soch. i pisem*. [Complete Works and Letters]. V 30 t. Pis’ma. [Letters]. V 18 t. T. 2. Moskva: Publ. Nauka, 1987. (In Russ.)
- Turgenev I.S. *Poln. sobr. soch. i pisem*. [Complete Works and Letters]. V 30 t. Soch. [Works]. V 12 t. T. 4. Moskva: Publ. Nauka, 1979. (In Russ.)
- Turgenev I.S. *Poln. sobr. soch. i pisem*. [Complete Works and Letters]. V 30 t. Soch. [Works]. V 12 t. T. 12. Moskva: Publ. Nauka, 1986. (In Russ.)
- Turgenev I.S. *Stihotvoreniya i poemy*. [Poems]. Leningrad: Publ. Sov. Pisatel’, 1970.

Т.Б. Трофимова

**«ВЫ РАССКАЗЫВАЕТЕ ДЕТЯМ СКАЗКУ
ИЛИ ПОВЕСТЬ...»:
РАССКАЗ «МАЛЕНЬКИЙ ГЕРОЙ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
И ПОВЕСТЬ «ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ» И.С. ТУРГЕНЕВА**

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, набережная Макарова, д. 4*

В статье исследуется полемика И.С. Тургенева с Ф.М. Достоевским о проблеме романтизма. В центре этой полемики оказывается фигура В.Г. Белинского, эстетические взгляды которого были переосмыслены Достоевским в «Маленьком герое», ранее именовавшемся «Детской сказкой». Писатель в 1840-е годы находился под большим влиянием идей критика, в том числе его суждений о задачах детской литературы и воспитания детей. «Маленький герой» представляет собой романтический рассказ о первой любви и наполнен переключками с высказываниями Белинского, которые были направлены против «шиллеровской любви» и «шиллеровского романтизма», против поэтизации рыцарского чувства. Все эти интонации отразились в «Маленьком герое». Более того, «соперником» юного влюбленного у Достоевского оказывается персонаж, прототипически близкий к известному критику, что, наряду с другими фактами, указывает на самом деле на полемический вектор Достоевского по отношению к Белинскому в этом его рассказе. «Детская сказка» стала для него прощанием с тем периодом его творчества, который был связан с Белинским. Рассказ остался почти незамеченным критикой, однако привлек к себе внимание Тургенева, который, без сомнения, услышал все переключки с Белинским. Отсюда почти прямое следование, в деталях, за Достоевским в его повести «Первая любовь», которая не слишком по времени отстоит от «Маленького героя». Размышления героя Тургенева из «Первой любви» также похожи на мысли Белинского, особенно когда они касаются драматизма первого чувства. Однако именно героиня Тургенева транслирует суждения Белинского, отличающиеся глубиной понимания реализма, когда речь идет о красоте подлинной поэзии, в которой подчас более жизни, нежели в самой действительности. Романтический элемент в реализме Тургенев, вслед за Белинским, всегда признавал, и в данном случае полемически ответил на критику Достоевского в адрес их общего учителя.

Ключевые слова: Тургенев; Достоевский; Белинский; Шиллер; романтизм; реализм; сказка; детская литература; фантазия.

Трофимова Татьяна Борисовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (e-mail: matvej54@mail.ru).

Исследователи творчества Достоевского уже обращали внимание на сходство этих произведений, считая, что чтение Тургеневым рассказа «Маленький герой» «могло послужить своего рода толчком для создания автобиографической повести <...>, первоначальные наброски которой датируются январем 1858 года» [Достоевский, 2014: 507]. Е. Краснощекова, в свою очередь, отмечает: «Содержательная переключка рассказа Достоевского с повестью Тургенева очевидна. У того и другого автора полудетское чувство наивных и чистых подростков отдано красавицам зрелого возраста, страдающих от превратностей любви...» [Краснощекова, 2008: 399]. Следует отметить, что совпадают не только мотивы, например, рыцарства, или места действия — окраина Москвы — и т.п., но и мелкие детали. Так, и у того и другого мальчика для прогулок есть лошадка, одной и той же породы — клеппер. Совпадает и отсылка к следующим словам повести Пушкина «Пиковая дама»: «Старая графиня *** сидела в своей уборной перед зеркалом. Три девушки окружали ее. Одна держала банку румян, другая коробку со шпильками, третья высокий чепец с огненными лентами» [Пушкин, 1948: 231]. В рассказе Достоевского мальчик обратил внимание «на чепец с огненными лентами, скрывающий седины одной почтенной дамы в первом ряду» [Достоевский, 2014: 366]. У Тургенева Володя замечает, что «старуха (княгиня Засекина. — *Т.Т.*) надела старомодный чепец с лентами огненного цвета» при посещении их дома [Тургенев, 1981: 317]. Известно, что оба писателя — давно признанные мастера художественных деталей, которые при введении их в текст всегда расширяют смысл произведения. Тургенев в повести идет «во след» рассказу Достоевского, словно стараясь обратить внимание читателя на явное сходство произведений. Возникает вопрос — зачем?

Напомним, что «Маленький герой» был написан Достоевским в Петропавловской крепости, куда писатель был помещен после ареста по «делу петрашевцев». К декабрю 1849 г., когда осужденных отправляли в Сибирь, рассказ был закончен. Достоевский писал брату в письме от 22 декабря 1849 г.: «...несколько листков моей рукописи, чернового плана драмы и романа (и оконченная повесть «Детская сказка») у меня отобраны и достанутся, по всей вероятности, тебе» [Достоевский, 1985: 161]. Рассказ был опубликован М.М. Достоевским через восемь лет под заглавием «Маленький герой (Из неизвестных мемуаров)» в «Отечественных записках» за 1857 г., а вместо подписи стояла анаграмма «М-ий».

Благодаря сближению с В.Г. Белинским после его восторженного отзыва о «Бедных людях» и успеха романа после публикации, Достоевский вошел в круг литераторов «натуральной школы», возглавляемой критиком. 8 октября 1845 г. Достоевский пишет брату

Михаилу: «...я бываю весьма часто у Белинского. Он ко мне донельзя расположен...» [там же: 113]. В декабре 1845 г. на литературном вечере у критика он читает несколько глав из «Двойника», вызвавшего у Белинского и других литераторов критические отзывы. «Вот что гадко и мучительно, — пишет он брату Михаилу 1 апреля 1846 г., — свои, наши, Белинский и все мною недовольны за Голядкина. Первое впечатление восторг, говор, шум, толки. Второе — критика» [там же: 119]. Отношения постепенно становятся натянутыми, и 6 ноября 1846 г. он сообщает брату: «Скажу тебе, что я имел неприятность окончательно поссориться с “Современником” в лице Некрасова <...> Что касается до Белинского, то это такой слабый человек, что даже в литературных мнениях у него пять пятниц на неделе. *Только с ним я сохранил прежние добрые отношения. Он человек благородный...*» [там же: 133–134] (курсив мой. — Т.Т.). Но вскоре окончательный разрыв с кружком Белинского все же произошел. Вступив после этого в ряды «петрашевцев», Достоевский не забывал своего «учителя». На собраниях у М.В. Петрашевского и С.Ф. Дурова читал дважды письмо Белинского к Гоголю, что, кстати, и послужило основной причиной ареста Достоевского. В день смерти критика 26 мая 1848 г. писатель пришел к своему другу врачу С.Д. Яновскому и сказал ему: «Батенька, великое горе свершилось, — Белинский умер» [Гроссман, 1935: 52]. Находясь в Петропавловской крепости, возможно, Достоевский вспоминал свою жизнь, в которой важное место занимала дружба с Белинским, споры с ним, чтение его статей, оказавших большое влияние на писателя. Это уже на каторге началось «перерождение» Достоевского, после которого он вернулся в Петербург христианином и монархистом. Резко изменилось и отношение у писателя к Белинскому и его взглядам начиная с конца 1850-х годов.

В первой журнальной публикации в начале рассказа было обращение к Машеньке, вероятно, девушке-подростку, вступающей во взрослую жизнь, для которой и написана эта «сказка». Впоследствии Достоевский снял это вступление. Как считает Н.Л. Зыховская, «в этом обращении-предисловии были сформулированы некоторые важные эстетические принципы раннего Достоевского: рассказ написан в угоду капризной девочке и должен соответствовать нескольким критериям». Далее исследователь акцентирует внимание на том, что в рассказе должны быть «*занимательность* (“чтоб было ужасно как любопытно слушать”), *не сентиментальность* (“потому что Машеньке совсем не хочется плакать <...> ей и смеяться тоже не хочется”), *не страшность* (“и так прошлую ночь всю измучилась: какой-то страшный сон видела”), *лаконичность* (“чтоб не было длинно”), *ясность фабулы* (“чтоб не было путаницы”)» [Зыховская, 2008: 124] (курсив Н.Л. Зыховской. — Т.Т.). Отметим, что автор-

рассказчик, обращаясь к Машеньке, хочет воскресить «все любимые ее “милые видения” прошедшего, внезапно воскресшие в ее горячей головке», но так, чтобы «заставить забиться причудливое сердечко» [Достоевский, 2014: 594] юной слушательницы. В предисловии автор-рассказчик своей беседой старается воздействовать не на разум, а на чувства девушки, вспоминая счастливые и радостные дни, проведенные в деревне, «время золотое, когда обоим было так хорошо, что как будто и правда, что мы тогда зараз прожили всё наше счастье, за всю нашу жизнь, и ничего про запас не оставили» [там же].

В этом вступлении к «сказке» для девочки, на наш взгляд, видна переключка писателя с размышлениями Белинского о детской литературе, о детских книгах, об их роли в воспитании детей. Критик считал, что целью детских книг должно быть «развитие» у ребенка «чувства любви и чувства бесконечного», а не рассудка. «В детском возрасте чувство и рассудок в решительной противоположности, в решительной вражде, и одно убивает другое, — полагает Белинский, — <...> преимущественное развитие чувства дает им (детям. — *Т.Т.*) полноту, гармонию и поэзию жизни; преимущественное развитие рассудка губит в их сердце пышный цвет чувства и выращивает в них пырей и лебеду резонерства» [Белинский, 1954: 89]. По словам критика, именно резонерство «иссушает в детях источники жизни, любви, благодати», современные детские книжки «часто развивают в них эту несчастную способность резонерства, вместо того, чтобы противодействовать ее возникновению и развитию» [там же: 90]. Автор-рассказчик, обращаясь к чувствам и сердечку Машеньки, пишет: «Мы хотим одним взглядом наших бирюзовых сияющих глазок разбить в прах всё непрошеное резонерство загрустившего нашего друга и разрешить все досадные вопросы разом, по-своему» [Достоевский, 1972: 595]. Другим важным и необходимым условием для образования детей, по мнению Белинского, была «живая поэтическая фантазия»: «через нее и посредством ее должен он (писатель. — *Т.Т.*) действовать на детей. В детстве фантазия есть преобладающая способность и сила души, главный ее деятель и первый посредник между духом ребенка и вне его находящимся миром действительности» [Белинский, 1954: 93]. По мнению критика, ребенку нужны «образы, краски и звуки», «дитя не любит отвлеченных идей; ему нужны историйки, повести, сказки, рассказы...» [там же] «Какие грезы тебя убаюкали? В какое волшебное царство летала твоя фантазия?» — спрашивает автор-рассказчик Машеньку, обращаясь к ее воображению [Достоевский, 2014: 594]. Надо «говорить образами с детьми», — утверждает Белинский. Во вступлении к «детской сказке» перед читателем и Машенькой возникает образ камина, который радуется, что будут слушать его веселую трескотню и от этого он

становится похож на доброго хозяина, а в окно стучит и бьется «отмороженными, костлявыми пальцами» злая вьюга [там же: 593, 596]. Да и само название произведения — «Детская сказка» — отсылает к Белинскому, посвятившему жанру сказки свои критические статьи, в которых он разрабатывал теоретические концепции сказки народной и сказки литературной. Именно сказка, по мнению критика, помогает сердцу человека подготовиться «к борьбе со случайностями жизни». «Вы рассказываете детям сказку или повесть, — обращался критик к писателям, — спрячьтесь за нее, чтоб вас не было видно, пусть всё в ней говорит само за себя, непосредственным впечатлением». Не надо детям объяснять нравственную мысль произведения, «дайте ее почувствовать, не делайте из нее вывода в конце вашего рассказа, но дайте им самим вывести» [Белинский, 1954: 94]. «Пишите, пишите для детей, но только так, чтобы вашу книгу с удовольствием прочел и взрослый и, прочтя, перенесся бы легкою мечтою в светлые годы своего младенчества...», — призывал Белинский писателей [там же: 93].

В предисловии к «Детской сказке» Достоевский действительно сформулировал свои эстетические принципы, совпадающие с эстетическими взглядами Белинского на формирование литературы для детей, в свете которых будет написан основной текст рассказа. «Маленький герой» — романтический рассказ о естественных чувствах мальчика, его первой любви, взрослении, мечтах и фантазиях, возвративший автора-рассказчика в его воспоминаниях «в светлые годы» детства. Но и сам текст рассказа наполнен переключками с идеями Белинского.

«Маленький герой», по определению Г. Померанца — «апофеоз романтизма», и это не случайность [Померанц]. Приняв эстетические принципы Белинского, необходимые для написания произведения для детей, Достоевский вступает, на наш взгляд, с критиком в полемику о романтизме как таковом. Белинский в рецензии на сказки Гофмана отмечал, что в новелле немецкого писателя противопоставляется естественность и глубина детского романтического восприятия и воображения рассудочному прагматизму взрослых. Ребенок же для романтиков ввиду своей неиспорченности и наивности представлялся существом наиболее открытым для романтического восприятия действительности. Именно так видит окружающий его реальный мир одиннадцатилетний мальчик у Достоевского, попавший погостить к своему родственнику: «Казалось, что это был праздник, который с тем и начался, чтобы никогда не кончиться <...> Только одна блестящая сторона картины могла броситься в мои детские глаза, и это всеобщее одушевление, блеск, шум — всё это, доселе невиданное и неслыханное мною, так поразило меня,

что я впервые совсем растерялся и маленькая моя голова закружилась» [Достоевский, 2014: 363–364]. Среди всех гостей маленького героя привлекла м-те М*, лицо которой напоминало «светлые лица итальянских мадонн, что, смотря на нее, самому становилось скоро так же грустно, как за собственную, как за родную печаль» [там же: 369]. Но главное, что притягивало внимание мальчика, его любопытство, было обусловлено следующим: «Похоже было на то, как будто я допытывался какой-нибудь тайны...» [там же: 592]. На домашний праздник решили поставить «живые картины». Маленький герой стал вместе с м-те М* участником одной из сцен из средневековой жизни, которая называлась «Госпожа замка и ее паж». Роль пажа дала право мальчику везде сопровождать свою «даму сердца». Появляется тема «средних веков». Его «соперниками» оказались м-г М*, муж «прекрасной дамы» и ее возлюбленный господин Н-кий. Тайна ее печали открылась мальчику, но и его поклонение м-те М* открылось окружающему обществу из-за «тиранки» и его «гонительницы-блондинки». Второй эпизод рассказа — укрощение строптивого коня Танкреда — вводит в текст имя Шиллера. Именно после этого события герой рассказа подумал: «я был рыцарь, герой. “Делорж! Тогенбург!” — раздавалось кругом» [там же: 385]. Маленький герой, рыцарь «прекрасной дамы» м-те М*, совершает и второй реальный подвиг: возвращает ей письмо от г-на Н-кого, которое она потеряла, тем самым спасая свою «даму сердца» от позора и сплетен. В финале рассказа читатель узнает, что маленький герой «более с ней не встречался».

Введение мотива рыцарства в текст рассказа не случайно. Сравнение мальчика с героями двух баллад Шиллера «Перчатка» и «Рыцарь Тогенбург» в переводе Жуковского значимо. «У нас он (Шиллер. — Т.Т.), вместе с Жуковским, в душу русскую всосался, клеймо в ней оставил, почти период в истории нашего развития обозначил», — напишет позднее Достоевский в «Дневнике писателя» [там же, 1981: 31]. Упоминание в тексте имени немецкого писателя и его баллад, да еще и «вместе с Жуковским», на наш взгляд, отсылка к рассуждениям Белинского о романтизме во второй статье из цикла статей Белинского о Пушкине, большая часть которой посвящена характеристике творчества Жуковского как поэта-романтика и переводчика. Отмечая, что «романтизм нашего времени есть органическое единство всех моментов романтизма, развивавшегося в истории человечества», Белинский, продолжая эту мысль, замечает, что «теперь для всякого возраста и для всякой ступени сознания должна быть своя любовь <...> Есть в жизни человека пора романтизма средних веков. И во всякую пору человека сердце его знает, как надо любить ему и какой любви оно должно отозваться»

[Белинский, 1955 (1): 161]. И «Шиллер <...> романтик в смысле средних веков! <...> Шиллер высок в своем созерцании любви, но это любовь мечтательная, фантастическая...» [там же: 165] Достоевский и показывает в «Маленьком герое» эту шиллеровскую любовь, шиллеровский романтизм одиннадцатилетнего мальчика. Далее Белинский в статье, пересказав содержание баллады, с определенной долей сарказма, пишет: «В одно прекрасное утро злополучный рыцарь умер, смотря на окно <...> Сердца холодные и разочарованные, души жестокие и прозаические, мы жалеем об этом рыцаре, но не как о человеке, постигнутом роком и несущим на себе тяжкое бремя *действительного* несчастья, а как о сумасшедшем... Поистине бедняжка для нас немного смешон и жалок... Что делать? В этом отношении мы <...> нисколько не романтики <...> мы не верим, чтоб все назначение мужчины заключалось только в любви и чтоб все силы души его должны были сосредоточиться в одном этом чувстве <...> мы не верим возможности любви нераздельной, — если можем допустить ее, то не иначе, как болезнь или помешательство» [там же: 173]. В рассказе, как уже говорилось, есть «соперник» маленького героя — m-г М* муж «прекрасной дамы». Характеризуя его, автор-рассказчик пишет: «Особенно же запасаются они своими фразами на изъявление своей глубочайшей симпатии к человечеству <...> и, наконец, чтоб безостановочно карать романтизм, то есть зачастую всё прекрасное и истинное, каждый атом которого дороже всей их слизняковой породы. Но грубо не узнают они истины в уклоненной, переходной и неготовой форме и отталкивают всё, что ещё не поспело, не устоялось и бродит» [Достоевский, 2014: 373]. Исследователи считают, что одним из прототипов этого обобщенно-собирающего образа был Белинский [Rayne, 1961: 80; Pease, 1997: 221–237].

Итак, для Достоевского толчком к написанию «Детской сказки» могли послужить смерть Белинского, арест самого Достоевского из-за чтения письма Белинского к Гоголю, размышления писателя об очень важном периоде его жизни, счастливом времени его молодости, о своем писательском дебюте, которым он был в какой-то степени обязан Белинскому, о незаконченных спорах с критиком и нерешенных проблемах. Рассказ, опубликованный в 1857 г., остался почти незамеченным критикой, но, мы можем предположить, что его внимательно прочел Тургенев.

Повесть «Первая любовь» была задумана им в 1858 г., а опубликована лишь в 1860 г., в третьем номере журнала «Библиотека для чтения». Посвящена П.В. Анненкову, другу молодости. Напомним, что Анненков был близок с Белинским и его окружением в «Отечественных записках» и «Современнике». Летом он сопровождал Белинского в заграничной поездке и критик при нем писал свое

знаменитое письмо к Гоголю. Посвящение Анненкову уже скрывает в подтексте воспоминание о Белинском.

«Первая любовь» — это воспоминания уже не молодого человека о своей молодости, о своей первой любви. «Маленький герой» стал старше, ему уже 16 лет. «Я никогда не забуду первых недель, проведенных мною на даче, — вспоминает Владимир Петрович, герой повести, — <...> кровь бродила во мне, и сердце ныло — так сладко и так смешно: я всё ждал чего-то и всему дивился и весь был наготове; фантазия играла и носилась быстро вокруг одних и тех же представлений <...> я задумывался, грустил и даже плакал; но и сквозь слезы и сквозь грусть <...> проступало <...> радостное чувство молодой, закипающей жизни» [Тургенев, 1981: 307–306]. Тургенев, как и Достоевский, вводит в свой текст тему «средних веков». Володя «воображал себя рыцарем на турнире», ему явился «призрак женской любви» и «полусознанное, стыдливое предчувствие чего-то нового, несказанно сладкого, женского...» [там же: 306]. С этой темой связан и эпизод «посвящения» Зинаидой Володи в свои пажи [там же: 342]. Есть отсылка и к Шиллеру, но не к балладам, а драме «Разбойники». Во время прогулки он встречает свою «прекрасную даму», соседку по даче, княжну Зинаиду Засекину. И у Тургенева сюжет гораздо драматичнее: «соперником» Владимира в любви к его «даме сердца» окажется его же отец, страстно полюбивший княжну. Напомним, что отцу почти 40 лет. Зинаиде — 21 год. И Зинаида полюбит Петра Васильевича. Рассуждая о романтизме, Белинский замечает: «... для всякого возраста и для всякой ступени сознания должна быть своя любовь, т. е. один из моментов развития романтизма в истории. Смешно было бы требовать, чтобы сердце в восемнадцать лет любило, как оно может любить в тридцать и сорок, или наоборот» [Белинский, 1955 (1): 161].

Образ Зинаиды — один из центральных в повести, восприятие, которого вызвало неоднозначную реакцию. Д.И. Писарев признался, что не понял характер героини [Писарев, 1955: 266]. Н.А. Добролюбов вовсе увидел в Зинаиде «нечто среднее между Печориным и Ноздревым в юбке» [Добролюбов, 1962: 335]. И только Г. Флобер написал: «Какая поразительная девушка Зиночка! Одно из Ваших качеств — это умение изобретать женщин. Они идеальны и реальны. Они обладают притягательной силой и окружены ореолом» [Flaubert, 1946: 5–6. Перевод А.М. Березкина]. Зинаида в изображении Тургенева живая девушка, в ее движениях «было что-то очаровательное, повелительное, ласкающее, насмешливое и милое», «светлая и лукавая усмешка», «ясный и быстрый взгляд», и в то же время в лице девушки все было «тонко, умно и мило» [Тургенев, 1981: 307, 312]. М-ме М* в восприятии мальчика в рассказе Достоевского «была

тоже очень хороша собой <...> ее грустные большие глаза, полные огня и силы, смотрели робко и беспокойно <...> странная робость <...> унынием покрывала подчас ее тихие, кроткие черты <...> что, смотря на нее, самому становилось грустно, как за собственную, как за родную печаль» [Достоевский, 1972: 369]. В описании героини Достоевского часто используются эпитеты: грустная, печальная, тихая, унылая и т.п. «Женщина Шиллера, — пишет Белинский, — это не живое существо с горячею кровью и прекрасным телом, а бледный призрак; это не страсть, а аффектация <...> В балладах своих Шиллер воскресил весь пиэтизм средних веков, со всей безотчетностью его содержания» [Белинский, 1955 (1): 165]. Любовь у Шиллера «мечтательная, фантастическая». Противопоставляя «романтизм нашей эпохи» романтизму «средних веков», критик писал: «Идеал нашего времени — не *дева* идеальная и неземная, гордая своею невинностью <...> нет, идеал нашего времени — *женщина*, живущая не в мире мечтаний, а в действительности осуществляющая жизнь своего сердца, — не такая женщина, которая чувствует одно, а делает другое. В наше время любовь есть идеальность и духовность чувственного стремления, которое только ею и может быть законно, нравственно и чисто» [Белинский, 1955 (1): 164]. Тургенев словно воплощает мысль Белинского, создавая образ Зинаиды и сравнивая его с образом m-me M*. Это отчетливо видно в сценах прощальных свиданий героинь со своими возлюбленными, свидетелями которых становятся мальчики. Если m-me M*, расставшись со своим любимым Н-ким, «задумчиво и уныло направилась к дому», то Зинаида «с непередаваемым отпечатком преданности, грусти, любви и какого-то отчаяния» разговаривает с Петром Васильевичем, отцом Володи, получает удар хлыстом по руке и целует «заалевшийся» на руке рубец от удара. Мысли «маленького героя» «были разбиты и рассеяны», сердце «билось крепко, как от испуга» [Достоевский, 2014: 368]. Героя Тургенева последний «месяц <...> состарил — и моя любовь, — пишет он, — со всеми своими волнениями и страданиями, показалась мне самому чем-то таким маленьким, и детским, и мизерным перед тем другим, неизвестным чем-то, о котором я едва мог догадываться...» [Тургенев, 1981: 301]. Размышления «маленького героя» и Володи похожи на мысли Белинского о том, что изменения в сердце человека даются ему с болью и страданием, «ценою разрушенных надежд, несбывшихся мечтаний, побитых фантазий, ценою уничтожения всего того романтизма средних веков, который истинен только как стремление и всегда ложен как осуществление! И не каждый достигает этой нравственной возможности; но большая часть падает жертвою стремления к ней, падает с разбитым на всю жизнь сердцем, нося в себе, как проклятие, память о другом разбитом

навсегда сердце, о другом навеки погубленном существовании...» [Белинский, 1955 (1): 161]

В повести «Первая любовь» Тургенев обращается к реализму Пушкина и романтизму, уже теряющему свои позиции. Возникает явное противопоставление: Пушкин — Марлинский. Майданов читает свою поэму «Убийца», «которую он намеревался издать в черной обертке с заглавными буквами кровавого цвета». Зинаида, наслушавшись его стихов, «плохо ему верила» и «заставляла читать Пушкина, чтобы, как она говорила очистить воздух» [Тургенев, 1981: 327]. Белинский писал по поводу такого романтизма: «Явился романтизм — и пошли романтические драмы, кровавые, страшные, эффектные» [Белинский, 1955 (2): 45]. А.И. Батюто отмечает, что в повести «мерилом хорошего литературного вкуса становится не только умение постигать значение творчества Пушкина, но и потенциальная способность сочувственного отклика на суждения о нем Белинского. “Мнение в духе Белинского” Тургенев вкладывает в уста Зинаиды, понимающей красоту подлинной поэзии» [Батюто, 2004: 631].

Еще одна отсылка к Белинскому, вложенная в уста Зинаиды, присутствует в эпизоде чтения пушкинского стихотворения «На холмах Грузии...». Выслушав его, героиня говорит: «Вот чем поэзия хороша: она говорит нам то, чего нет и что не только лучше того, что есть, но даже больше похоже на правду...» [Тургенев, 1981: 330]. В статье «О стихотворениях Лермонтова» критик заметил: «Поэзия есть выражение жизни, или лучше сказать, сама жизнь. Мало этого: в поэзии жизнь более является жизнью, нежели в самой действительности» [Белинский, 1954: 144]. Содержание стихотворения Пушкина стало правдивее и ярче, чем действительность в ее обычном проявлении.

Тургенев был почти полностью согласен с Белинским в соотношениях реализма и романтизма, но не романтизма «ложно-величавого» или «романтизма средних веков», а романтизма естественного, который всегда есть в жизни человека. В реализме всегда будут «элементы романтизма», считал Тургенев. И в этом смысле он продолжал именно традицию Белинского, к которому всегда сохранял самые добрые чувства. Прочитав рассказ «Маленький герой» Достоевского, Тургенев, полагаем мы, едва ли мог не откликнуться — и вступил с писателем в полемику о проблеме романтизма, поддерживая взгляды своего друга и учителя.

Список источников и литературы

Батюто А.И. Избранные труды. СПб, 2004.

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 4. М., 1954.

- Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 7. М., 1955 (1).
- Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 9. М., 1955 (2).
- Гроссман Л.П.* Жизнь и труды Ф.М. Достоевского. Биография в датах и документах. М.; Л., 1935.
- Добролюбов Н.А.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. М.; Л., 1962.
- Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 2. Л., 1972.
- Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 23. Л., 1981.
- Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985.
- Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. Соч.: Т. 2. СПб, 2014.
- Зыковская Н.Л.* «Маленький герой» // Достоевский: Сочинения, письма, документы. Словарь-справочник. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2008. С. 123–126.
- Краснощечкова Е.* Роман воспитания. Bildungsroman на русской почве. СПб, 2008.
- Писарев Д.И.* Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1955.
- Померанц Г.* Открытость бездне. Встречи с Достоевским. Дети и детское в мире Достоевского. URL: <http://dostoevskiy.niv.ru/dostoevskiy/kritika/pomeranc-otkrytost-bezdne/deti-i-detskoe-v-mire-dostoevskogo.htm> (accessed: 27.08.18).
- Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 8. Кн. 1. М.; Л., 1948.
- Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 6. М., 1981.
- Flaubert G.* Lettres inédites à Tourguéneff. Monaco, 1946.
- Payne R.* Dostoevsky: A Human Portrait. N.Y., 1961.
- Peace R.* Dostoevsky's "Little Hero" and "The Knight of Sad Countenance" // Life and Text: Essays in Honour of Geir Kjetsaa on the Occasion of His 60th Birthday. Oslo, 1997. P. 221–237.

Tatyana Trofimova

**“YOU TELL THE CHILDREN EITHER A FAIRY-TALE
OR A STORY...”: THE LITTLE HERO BY F.M. DOSTOEVSKY
AND THE FIRST LOVE BY I.S. TURGENEV**

*Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences
199034, St. Petersburg, Makarova Embankment, 4*

The article explores the polemics of Ivan Turgenev with Fyodor Dostoevsky over romanticism. At the center of this polemics is the figure of the prominent literary critic Vissarion Belinsky, whose aesthetic views were reinterpreted by Dostoevsky in *The Little Hero*, formerly called “A Children’s Fairy Tale”. In the 1840’s the writer was heavily influenced by the critic’s ideas, including his judgments

about the role of children's literature in the upbringing of children. *The Little Hero* is a romantic story about first love which echoes Belinsky's stance against "Schiller's love", or "Schiller's romanticism" which lyricize the knightly feeling. All these intonations were reflected in *The Little Hero*. Moreover, the "opponent" of the young lover as seen by Dostoevsky turns out to be a character prototypically close to the well-known critic. This, along with other facts, actually indicates Dostoevsky's polemical vector in relation to Belinsky in this story. "A Children's Fairy Tale" became to him an end of the literary period which was associated with Belinsky. The story remained almost unnoticed by critics; however it attracted the attention of Turgenev, who had most certainly heard Belinsky in it. An analysis of Turgenev's *First Love* shows that Turgenev was committed to Dostoevsky's ideas in *The Little Hero*. The reflections of Turgenev's hero from *First Love* are also similar to Belinsky's thoughts, especially when they relate to the drama of first love feeling. However, when it comes to the beauty of genuine poetry, which has more life than reality, it is the heroine of Turgenev who translates Belinsky's judgments, so deep in understanding realism. Like Belinsky, Turgenev always recognized an element of romantic in realism, and in this case polemically responded to Dostoevsky's criticism of their teacher.

Key words: Turgenev; Dostoevsky; Belinsky; Schiller; romanticism; realism; fairy-tale; children's literature; fantasy.

About the author: *Tatyana Trofimova* — PhD, Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences (e-mail: matvej54@mail.ru).

References

- Batyuto A.I. *Izbrannye trudy*. [Selected Works]. Saint Petersburg: Publ. Nestor-Istoriya, 2004. 960 s. (In Russ.)
- Belinskij V.G. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]. V 13 t. T. 4. Moskva: Publ. AN SSSR, 1954. 675 c. (In Russ.)
- Belinskij V.G. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]. V 13 t. T. 7. Moskva: Publ. AN SSSR, 1955 (1). 799 c. (In Russ.)
- Belinskij V.G. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]. V 13 t. T. 9. Moskva: Publ. AN SSSR, 1955 (2). 804 c. (In Russ.)
- Grossman L.P. *Zhizn' i trudy F.M. Dostoevskogo. Biografiya v datah i dokumentah*. [Life and works of Dostoevsky. Biography in details and documents]. Moskva; Leningrad: Publ. Academia, 1935. 382 s. (In Russ.)
- Dobrolyubov N.A. *Sobr. soch.* [Complete Works]. V 9 t. T. 2. Moskva; Leningrad: Publ. Gosudarstvennoe izd-vo hudozh. literatury, 1962. 562 s. (In Russ.)
- Dostoevskij F.M. *Poln. sobr. soch. i pisem*. [Complete Works and Letters]. V 30 t. T. 2. Leningrad: Publ. Nauka, 1972. 527 s. (In Russ.)
- Dostoevskij F.M. *Poln. sobr. soch. i pisem*. [Complete Works and Letters]. V 30 t. T. 23. Leningrad: Publ. Nauka, 1981. 423 s. (In Russ.)
- Dostoevskij F.M. *Poln. sobr. soch. i pisem*. [Complete Works and Letters]. V 30 t. T. 28. Kn. 1. Leningrad: Publ. Nauka, 1985. 572 s. (In Russ.)

- Dostoevskij F.M. *Poln. sobr. soch. i pisem*. [Complete Works and Letters]. V 35 t. Soch. T. 2. Saint Petersburg: Publ.Nauka, 2014. 794 s. (In Russ.)
- Zyhovskaya N.L. «*Malen'kij geroj*» [“The Little Hero”], Dostoevskij: Sochineniya, pis'ma, dokumenty. Slovar'-spravochnik. Saint Petersburg: Publ. Pushkinskij Dom, 2008. S. 123—126. (In Russ.)
- Krasnoshchekova E. *Roman vospitaniya. Bildungsroman na russkoj pochve*. [The novel of upbringing. Bildungsroman on Russian soil]. Saint Petersburg: Publ. Pushkinskij Fond, 2008. 480 s. (In Russ.)
- Pisarev D.I. *Soch.* [Works]. V 4 t. T. 1. Moskva: Publ. Gosudarstvennoe izdvo hudozh. literature, 1955. 388 s. (In Russ.)
- Pomeranc G. *Otkrytost' bezdne. Vstrechi s Dostoevskim. Deti i detskoe v mire Dostoevskogo*. [Openness to the abyss. Meetings with Dostoevsky. Children and children in the world of Dostoevsky] URL: <http://dostoevskij.niv.ru/dostoevskiy/kritika/pomeranc-otkrytost-bezdne/deti-i-detskoe-v-mire-dostoevskogo.htm> (accessed: 27.08.18). (In Russ.)
- Pushkin A.S. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works and Letters]. V 16 t. T. 8. Kn. 1. Moskva; Leningrad: Publ. AN SSSR, 1948. 496 s. (In Russ.)
- Turgenev I.S. *Poln. sobr. soch. i pisem*. [Complete Works and Letters]. V 30 t. Soch.: V 12 t. T. 6. Moskva: Publ. Nauka, 1981. 496 s. (In Russ.)
- Flaubert G. *Lettres inédites à Tourguéneff*. Monaco: Edité par Éditions du Rocher, 1946. 227 r.
- Payne R. *Dostoevsky: A Human Portrait*. New York: Knopf, 1961. 375 p.
- Peace R. *Dostoevsky's “Little Hero” and “The Knight of Sad Countenance”*, Life and Text: Essays in Honour of Geir Kjetsaa on the Occasion of His 60th Birthday. Oslo: University of Oslo, 1997, pp. 221—237.

Е.Д. Гальцова

**МЕЖДУ «РУССКОЙ МОДОЙ», КУЛЬТУРНЫМИ
СТЕРЕОТИПАМИ И «РЕАЛИЗМОМ-ЛЮБОВЬЮ»:
И.С. ТУРГЕНЕВ В КНИГЕ Э.-М. ДЕ ВОГЮЭ
«РУССКИЙ РОМАН»¹**

*Институт мировой литературы им. М. Горького Российской академии наук
121069, ул. Поварская, 25а, Москва, Россия*

Статья посвящена исследованию роли И.С. Тургенева в книге «Русский роман» (1886) Э.-М. де Вогюэ — произведении, совершившем переворот в общественном сознании Запада по отношению к России, которая стала восприниматься не просто как далекая экзотическая страна, но как литературная держава, источник новых и даже в некотором смысле «образцовых» культурных тенденций. С Тургенева начинается генезис книги, глава о нем занимает центральное место, и, по замыслу Вогюэ, ему отведена роль «учителя» и «патриарха» современной русской литературы, представленной в основном Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским. Мы стремились вписать суждения Вогюэ в общую историю гуманитарной мысли рубежа XIX–XX вв., связанной с проблематикой национальной идентичности, концептотворчества и созданием культурных клише, среди которых у французского автора доминируют «русская душа», «русский нигилизм», «поэт-пророк», а также в большой мере мифологизированное представление о «реализме». Целью исследования является, с одной стороны, анализ этих представлений в литературном контексте, обращая внимание и на размышления Вогюэ о творчестве Тургенева и на процесс формирования как литературоведческих категорий и культурных клише; с другой стороны, выявление особенностей формирования «русской моды», созданной усилиями Вогюэ, который открыл французам творчество Достоевского и Толстого, но не смог удержать их интерес к Тургеневу.

Ключевые слова: И.С. Тургенев; Э.-М. де Вогюэ; «Русский роман»; рецепция русской литературы во Франции; культурные стереотипы.

«Русский роман» [Vogüé, 1886]² виконта Эжена-Мельхиора де Вогюэ, вышедшая в Париже в июне 1886 г., стал поворотным моментом в отношении Запада к России, которая стала восприниматься не как

Гальцова Елена Дмитриевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, профессор РГГУ и МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: newlen2006@mail.ru).

¹ Работа над статьей осуществлялась при поддержке гранта РФФИ № 17-04-00438 «Завоевание французского общественного мнения русскими писателями и интеллектуалами (XVIII — начало XX в.)».

² Мы цитируем книгу по изданию 1886 г. в нашем переводе. Предисловие мы цитируем по научно выверенному переводу С.Ю. Васильевой [Заборов, 2010].

весьма странная экзотическая страна, но как источник новых и даже в некотором смысле «образцовых» литературных тенденций. Книга многократно переиздавалась при жизни Вогюэ, и была переведена на иностранные языки, в 1971 и 2010 гг. во Франции вышли ее научные переиздания, сделанные известными русистами Пьером Паскалем [Vogüé, 1971] и Жаном-Луи Бакесом [Bacès, 2010]. Полного перевода книги на русский язык не существует, и несмотря на изрядное количество научных работ, роль Тургенева в этой книге освещена недостаточно³.

Книга состоит из обширного концептуального предисловия, шести глав и небольшого приложения; первая глава посвящена истокам русской литературы, от «средних веков» до «классического периода», далее речь идет о романтизме и Пушкине (глава 2), «реалистической и национальной эволюции» и творчеству Гоголя (глава 3), «сороковых годах» и Тургеневе (глава 4), творчеству Достоевского как «религии страдания» (глава 5) и «мистицизму и нигилизму» в произведениях Л.Н. Толстого (глава 6). Материал в главах о писателях, в том числе и о Тургеневе, располагается в хронологическом порядке, прослеживается жизнь и эволюция творчества. Для своего времени эта книга была наиболее полным компендиумом сведений о русской литературе, но это не значит, что в XIX в. во Франции не выходили переводы русской литературы и что европейские писатели полностью игнорировали культуру России: вспомним хотя бы о русофиле Проспере Мериме.

Именно с Тургенева начинает формироваться замысел всего труда. Ему посвящается первая (1883) из серии статей, опубликованных Вогюэ в *La Revue des deux Mondes*, которые станут основной частью будущей книги «Русский роман»⁴. Эта статья была написана сразу после смерти писателя, а в 1885 г. воспроизведена в качестве предисловия к публикации последних произведений Тургенева [Tourguéneff, 1885]. В «Русском романе» она будет немного переработана⁵, названа «Сороковые годы. Тургенев», и станет центральной главой. В России упомянутая статья о Тургеневе, созданная сразу после смерти писателя, была переведена и напечатана в сборнике «Иностранная критика о Тургеневе» в 1884 г. [Иностранная, 1884], затем переиздана в 1908 г. [Иностранная, 1908] и в 1918 [Русская, 1918].

³ Из книг о Вогюэ, вышедших после его смерти, отметим [Vogüé, 1932; Le Meur, 1932; Bourget, 1911], из франкоязычных книг о «Русском романе»: [Rohl, 1976; Eugène-Melchior, 1989], из российских работ: [Заборов, 2010; Фокин, 2013; Трыков, 2015; 2017; Gichkina, 2018; Саввина, 2003].

⁴ Вогюэ использовал пять статей, опубликованных в 1883–1885 гг. в *La Revue des Deux Mondes* в рубрике «Современные русские писатели»: статью 1883 г. о Тургеневе, статью о Толстом (1884), статьи 1885 г. о Достоевском и Гоголе, а также о русском реализме [Vogüé, 1886–1]. Он добавил новый материал, представлявший собой историю России и русской литературы от средних веков до XIX в.: это первые две главы: «Истоки. Средние века. Классический период» и «Романтизм. Пушкин и поэзия».

⁵ Бакес выявил все исправления в [Bacès, 2010: 617–621].

Поставленное Мишелем Кадо [Eugène-Melchior, 1989] в заглавие сборника определение Вогюэ как «глашатая» лучше всего обобщает тенденции современного понимания книги Вогюэ как произведения культуртрейгерского, социологического, даже философского, но не литературоведческого, ибо каждый раз, когда речь заходит о литературе, исследователи отмечают неточности, фактические ошибки и чрезмерную тенденциозность. При жизни Вогюэ считалось, что он создал «русскую моду» в эпоху становления франко-русского союза (1892). В методологическом плане нам представляется интересным стремление исследователя С.Л. Фокина вписать Вогюэ в историю гуманитарной мысли XX в., связанную с проблематикой национальной идентичности, концептотворчества и созданием культурных клише, среди которых у французского автора доминируют «русская душа» и «русский нигилизм», — понятия, не изобретенные Вогюэ, но разнообразно им разработанные и популяризированные. Напомним, что их истоки в той или иной степени связаны в книге именно с творчеством Тургенева, хотя они получили наибольшее развитие скорее в главах, посвященных Достоевскому и Толстому. Добавим, что в главе о Тургеневе есть также и другое знаменитое клише, связанное представлением о том, что «поэт в России — больше чем поэт».

Целью нашей статьи является анализ этих представлений в литературном контексте, обращая внимание и на размышления Вогюэ о творчестве Тургенева, и на процесс формирования как литературоведческих категорий и культурных клише.

Вогюэ всегда испытывал чувство величайшего уважения к русскому писателю, которого знал лично, называл в своих дневниках «Русским Богом» [Vogüé, 1932: 123], «Чудесным гением» [ibid.: 119] и «Патриархом» [ibid.: 187], отмечал по прочтении «Дворянского гнезда»: «Не знаю, кто среди наших романистов, мог быть настолько всесторонним» (“complet”) [ibid.: 107]. В библиографическом приложении к «Русскому роману» Вогюэ по крохам собирал сведения о переводах с русского языка, но в случае с Тургеневым он даже не дал списка, отмечая, что почти все его произведения уже переведены на французский язык. Однако главное внимание публики было привлечено вовсе не к ней, а к двум завершающим — о Ф.М. Достоевском и Л.Н. Толстом. По отношению к Тургеневу Вогюэ оказывается одновременно в ситуации ученика и соперника, подобно тому, как он сам описывал соотношение Л.Н. Толстой-Тургенев в главе о Тургеневе: Толстой — ученик и соперник Тургенева [ibid., 1886: 200].

Деятельность Вогюэ как популяризатора русской литературы была не менее полезной для укрепления отношений между странами, чем профессиональная дипломатическая работа⁶. Когда Вогюэ говорил о русских писателях: «Так давайте же подражать им»

⁶ Вогюэ работал в посольстве Франции в Санкт-Петербурге с 1877 по 1883 г.

[Заборов, 2010: 534], он имел в виду не формальный образец: для Вогюэ именно русская литература оказывается носителем тех ценностей, какие абсолютно необходимы французской, погрязшей в пессимизме и нигилизме, бездуховном реализме Гюстава Флобера и низменном натурализме Эмиля Золя, что было логическим следствием деятельности просветителей XVIII в., разрушившим, по мнению Вогюэ, и культуры, и нравственность. Такова общая схема резкой смены парадигмы межкультурных взаимоотношений.

Вогюэ был лично знаком с Тургеневым и одними из первых книг, прочитанных им на русском языке, были «Отцы и дети» и «Дворянское гнездо», что следует из его дневников и воспоминаний. Он встречался с Тургеневым в салоне Софьи Толстой (вдовы А.К. Толстого) и Михаила Анненкова (своего шурина). С.А. Толстая старалась вдохновить Вогюэ, который был увлечен русской историей, на то, чтобы переключиться на литературу, и возможно эти разговоры повлияли на его решение опубликовать статьи о русских писателях, а затем и книгу.

О своей последней встрече с Тургеневым в Буживале Вогюэ упоминает в «Русском романе». Он навестил тяжелобольного писателя весной, они вспоминали о недавно скончавшемся генерале М.Д. Скобелеве, и Тургенев говорил о своей близкой смерти. Вогюэ пытался преодолеть отчаяние, описывая прекрасную голову Тургенева: «Вся его жизнь была сосредоточена в его челе, величественном, несмотря на беспорядок седых волос, которыми он потрясал с гордостью раненого льва» [Vogüé, 1886: 198]. Вогюэ вспоминает здесь и о картине Теодора Руссо, с которой Тургенев не смог расстаться, когда распродавал свою коллекцию, и которую «любил больше всех, потому что Руссо понимал душу и силу земли: дуб, лишенный верхушки, изможденный зимами и оставляющий ветру свои последние пожелтые листья. Между этой картиной и благородным стариком, которого она утешала, образовалась некая братская связь, смиренный разговор об общем приговоре природы» [ibid.: 199].

В картине умирающего Тургенева проявляется специфическая методология Вогюэ, в которой, помимо сосредоточенности на этическом и религиозном аспектах, просматриваются две тенденции, характерные для того времени. Прежде всего это мышление образами, связанными с искусством, что в принципе типично в эту эпоху увлечения синтезом искусств и творчеством Р. Вагнера. Описание картины Руссо — это не только поучительная аллегория (подобно банальному образу раненого льва), но и отсылка к живописи как таковой, т.е. как к искусству. Именно картина (а не реальная природа) вызывает у Вогюэ желание говорить о почве. В самом факте экфрасиса проявляется связь с одной из основных мыслей Вогюэ о Тургеневе как о писателе-мастере слова, писателе, для которого важно само искусство письма. В то же время здесь упоминается «об

общем приговоре природы», и эта природа связана с «землей», ее «душой» и «силой». Земля — одна из основных категорий мышления Вогюэ: она связана прежде всего с почвенничеством — буквально с осознанием Вогюэ своих аристократических корней, ассоциациями с его родовым замком и т.д. Вместе с тем почва — одно из основных понятий позитивистской эстетики Ипполита Тэна, первое в его триаде — «раса, среда, момент». Он стремится применить позитивистскую методологию Тэна⁷ в собственных рассуждениях о русской литературе. Отсюда — многочисленные описания русских пейзажей, размышления о свойствах климата, которые и обуславливают пресловутую «душу» нации. А ведь именно Тэн был главным кумиром Золя и французских натуралистов. Очевидно, что Вогюэ, говоря о Тэне, опирается на романтическую эстетику прежде всего на идеи Жермены де Сталь. Писатель и критик консервативного толка Анри Бордо дал интерпретацию стратегии Вогюэ с позиции традиционализма. В книге «Современные души» (1912), посвященной современным ему писателям и деятелям культуры, Бордо перетолковывает библейскую цитату, использованную Вогюэ в предисловии: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою». «Этим символом, — пишет Бордо, — он истолковывает суть искусства, которое есть одновременно материя и дух, как и сам человек» [Bordeaux, 1912: 301]. В понимании Бордо, «прах земной» аналогичен «материи», а в искусстве — реализму.

«Мог ли Тэн ожидать, что его великая книга об истории... станет одним из требников молодой монархической и католической школы?» — вопрошает писатель Поль Бурже в предисловии к избранным сочинениями Вогюэ [Bourget, 1911: XXXI]. Бурже замечает, что, вопреки представлению о Вогюэ-католике и консерваторе, в «Русском романе» Вогюэ, скорее, склонен писать о «примирении Науки и Веры» [ibid.: XXX].

Как можно соотносить с подобной методологией творчество Тургенева-западника и близкого друга Флобера, Золя, Мопассана — тех самых писателей, против которых собственно и была написана книга «Русский роман»? И если «сделать» Тургенева «славянофилом» было невозможно, то Вогюэ в любом случае делает из него специфического «почвенника», и таким образом, Тургенев оказывается «посланником русского гения» [Заборов, 2010: 526] и источником всех тех явлений, какие связаны у Вогюэ с понятием «русской души».

Обратимся к статье о Тургеневе 1883 г. Она начинается с описания зрительных и слуховых впечатлений, связанных с территорией Российской империи. «Бывают в мелочи, краски, звуки, надолго задерживающиеся в наших глазах или ушах и остающиеся у нас в душе...» [Vogüé, 1886: 147]. Переход к Тургеневу происходит через

⁷ О позитивизме Тэна в «Русском романе» см. [Pascal, 1971; Backès, 2010].

описание одного очаровательного вечера в Малороссии (La Petite-Russie): Вогюэ любит молодую украинкой в «милом национальном костюме» и с ленточкой, на которой был подвешен старинный рубль. В тот момент, когда она наливала путешественникам воду из графина, монетка случайно ударилась о хрусталь и возник звон — «такой чистый, нежный, звонкий» [ibidem], что девушке захотелось повторить еще и еще, и Вогюэ уезжает, продолжая слышать замирающие переливы этих звуков, подобные трелям соловья. «Перечитывая страницы Тургенева, я много раз вспоминал этот хрустальный звук, возникавший от ласкового прикосновения серебряной монетки. Именно такой звук издавала эта гармоничная душа, когда ее касалась мысль!» [ibid.: 146] С одной стороны, невозможно не заметить в этом описании пейзажа и прелестной девушки в национальном костюме, влияния и «Истории английской литературы» Тэна, и романтического образа России в духе Жермены де Сталь («Десять лет в изгнании»). Здесь проявляется и очевидная театральность этих пассажей Вогюэ, которому важно, так или иначе, продемонстрировать связь Тургенева с «матерью-Россией»: «Талант писателя <...> был не чем иным, как непосредственной эманацией этой земли, спонтанной передачей поэзии, разлитой во всех окружающих вещах; каждая страница его произведений пронизана, если воспользоваться выражением Грибоедова, “дымом Отечества”» [ibid.: 148]. Почвенничество Вогюэ обретает здесь форму, характерную для эпохи символизма: земля — не конкретный локус или субстанция, а непостижимый символ, который можно попытаться постичь посредством суггестии. Отсюда и выбор образов — звук случайный, эфемерный, неясный — почти подобный «дыму». Природа, а вместе с ней и природные существа — народ, в данном случае оказываются абстракциями, противоположными позитивизму Тэна. Звуки, краски, дым — это и способы описать литературу средствами, отличными от чисто словесных, это мышление в духе синтеза искусств. Разумеется, не стоит искать у беллетриста Вогюэ методологических изысков, но любопытно, что он возвращается к этому приему и в конце главы, где описывает последнюю встречу с умирающим Тургеневым. Земля обозначает продолжение жизни в финальных словах статьи Вогюэ, где речь идет об орловских крестьянах: неизвестно, доживут ли они до весны, но они уже засеяли зерно; и если крестьяне будут забыты, зерно все равно взойдет, и будет хлеб, «хлеб силы и бодрости» [ibid.: 201].

В предисловии Вогюэ дает предварительную формулировку концепта «русская душа», который касается трех современных писателей — Тургенева, Толстого и Достоевского. Напомним эти строки: «...душа эта никогда не закосневает безнадежно, мы слышим, как она стонет и взыскует, и в конце концов она возвращается на путь истинный и искупает свои ошибки милосердием; более или менее действенное у Тургенева и Толстого, у Достоевского оно становится

иступленным, переходя в какую-то болезненную страсть» [ibid.: 157–158].

Тургенев оказывается на первом месте в списке писателей загадочной «русской души», как и полагается учителю, однако в посвященной ему главе мало размышлений на эту тему, в отличие, от глав о Толстом и Достоевском. Если понятие «русской души» и соотносимо с Тургеневым, то это происходит не в абстрактной моральной или психологической сфере (в отличие от Толстого и Достоевского), но в сфере, скорее, связанной с природой. В главе о Тургеневе — «русская душа» в русском климате, в русском пейзаже и в русском мужике, который является частью этой природы. В описании внешности Тургенева Вогюэ продолжает всю ту же «природную» мифологизацию: он ему «...напоминал некоторых русских крестьян, старшего в доме, сидящего во главе стола в патриархальном семействе» [ibid.: 149].

«Народная» составляющая была одним из аспектов представлений о «русской душе», и не случайно, в 1892 г. в сборнике произведений русских писателей под общим названием «Русская душа» (с эпиграфом из Вогюэ), были переизданы рассказы Тургенева из «Записок охотника» [L'Ame, 1892].

Вопрос о «русской душе» в главе Вогюэ о Тургеневе тесно связан еще с одним представлением, ставшим стереотипом: об особой миссии поэта/писателя в России. Знаменательно, что эта идея разрабатывается именно в главе о Тургеневе, хотя в контексте всей книги возможно более уместно было бы переместить ее в главу о Достоевском. Вероятно, Вогюэ было важно подчеркнуть, что именно Тургенев был выразителем «национального гения», и упоминание об «Отцах и детях» свидетельствует о подсознательном стремлении Вогюэ подчеркнуть роль Тургенева как «патриарха» русской литературы. Приведем буквальный перевод рассуждений Вогюэ: «Поэт — вождь своей расы, властитель множества смутных мыслей; поэт, в древнем и тотальном смысле этого слова — vates, поэт, пророк <...> Прочитав «Отцов и детей» или «Войну и мир», мы говорим: «Это всего лишь роман». Для любого московского лавочника, сына сельского священника <...> книги Пушкина, Гоголя, Некрасова представляют энциклопедию человеческого духа, этот роман является одной из книг национальной Библии» [Vogüé, 1886: 145].

В случае с Тургеневым, эта пророческая функция писателя реализуется по преимуществу в сфере общественной и политической. Это одна из причин, по которой Вогюэ начинает главу о Тургеневе с размышлений о 40-х годах, которые должны предварить не только рассказ о Тургеневе, но и о Достоевском, и о Толстом. Здесь совершенно логично возникает тема западничества Тургенева, которая понимается Вогюэ в самом положительном смысле, ибо Тургенев, как заметил исследователь Пьер Паскаль, оказывался «своим», самым близким писателем для французской публики [ibid., 1971: 15].

Вогюэ постоянно подчеркивает, что Тургенев «оказывается» западником, как если бы он был западником поневоле. Для Вогюэ проблема межкультурных взаимодействий актуальна, он сам оказывается в центре зарождающегося в его эпоху противопоставления «космополитизмом» и «национализмом», и стремится занять, скорее примирительную позицию: «Исследуя ее, эту русскую душу, и ее проявление в русской же литературе, я говорил почти все время о нашей французской словесности <...>, я беспрестанно мечтал о том, что и как можно было бы взять от них, чтобы обогатить нашу мысль, наш старый язык, созданный трудом и достижениями наших предков» [Заборов, 2010: 533–534].

Представляя Тургенева как учителя или хотя бы предвестника Толстого и Достоевского, Вогюэ начинает главу о нем с описания исторической ситуации 1840-х годов, сосредотачиваясь на вопросе о европейских ценностях и их роли в развитии России. Название главы «Сороковые годы. Тургенев» должно было настроить читателя на исторический лад. Вогюэ просвещает своих соотечественников в области русской истории, используя понятие «люди сороковых годов» и подчеркивая, что современная Россия считает своим истоком именно это время — эпоху неоднозначного интереса к Европе [Vogüé, 1886: 133–134]. Он пишет о молодых людях, которых посылали на учебу в Европу и которые по возвращении на родину не находили себе применения на родине, становились недовольными фрондерами и «нигилистами». Для автора книги необходимо показать важность этого переломного времени, когда происходят бурные споры между западниками и славянофилами о судьбах России, возникает «натуральная школа».

В этом контексте и возникают рассуждения Вогюэ о «реализме»: новые писатели, такие, как Толстой и Достоевский, и к ним можно отнести и Тургенева — это не просто реалисты, а «реалисты любящие» (*réalistes aimants*) [ibid.: 139], т.е. сострадающие и пишущие свои произведения с духовной страстью.

Вопрос о реализме был одним из основополагающих в предисловии к книге. Первая версия этого предисловия была опубликована за месяц до выхода книги и называлась «О реалистической литературе. По поводу русского романа» [ibid., 1886—1]. Реализму в его французском изводе — Стендаль, Флобер, Золя — противопоставлялись английский реализм (вслед за переосмысленной Вогюэ «Историей английской литературы» Тэна) и русский, о котором он пишет: «Но были и другие писатели, сумевшие среди этой чрезмерности проторить дорогу реализму, сообщая ему, подобно англичанам, высокую красоту, восходящую к тому же нравственному источнику вдохновения: состраданию, свободному от какой бы то ни было нечистоты и возвышенному евангельским духом» [Заборов, 2010:

527]. И далее — «Лишенный милосердия реализм делается ужасен» [там же: 515]. В главе о Тургеневе Воюэ хочет «вернуть» ему его же формулу из «Нови» — «романтик реализма» [Vogüé, 1886: 195]. Во французской литературе единственным реалистом, который соответствовал нравственным критериям Воюэ, был Бальзак, о котором упоминается также и в главе о Тургеневе. Признавая тот факт, что Тургенев «не любил Бальзака», Воюэ считает, что он все-таки что-то позаимствовал «у нашего великого сочинителя»: «Русский писатель тоже создавал человеческую комедию своей страны; и решая столь обширную задачу, он был менее терпелив, менее методичен, он обладал меньшим чувством целого, чем французский романист, но в нем было больше сердца, больше веры и таланта стилиста» [ibid.: 166].

Совершенство тургеневского письма всегда восхищало Воюэ. Но его рассуждения об искусстве могут показаться или слишком запутанными, или вовсе противоречивыми. В предисловии он выступает против доктрины искусства для искусства во имя такого искусства, у которого была бы нравственная цель [Заборов, 201: 515]. В сознании современников Воюэ, например, упомянутого Анри Бордо, слово «реализм» вполне могло сочетаться с творчеством таких поэтов, как парнасцы [Bordeaux, 1912: 300], но главным представителем такого реализма считался Флобер, с которым Тургенев дружил и которого Тургенев чрезвычайно уважал. Однако Воюэ представляет творчество Тургенева как противоположность флюберовского: произведения Тургенева исполнены чувства милосердия, они выражают существенные политические и моральные конфликты эпохи. Но Воюэ не может не восхищаться и искусством Тургенева.

Предваряя свой рассказ, он пишет: «Тургенев покажет нам, как некоторые могут оставаться русскими, не разрывая с Западом, быть реалистами, но при этом не забывать об искусстве и стремлении к идеалу» [Vogüé, 1886: 146].

Вопрос об искусстве возникает и в финале главы, где приводится фрагмент последнего письма умирающего Тургенева Л.Н. Толстому, которого Воюэ называет его «учеником» Тургенева: Тургенев умоляет Толстого вернуться к литературной деятельности (Воюэ даже добавляет в книгу сам текст письма, отсутствовавший в первоначальном варианте 1883 г.)

Тургенев для Воюэ — близкий и понятный человек и писатель, и, несмотря на то, что глава о нем изобилует разнообразными культурными стереотипами, Воюэ в большой мере является здесь наблюдателем, историком культуры. Он предавался сложным размышлениям об искусстве, поскольку был уверен, что тексты Тургенева совершенно доступны его читателям на французском языке. В случае же с главами, посвященными малоизвестным тогда Достоевскому и Толстому, Воюэ позволил себе делать больше обобщений, его дискурс приоб-

ретал откровенно мифотворческий характер, что в итоге значительно больше заинтриговало широкую публику. В контексте политического сближения Франции и России возникла потребность в создании во Франции «русской моды», но Тургенев мало для этого подходил.

Приведем вместо заключения свидетельство молодого французского почвенника Мориса Барреса, иронизировавшего над Вогюэ и русской модой еще за несколько месяцев до выхода книги. 1 февраля 1886 г. он опубликовал во французском журнале *La Revue Illustrée* саркастическую статью «Русская мода» о новых веяниях во французском обществе: «Вот уже два месяца, как все знают, что осведомленный человек с хорошим вкусом обязан восклицать после первых выражений вежливости: “О, милостивый государь, вы читали этих русских?” Вы отступаете на шаг и говорите: “А! Толстой!” А тот, кто торопил Вас, отвечает: “Достоевский!” Вот как можно продемонстрировать изысканность ума в 1886 г. Однако истинный художник ответит более пространно: “О, — горько усмехнется он, — старый Запад! Латинской расе пришел конец!”» [Barres, 1886: 123].

Баррес иронизирует над новой «модой», не подозревая еще о том, что увлеченная им тенденция сохранится надолго в западном сознании и до сих пор не утратит полностью своей актуальности. По мнению Барреса, начало этой моды было положено статьей де Вогюэ о Л.Н. Толстом, опубликованной в уже упомянутом журнале *La Revue des Deux Mondes* 15 июля 1884 г.

«Русской моде» Баррес противопоставляет именно Тургенева, единственного русского писателя, о котором говорит не просто без сарказма, но с нескрываемой симпатией, подчеркивая «изысканное искусство», «большую искренность» [ibid.: 124] его письма: «Тургенева, такого восхитительного Тургенева, вообще перестали читать. Вчера его считали варваром, хотя он был завсегдатаем всех салонов Европы, а сегодня его презирают за то, что он не отличается от западных писателей» [ibid.: 126].

Список литературы

Вогюэ М. де. Современные русские писатели. Толстой — Тургенев — Достоевский. М., 1887.

Заборов П.Р. [Вступ. зам., изд. и ред. перевода] // Вогюэ Э.-М. де. Русский роман. Предисловие / Пер. с франц. С.Ю. Васильевой; под ред. П.Р. Заборова // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб, 2010. С. 499–503.

Иностранная критика о Тургеневе. СПб, 1884.

Иностранная критика о Тургеневе / Пер. Е.И.Ш. 2-е изд. СПб, 1908.

Русская и иностранная критика о Тургеневе. 1818–1918 / Сост. П.П. Перцов. М., 1918.

- Саввина Э.Р. И.С. Тургенев во французской критике 1850–1880-х годов: Дисс. ... канд. филол. наук. Кострома, 2003.*
- Трыков В.П. Концепция реализма Эжена Мельхиора де Vogüé в контексте споров о реализме в современном литературоведении // Знание, понимание, умение. 2015. № 4. С. 233–246.*
- Трыков В.П. Константы «русскости» и эволюция русского культурного сознания в книге Эжена-Мельхиора де Vogüé «Русский роман» // Rhema. Рема. 2017. № 3. С. 21–39.*
- Фокин С.Л. Фигуры Достоевского во французской литературе XX века. СПб, 2013. С. 23–69.*
- Barrès M. La mode russe // La revue illustrée. P., 1886. 1 févr. P. 123–126.*
- Bordeaux H. Ames modernes. P., 1912.*
- Bourget P. V-te E.-M. de Vogüé. Pages choisies. P., 1911. P. 2–61.*
- Eugène-Melchior de Vogüé, le héraut du roman russe / Ed. Michel Cadot. P., 1989.*
- Gichkina A. Eugène-Melchior de Vogüé ou Comment la Russie pourrait sauver la France. P., 2018.*
- L'Ame russe. P., 1896.*
- Le Meur L. L'Adolescence et la jeunesse d'Eugène-Melchior de Vogüé. P., 1932.*
- Rohl M. Le roman russe de Eugene-Melchior de Vogüé / Étude préliminaire. Stockholm; Almqvist; Wiksell, 1976.*
- Tourguéneff I.S. Oeuvres dernières. P., 1885.*
- Vogüé E.-M. de. De la littérature réaliste. À propos du roman russe // La revue de deux Mondes. Paris. 15 mai 1886. P. 288–313. [Vogüé, 1886–1]*
- Vogüé E.-M. de. Ivan Serguievitch Tourgueneff // Revue des deux mondes. 1883. 15 oct. P. 786–820.*
- Vogüé E.-M. de. Journal. Paris; Saint-Pétersbourg (1877–1883). P., 1932.*
- Vogüé E.-M. de. Le roman russe. P., 1886.*
- Vogüé E.-M. de. Le roman russe / Ed. P. Pascal. Lausanne, l'Âge d'Homme, coll. «Slavica», 1971.*
- Vogüé E.-M. de. Le roman russe / Éd. J.-L. Backès. P., 2010.*
- Vogüé E.-M. The Russian Novel. L., 1913.*
- Vogüé E.-M. The Russian Novel. N.Y., 1916.*
- Vogüé E.-M. de The Russian Novelists. Boston, 1887.*

Elena Galtsova

**BETWEEN “RUSSIAN FASHION”,
CULTURAL STEREOTYPES AND “REALISM-LOVE”:
I.S. TURGENEV IN E.-M. DE VOGUE’S *RUSSIAN NOVEL***

*M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
121069, Povarskaya str. 25a, Moscow, Russia*

The article discusses I.S. Turgenev’s role in E.M. de Vogue’s *Russian Novel* (1886), the book which revolutionized the public perception of Russia in Europe.

The European readers began to treat Russia not as a distant exotic country but as a literary power, a source of new and even ‘exemplary’ cultural trends. The book opens with Turgenev, the chapter about him occupies the central place, Vogue gave him the role of the ‘teacher’ and ‘Patriarch’ of modern Russian literature, represented mainly by L.N. Tolstoy and F.M. Dostoevsky. This article seeks to inscribe Vogue’s judgments in the history of humanitarian thought at the turn of the 19th–20th centuries which was concerned with problems of national identity, conceptualization and creation of cultural clichés. Vogue actively talks about *Russian soul*, *Russian nihilism*, *Poet-Prophet*, and a largely mythologized idea of ‘realism’. The article aims to discuss Vogue’s reflections on the work of Turgenev, to explore the process of forming literary categories and cultural clichés, to analyze these ideas in the literary context, and to identify features of the “Russian Fashion” created by Vogue. It is argued that in spite of his efforts Vogue could not make the French interested in Turgenev, yet he opened Dostoevsky and Tolstoy to the French.

Key words: I.S. Turgenev; E.-M. de Vogüé; Russian Novel; reception of Russian literature in France; cultural stereotypes.

About the author: *Elena Galtsova* — Dr. habil., Leading Researcher, Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (Moscow); Full Professor, Russian State University of the Humanities, Lomonosov Moscow State University (e-mail: newlen2006@mail.ru).

References

- Barrès M. *La mode russe*, La revue illustrée. Paris. 1 février 1886, pp. 123–126.
- Bordeaux H. *Ames modernes*. P.: Perrin, 1912.
- Bourget P. *V-te E.-M. de Vogüé. Pages choisies*. P.: Plon, 1911, pp. 2–61.
- Eugène-Melchior de Vogüé, le héraut du roman russe*. Ed. M. Cadot. P.: Institut d’études slaves, 1989.
- Fokin S.L. *Figury Dostoevskogo vo francuzskoj literature XX veka*. [Dostoevsky’s figures in the French literature of the XX century] SPb: RHGA, 2013. S. 23–69. (In Russ.)
- Gichkina A. *Eugène-Melchior de Vogüé ou Comment la Russie pourrait sauver la France*. P.: Éditions l’Harmattan, 2018.
- Inostrannaya kritika o Turgeneye*. [Foreign criticism of Turgenev] Sankt-Peterburg: tip. V. Demakova, 1884. 222 s. (In Russ.)
- Inostrannaya kritika o Turgeneye*. [Foreign criticism of Turgenev] Per. E.I.SH. Izdanie vtoroe. Sankt-Peterburg: Izdanie tovarishchestva “Progress nashej zhizni”, 1908. (In Russ.)
- L’Ame russe*. P.: Ollendorff, 1896.
- Le Meur L. *L’Adolescence et la jeunesse d’Eugène-Melchior de Vogüé*. P.: Spes, 1932.
- Rohl M. *Le roman russe de Eugene-Melchior de Vogüé. Étude préliminaire*. Stockholm, Almqvist & Wiksell, 1976.
- Russkaya i inostrannaya kritika o Turgeneye. 1818–1918*. [Russian and foreign criticism about Turgenev. 1818–1918]. Sost. P.P. Percov. M.: Kooperativnoe izdatel’stvo, 1918. (In Russ.)

- Savvina Eh.R. *I.S. Turgenev vo francuzskoj kritike 1850–1880-h godov*. [I.S. Turgenev in French criticism of the 1850s–1880s] Diss. ... kand. filol. nauk. Kostroma, 2003. (In Russ.)
- Tourguéneff I.S. *Oeuvres dernières*. P.: Hetzel, 1885.
- Trykov V.P. *Koncepcija realizma Ehzhena Mel'hiora de Vogyueh v kontekste sporov o realizme v sovremennom literaturovedenii*. [The concept of realism by eugène Melchior de Vogue in the context of disputes about realism in contemporary literary studies] *Znanie, ponimanie, umenie*. 2015, № 4. S. 233–246. (In Russ.)
- Trykov V.P. *Konstanty "russkosti" i ehvolyuciya russkogo kul'turnogo soznaniya v knige Epzhena-Mel'hiora de Vogyueh "Russkij roman"*. [Constants "russkost" and the evolution of Russian cultural consciousness in the book Eugene-Melchior de Vogue "Russian novel"] *Rhema*. Rema. 2017. № 3. S. 21–39. (In Russ.)
- Vogüé E.-M. de. *De la littérature réaliste. À propos du roman russe*, *La revue de deux Mondes*. Paris, 15 mai 1886, pp. 288–313. [Vogüé, 1886–1]
- Vogüé E.-M. de. *Ivan Serguievitch Tourgueneff*, *Revue des deux mondes*. 1883. 15 octobre, pp. 786–820.
- Vogüé E.-M. de. *Journal*. Paris, Saint-Pétersbourg (1877–1883). P., 1932.
- Vogüé E.-M. de. *Le roman russe*. P.: Plon, 1886.
- Vogüé E.-M. de. *Le roman russe*. Ed. P. Pascal. Lausanne, l'Âge d'Homme, coll. «Slavica», 1971.
- Vogüé E.-M. de. *Le roman russe*. Éd. J. — L. Backès. P.: Classiques Garnier, 2010.
- Vogüé E.-M. *The Russian Novel*. London: Chapman and Hall, Ltd, 1913.
- Vogüé E.-M. *The Russian Novel*. NY: Alfred A. Knopp, 1916.
- Vogüé E.-M. de. *The Russian Novelists*. Boston: C.J. Peters and Son, D. Lothrop Company, 1887.
- Vogyueh M. de. *Sovremennyye russkie pisateli. Tolstoj — Turgenev — Dostoevskij*. [The Contemporary Russian Novelists. Tolstoj — Turgenev — Dostoevskij]. M.: V.N. Marakulev, 1887. (In Russ.)
- Zaborov P.R. [*Vstupitel'naya zametka, izdanie*] [Introduction, edition], Vogyueh Eh.-M. de. *Russkij roman. Predislovie*. Per. s franc. S.YU. Vasil'evoj pod redakcij P.R. Zaborova, K istorii idej na Zapade: "Russkaya ideya". Pod. red. V.E. Bagno i M.EH. Malikovoj. SPb: Petropolis, 2010. S. 499–503. (In Russ.)

РЕЦЕНЗИИ

А.А. Житенев

**Рецензия на кн.: В Е Р И Н А У. Ю.
ОБНОВЛЕНИЕ ЖАНРОВОЙ СИСТЕМЫ
РУССКОЙ ПОЭЗИИ РУБЕЖА ХХ–ХХІ вв.
Минск: БГУ, 2017. 307 с.¹**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»
394018, г. Воронеж, Университетская площадь, 1*

В рецензии дается оценка монографии У.Ю. Вериной в контексте современных исследований жанра и представлений о поэтическом тексте рубежа ХХ–ХХІ вв. Самое важное достижение автора связывается с построением иерархической системы жанровых образований от отдельного стихотворения к поэтической книге и поэтическим подборкам, созданным редакторской волей, а также с конкретизацией жанровых признаков «больших стихотворений», «фабульных» верлибры и двуязычных поэтических сборников. В качестве дискуссионных аспектов работы отмечены нечеткость в характеристике современной системы поэтических жанров и распределении функций между ними, а также слабое внимание к проблеме авторских и маргинальных жанров в современной литературе.

Ключевые слова: жанр; современная поэзия; стихотворение; книга стихов; русская поэзия.

Множественность изменений в русской поэзии рубежа ХХ–ХХІ вв. заставила многих критиков говорить о беспрецедентности этого периода в истории литературы. Его специфика усматривалась и в интенсификации литературной жизни, и в разнообразии поэтологических поисков, и в переопределении признаков лирического высказывания. Частных работ по широкому спектру вопросов существует уже очень много. В то же время системных исследований современной русской поэзии в аспекте жанровых трансформаций

Житенев Александр Анатольевич — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук и искусств ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» (e-mail: superbia@mail.ru).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00476 А «Эстетическая новизна и литературность как проблемы теории и творческой практики ХХ века: авангардизм 1920–1930-х гг. и постмодернизм 1970–1980-х гг.».

еще не было, и в этом — несомненная научная актуальность монографии У.Ю. Вериной².

Работа обладает неоспоримыми преимуществами весомого научного труда: широтой охвата литературного материала и хорошей теоретико-литературной фундированностью. Новизна монографии определяется выбором исследовательского ракурса (впервые в одном ряду оказываются малые жанры, поэтические книги и неавторские сверхтекстовые единства), отбором репрезентативного для раскрытия темы материала (впервые в жанровом аспекте рассматриваются «большие стихотворения», «фабульные» верлибры, книги-билингвы), неординарностью в характеристике жанровых признаков сложных художественных единств (поэтических циклов, журнальных подборок, книг стихотворений).

В первой главе «“Большие” и “малые” поэтические жанры в новых лиро-эпических отношениях» разносторонне характеризуются значимые для жанрообразования изменения, связанные с расширением субъектных параметров лирического высказывания и усложнением его сюжетно-композиционных решений. На широком историко-литературном материале У.Ю. Верина показывает, как произведения «большой лирической формы» соотносятся с традиционным набором признаков лирического жанра, характеризует связи «больших» стихотворений с жанровыми формами, унаследованными от «золотого века». Продуктивной является научная идея о «расширении границ лирического стихотворения» (с. 24) и развитии новых жанровых структур в современной русской поэзии при сохраняющемся интересе к традиционному жанровому репертуару.

Важными и по-настоящему новыми являются наблюдения автора над логикой «завершенности» в «потенциально бесконечных стихотворениях» А. Драгомощенко, над принципами сюжетно-композиционной структуры в текстах С. Львовского. Ценными и, несомненно, допускающими возможность экстраполяции на широкий материал, представляются замечания У.Ю. Вериной о жанровых особенностях «длинного» верлибра, об идейно-тематических смыслах его «сочинительности» и «подчинительности» (с. 107).

Вторая глава «Книга стихов как “старший” жанр» посвящена рассмотрению жанровых элементов современной книги стихов в контексте истории русской поэзии XX в. У.Ю. Верина убедительно характеризует типологию заглавий в поэзии рубежа XX–XXI вв., выявляет их семантику, доказывает, что они обладают особой «метроритмической, фонической организацией, символикой, пре-

² Верина У.Ю. Обновление жанровой системы русской поэзии рубежа XX–XXI вв. Минск, 2017 (далее ссылки на рецензируемую книгу даются с указанием страниц в круглых скобках).

цедентностью» (с. 136). Особый интерес в контексте темы книги представляет анализ жанровых заглавий, которые, как показывает автор, часто становятся полем игры с художественной компетентностью реципиента.

Исследуя различные формы композиционного «завершения» книги стихов, У.Ю. Верина пишет о «сквозные мотивах, метасюжете, композиции типа «стихотворения и поэмы», детально исследует «движение субъектных форм» (с. 152). Особой удачей автора монографии является анализ композиционной архитектоники книг А. Скидана и А. Сен-Сенькова, в полной мере позволяющий показать миромоделирующую функцию книги стихов и ее связь с важнейшими авторскими метасюжетами. Также следует отметить новаторский фрагмент, посвященный осмыслению композиционной структуры двуязычных поэтических книг.

В третьей главе «Специфика неавторских сверхтекстовых единств» У.Ю. Верина, развивая мысль об определяющей роли метажанровых образований в современной поэтической практике, исследует способы создания художественной целостности в журнальных подборках, поэтических антологиях, неавторских изданиях. В этом контексте как достижение можно отметить сопоставительную характеристику книжных и журнальных публикаций М. Амелина, анализ принципов циклизации в разных подборках Е. Симоновой, в сборниках, подготовленных редакторами-составителями на основе архива В. Блаженного.

Монография У.Ю. Вериной — новаторский научный труд, основные положения и выводы которого представляются вполне аргументированными и достоверными. Сравнивая художественные единства разных уровней: отдельного стихотворения, макроструктуры, возникающей в поэтической книге, метаобразования, созданного контекстом неавторской публикации, автор глубоко характеризует способы жанрообразования в современной русской поэзии. Это весомое научное достижение, открывающее новый взгляд на процессы, происходящие в русской поэзии рубежа XX-XXI веков. Однако, как и любой ценный труд, затрагивающий ряд актуальных проблем филологической науки, книга У.Ю. Вериной содержит ряд дискуссионных моментов.

Прежде всего, почему рассмотрение лирического стихотворения как формы, возникшей в постриторическую эпоху и уже в силу этого обладающей наименее выраженными жанровыми признаками, кажется наиболее репрезентативным для характеристики жанрового сознания? В работе содержится указание на мнение Ю.Б. Орлицкого о том, что в советский период лирическое стихотворение стало безальтернативной жанровой формой. Но можно ли утверждать, что эта

ситуация сохраняется и сегодня? Если эта мысль определяет логику выбора, то как в таком случае жанровость соотносится с отсутствием других форм и, значит, с отсутствием системности?

Можно ли, характеризуя формы, актуальные в современной русской поэзии, раскрыть их функциональную взаимосвязь? Если речь идет о системе, то как в структуре целого взаимодействуют разбираемые в работе «малые» жанры: баллада, «длинный верлибр», другие формы? Приведенный в работе ряд «малых» жанров не охарактеризован как закрытый. Не обозначены и эстетические и внеэстетические закономерности, которые его задают. Значит ли это, что система описана полностью? В работе есть упоминание о позиции Н.В. Барковской, считающей, что баллада сегодня актуализируется в связи с необходимостью осмыслить травматический опыт 1990-х годов. Но соотнесены ли с ним и другие «малые» жанры?

Не вполне убедительна и трактовка обращения в современной поэзии к самым разным, подчас экзотическим «жанровым именам» прежде всего как писательского произвола. Может быть, «Ксени» А. Драгомощенко и «Схолии» А. Скидана (с. 157) все-таки правомерно рассматривать как опыты создания «авторских» жанров, а не просто примеры произвольного оперирования «жанровыми именами»? Это лишь один пример, но он достаточно выразителен, чтобы больше внимания уделять текстам, содержащим уникальную текстопорождающую модель.

Наконец, вызывает вопрос правомерность анализа «неавторских сверхтекстовых единств» в контексте разговора о жанровой системе. Если это вариативные целостности, создаваемые реципиентами, то в какой мере с ними можно соотносить жанровый ореол, в литературоведческой традиции связанный исключительно с авторским намерением? Разве жанровые признаки задаются усилием герменевта? Если это так, то как в этом случае выстраиваются жанровые потенции частей и целого, как соотносятся субъектности автора и составителя? Эти аспекты в работе не вполне прояснены и, несомненно, требуют новых уточнений.

Но высказанные замечания не ставят под сомнение серьезность проделанной работы, убедительность ее основных выводов и положений. Монография У.Ю. Веринной — заметная веха в осмыслении жанровых процессов в современной русской поэзии, и предложенная в ней уровневая модель жанрообразования, включающая исследование процессов смыслового «завершения» в пределах отдельного текста, группы текстов и сверхтекстовых единств, несомненно, будет полезна в дальнейших исследованиях типологии лирического текста.

Alexander Zhitenev

**Book review: V E R I N A U. Y.
A RENEWAL OF RUSSIAN POETIC GENRES AT THE TURN
of the 20th-21st CENTURIES. Minsk: BSU, 2017. 307 p.**

*Voronezh State University
1 Universitetskaya pl., Voronezh, 394018, Russia*

Drawing upon contemporary studies into genre and conceptions of the poetic text at the turn of 20th-21st centuries, this paper reviews U. Verina's *A Renewal of Russian Poetic Genres at the turn of 20th-21st centuries* published by the BSU Publishing House in 2017. The most important achievement of the author is a hierarchy of genres from the individual poem to the poetry book and the poetry collection compiled under the will of an editor. U. Verina discusses the debatable nature of long poems, fable free verses and bilingual poetry collections. The author notes that it is challenging to characterize today's system of poetic genres for the indistinctness of functions between them and the existence of marginal genres. The neglect of authorship problem aggravates the matter further.

Key words: genre; modern poetry; poem; a book of poems; Russian poetry.

About the author: *Alexander Zhitenev* — PhD, Associate Professor, Humanities and Arts Department, Voronezh State University, Russia, Voronezh (e-mail: superbia@mail.ru).

М.С. Руденко

**Рецензия на кн.: САВЕЛЬЕВА М. С.
ТВОРЧЕСТВО АНДРЕЯ БИТОВА В ТРАКТОВКАХ
РОССИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ.
М.: МГИМО-Университет, 2016. 217 с.**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Описываются темы и излагаются основные положения рецензируемой монографии (внимание при этом уделено преимущественно российским критикам); отмечено, что рецепция творчества А. Битова рассматривается автором книги в ее исторических изменениях. Особенное внимание уделено тому, как обсуждается — и критиками, и самим Битовым — вопрос о постмодернистских элементах в его текстах, а также предложенному в монографии анализу постмодернистской критики как таковой.

Ключевые слова: А. Битов; постмодернизм; литературная критика; история литературной критики; В. Курицын.

Монография М.С. Савельевой посвящена интерпретации в критике творчества Андрея Битова, одного из крупнейших писателей второй половины XX — начала XXI в. Сама проблема критической интерпретации творчества писателя представляется одной из сложнейших, что связано во многом с объемом исследуемого материала и трудностью его организации. Отзывы чаще всего разрознены и зависят от личности критика, обстоятельств литературного процесса, а подчас от политической конъюнктуры, хотя последнее, кажется, навсегда отошло в область невозвратимого прошлого. На наш взгляд, важнейшим принципом организации разнородного материала считается выявление «силовых линий», вокруг которых выстраивается спектр мнений. В задачи исследователя, впрочем, входит не только организация материала, но и выработка собственной концепции. Именно таким образом и выстроена рецензируемая монография.

В книге органично сосуществуют анализ текстов самого Битова и текстов о текстах. В первой главе прослежено соотношение автора и

Руденко Мария Сергеевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: liza_rudenko_1996@mail.ru).

героя в ранней прозе. В центре внимания стоит проблема героя: «Уже после выхода первой книги Битова «Большой шар» определились основные черты его героя: неуверенность в себе, нецельность как личности, отсутствие у этого героя каких-либо жизненных ориентиров» (с. 14). Подчас официозная критика видела в герое самого Битова и, как отмечает М.С. Савельева, была близка к истине.

Уже первые рассказы Битова привлекают к себе внимание критиков. Автор сталкивает мнения А. Туркова, А. Шереля, В. Гейдеко, Б. Бурсова, подробно останавливается на дискуссиях, например дискуссии 1964 г. Три статьи в «Литературной газете», увы, не приблизились к пониманию битовской поэтики. Одним из критиков Битова стал одиозный В. Ермилов, высказавший, однако, несколько точных замечаний. В целом же, по мнению автора монографии, «в литературной ситуации 1960-х годов подгонять факты под требуемые выводы приходилось критикам обоих лагерей — и сторонникам, и противникам новаторской литературы» (с. 26).

Большое внимание уделено проблеме художественной эволюции. При том, что часто говорят лишь о двух периодах, водоразделом между которыми служит «Пушкинский дом», в реальности творческий путь прозаика знал больше сломов и поворотов, чем у большинства его современников. Как справедливо отмечает Савельева, «с одной стороны, высокая степень саморефлексии, с другой стороны, вероятно, ‘незаготовленность’ как высшая ценность в мировоззренческой системе писателя, ‘неопределенность’, свойственная Битову-автору и его героям, побуждали его двигаться от одной манеры к другой (от раннего абсурдизма — к “лирической” прозе, от нее — к постмодернистскому роману “Пушкинский дом”, далее — к философским диалогам “Оглашённых”, вслед за тем — к фантастическим новеллам “Преподавателя симметрии”); все эти произведения могли бы принадлежать разным авторам, но только они эстетически несхожи, несмотря на общность мироощущения автора» (с. 43).

Своего рода «прорывом» сосредоточенного на себе героя ранней прозы Битова можно считать «Уроки Армении». Книга получила восторженную оценку. Казалось бы, от измерения личности писатель перешел к масштабу трагического пути народа. Объективная реальность, вышедшая на первый план, делает «Уроки Армении» столь не похожими на другие битовские тексты. Но беззаботным «командировочным» текстом проблему личности в контексте ее повседневной жизни, увы, не решить.

Особая фрагментарная форма битовского романа анализируется М.С. Савельевой на материале «Улетающего Монахова» и «Пушкинского дома». Первые части «Улетающего Монахова» печатались

в разных изданиях, осознавались как отдельные, законченные произведения и лишь впоследствии были объединены автором в неоднозначное целое. М.С. Савельева скрупулезно анализирует и сами эти части, и реакцию критики на каждую из них. Иная судьба была у «Пушкинского дома»: части извлекались из уже существующего целого, и не допущенный к печати роман был известен по частям. Среди других фрагментов автора монографии привлекают «Три ‘пророка’», провокативный текст, стоящий на грани художественного и литературоведческого дискурсов. М.С. Савельева приходит к выводу: «Не автор статьи “Три ‘пророка’” был создан с целью опубликования мистификации, а мистификация была предпринята, чтобы намекнуть читателю о существовании этого героя в рамках ненапечатанного крупного произведения» (с. 65).

Вторая глава монографии посвящена реакции критики на «Пушкинский дом» и позднюю трилогию «Оглашённые». Прежде всего М.С. Савельеву интересует ситуация в самой критике, в 1980-е и 1990-е годы решительно сменявшей методологическую инерцию советских десятилетий на новые подходы. Опубликованный в 1987 г. «Пушкинский дом» и стал ареной подобных столкновений. Очевидно, что этот постмодернистский по своей природе текст не мог не сопротивляться устаревшим методологическим подходам. Однако сумела ли новая, часто постмодернистская, критика приблизиться к истине? Как представляется нам, да, смогла, в отличие от идеологизированной «перестроечной» критики, которая, например, в лице А. Немзера, продолжала интересоваться пусть и сменившим знак идейным содержанием, а не поэтикой. Подход самой М.С. Савельевой, предлагающей сосредоточиться на теоретических аспектах изучения романа — на его жанровой природе, проблеме автора и героя, реминисценциях, аллюзиях, интертексте, представляется наиболее продуктивным в отношении как «Пушкинского дома», так и творчества Битова в целом.

В более поздних текстах, в том числе в трилогии «Оглашённые», состоящей из опубликованных ранее повестей «Птицы», «Человек в пейзаже», «Ожидание обезьян», усиливаются философские и даже ранее чуждые Битову религиозные мотивы. Критика отмечает также «экологический постмодернизм» (с. 105) «Птиц» (И.С. Скоропанова) и других частей «Оглашённых» (Г.С. Миронова). О христианских мотивах в трилогии пишут С. Бочаров, О. Николаева, Т.Г. Шеметова, Б. Аверин, Т.Г. Рыбальченко, И. Роднянская. По мнению М.С. Савельевой, «в связи с появлением в прозе Битова христианских мотивов писателем были переосмыслены проблемы творчества» (с. 111). Так происходит в цикле «Преподаватель симметрии», соотносящемся с повестью «Человек в пейзаже». П. Вайль и А. Генис, С. Пискунова

и В. Пискунов диаметрально противоположно оценили эти тексты. Там, где Вайль и Генис увидели разговор о важности самореализации творческой личности, Пискуновы увидели христианские мотивы духовной опасности оборотничества, арлекинады и дьявольского соблазна.

Критика 1990-х — 2000-х годов сосредоточилась по большей мере на проблеме взаимоотношений Битова и постмодернизма. Если критики-постмодернисты (М. Липовецкий, М. Эпштейн, И. Скоропанова, А. Мережинская и др.) считают Битова чуть ли не основоположником русского литературного постмодернизма, то сам писатель, признавая связь своих текстов с приемами постмодерна, связь с философией постмодернизма признавать не стремится. Эта коллизия стала центром третьей главы рецензируемой монографии. Здесь глубоко проанализированы предмет дискуссии и позиции ее участников, постмодернистские трактовки и элементы композиции «Пушкинского дома».

Отдельный интерес представляет раздел, посвященный творческой стратегии критика-постмодерниста (на примере В. Курицына) в его интерпретации текстов Битова. К чертам стратегии В. Курицына как критика-постмодерниста М.С. Савельева относит, в частности, «провокационность высказываний», абсолютизацию «значений одного отдельно взятого образа» (с. 147). Данный раздел по глубине и скрупулезности исследования творческой индивидуальности критика в применении к текстам одного автора можно считать одним из наиболее полных и удачных.

По мнению М.С. Савельевой, принципы постмодернизма наиболее полно отражены в последнем романе Битова «Преподаватель симметрии» (2008). Автор устанавливает ряд черт, присущих постмодернистской критике: «мистификация, игра с фактами, абсолютизация значения отдельно взятого образа, субъективность восприятия художественных текстов» (с. 167). Можно согласиться с М.С. Савельевой, что эти черты присущи и самому Битову при всем его осторожном отношении к философии и поэтике постмодернизма.

Творчество Битова — один из живых факторов современного литературного процесса, поэтому книга завершается анализом современных интерпретаций. Важное место занимают интервью с писателем, кажется, сосредоточившимся на жанре эссе и публичного выступления в ущерб художественным текстам. По мотивам произведений Битова ставятся спектакли, снят короткометражный кинофильм. Присутствует писатель и в современной блогосфере: в Фейсбуке, на научно-популярных ресурсах «Арзамас», «Постнаука», «Дилетант»; принимает активное участие в жюри литературных пре-

мий, а за книгу «Империя в четырех измерениях» в 2014 г. был удостоен премии Правительства РФ в области культуры. В 2013–2014 гг. издательство «АСТ» выпустило его восьмитомник.

Творчество и личность Битова продолжают привлекать интерес читающей части современного общества, критики и науки о литературе, а значит, монография М.С. Савельевой — не только существенный вклад в изучение творчества писателя и истории русской литературной критики второй половины XX — начала XXI в., но и интересный, яркий факт современного литературного процесса.

Maria Rudenko

**Book review: S A V E L Y E V A M. S.
ANDREY BITOV'S WORK IN THE INTERPRETATION
OF RUSSIAN AND RUSSIAN FOREIGN LITERARY CRITICISM.
M.: MGIMO-University. 2016. 217 p.**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This is a review of the book by M. Savelyeva on Andrey Bitov's research into Russian and Russian literary criticism abroad. Attention is paid mainly to Russian critics. The reception of Bitov's work is explored in its historical changes. Particular attention is paid to the evaluation of postmodern elements in Bitov's texts — both by critics and Bitov himself, and the analysis of postmodern criticism as such.

Key words: A. Bitov; postmodernism; literary criticism; history of literary criticism; V. Kuritsyn.

About the author: *Maria Rudenko* — PhD, Department of the History of Modern Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: liza_rudenko_1996@mail.ru).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Е.Н. Виноградова, И.М. Кобозева

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «РУССКАЯ ГРАММАТИКА: СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЯЗЫКА И ПРОЦЕССЫ ЯЗЫКОВОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В сообщении освещается работа Международного симпозиума «Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования», третьего в серии конференций, посвященных обсуждению различных аспектов проблемы создания новой описательной грамматики русского языка, которая должна вобрать в себя все достижения грамматической мысли последних трех десятилетий и отразить те изменения, которые произошли в русском языке с 1980 г. — момента выхода в свет первого тома академической «Русской грамматики». Отдавая дань фундаментальности этой грамматики и отмечая, что в основном она соответствует современным реалиям русского языка, участники симпозиума — грамматисты университетов и академических институтов Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, Новосибирска и других научных центров, а также их зарубежные коллеги-русисты — в своих выступлениях указывали на необходимость при создании новой грамматики выйти за пределы регламентированного представления языка (что не исключает надобности юридического закрепления норм орфографии). Прозвучали призывы отражать не только язык художественной литературы, но и язык повседневного общения, в том числе явления, характерные для устной речи, ввести в грамматику раздел, посвященный дискурсу, учитывать при разработке грамматики корпусные данные, описывать русский язык, обращаясь для сравнения к материалу других славянских языков. Кроме соображений по общим вопросам были представлены конкретные исследования в области морфологии, словообразования, синтаксиса, грамматической и лексической семантики, прагматики дискурса, методики преподавания РКИ, выполненные в рамках разных

Виноградова Екатерина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ekaterinavin@mail.ru).

Кобозева Ирина Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: kobozeva@list.ru).

подходов к грамматическим явлениям: традиционного, коммуникативно-прагматического, когнитивного, а также грамматики конструкций.

Ключевые слова: русский язык; грамматика; семантика; прагматика; усвоение языка; преподавание русского языка как иностранного; устная речь.

23–25 мая 2018 г. в Санкт-Петербурге прошел международный симпозиум «Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования», организаторами которого выступили Санкт-Петербургский государственный университет, Министерство образования и науки РФ, Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) и Российское общество преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ).

Симпозиум продолжил серию конференций, посвященных актуальным проблемам русской грамматики. Первый симпозиум, амбициозно названный «Русская грамматика 4.0», состоялся в Институте русского языка имени А.С. Пушкина в мае 2016 г. Собрав известнейших русистов, он задал тон и тематику дальнейших форумов, обозначив необходимость создания очередной академической грамматики.

В рамках общения на этих научных встречах лингвисты пытались как понять, какой должна стать новая русская грамматика, так и найти ответы на частные вопросы описания системы русского языка. На второй по счету конференции «Русская грамматика: описание, преподавание, тестирование», прошедшей в признанном «оазисе» изучения русского языка за рубежом — Хельсинки, обсуждались как сложные вопросы морфологии и синтаксиса (в том числе их пересечения — грамматики конструкций), так и социолингвистические (в частности, особенности использования языка билингвами, языковые контакты) и психолингвистические (например, изучение детской речи) аспекты функционирования русского языка, а также методика его преподавания. Отдельное внимание было уделено достижениям корпусной лингвистики [Леонтьева, 2017].

Третий симпозиум, что логично вытекает из его названия — «Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования» — имел более узкую специализацию: внимание участников было сосредоточено прежде всего на описании грамматической основы русского языка. Работа проходила в рамках пяти направлений: «Традиционная грамматика и новые концепции изучения языка», «Грамматическая семантика: от системного значения к актуальному смыслу единиц языка и речи», «Когнитивные подходы к структурной организации языка и речи» «Коммуникативно-прагматические аспекты русской грамматики»,

«Проблема соотношения грамматических особенностей языка и речи». В программный комитет вошли ведущие русисты и теоретики языка Санкт-петербургского университета: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова, В.Б. Касевич, О.И. Глазунова, О.В. Хороордина.

Открыл симпозиум ректор Санкт-Петербургского университета, д.ю.н. *Н.М. Кропачев*, отметивший важность изучения русского языка как государственного и пожелавший участникам не только плодотворно поработать, но и насладиться главным конкурентным преимуществом Санкт-Петербургского университета — городом на Неве. С приветственным словом выступила почетный профессор СПбГУ *К.А. Рогова*. Памятуя о «генеральной линии» серии симпозиумов, Кира Анатольевна нарисовала эскизные «портреты» академических русских грамматик, выделив их яркие отличительные черты: богатство языкового иллюстративного материала «Русской грамматики-60» [Грамматика русского языка, 1960], компактность представления языка в «Русской грамматике-70» [Грамматика современного русского литературного языка, 1970] («сгусток грамматической мысли»), фундаментальность нормативного описания языка в «Русской грамматике-80» [Русская грамматика, 1980]. Отвечая на вопрос-лейтмотив «Какой должна стать следующая грамматика?», К.А. Рогова предположила, что новое академическое описание должно выйти за пределы регламентированного представления языка.

Программу пленарного заседания открыла руководитель Центра грамматических исследований института русского языка имени В.В. Виноградова *Г.И. Кустова*, которая привлекла внимание собравшихся к переходным явлениям в системе языка и проблемам их грамматического описания. Галина Ивановна рассмотрела целый ряд конструкций, находящихся между морфологией и синтаксисом, для которых активен процесс отдаления от прототипа: а) существительные, у которых в определенных типах предложений (бытийных, риторических вопросах) появляется валентность на ситуацию, ср.: *возможность, навык, нужда, страх, смысл, выгода, интерес, силы, время* + инфинитив); б) существительные, в определенных предложениях управляющие придаточным с союзом *чтобы*, ср.: *Где найдешь ресторан, чтобы недорого и тихо?* в) сочетания существительных с предлогами, употребляющиеся только в предикативной функции (стативы), ср.: *Он не в адеквате*; г) выражения, образованные на базе номинализаций и имеющие обстоятельственное значение (адвербиалы), ср.: *с согласия кого, под присмотром кого, при участии кого*. Подобные единицы не улавливаются морфологической «сетью» номинативного подхода и потому могут быть представлены лишь в словарях эквивалентов, ср., например, [Рогожникова, 1991; 2003; Словарь структурных слов, 1997; Словарь служебных слов, 2001].

Профессор *В.Б. Касевич* (СПбГУ), размышляя о будущем лингвистики, задался вопросом о месте интегрального описания языка: это лишь эпизод в ее развития или магистральное направление. При этом под целостностью системы языка профессор понимает иерархическую организацию его уровней, а интегративные свойства языка объясняет с точки зрения системы в целом. Аналогично дело обстоит и применительно к каждому элементу этой системы, своеобразии которого может обуславливаться как его внутренними, так и внешними структурными связями.

Дискуссию на тему «Русская грамматика и славянское языкознание» предложил *А.Н. Соболев* (ИЛИ РАН), заявивший, что понять современное состояние русского языка, не обращаясь как к праславянской грамматике, так и к материалу других славянских языков, представляется крайне затруднительным. Кроме того, в докладе Андрея Николаевича прозвучала мысль, которая, как кажется, тоже стала одним из лозунгов серии конференций по грамматике — описать русскую грамматику без учета некодифицированного языка невозможно, так, например, даже в «Русской грамматике-80» приводится предложение: *У меня трое дочек* (А.П. Чехов) без указания на его ненормативность. Ученый призвал задуматься о месте в грамматическом описании различных вариантов языка, особенно функционирующих за пределами России. В сообщении были приведены интересные факты относительно обеспеченности стран Европейского союза электронными переводчиками и их эффективности: для основных стран (языков) процент успешности электронных переводчиков сопоставим с таковым у человека-переводчика (80%), далее он начинает снижаться и, например, при электронном переводе с чешского на болгарский составляет 32%, а с латышского на эстонский — всего 8%. Известный славист призвал лингвистов задуматься над этими цифрами, решая вопрос о том, какой должна стать следующая грамматика.

Декан юридического факультета Санкт-Петербургского университета *С.А. Белов* выступил с докладом «Роль грамматики в обеспечении функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации». Настаивая на необходимости юридического закрепления норм русского языка, он привел несколько примеров коллизий из судебной практики, когда языковая вариативность и отсутствие общепринятой нормы ставили судебные органы в очень сложное положение, ср.: *разыскная деятельность* — *розыскная деятельность*. Юрист напомнил участникам конференции, что в 2009 г. Министерство образования и науки утвердило список справочников и словарей, устанавливающих нормы современного русского литературного языка при его использовании как государ-

ственного [Зализняк, 2008; Большой фразеологический словарь, 2008; Букчина, Сазонова, Чельцова, 2008; Резниченко, 2008]. Ни для юристов, ни для лингвистов не секрет, что этот список далек от идеального. Кроме того, как известно, последними утвержденными на государственном уровне нормами орфографии и пунктуации являются правила 1956 г. [Правила русской орфографии и пунктуации, 1956]. Таким образом, возникает проблема законодательного нормирования русского языка, для решения которой необходимы совместные усилия лингвистов и юристов.

К.А. Рогова (СПбГУ) представила свои размышления о том, какой должна стать академическая грамматика XXI в. Прежде всего она сообщила, что в 2010 г. была проведена экспертиза «Русской грамматики-80», установившая ее соответствие в большинстве случаев современным реалиям русского языка. Тем не менее у филологов нет сомнений в необходимости создания новой академической грамматики. «Какой подход должен лечь в основу этой грамматики?» — главный вопрос, на который искала ответ К.А. Рогова. С одной стороны, это, безусловно, должна быть грамматика смыслов, написанная с позиций антропоцентрической семантико-ориентированной интегральной русистики. С другой стороны, в уровневое описание грамматики необходимо введение отдельного раздела, посвященного дискурсу, понимаемому как «коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов и создающийся в процессе общения текст» [Кибрик, 1992: 289]. Вполне естественно, что перед лингвистами встает следующий вопрос: как отразить влияние дискурса на грамматику? Кира Анатольевна уверена, что ответом на него может стать разработка модульных составляющих будущей грамматики, посвященных устной разговорной речи, функциональным стилям и др.

Ф.И. Панков (МГУ) рассмотрел еще один важнейший аспект лингвистического описания — языковую картину мира, которая находит отражение прежде всего в грамматической системе языка. Именно различия в языковых картинах мира зачастую позволяют объяснить грамматические ошибки. Так, как известно, испанцы, французы и греки по-другому членят сутки на части, что выражается в приветствиях на этих языках, турки покупают книги «из магазина», англичане берут книги «из библиотеки», а русские покупают книги «в магазине» и берут «в библиотеке». Безусловно, учет подобных различий в представлениях о мире особо актуален для преподавания русского языка как иностранного, но, как справедливо заметил Федор Иванович, вполне уместны были бы такие сведения и в академической грамматике. Кроме того, докладчик затронул проблемы изменения языковой картины мира в диахронии: русские раньше

были ориентированы в прошлое (ср.: *на следующей неделе* — ‘которая следует после момента речи’, *предки* — ‘те, кто были передо мной’, *предыдущий* — ‘который идет впереди’), а сейчас «развернулись» лицом в будущее, ср. *предстоящий*.

Зав. отделом теории грамматики Института лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге *М.Д. Воейкова* выступила с докладом на тему «Усвоение русской грамматики в свете «теории языка, основанной на употреблении», где были представлены наблюдения автора относительно усвоения категории вида русскими детьми. Автор, опираясь на теорию языка, основанную на употреблении (A Usage-Based Theory of Language Acquisition [Tomasello, 2003]), привела интересные результаты лонгитюдных исследований детской речи, показав, что употребление маленькими детьми тех или иных видо-временных форм не является повтором «взрослой» речи.

24 и 25 мая проходили секционные заседания. Особенностью симпозиума было то, что программа выступлений в секциях была довольно лаконична — от 4 до 5 докладов на одно заседание, что позволило организаторам не ограничивать ни время выступлений, ни время дискуссии после докладов. Подобная «камерность» дала участникам конференции возможность обстоятельно обсудить «наболевшие» вопросы грамматического описания русского языка. В этом, по образному выражению *О.И. Глазуновой*, проявился «петербургский стиль».

На заседаниях секции «**Традиционная грамматика и новые концепции изучения языка**» обсуждались различные проблемы морфологии, синтаксиса и словообразования. Работу секции открыла *И.М. Кобозева* (МГУ) с докладом «Семантика и дистрибуция союзов *что* и *как* в функции комплементаторов», который привлек большое число слушателей. Тема описания служебных частей речи была продолжена *М.С. Миловановой* (ИРЯП) в докладе «Русские сочинительные союзы в лингвометодическом рассмотрении», *А.Н. Бертяковой* (ИРЯП), поставившей вопрос о лексико-грамматическом параллелизме подчинительных союзов и предлогов, и *Е.Н. Виноградовой* (МГУ), проанализировавшей историю развития грамматических описаний русских предлогов и очертившей основные проблемы, с которыми сталкиваются исследователи этой части речи. Знаменательные части речи и их морфологические категории также не остались за рамками рассмотрения. *Е.Ф. Киров* (ИРЯП) привлек внимание к гибридам, совмещающим признаки нескольких частей речи: причастиям, деепричастиям, порядковым числительным, наречным предлогам и под., а также к местоимениям как осевому классу, имеющему корреляты во всех частях речи. *В.И. Гаврилова* (ВИНИТИ РАН) представила тренды развития залоговой концеп-

ции русского глагола в зеркале Национального корпуса русского языка, предложив в качестве дифференцирующего для разных типов пациентивных конструкций понятие «энергетического обеспечения действия». *Л.И. Богданова* (МГУ) рассмотрела русский глагол в грамматике для речевых действий. *Е.В. Горбова* (СПбГУ) остановилась на регулярности как свойстве словоизменительной грамматической категории, изучив случаи вторичной имперфективации русского глагола. *А.А. Горбов* (НИУ ВШЭ, СПб) рассмотрел так называемые «аналитические прилагательные» в связи с предполагаемым ростом аналитизма в русском языке.

Анализу синтаксических конструкций был посвящен доклад *Н.А. Герасименко* (МГОУ), познакомившей слушателей с результатами своего многолетнего изучения инфинитивно-субстантивных предложений различной структуры: *Остаться было как-то не в жилу. Добираться стало делом долгим, Одно из любимых занятий — пробежаться по магазинам, Мне двор убрать — в радость* и др. Описанию различных проблем словообразования посвятили свои доклады *Е.А. Маклеева* (Казанский ФУ) «Функциональные разновидности производных имен существительных с суффиксами — ух-/-юх- в русском жаргоне» и *И.С. Спица-Иванов* (Åbo Akademi, Финляндия) «К вопросу о модификационном значении диминутивных существительных, образованных от числительных».

А.Л. Шарандин (Тамбовский ГУ) в докладе «Русская грамматика как отражение комплексного подхода к описанию языка» предложил концепцию лексической грамматики, в которой лексема рассматривается как коммуникативно-когнитивно-дискурсивная единица. *Л.В. Московкин* (СПбГУ) остановился на признаках и разновидностях грамматических методов обучения неродным языкам.

В секции «**Грамматическая семантика: от системного значения к актуальному смыслу единиц языка и речи**» грамматическая форма рассматривалась как средство выражения определенного содержания. *Ю.П. Князев* (СПбГУ) познакомил слушателей с гендерными стереотипами в русском языковом сознании. В ряде докладов прозвучали размышления о лексической семантике: «Русские антропонимические именные дериваты: от системного значения к актуальному смыслу» (*А.М. Плотникова*, УрФУ), «Речь: семантика и грамматика лексем на фоне парадигматических связей» (*Т.М. Воронина*, УрФУ), «О причинах употребления универбатов типа *молочка* в современной русской речи» (*И.И. Бакланова*, НИЯУ «МИФИ»). Синтаксическая семантика нашла отражение в докладах о значении определенных конструкций. *Т.И. Стеклова* (Новосибирский ГПУ) рассказала об изъяснительных конструкциях в речевом режиме интерпретации на примере выражений типа *соглашусь, что...* *Е.А. Глазкова*

(РАНХиГС) на материале произведений А.С. Пушкина показала, как синтаксические средства могут использоваться для выражения оценки. *Т.Е. Чаплыгина* (МГУ) рассмотрела семантические и структурные особенности предложений с предложной единицей «не до». *О.И. Северская* (ИРЯ РАН) и *Д.Б. Тискин* (СПбГУ) подняли проблему современной вариативности глагольного управления, последний на материале глаголов перемещения с приставкой *до-*. *Т.Е. Шаповалова* (МГОУ), *О.С. Марченко* (МГУ) и *М.Л. Гордиевская* (МГУ) посвятили свои доклады категориям синтаксического времени, вида и контролируемости, соответственно.

В секции «**Когнитивные подходы к структурной организации языка и речи**» доклады *Е.М. Лазуткиной* (ИРЯ РАН) «Грамматические способы концептуализации внутреннего мира человека» и *М. Бирней* (Литовский эдукологический университет) «О ролевых функциях воды, семантике имени и его концептуальной структуре (на материале прозы И. Бунина)» отразили подход к грамматике как к способу структурирования концептуального содержания сообщения. *О.И. Глазунова* (СПбГУ) и *А.А. Дьякова* (Волгоградский государственный социально-педагогический университет) представили исследования синтаксических структур и моделей предложения с позиций когнитивной лингвистики: в первом докладе говорилось о генезисе синтаксических моделей предложения через призму предложно-падежной системы русского языка, во втором — об объективном и субъективном усложнении текста как результате изменения его структуры.

Вторая часть заседаний секции была посвящена прикладным аспектам описания грамматики, в частности, способам формирования и развития грамматической компетенции у учащихся различных уровней и контингентов. *Е.М. Маркова* (МГОУ) рассказала «О принципах обучения грамматике в курсе РКИ с учетом инославянской аудитории», *Д. Бончани* и *Р. Романьоли*, преподающие русский язык в лингвистических лицеях Джованни да Сан Джованни и «Илария Альпи» в Италии, охарактеризовали активную грамматику русского языка для итальянцев, охватывающую уровни А1-В1. *С.В. Краснощекова* (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого) рассмотрела особенности освоения русских местоимений отрицательно-неопределенного блока, а *В.Н. Ариффулин* (Университет им. Эрнста Морица Арндта, Германия) осветил изменения в употреблении падежей у детей с эритажным русским языком в Германии.

На заседаниях секции «**Коммуникативно-прагматические аспекты русской грамматики**» прозвучали доклады, посвященные проблемам создания новой грамматики. *А. Катинская*, *М. Копотев*, *Р. Янгарбер* (Хельсинкский университет) в докладе «REVITA: на пути к индиви-

дуальной грамматике» рассказали о разработанной ими оригинальной онлайн-системе для выполнения упражнений при изучении русского как иностранного. *Е.Г. Борисова* (МГЛУ) продемонстрировала применение аппарата «грамматики слушающего» к описанию русских грамматических единиц. *Л.Г. Бабенко* (УрФУ) говорила о необходимости включения в грамматику нового самостоятельного раздела, посвященного тексту. *А.В. Глазков* (МПГУ) в докладе «Нарратив о будущем: грамматико-прагматический аспект» размышлял роли прагматики в грамматике. В докладе *В.А. Кузьменковой* (МГУ) было показано влияние «Российской грамматики» М.В. Ломоносова на ход развития русской грамматической мысли, автор отметила, что в этом труде представлена не только система средств русского языка, но охарактеризован их функциональный потенциал и даны практические рекомендации по их употреблению. Ряд докладов был посвящен более частным проблемам описания отдельных языковых явлений. *Ю.М. Кувшинская* (НИУ ВШЭ, Москва) на основе богатого языкового материала продемонстрировала взаимосвязь определенности квантифицированной именной группы и стратегии предикативного согласования. *М.Я. Дымарский* (РГПУ им. А.И. Герцена) представил свой анализ посессивной конструкции в докладе «“А у меня в кармане гвоздь”: нулевая связка или опущенное сказуемое?». *Н.В. Патроева* (Петрозаводский ГУ) рассмотрела местоименные обороты как маргинальный способ обособления в системе русского синтаксиса. *Т.Ю. Кудрявцева* (Воронежский ГТУ) выступила с сообщением «Коммуникативный статус деепричастного оборота: к проблеме классификации первой ремы». *Л.С. Крючкова* (МГОУ) остановилась на лексико-семантической группе глаголов движения, неизменно вызывающей трудности у иностранцев, изучающих русский язык. *В. Вардиц* (Йенский Университет, Германия) сравнила функции словообразования в русской речи двух поколений эмигрантов-билингвов.

Отдельное заседание секции было посвящено обсуждению дискурса в качестве важнейшего компонента новой грамматики. Дискурс как объект лингвистического исследования с учетом принципов построения дискурсивных образований, анализа структурно-семантических и грамматических связей был рассмотрен в докладе *Е.И. Емельяновой* (Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики). В докладе *Н.А. Боженковой* (ИРЯП) был представлен прагмалингвистический инструментарий политического дискурса (стратегии и тактики с их лексико-грамматическими маркерами), и на материале дискурсивных практик влиятельных представителей внешнеполитических ведомств России и США — *М.В. Захаровой* и *Дж. Керби* — были продемонстрированы при-

знаки их речи, которые можно рассматривать как доминантные характеристики национальной политической практики и считать основанием для создания типизированного коммуникативного портрета политика. *С.В. Вяткин* и *Чу Цзинжу* (СПбГУ) сопоставили эмоционально-экспрессивные вставные конструкции в русском и китайском публицистическом тексте. *А.Т. Бактыбаева* (Казахский Национальный медицинский университет) сформулировала основные принципы организации языкового материала при обучении студентов-иностранцев медицинского вуза (на примере использования электронного учебного пособия).

Секция **«Проблемы соотношения грамматических особенностей языка и речи»** была посвящена специфике реализации морфологических и синтаксических форм и конструкций в языке и разговорной речи. *Е.В. Маринова* (Нижегородский ГУ) остановилась на особенностях варьирования в современной русской речи несклоняемых существительных женского рода, а *И.П. Матханова* (Новосибирский ГПУ) — на высказываниях с компаративом слов категории состояния. *Т.Ю. Шерстинова* (СПбГУ) рассмотрела синтаксис повседневной русской речи сквозь призму N-грамм анализа. *О.И. Валентинова* (РУДН) проанализировала причины и последствия типологических деформаций современного русского языка.

Следующий день работы секции открылся докладом *А. Никунлас-си* (Хельсинкский университет) «Синтаксические особенности противительных конструкций с повтором *к-слова*», в котором была дана детальная семантико-синтаксическая классификация конструкций типа *Чего-чего, а места здесь хватает, Уж где-где, а здесь все должно быть в порядке* и под. Затем были представлены три исследования, посвященные анализу устной речи на материале созданного в СПбГУ уникального корпуса «Один речевой день». *Н.В. Богданова-Бегларян* в докладе «Грамматические «атавизмы» прагматических маркеров русской устной речи» рассмотрела ряд дискурсивных маркеров, возникших в результате весьма активного в устном дискурсе процесса прагматикализации, в ходе которого эти единицы утратили (полностью или частично) свое лексическое значение, но сохранили связь с грамматическими категориями: способность изменяться по роду, числу и падежу (*это самое*), по роду и числу (*как его (ее их), такой*), по роду и падежу (*пятое-десятое*), только по числу (контактные глаголы) или только по падежу (*все дела*). В следующем докладе *Н.В. Богдановой-Бегларян* и ее ученицы *Цуй Лили* с позиций грамматики конструкций и в рамках коллоквиалистики (теории разговорной речи) рассматривался ряд грамматических конструкций, типичных для русской повседневной речи, но далеко не всегда фиксируемых

словарями и грамматиками, а потому требующих специального описания, хотя бы в лингводидактических целях (*знаешь как? видишь где?* с так называемыми контактными глаголами; *<Q? — P — что ли?>*, напр., *кто? ты что ли?* и ее варианты *<что/чего — P — что ли?>*, напр., *что/чего мне жалко что ли?* и *<P — что ли?>* (*правда что ли?*); а также *<P или нет? / P — нет? / Нет?>*, например, *идёшь или нет? понял нет?*). Еще одна ученица Н.В. Богдановой-Бегларян, Т.С. Сулимова, на основании анализа именных сочетаний с наречием *чисто* в упомянутом корпусе устной спонтанной речи разделила их на две группы, в одной из которых *чисто* выступает в роли детерминатива, а в другой — в роли маркера точной номинации. В результате анализа дихотомия дискурсивных маркеров нечеткой / точной номинации определяется как средство лексического выражения детерминации имени в русской речи.

Список литературы

- Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Под ред. В.Н. Телия. М., 2008.
- Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К. Орфографический словарь русского языка. М., 2008.
- Грамматика русского языка / Под ред. В.В. Виноградова, Е.С. Истриной, С.Г. Бархударова. М., 1960.
- Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1970.
- Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М., 2008.
- Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М., 1992.
- Леонтьева А.Л. Русская грамматика: описание, преподавание, тестирование» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2017. № 3. С. 232–235.
- Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.
- Резниченко И.Л. Словарь ударений русского языка. М., 2008.
- Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова. М., 1991.
- Рогожникова Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М., 2003.
- Русская грамматика: В 2 т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
- Словарь служебных слов русского языка / Под ред. Е.А. Стародумовой. Владивосток, 2001.
- Словарь структурных слов русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М., 1997.
- Tomasello M. Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition. Cambridge, 2003.

Ekaterina Vinogradova, Irina Kobozeva

**INTERNATIONAL SYMPOSIUM “RUSSIAN GRAMMAR:
STRUCTURAL ORGANIZATION OF LANGUAGE
AND LANGUAGE FUNCTIONING” (a conference review)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper discusses the international symposium “Russian Grammar: Structural Organization of Language and Language Functioning” which took place in Saint-Petersburg University on May 23–25, 2018. The symposium became another scientific gathering aiming to define principles and concepts of new Russian grammar: the starting symposium was held in the Pushkin State Russian Language Institute in 2016 and the second meeting was organized by University of Helsinki in 2017. The conference in Saint-Petersburg University served to discuss a variety of aspects for the upcoming new Russian grammar, which is supposed to absorb recent progress in Russian grammar descriptions and to reflect all the changes in the Russian language within the past few decades since the latest academic Russian Grammar was published in 1980. Taking into account the fact that the 1980 Russian Grammar still adequately reflects the modern state of Russian, scholars from Moscow, Saint-Petersburg, Ekaterinburg, Novosibirsk and other research centres claimed in their reports the necessity to overcome a restricted concept of codified language. Nevertheless this position doesn't deny the state legal standardization of orthography and punctuation norms. The participants declared the importance for upcoming grammar to incorporate the results in different areas of study: discourse analysis, everyday spoken language studies, corpus linguistics and Slavic typology. Together with general ideas of a new Russian grammar design a lot of morphological, derivational, grammatical, syntactical, semantic and pragmatic investigations were presented during the symposium as well as a few reports on teaching methods of Russian as a foreign language.

Key words: Russian language; grammar; semantics; pragmatics; teaching Russian as a foreign language; language acquisition; spoken language.

About the authors: *Ekaterina Vinogradova* — PhD, Associate Professor, Department of Russian Language for Foreign Students of Humanities Faculties, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ekaterinavin@mail.ru); *Irina Kobozeva* — Dr. habil., Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: kobozeva@list.ru).

References

Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo jazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentarii [A large phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Usage. Culturological comment]. Telia V.N. (ed.). Moscow, AST-Press, 2008. 784 p. (In Russ.)

- Bukchina B.Z., Sazonova I.K., Chel'tsova L.K. *Orfograficheskii slovar' russkogo iazyka* [An orthographic dictionary of the Russian language]. Moscow, AST-Press, 2008. 1288 p. (In Russ.)
- Grammatika russkogo iazyka* [A Grammar of the Russian language]. In 2 vol. Vinogradov V.V., Istrina E.S., Barkhudarov S.G. (eds.). Moscow, USSR Academy of Science Publ., 1960. (In Russ.)
- Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka* [A Grammar of modern Russian literary language]. Shvedova N. Ju. (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1970. 767 p. (In Russ.)
- Zaliznyak A.A. *Grammaticheskii slovar' russkogo iazyka* [A grammatical dictionary of the Russian language]. Moscow, AST-Press, 2008. 795 p. (In Russ.)
- Kibrik A.E. *Ocherki po obzhim i prikladnym voprosam iazykoznanija (universal'noe, tipovoe i spetsifichnoe v iazyke)* [Essays on general and applied topics in the study of language (universal, typical and specific in language)]. Moscow, Lomonosov State University Publ., 1992. 336 p. (In Russ.)
- Leont'eva A.L. *Russkaia grammatika: opisanie, prepodavanie, testirovanie* [Russian Grammar: description, teaching, testing]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2017, № 3, pp. 232–235. (In Russ.)
- Pravila russkoi orfografii i punktuatsii* [Russian spelling and punctuation rules]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956. 176 p. (In Russ.)
- Reznitchenko I.L. *Slovar' udarenii russkogo iazyka* [A dictionary of stresses in the Russian language]. Moscow, AST-Press, 2008. 943 p. (In Russ.)
- Rogozhnikova R.P. *Slovar' ekvivalentov slova* [A dictionary of word equivalents]. Moscow, Russkii Iazyk, 1991. 254 p. (In Russ.)
- Rogozhnikova R.P. *Tolkovy slovar' sochetanii, ekvivalentnykh slovu* [A defining dictionary of word combinations equivalent to words]. Moscow, AST; Astrel', 2003. 416 p. (In Russ.)
- Russkaia grammatika* [Russian grammar]: In 2 vol. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow, Nauka Publ. 1980. (In Russ.)
- Slovar' sluzhebnykh slov russkogo iazyka* [A dictionary of Russian auxiliary words]. Starodumova E.A. (ed.). Vladivostok, Far Eastern Univ. Publ., 2001. 363 p. (In Russ.)
- Slovar' strukturnykh slov russkogo iazyka* [A dictionary of Russian structural words]. Morkovkin V.V. (ed.). Moscow, Lazur', 1997. 420 p. (In Russ.)
- Tomasello M. *Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition*. Cambridge, 2003.

А.В. Дулина

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ТЕКСТ И КОНТЕКСТЫ: “ФИЛОСОФСКИЕ ЭТЮДЫ”
О. ДЕ БАЛЬЗАКА» (МГУ, 21–22 июня 2018)**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В обзоре освещается четвертая из серии всероссийских научных конференций кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ «Текст и контексты». Докладчики сосредоточили свое внимание на самых знаменитых «философских этюдах» О. де Бальзака и в связи с их проблематикой и поэтикой рассматривали широкий круг вопросов: особенности бальзаковского романтизма, религиозность и философские искания Бальзака, отражение в его произведениях важнейших идей европейской литературы и культуры XIX в., рецепция его творчества, влияние Бальзака на развитие гуманитарной мысли XX в.

Ключевые слова: конференция; Оноре де Бальзак; «Философские этюды»; философия творчества; история литературы; XIX в.; романтизм; компаративистика.

21–22 июня 2018 г. на филологическом факультете состоялась четвертая всероссийская научная конференция кафедры истории зарубежной литературы «Текст и контексты», посвященная «Философским этюдам» О. де Бальзака. Традиционно в центре внимания участников этой серии конференций оказываются наиболее известные произведения западной литературы. В этот раз филологи, переводчики и искусствоведы со всей страны в основном сосредоточились на пристальном чтении таких этюдов Бальзака, как «Шагреновая кожа» (1831), «Неведомый шедевр» (1831), «Луи Ламбер» (1832), «Поиски абсолюта» (1834), «Серафита» (1834). Среди 23 докладчиков были ученые из Владивостока, Тюмени, Екатеринбурга, Перми, Уфы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Воронежа, Иванова, Орехово-Зуева.

Пленарное заседание открывалось вступительным словом организатора конференций «Текст и контексты» профессора В.М. Толмачёва. Было отмечено, что необходимо пересмотреть устоявшиеся взгляды на творчество «забронзовевшего классика», потому что до сих пор существует проблема восприятия произведений «Человеческой ко-

Дулина Анна Викторовна — аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: doolina-anna@yandex.ru).

меди» в связи с возникшей в 1930-х годах советской идеологической трактовкой Бальзака как критического реалиста, доктора социальных наук, что не дает увидеть в нем художника слова, одного из ключевых авторов романтической культуры. «Философские этюды» не входили в канон «советского Бальзака», а лучшие из них необходимо было встроить в установленную раз и навсегда схему, поэтому задачей конференции стало взглянуть на эти тексты по-новому, с самых разных точек зрения, чтобы если не отменить, то «расшатать» установившиеся рамки интерпретации бальзаковских «Философских этюдов».

На пленарном заседании *В.А. Мильчина* в докладе «Матрац или пацц? Окраины или афиши?» подняла вопрос о необходимости обновить издательский подход к переизданию Бальзака в русском переводе. Важно корректировать или снабжать подробными комментариями существующие классические переводы «Философских этюдов», которые с середины прошлого века переиздаются практически без изменений.

Оригинальная религиозно-философская система Бальзака, лежащая в основе «Философских этюдов», стала предметом подробного анализа *Н.В. Решетняк* в докладе «“Шагреновая кожа”: мистическое прочтение символа», а сведенборгианский аспект этой системы был важен в докладе *Г.И. Модиной* «Мотив любви в “Философских этюдах”» и интересовал *А.Н. Таганова* в рамках анализа «геометрии художественной мысли» и перехода от слова-Логоса к слову-мифу у Бальзака. Этические и эстетические воззрения Бальзака в контексте разговора о проблеме негативизма на материале этюдов «Неведомый шедевр» и «Поиски Абсолюта» рассматривал *А.Г. Вишняков*.

Интересовал докладчиков и общий контекст развития литературы и культуры XIX в. Эволюция образа ученого в литературе XIX в. неожиданно раскрылась через сопоставительный анализ этюдов Бальзака с такими разными текстами, как «Фауст» *И.-В. фон Гёте* и «Харчевня королевы Гусиные лапки» *А. Франса* в докладах *И.Н. Лагутиной* и *М.Н. Недосейкиной*. При рассмотрении романов «Серафита» Бальзака и «Будущая Ева» *О. Вилье де Лиль-Адана* *Т.М. Трофименко* проследила трансформацию темы «совершенного человека» во французской литературе XIX в. О старшей современнице Бальзака, прозванной критиками его “меньшей сестрой” *М. Деборд-Вальмор* и ее сказках в сопоставлении с философским этюдом Бальзака “Иисус Христос во Фландрии” рассказала *Е.М. Белавина*, а параллель с русской литературой провела *О.М. Ушакова* в докладе «“Нигилисты” в “романе судьбы”»: Рафаэль де Валентен и Евгений Васильевич Базаров». «Формулой» XIX в. представила *Т.Л. Селитрина* романы «Шагреновая кожа» Бальзака и «Крылья голубки» *Г. Джеймса*, восхищавшегося творениями французского писателя как в ранних, так и в поздних своих статьях о нем.

Бальзаковские образы и концепции оказались не менее важными для истории идей XX–XXI вв. *Е.Д. Гальцова*, проследившая историю увлечения Бальзаком в кругах сюрреалистов, отметила одержимость А. Бретона романом Бальзака «Серафита» в рамках объединения научного и художественного дискурса и развития темы андрогинности как сочетания противоположностей. В рамках восприятия Бальзака другими позднейшими национальными литературами *Е.В. Фейгина* представила доклад «Отражение повести “Шагреновая кожа” в итальянском романе XX века», а *Н.С. Бочкарева* рассмотрела чрезвычайно важную для XX в. тему портретов в литературе и «Неведомый шедевр» Бальзака на материале эссе современной английской писательницы А.С. Байетт. *Н.Т. Пахсарьян* проанализировала, как в XXI в. трансформируется восприятие фигуры Эжена де Растиньяка, а амбициозность вырастает в цельную социальную философию на примере телесериала Эвы де Кастро «Растиньяк» (2001). Перераспределение ролей между смыслопорождающими научными дисциплинами в этюде Бальзака «Поиски Абсолюта» и в современном обществе интересовало *Л.А. Симонову*.

В контексте развивающихся направлений литературной теории обратились к текстам Бальзака *О.А. Джумайло* и *Т.Д. Венедиктова*. Сделав акцент на поэтике телесного в этюде «Неведомый шедевр», *О.А. Джумайло* представила феноменологическую трактовку текста Бальзака. О проблеме взаимодействия социальной теории и художественного текста в рамках современного «поэтического» поворота говорилось в докладе *Т.Д. Венедиктовой* «Теория как риск и инструментальная возможность: к эпистемологии “Философских этюдов”», в котором способ построения единого целого «Человеческой комедии» и образы героев-теоретиков Бальзака предстали как рефлексия автора по поводу самоорганизации художественного универсума и роли теоретизирования в интеллектуальной деятельности человека.

Отдельно сложился тематический блок конференции, посвященный проблеме визуального. В докладе *Т.А. Боборыкиной* говорилось о пластической визуальности образа шагреновой кожи и о способах построения визуальной метафоры в рамках философского осмысления бальзаковского текста в постановках и экранизациях этюда «Шагреновая кожа»: телеспектакле П. Резникова (1975), телефильме А. Берлинера (2010) и балетном спектакле А. Астреиной (2012). Живописное и реалистическое начало в этом же произведении Бальзака стало основной темой доклада *Е.Э. Овчаровой*. На пленарном заседании *С.Н. Зенкин* выступил с докладом «Натурщица и шедевр», в котором объединились характерные как для литературоведов, так и для искусствоведов подходы к новелле «Неведомый шедевр» и получила развитие тема двойственности нарративного и визуального начал. *Д.В. Токарев* продолжил разговор о репрезентации визуального в этой

новелле и, обратившись к феномену эйдетизма, предположил, что на главной картине в новелле был запечатлен постепенно угасавший эйдетический образ. Завершилась конференция докладом *В.М. Толмачёва* «Заметки на полях “Неведомого шедевра”», в котором по-новому были осмыслены темы борьбы художника с собственным демоном и богоискательства, стирающего границы между иллюзией и действительностью, между художником и демиургом; а чаще всего трактуемая как поражение творца концовка новеллы предстала актом удавшегося завершения длительного процесса самопознания и самосотворения.

Различие подходов к изучению творчества Бальзака, представленным учеными на конференции, способствовало плодотворной и оживленной дискуссии и пересмотру отдельных прочно укоренившихся в отечественном литературоведении трактовок «философских этюдов». После заключительного заседания участники конференции отметили, что такой формат пристального чтения и обсуждения классических текстов формирует благоприятную среду для общения исследователей со всей России и позволяет считать летние конференции «Текст и контексты» одним из важнейших событий научной жизни гуманитарного сообщества.

Anna Dulina

**THE RUSSIAN CONFERENCE ‘THE TEXT
AND THE CONTEXTS: HONORÉ DE BALZAC’S
PHILOSOPHICAL STUDIES’ LOMONOSOV
MOSCOW STATE UNIVERSITY, June 21–22, 2018**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This review discusses the fourth Russian conference on Balzac held at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. The speakers focused on the Philosophical Studies by Honoré de Balzac, covering a wide range of issues concerning Balzac’s romanticism, his religiousness and philosophy, the reflection of most important ideas of 19th-century European literature and culture in Balzac’s texts, the reception of Balzac’s work and its influence on the development of 20th-century humanities.

Key words: conference; Honoré de Balzac; Philosophical Studies; philosophy of creativity; history of literature; 19th century; romanticism; comparative literature studies.

About the author: *Anna Dulina* — PhD Student, Department of the History of Foreign Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: doolina-anna@yandex.ru).

А.В. Швец

**ТВОРЧЕСКОЕ ПИСЬМО И НОВЫЕ ПРОФИЛИ
ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ:
XXI ФУЛБРАЙТОВСКАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА
(26–29 августа 2018)**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В отчете предлагается обзор заседаний и мастер-классов XXI Фулбрайт-овской летней школы «Творческое письмо и новые профили гуманитарного образования», которая проходила с 26 по 29 августа 2018 г. в Ясной Поляне. Автор предлагает подробное описание лекционных и семинарских занятий, которые проводились ведущими практиками писательской индустрии (А. Аствацатуров, М. Кучерская, К. Меррилл, М. Фрили), теоретиками и историками литературы (Е. Лямина, А. Вдовин, А. Баженова-Сорокина, Д. Немец-Игнашева). Центральный вопрос, вокруг которого была организована работа Школы, — как возможно развитие дисциплины творческого письма в России и в чём разница между уже существующим у нас опытом обучения литературному творчеству и англосаксонским вариантом «индустрии подготовки писателей», который сегодня распространяется посредством масс-медиа и становится одной из глобальных практик. Предлагается краткий очерк американского и русских подходов к преподаванию творческого письма — работы в формате воркшопа, ЛИТО и семинара, в рамках которого участники учатся вычленять из текста приёмы и использовать их в собственном тексте. Освещается вопрос о взаимодействии между прикладной практикой преподавания творческого письма и академической филологией — теоретической дисциплиной, поставляющей методологический инструментарий для потенциальных писателей. Также затрагивается возможность сопряжения обучения творческому письму и практики написания нон-фикшна — академических работ, популярных нехудожественных произведений (биографий). Помимо прочего, в отчёте рассматривается институциональный контекст бытования программ творческого письма в США, Англии и Америке, а также возникающие в нём типично национальные «проблемы».

Ключевые слова: творческое письмо; Фулбрайт-овская летняя школа.

XXI Фулбрайт-овская летняя школа проходила с 26 по 29 августа 2018 г., и не в стенах МГУ, как традиционно, а в Ясной Поляне. Она

Швец Анна Валерьевна — аспирант кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ananke2009@mail.ru).

была сфокусирована на теме, в последнее время остро востребованной, — возможности интегрировать преподавание «творческого письма» (creative writing) в университетские учебные практики. Запрос на преподавание творческого письма существует и растет — вокруг дисциплины, еще только пребывающей в становлении¹, складывается рабочий рынок.

Работа Школы была организована в традиционном для конференции формате, который в данном случае оказался очень удачным. Проходил четырехдневный интенсив практикумов по письму и промежуточных дискуссий, «прикладная» направленность которых не отменяла высокого уровня теоретической рефлексии. Участники Школы представляли 17 российских университетов, включая МГУ, СПбГУ, НИУ ВШЭ, Челябинский университет, Череповецкий университет, Северный (Арктический) университет и др. «Обучаемые» были активно заинтересованы в приобретении новых педагогических навыков. Ими с удовольствием делились их коллеги, ведущие дискуссий, среди которых были профессиональные писатели, совмещающие жизнь в литературе с академической карьерой: российские (Майя Кучерская и Андрей Аствацатуров) и американские (Крис Меррилл, поэт и журналист, директор одной из старейших и лучших в США программ литературного мастерства в университете Айовы, и Морин Фрили, преподающая творческое письмо в университете Уоррика). Свой вклад в дискуссию внесли академические ученые-филологи, осваивающие «промежуточную зону» между творческим письмом и наукой, — Александра Баженова-Сорокина, Екатерина Лямина, Алексей Вдовин (НИУ ВШЭ), Диана Немец-Игнашев (МГУ и колледж Карлтон, США).

Вопрос, вокруг которого была организована интеллектуально-критическая работа участников Школы, можно сформулировать так: каким образом возможно развитие дисциплины творческого письма на российской почве и в чем состоит разница между уже существующим у нас опытом обучения литературному творчеству и англосаксонским вариантом «индустрии подготовки писателей», который сегодня интенсивно распространяется «вширь», становится одной из глобальных практик?

В процессе обсуждения обозначилось явное, но не дисгармоничное разногласие русского и английского дискурсов. Говоря о концепции программ творческого письма, американские коллеги делали упор на процесс «поиска голоса» потенциальных студентов,

¹ Некоторые из локальных, но внятно о себе заявивших инициатив были представлены участникам школы, — например, программа «Литературное мастерство», которую ведет в НИУ ВШЭ Майя Кучерская, или литературная мастерская литературы Андрея Аствацатурова (СПбГУ).

воспитании этико-литературной чувствительности к специфике собственного опыта у тех, кто намерен овладеть творческим письмом. В то же время русские практики предпочитали акцентировать такие качества писателя, как умение писать увлекательно, «купить» внимание читателя и зацепить его удачным приёмом. Американские преподаватели оказались значительно искуснее в плане работы с литературными техниками — поэтому этот аспект не осознавался ими как проблемный. Русские коллеги, напротив, не забыли опытов ЛИТО, творческих объединений, в которых именно обмен опытом играл ключевую роль, — и потому считали, что сообщение пережитого и составляет «ядро» любого творческого семинара.

Работу школы 26 августа открыл мастер-класс *Майи Кучерской* «Другой человек — интересная история». Писательница сосредоточилась на механизмах, создающих увлекательную историю, — правилах сюжетостроения и построения высказываний, соблюдая которые писатель захватывает внимание читателя. Сложные модели, описываемые традиционно на языке нарративной теории, были переведены на язык прикладной инструкции, язык методического пособия для писателя, возможно, без филологической подготовки. Кучерская говорила о создании интриги, закручивании сюжета вокруг конфликта интересов, необходимости умолчания и сокрытия всей информации, неожиданности концовки — приемах, так или иначе возбуждающих читательский интерес. Мастер-класс завершился практическим интерактивом: каждый из участников поупражнялся в написании истории.

Рабочий день 27 августа начался с лекции *Криса Меррилла* «Жизнь как открытие». Поэт обрисовал концепцию преподавания творческого письма в США и фундирующие ее принципы. В Америке преподавание творческого письма осуществляется в небольших семинарах-воркшопах, в рамках которых все участники читают работы друг друга и дают друг другу советы. Такое сотрудничество служит подспорьем для каждого участника и создает среду для поиска авторского «голоса». Для этого необходимы сосредоточенность на конечной цели каждого творческого предложения, внимание к тем фрагментам текста, в которых обнаруживает себя нетрадиционное использование языка. Именно обсуждение этих моментов, в которых себя обозначает продуктивная неопределенность смыслов, в их соотношении с предполагаемым эффектом составляет основу работы воркшопа.

Разговор о базовых принципах преподавания творческого письма продолжил *Андрей Аствацатуров*. Инициированная петербургским писателем и преподавателем СПбГУ дискуссия «Литература и филология» соотносилась с ключевыми положениями предыдущего

выступления и в то же время касалась проблемы, специфичной для российской действительности: возможности сотрудничества между литературоведением и прикладной дисциплиной творческого письма. Аствацатуров отметил, что преподавание творческого письма в мастерской требует избирательного подхода к использованию литературоведческого арсенала. Ведущий мастерскую писатель и ее участники в первую очередь нуждаются в методологических оптиках, позволяющих описать форму текста, ее механику и эффект. Потому в практике преподавания творческого письма в центре оказываются те или иные изводы формализма. В меньшей степени востребованы традиционные «позитивистская» и «импрессионистская» ветви литературной рефлексии XIX–XX вв., поскольку они описывают внетекстуальные моменты: контекст и сумму фактов или субъективное впечатление.

После выступления Аствацатурова обсуждение снова переместилось из контекста отечественной образовательной традиции в контекст англосаксонского университетского мира. *Морин Фрили* вела дискуссию «Писатель в академической среде: британский опыт». В центре обсуждения была не всегда видимая институциональная подкладка преподавания писательского мастерства и конкретные практики внедрения творческого письма в программы британских университетов. Согласно Фрили, в Британии пока не сложился институт преподавания “creative writing”: существуют только отдельные курсы, но не учебные программы. Преподаватель-практик вынужден работать в рамках курса для студентов, чаще всего приходящих с отсутствием какой бы то ни было подготовки в области творческого письма, даже на уровне программы для бакалавров (undergraduate program). Фрили описала некоторые методики и приемы, которые помогают снять писательский блок у студентов и открывают для них возможности письма. Экскурс в это прикладное измерение был полезен, поскольку русскоязычные участники также ощущали нехватку наработанной базы преподавательских тактик, раскрывающих творческий потенциал студентов.

День завершался лекцией *Александры Баженовой-Сорокиной* «Нарратология как прикладная дисциплина: теоретический курс в программе литературного мастерства». Лектор убедительно продемонстрировала, как «тяжелая артиллерия» теоретической нарратологии может быть переведена в практическое знание — умение разобрать текст и создать свой. Ключевые понятия, которые подвергаются теоретической рефлексии и переводятся в практические сессии, — точка зрения, отношения автора и читателя, жанр, модус, интертекстуальность, метаповествование. Понимание того, как та или иная категория реализуется в художественном тексте, дополняется практико-творческим интенсивом.

После лекции участники школы смогли отдохнуть от формата насыщенной теоретически дискуссии на заседании небольшого импровизированного киноклуба. Предложенный к просмотру фильм, “Rewrite” (2015), погружал зрителя в мир обучения творческому письму в США, делая (возможно, иногда утрированно) зримыми базовые принципы обычного класса-практикума писательского мастерства: акцент на обнаружении «собственного голоса», внимании педагога к личному опыту студентов и возможности его выразить.

28 августа участники и лекторы сосредоточились на особой творческой практике: написании нехудожественных текстов (non-fiction). Первое заседание, «Научное знание и/как увлекательный рассказ: секреты трансформации», в исполнении *Криса Меррилла* и *Морин Фрили*, было посвящено обсуждению того, как встроить в процесс создания научного текста приемы и практики, взятые из области творческого письма. Ведущие задавались вопросом: как обратить научный текст, порой перегруженный фактами и терминологией, в текст, который интересно читать? Ключевой прием здесь — «драматизация факта»; ее можно достичь, используя широкий арсенал литературных приемов.

Иной аспект работы с non-fiction приоткрыла *Екатерина Лямина*, рассказывая об исследовательско-творческом практикуме работы с автобиографическим письмом. Лямина показала, как начиная с XVII в. различные виды нефикциональных эго-документов формировали практики литературного письма и литературного повествования о себе и о Другом, о себе как Другом. Кропотливое изучение контекстов и практик чтения автобиографических повествований позволяет обнаружить исторически пластичные способы письма о собственной жизни как уникальном опыте.

Алексей Вдовин, историк литературы и автор биографии Н. Добролюбова (2017), продолжил дискуссию, зайдя с другой стороны и предложив взгляд практика. В докладе внимание уделялось таким процедурам работы биографа, как сбор, отбор и проверка фактов, выстраивание нескольких нарративных линий внутри повествования и их проверка на предмет последовательности.

К художественной литературе участники вернулись только вечером, в мастер-классе *Андрея Аствацатурова* «Конфликт и проблемы дисконмуникации». Предложив аудитории три новеллы («Лиспет» Киплинга, «Письма Асперна» Г. Джеймса и «Тамань» Лермонтова), лектор показал, как в каждой авторе выстраивают конфликт, основанный на отсутствии понимания между персонажами. Аствацатуров переформулировал формальную специфику трех произведений на языке прикладной инструкции: чтобы написать хороший рассказ, необходимо столкнуть два разных жанра и два разных типа мышле-

ния. Сам мастер-класс Аствацатурова — одно занятие из читаемого им в Петербурге сорокачасового учебного курса, разработанного на материале русской и западноевропейской литературы.

На следующий день, 29 августа, обсуждение перемешалось между двух полюсов: собственно практикой творческого письма и обсуждением форм его институционализации. День начался с мастер-класса *Майи Кучерской* «Преподавание литературы на “писательский манер”»: обсуждаем прозу Толстого». Вокруг рассказа Толстого «Три смерти» развернулась дискуссия, в которой литературоведческое знание и прикладные педагогические практики оказались тесно переплетены. Лектор предложила детальный формальный разбор, выводя на первый план инвентарь приемов, при помощи которых Толстой воздействует на читателя. Затем аудитории было предложено превратить аналитическое описание приема в небольшое задание для творческой мастерской — например, руководствуясь тем, что Толстой использует много зримых деталей, написать описательный абзац, используя только визуальную образность.

Завершающие работу школы два заседания — «Курс творческого письма» и «Аргументы для ректора: почему курс творческого письма необходим в современном университете?» — фактически слились в одно интенсивное коллективное обсуждение. В ходе дискуссии *Морин Фрили* представила публике набросок плана курса по творческому письму и критерии оценки творческих работ студентов. Затем участники получили возможность высказать свои соображения относительно того, как должен выглядеть курс писательского мастерства в российском университете и как обосновать его практическую ценность в переговорах с администрацией. Общий вердикт свелся к тому, что при безусловной ценности зарубежного опыта всё равно необходима его адаптация и переосмысление для отечественных реалий. В частности, в адаптации и переосмыслении нуждается само понятие «воркшоп» (workshop), не вполне эквивалентное «литературной мастерской». Воркшоп подразумевает овладение практиками письма — и сама литература предстает сведенной к этому набору практик. Цель овладения этими практиками — вывести писателя на широкий рынок и — в идеале — дать ему возможность создать новый рыночный запрос и новую аудиторию. В это же время мастерская делает акцент на порождении и циркуляции глубоко укорененных в культуре смыслов. Мастерская основана на понимании особого статуса литературы — литературы как традиции, как организованного по особым законам универсума. Поэтому по своей сути мастерская неизбежно смотрит в прошлое, стремясь в своей работе достичь некого эталонного уровня выражения, уже данного.

Четырехдневное обсуждение творческого письма как нарождающейся дисциплины в России было безусловно плодотворным.

Несмотря на то что многое в обсуждениях наличествовало только на уровне интуиции, кажется, проект нового дисциплинарного и образовательного поля приобретает отчетливые контуры и вполне скоро может быть реализован.

Anna Shvets

CREATIVE WRITING AND CURRICULAR INNOVATION IN THE HUMANITIES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper reviews the proceedings of the XXI Fulbright Summer School on Creative Writing and Curricular Innovation in the Humanities held at Yasnaya Poliana on August 26–29, 2018. It offers an accurate and full account of the lectures and seminars taught by the leaders of creative writing industry (most notably, Andrey Astvatsaturov, Maya Kucherskaya, Chris Merrill, Maureen Freely), non-fiction authors and researchers (Ekaterina Lyamina, Alexey Vdovin), literary historians and theorists (Alexandra Bazhenova-Sorokina, Diane Nemec-Ignasheva). The attendees sought answers to two main questions. How is it possible to develop a curriculum for Creative Writing as a new discipline for Russia? What is the difference between the existing practices of teaching literary craft and Anglo-Saxon educational experience that yields itself to global spread through the Internet? The paper offers a brief overview of American and Russian approaches to teaching Creative Writing, including such forms as workshop, “LITO,” and analytical seminars which complement literary analysis with practical exercises. By way of discussion, the paper raises the question concerning the interaction between teaching Creative Writing and teaching philology, the academic discipline which encompasses linguistics and literary criticism and supplies a potential writer with an arsenal of methods. The paper touches upon the necessity to integrate Creative Writing into the process of teaching non-fiction and producing non-fiction. It discusses the institutional framework of Creative Writing curricula in the US, the UK, and Russia, commenting on specific “national” problems.

Key words: creative writing; Fulbright Summer School.

About the author: *Anna Shvets* — PhD Student, Department of Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ananke2009@mail.ru).

О.В. Александрова, М.Л. Ремнёва, И.Э. Стрелец

**ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ-2018
НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

В отчете освещается широкий круг вопросов, затронутых участниками «Ломоносовских чтений», которые состоялись на филологическом факультете Московского университета в 2018 г. На пленарном заседании, в ходе работы 26 секций и круглых столов выступили представители всех кафедр и лабораторий. Обсуждались различные аспекты лингвистики, литературоведения, методики преподавания языков. Обзор прозвучавших выступлений отражает основные направления научной деятельности сотрудников филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ключевые слова: языкознание; литературоведение; методика преподавания; филологические науки.

На пленарном заседании обсуждались возможные планы перехода филологического факультета на шестилетнее обучение в рамках специалитета. Дискуссию открыл *М.М. Голубков* докладом «Русская литература XX–XXI вв. в системе литературоведческого образования», осветив важнейшие вопросы отечественного литературоведения и перспективы его изучения на современном этапе. Продолжил обсуждение *В.Б. Катаев*, который затронул тему преподавания русской литературы в ее классическом аспекте. Действительно, она остается важнейшей вехой в обучении филологов, что должно найти отражение во всех учебных планах и программах государственных университетов России. Важным подразделением филологического факультета остается романо-германское отделение, где зародились

Александрова Ольга Викторовна — доктор филологических наук, профессор, заместитель декана по научной работе филологического факультета, зав. кафедрой английского языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ovaleksandrova@gmail.com).

Ремнёва Марина Леонтьевна — доктор филологических наук, профессор, декан филологического факультета, зав. кафедрой русского языка МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dekan@philol.msu.ru).

Стрелец Илья Эрнстович — кандидат политических наук, доцент кафедры английского языкознания МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: sagitil@mail.ru).

традиции и основания для новых образовательных структур в составе Московского университета — факультета иностранных языков и регионоведения, Высшей школы перевода и др. В связи с этим в рамках дискуссии *В.М. Толмачёв* рассказал о перспективах романо-германского отделения, подчеркнув необходимость его дальнейшего развития и совершенствования в рамках специалитета. В свою очередь, *А.И. Солопов*, руководитель классического направления, сфокусировал внимание участников пленарного заседания на необходимости разработки новых подходов, что особенно важно для фундаментального факультета. Продолжила тему *И.В. Тресорукова*, которая говорила об определении функций отделения византистики. Как показало обсуждение, коллег тревожит нынешнее состояние славянской филологии. Этому вопросу было посвящено выступление *Н.Е. Анянцевой* о путях преодоления сложной ситуации. Поддержав дискуссию, *Е.Л. Бархударова* сделала акцент на изучении русского языка как иностранного. Эта проблематика является одной из центральных в современной жизни и политике, она заслуживает особого внимания в учебных и научных планах факультета. В завершении разговора о перспективах перехода на систему специалитета слово взял *С.Г. Татевосов*, возглавляющий отделение теоретической и прикладной лингвистики. В сообщении были показаны возможности развития данного подразделения, определено его место и роль в системе подготовки специалистов-филологов с учетом их востребованности.

В тот же день и на протяжении двух последующих прошли секционные заседания и круглые столы всех кафедр и лабораторий факультета.

На кафедре русского языка в выступлении *М.Н. Шевелевой* на тему: «Об инфинитивных конструкциях “будущего сложного I” с имамь // иму и древнерусском глаголе имѣти по данным ранних восточнославянских памятников» — на ряде примеров было показано, что эти конструкции представляют образования от разных глаголов. Доклад *Е.И. Кисловой* был посвящен историко-социолингвистическим аспектам бытования русского языка в духовном дискурсе XVIII в. с учетом взаимного изменения статуса других языков в актуальных позициях, затрагивающих сферы «базовой грамотности», духовного образования, официально-деловой корреспонденции, частно-бытовой переписки и др. *Е.И. Литневская* рассказала об «уязвимостях» традиционных представлений о функциональной и социальной дифференциации языка в связи с его состоянием в конце XX — начале XXI в.

На кафедре русского устного народного творчества *С.В. Алтатов* представил доклад «Фольклорная топика в очерке Г.И. Успенского

“Выпрямила”». На примере топосов «голая правда» и «нагая истина» он рассмотрел механизмы взаимодействия литературных и фольклорных репрезентаций женских аллегорических и мифопоэтических образов правды и лжи, греха и добродетели в отечественной словесности Нового времени. *В.А. Ковник* в выступлении «Пастуший отпуск из села Печникова: сравнение вариантов и анализ мотивов и формул» рассказал о композиции, образах, системе персонажей, текстовых формулах пастушьего отпуска (с. Печниково, Каргопольский р-н Архангельской обл.), сопоставив с классическим текстом водлозерской записи Н.Н. Харузина.

На кафедре теории литературы *О.А. Клинг* докладом «Влияние литературоведческого наследия русского символизма на формалистов в 1910-е — 1920-е годы (В.Я. Брюсов, Андрей Белый, Вяч. Иванов)» сфокусировал внимание слушателей на становлении русской формальной школы (Б.М. Эйхенбаум, Ю.Н. Тынянов и др.), опиравшейся на идеи теоретических штудий символистов. *А.Я. Эсалнек* в докладе «Принцип коммуникации и его трансформация в гуманитарных исследованиях конца XX — начала XXI вв.» рассмотрела в ретроспективе коммуникативные революции, результатом которых стало изобретение письменности, изготовление печатного станка, появление электронных масс-медиа, внедрение Интернета, особое внимание уделила теории диалогизма М.М. Бахтина. Доклад *Л.В. Чернец* «О пейзажном коде в произведениях И.С. Тургенева» позволил заглянуть в художественную мастерскую великого классика, которому посредством слова удавалось создавать точно переданные пейзажи в обрамлении лирических, нередко элегических размышлений, что ярко проявилось в цикле «Стихотворений в прозе». *В.Б. Семёнов* в докладе «Строфы Дученто: национальные и общероманские параллели» представил обзор наследия «Сицилийской школы», характерными чертами которой были ученый слог, узколирическая модальность, точно вымеренные силлабические метры, что отразилось на поэзии XIV–XV вв., обогатившейся тематически и стилистически, проявившись как в кансу провансальцев, так и в кансоне сицилийских поэтов двора Фридриха II.

Кафедра истории русской литературы озаглавила свою секцию «Поздний И.С. Тургенев: тексты, события, оценки, проблемы наследия». В сообщении *Р.Б. Ахметшина* было рассказано о встрече И.С. Тургенева со студентами петербургского императорского университета П.Ф. Якубовичем и В.Н. Шаталовым в мае 1881 г., когда готовился к изданию сборник молодых литераторов «Отклик», благодаря которой в «Летописи жизни и творчества» писателя отразились интерпретации современников образа русского классика,

ценные для исследователей. *И.А. Беляева* посвятила доклад художественной антропологии *И.С. Тургенева*, развивавшейся от образов «исключительного героя» (человека крайностей) 1850-х годов к персонажам позднего периода творчества, натура которых, ускользая от типизации, вписывалась между крайними точками «гамлетовского» и «донкихотского» характера. *Д.П. Ивинский* на обширном историко-литературном материале проанализировал роль Тургенева в формировании литературной мистики, развитии темы напряжения между полюсами духа и души, что впоследствии обусловило своеобразие «серебряного века», восходя к эпохе Хераскова и его произведениям. В выступлении *М.Л. Калугиной* были выявлены особенности эпистолярного жанра Тургенева в 1860–1880 гг., способствующие глубокому пониманию писателя как человека и художника, его окружения, литературы, а также противоречивой эпохи второй половины XIX в. Доклад *В.Б. Катаева* обратил внимание слушателей на разработку темы страха в произведениях «позднего» Тургенева, сходной в своей экзистенциальности с видением его французского современника Мопассана, но отличавшейся от «страхов-ситуаций» Чехова, что давало повод для типологических параллелей с идеями датского философа Кьеркегора. *А.А. Пауткин* прочитал доклад «Искусство экфрасиса. Произведения русских скульпторов в оценке *И.С. Тургенева*», в котором рассмотрел ряд статей, очерков и писем, относящихся к различным этапам творчества писателя, где выдающиеся явления трехмерной пластики были воспроизведены в слове.

На кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса в докладе *И.Б. Ничипорова* представлен анализ книги *Б. Зайцева «Жуковский»* с точки зрения концепции творческой личности, художественных и публицистических способов ее реализации. *А.В. Леднев* посвятил выступление проблеме автоперевода в литературно-художественном освещении на примере перевода *В.В. Набоковым* своих и чужих произведений, сделав акцент на тех случаях, когда данные интерпретации отражали авторское отношение к тому или иному кругу иноязычных читателей. Доклад *М.В. Михайловой* был обращен к наследию поэта, писателя, литературоведа и мемуаристки *Софьи Шиль (1863–1928)*, в котором обнаруживались соприкосновения символизма с эпигонским изводом позднего романтизма, порождавшие оригинальный симбиоз неожиданных литературных феноменов. В выступлении *И.В. Монисовой* и *Н.З. Кольцовой* «Научная самодеятельность, или Литературоведение на сцене» рассматривались театральные спектакли последних лет, основанные на решении филологических проблем в причудливом взаимодействии с театральной стихией. *О.С. Октябрьская* посвятила доклад теме памяти в повести *А. Гайдара «Военная*

тайна», уделив особое внимание воплощению мотива жертвы и осмыслению смерти детским сознанием. *Д.В. Кротова* представила панорамный обзор воплощения темы хаоса в творчестве Т. Толстой, построив доклад на анализе рассказов и романов автора, воспринимающего хаос неизменным компонентом русского мира.

На кафедре истории зарубежной литературы *Н.Т. Пахсарьян* представила сравнительный анализ жанра социально-криминального романа XIX в. на примере «Парижских тайн» Э. Сю и «Петербургских трущоб» Вс. Крестовского, отмечены не только сходные мотивы (преступление и наказание, любовь и месть), персонажи-типы (мститель, вор, падшая женщина, утерянный ребенок), но также проблемные и поэтологические различия. *М.А. Абрамова* посвятила выступление малоизученному роману XVI в. Элизен де Крен «Треволнения и муки любви», выделив как новаторские черты (несколько повествователей, стереоскопическое наложение фокусов изложения, перераспределение функций персонажей, характерные смены хронотопа и модуса повествования в каждой из трех частей), так и психологизм (рождение личности через препятствия, страдания, обретение самосознания). *В.М. Толмачёв* изложил концепцию западного Ренессанса в трактовке автора книги «Образы Италии» (1911–1912, 1924) П.П. Муратова, опиравшегося на идеи Морелли, Беренсона, Вёльфлина, Тэна, Буркхардта, прерафаэлитов, которые в его интерпретации имеют конкретно-историческое, морфологическое и универсальное значение, создавая образ двойной религиозности художника эпохи Возрождения, отмечая уникальное переживание природы, синтез плоти и духа. *О.Ю. Панова* посвятила доклад созданию «Истории афро-американской литературы», рассказав об изучении данной проблематики исследователями в США и России. В выступлении *А.В. Сергеева* был предложен анализ философско-эстетических взглядов Й. Йоргенсена, С. Клауссена и В. Стуккенберга, датских поэтов-символистов, на страницах журнала «Башня» (1893–1894), выявлены традиции национальной и зарубежной литературы, повлиявшие на их духовное формирование, отмечен вклад в развитие культуры Дании. *Д.Д. Черепанов* посвятил доклад позднему творчеству Я.М.Р. Ленца (1751–1792), которое отражает соединение эстетических, педагогических и богословских интересов как самого писателя в последние годы жизни, так и его московского окружения, прежде всего И.Г. Шварца. *Н.А. Мороз* предложила слушателям анализ повести У. Фолкнера «Дерево желаний», представляющей интерес как его единственное произведение для детей (с характерными дидактическими элементами, экспериментами с детской речью и отстранением), так и в контексте творчества автора во второй половине 1920-х годов (модернистские мотивы относи-

тельности времени и памяти, проблески зарождающегося «южного мифа»). В докладе *Н.К. Новиковой* о творчестве Т. Карлайла, одного из наиболее влиятельных мыслителей викторианской эпохи, сопоставлены два ранних текста историка и публициста: эссе «Герои, почитание героев и героическое в истории» (1841) и философский роман “*Sartor Resartus*” (1833– 1834), — где основные координаты его мировоззрения (при различиях в трактовке образа «провидца» и «деятеля») сохранены, а вопрос об «истине» и роли «героя» оставлен открытым.

На заседании секции научной **лаборатории «Русская литература в современном мире»** *Т.Н. Белова* рассказала о просветительской, переводческой, литературно-критической и преподавательской деятельности В. Набокова в США, его творческих контактах с американскими русистами в 1940–1960-е годы. *О.В. Розинская* представила аналитический обзор современного польского литературоведения, фокусирующего внимание на русской словесности. *В.В. Сорокина* выявила специфику освещения литературного процесса в России на страницах немецкоязычного журнала «Остойропа», сделав акцент на смещении интереса немецкой критики в последние десятилетия с оригинальной аналитики на рейтинги лауреатов литературных премий, формальные аспекты поэтики, творчество русских писателей Германии. В выступлении *Т.Я. Орловой* был охарактеризован рассказ Е. Замятина «Пещера», тематический пласт которого охватывает революционную ситуацию в России, трагедию петроградцев на изломе истории, невольно оказавшихся в условиях первобытной эпохи. *В.Г. Мусеева* на материале романа В.П. Астафьева «Прокляты и убиты», этапного произведения для русской «военной» литературы второй половины XX в., проиллюстрировала значение термина «лейтенантская» проза и охарактеризовала ее жанро-стилистические особенности. *Е.А. Певак* посвятила доклад литературной практике символистов (Ф. Сологуба, М. Кузмина, З. Гиппиус, А. Белого и др.), характеризовавшейся в ранний период асоциальностью, аполитизмом и сосредоточенностью на проблемах личности, религиозно-философских проблемах, а позднее, в результате революционных катаклизмов, — появлением концепций христианского либерализма и мистического анархизма, существовавших в 1900-х и 1910-х годах на границе эстетико-религиозной и политической сфер. *А.В. Злочевская* рассмотрела философскую и историко-культурную многомерность романа «Камера обскура» В. Сирина (псевдоним В. Набокова), где банальный адюльтер осмыслен автором, использующим кинематографические приемы в изложении сюжета и палитру художников раннего Возрождения в описании героев, и возведен до уровня вселенской драмы, возникшей в конфликте

между похотью и любовью и решенной в координации этического — трансцендентного — эстетического.

На кафедре классической филологии в выступлении *Я.Л. Забудской* проанализировано «трагедийное» семантическое поле в произведениях Плутарха, отмечены случаи употребления соответствующей лексики с учетом контекстуальных различий («Сравнительные жизнеописания» и «Моралии») в негативном и нейтральном значении. В докладе *А.И. Солопова* представлено исключение из правил употребления предлога *ad* в классическом латинском, не описанное в словарях, которое предвосхищает использование данной части речи в романских языках, и сделан вывод о том, что в эпоху Цицерона сочетание *ad Baias* могло обозначать как направление («в Байи»), так и место («в Байях»). *С.С. Степанцов* посвятил выступление гимну Алкея к Диоскурам, аудиальные эффекты которого построены на консонантных повторениях звукоподражательной, кинестетической или синестетической природы, используя материал эпической традиции, реорганизованный с целью усиления аллитерационного потенциала. *Е.В. Антонец* выявила взаимосвязь между риторикой Цицерона перед Цезарем в период его диктатуры (46–45 гг. до н. э.) и их перепиской, которая является важным источником знаний о взаимоотношениях великих людей и позволяет глубже понять смысл речей и стилистику поздней Римской республики. В докладе *А.Е. Белликова* «“И станет все отрицать”: к вопросу об интерпретации Quint. Inst.or.3.6.94» была предложена альтернативная интерпретация выражения *si quis duo crimina uel omnia neget* и аргументирована возможность предикативного употребления имени при глаголе *negare*. *Т.Ф. Теперик* рассмотрела поэтику пасторального мотива, релевантного для авторов александрийской плеяды, но каждым из них реализованного по-разному: от жанровых инноваций Феокрита до дифференцированной пастушеской тематики у Аполлония Родосского.

На кафедре византийской и новогреческой филологии *М.В. Бибиков* представил реконструкцию несохранившегося греческого текста русско-византийских договоров X в., опираясь на аналогичные документы, составленные греками с итальянскими городами-республиками XIII в., а также ранние византино-персидские договоры VI в. *К.А. Климова* рассказала об исследовании консолидирующих этнических сообществ в популярных социальных сетях («В Контакте», “Facebook”, “Yagrek”), отметив, что основными элементами для базовой самоидентификации греков-понтийцев в пабликах являются национальный язык, религия, музыка, танцы, семейно-родовая организация, национальная кухня. *Т.И. Самойленко* рассмотрела проблему филологической интерпретации текстов

средневековых греческих романов посредством восприятия описания посещения замков (*ἑμφρασις κάστρου*) в качестве литературного топоса, функционирующего на сюжетном, семасиологическом, религиозно-мифологическом, философском, эстетическом смысловом уровне. Доклад *Д.А. Афиногенова* был построен на сравнении двух агиографических памятников первых веков христианства, повествующих о Мелитинских мучениках. *Ю.Б. Мантова* представила лексико-исторический анализ инвектив, использованных одним из самых блестящих византийских интеллектуалов Иоанном Цецем, сместив акцент с риторического аспекта на такие источники, как агиография, юридические трактаты и др., где инвектива применяется в обстоятельствах рутинной жизни.

На кафедре славянской филологии *Н.Е. Ананьева* посвятила доклад номинации внебрачного ребенка в ономастическом пространстве русского и польского языков, подвергнув анализу малоизученные лексемы: «сураз» (*сибирск.*), «любимчик» (*арханг.*) и др. В выступлении *А.С. Новиковой* были раскрыты детали создания Канона Андрея Критского и перевода на церковнославянский язык, прослежена судьба данного религиозного текста, бытовавшего в славянской языковой среде на протяжении веков. *А.И. Изотов* представил результат корпусного анализа лексики чешского общенационального субстандарта — эскиз словаря из 537 лексем с указанием абсолютной и относительной частоты их употребления. *Е.Н. Ковтун* обобщила толкования понятия «славяне» в массовой литературе современной России, сопоставив по основным параметрам («исконное» миролюбие, развитая материальная культура, прогрессивная социальная организация, высокие нравственные ценности) с трактовками периода национального возрождения славянских народов. *С.Н. Мещеряков* повел речь о христианских мотивах в творчестве хорватских писателей 1950—1960-х годов, одни из которых подходили к библейским сюжетам «апокрифически», а другие — утверждали безусловную ценность христианства. *А.Г. Шешкен* на материале пьесы Г. Стефановского «Полет на месте» продемонстрировала, как мотив сохранения исторической памяти нашел отражение в жанре спектакля, расстановке персонажей, конфликте.

Кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания посвятила секционное заседание памяти Федора Ивановича Буслаева, выдающегося русского филолога XIX в., 200-летие со дня рождения которого отмечалось в апреле 2018 г. Так, в докладе *А.А. Волкова* рассматривалась история создания учебной грамматики *Ф.И. Буслаева*, дана оценка значению единой церковно-славянской и русской грамматики в системе образования России второй половины XIX — начала XX в. *О.В. Никитин* продолжил тему докладом «“Филология духа”».

Федор Иванович Буслаев как языковая личность», продемонстрировав слушателям редкие книги и документы из личной коллекции, и выделил три перекрестка в научной биографии ученого, определившие приоритеты его творчества: знакомство с В.Г. Белинским (в гимназические годы), интерес к сравнительно-историческому направлению (в период студенчества), увлечение народной культурой, историей, мифологией, эстетикой (в зрелые годы). Яркий портрет ученого-современника был представлен *И.И. Богатыревой* в докладе о В.А. Кочергиной, возродившей на филологическом факультете Московского университета сравнительно-историческое индоевропейское языкознание, создателя «Санскритско-русского словаря», учебника санскрита, монография по древнеиндийскому словообразованию. В развитие темы прозвучало выступление *О.А. Волошиной* «Мантра и сутра как инструмент построения текстов различной функциональной направленности», где анализировались термины, имеющие в своем составе инструментальный суффикс -тра. В обобщающем докладе *Л.А. Чижовой* «Роды и виды словесности в современных условиях» рассмотрен характер коммуникации в социальных сетях, где общение стало средством социализации и самореализации личности, развивается конфликтность, размывается грань между письменной и устной речью, истиной и ложью, реальностью и виртуальным миром. В выступлении *И.Э. Стрельца* были представлены результаты сопоставительного анализа предвыборной риторики кандидатов на должность Президента РФ во время избирательной кампании 2018 г., выполненного в рамках лингвоперсоналогического подхода с опорой на контент-анализ текстов публичных выступлений и наблюдение за паралингвистическими особенностями лидеров.

На кафедре теоретической и прикладной лингвистики *О.Ф. Кривнова* посвятила доклад созданию просодически размеченного речевого корпуса устной русской речи посредством системы TONI (Tone and Break Indices), а также построение базы данных текстовых характеристик каждого словораздела (БДС) в корпусе. В совместном выступлении *П.В. Гращенкова*, *О.С. Смирновой* и *А.А. Кирилловой* сообщено о результатах пилотного исследования «Связь синтаксиса и просодии» на материале русского языка, в результате которого сделан вывод, что финитная клауза и бессоюзное сочинение демонстрируют сильную положительную корреляцию с появлением паузы и перцептивной просодической границы. *О.В. Федорова* рассказала слушателям о закономерностях распределения зрительного внимания. *Е.А. Лютикова* и *С.Г. Татевосов* посвятили совместный доклад обсуждению семантики и дистрибуции выражения «по ходу», выделив три частных значения (событийное, дискурсивное и эпистемическое) — в зависимости от содержания пресуппозиции.

На кафедре русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов в выступлении *Л.П. Клобуковой* был представлен анализ научно-методических и организационных проблем, возникающих на вступительных экзаменах по русскому языку для иностранных абитуриентов в вузах России. *Д.Б. Гудков* рассказал об особенностях бытования лингвистического мифа и его месте в структуре национального мифа русского лингвокультурного сообщества. *Е.Н. Виноградова* охарактеризовала историю фиксации предлога в русском языке, а также отметила ряд проблем с лексикографическим и грамматическим описанием данной части речи. *Л.Н. Норейко* обобщила способы освоения иностранными учащимися новой (заимствованной) лексики. В выступлении *Е.А. Чернышенко* был сделан акцент на необходимости изучения особенностей разговорного стиля в рамках курса «Русский язык и культура речи», рассчитанного на русскоязычную аудиторию. *М.В. Фокина* рассказала о специфике обучения практической фонетике в рамках занятий по РКИ для студентов-стажеров из Европы. *Л.Н. Некрасова* подробно рассмотрела специфику адаптивного тестирования, сделав акцент на лингводидактических аспектах.

На кафедре русского языка для иностранных учащихся филологического факультета *А.В. Величко* выступила с докладом о роли и специфике учебных программ по русскому языку для разных контингентов иностранных учащихся. *О.К. Грекова* рассмотрела грамматическую парадигму простого предложения (структуры будущего времени), представленную в учебных пособиях по РКИ. *Е.А. Илюшин* представил выступление о принципах перевода на русский язык «Божественной Комедии» Данте, которых придерживался профессор А.А. Илюшин и другие переводчики. В докладе *Л.В. Красильниковой* было сфокусировано внимание на особенностях разработки системы упражнений и заданий для иностранных учащихся по овладению словообразовательной спецификой приставочных дериватов, мотивированных лексико-семантическими вариантами глагольной лексемы. *Е.А. Кузьминова* рассмотрела лингводидактические взгляды М.В. Ломоносова, получившие отражение в «Российской грамматике» (СПб, 1755), что позволило прийти к заключению о том, что ученый адресовал свой труд не только «Российскому юношеству», но и «иностраннымъ Россіянамъ». *Е.В. Полищук* затронула проблему передачи имен собственных в переводах «Чайки» на хорватский язык. *О.М. Сергеева* рассмотрела случаи метафорического употребления некоторых терминов родства в современном русском языке, а также особенности использования прилагательного «родной» в различных контекстах. *И.Э. Стрелец* поделился опытом преподавания дисциплины «Русский язык и культура речи» на неязыковых факультетах,

позволившим выявить лексико-грамматические лакуны у студентов-гуманитариев.

На кафедре русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов в докладе *А.А. Коростелевой* «Об использовании русскими кинесических средств языка при выражении этикетных отношений» особо подчеркивалась необходимость введения в процесс обучения кинесических единиц, не связанных с конкретными целеустановками. *И.П. Кузьмич* рассказала слушателям о ярких чертах *М.В. Ломоносова* как лектора и популяризатора науки на материале работы «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих, предложенное от Михайла Ломоносова». *А.А. Прокубовский* в докладе «Прецедентные феномены (имена, тексты, даты) в рамках курса “Русский язык и культура речи”» проанализировал возможные типы практических заданий с использованием прецедентных феноменов. Выступление *О.В. Чаловой* было посвящено обучению особенностям формирования целеустановки «предложение» на занятиях по РКИ, обобщению типичных ошибок иностранных учащихся.

На кафедре дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного в докладе *Е.Л. Бархударовой* были выделены две существенные тенденции: усиление вокализма и доминирование консонантизма в русском звуковом строе на отдельных участках, — что необходимо учитывать в процессе преподавания фонетики на занятиях по РКИ. *М.В. Всеволодова* затронула проблемы, выявляемые в ходе обсуждения грамматикализации со студентами-иностранцами на материале различных категорий прилагательного и отдельно категории количественности. *О.В. Зубова* поделилась опытом анализа экранизаций художественных произведений в иноязычной аудитории. *О.Ю. Дементьева* рассказала об особенностях изучения русской категории числа с китайскими студентами. *Т.Е. Чаплыгина* осветила вопрос функционирования гетерогенных предлогов в контексте практической грамматики, представив возможности варьирования состава компонентов синтаксических фразеологизмов и связанные с этим приращения смысла.

На кафедре немецкого языкознания в докладе *Е.Г. Носовой* были рассмотрены двойные формы, имеющие фразеологическую природу, их структура, семантика и функции. *Л.Ю. Уварова* рассказала о немецкой послевоенной прозе на материале романа *В. Шнурре* «Чем люди живы», показав язык жесткой правды, скупых слов, неброского юмора и неутраченной надежды. *М.Ю. Папченко* представила лингвопрагматический анализ конкретного рекламного объявления из немецкого журнала “Der Spiegel”, выделив языковые средства, которые служат созданию «достоверного рекламного тек-

ста». В выступлении *О.А. Байновой* о прозаических произведениях как многомерных системах (аллюзии, ассоциативные намеки, отсылки к другим текстам и общекультурным явлениям) была отмечена текстообразующая и композиционная функция цитаты при создании художественного образа. Лектор Германской службы академических обменов (DAAD) *Г. Лист*, принявший участие в секционном заседании с сообщением «Изменения в современном немецком языке», — обобщил тенденции, причиной которых являются новейшие средства коммуникации.

На кафедре французского языкознания *В.М. Амеличева* представила краткое описание семантической структуры французской полифункциональной лексемы *comme*, отметив параметры выделения предложных единиц. *Е.Э. Бабаева* обратилась к истории становления французской системы предикатов положения в пространстве. *Е.В. Клюева* подробно остановилась на особенностях поэзии К. Орлеанского (1394–1465), тезаурус которого приближается к 2900 единицам словаря Ф. Вийона и складывается из макаронических стихов, где переплетаются слова различных языков, порождая комический эффект, создавая неологизмы. *М.И. Олевская* раскрыла особенности употребления библейских имен собственных во французском языке, обобщив данные по орфоэпии библеизмов — имен собственных, сопоставив частотные русские и французские звукобуквенные соответствия в данном сегменте религиозной лексики. *К.И. Курбанова-Ильютко* рассмотрела социолингвистическую ситуацию в двух пограничных франкоязычных ареалах — Романдии (Романской Швейцарии) и Валь д'Аосте.

На кафедре английского языкознания *В.Я. Задорнова* прочитала доклад «О когнитивных аспектах перевода», уделив особое внимание переводу поэзии с точки зрения концептуальных метафор, являющихся частью поэтической картины мира. Выступление *Д.С. Мухоморова* было посвящено анализу разграничения понятий мифологемы и идеологемы, установлению характерных особенностей и степени взаимодействия между этими фундаментальными когнитивными и функционально-коммуникативными единицами политического дискурса. *А.А. Лингарт* обратился к проблеме интерпретации шекспировского «Гамлета», сделав акцент на доказательствах создания первых вариантов пьесы в ранний период творчества поэта и признании авторства так называемого «Плохого Кварто» (1603) за Шекспиром. *М.Э. Конурбаев* говорил о философии восприятия речи в феноменологической перспективе. *А.А. Шаранкова* поделилась опытом функционально-стилистического анализа в редактировании англоязычных научных текстов.

На кафедре германской и кельтской филологии в докладе *Т.А. Михайловой* о применении принципа экономии языковых средств к

интерпретации языковых изменений в кельтских языках IV—VI вв. была предложена трактовка апокопы, лениции и упрощения кластеров. *Н.А. Ганина* посвятила доклад исследованию предисловий и колофонов в кодексах любекского права, датируемых XIII — первой половиной XIV в., затронув вопросы соотношения латыни и нижненемецкого языка, оформления и содержания колофонов в конкретных рукописях, данных о писцах и заказчиках кодексов и др. В докладе *Е.М. Чекалиной* продемонстрирован сопоставительный анализ особенностей функционально-семантической категории таксиса в сложноподчиненных предложениях со специализированными союзами предшествования и следования на материале русского и шведского языков. *Э.Б. Крылова* рассказала о новых тенденциях в современном датском языке, отметив в качестве критериев для признания «языковых нарушений» литературной нормы — частотность и принцип аналогии. Выступление *Е.Л. Жильцовой* было посвящено неологизмам в шведском языке, впервые зафиксированным в 2000—2015 гг., которые образовались путем аффиксации. *Т.Л. Шенявская* рассмотрела аллюзии к образам и текстам древнеисландской литературы с целью определения функциональных трансформаций в политическом дискурсе исландских поэтов-неоромантиков. *Е.В. Терешко* проанализировала когнитивные признаки концептов домашних животных в нидерландском языке, организованным по функциональным зонам.

На кафедре романского языкознания в докладе *М.А. Косарик* подчеркивалась значимость лингвистических курсов для изучения практического языка. *Е.А. Семенова* продолжила эту тему, сделав акцент на специфике преподавания второго романского языка для филологов-романистов. *О.Ю. Школьникова* рассказала о лингвистических средствах создания Анной Марией Ортезе визуальных образов в ее публицистических материалах.

На кафедре финно-угорской филологии в докладе *Н.С. Братчиковой* особо отмечалось, что к середине XVII в. финский стал «языком культуры», выполняя литургические и административные функции, поскольку в этот период важнейшие для духовной культуры и светской литературы произведения были написаны на финском. *А.П. Гуськова* посвятила выступление лексико-грамматическому статусу венгерского речевого этикета, подробно остановившись на сопоставлении грамматического строя русского и венгерского языков, универсальных чертах форм вежливости, способствующих решению проблем в преподавании. *Е.З. Шакирова* рассказала о традициях венгерской психологической прозы XX в. на материале книги Кристины Тот «Пиксель» (2011).

На заседании секции научной лаборатории фонетики и речевой коммуникации доклад *Ф.О. Байрамовой* был посвящен вопросам

межъязыковой интерференции в экспертной практике, обозначен проблемный характер формулирования категорического и вероятного вывода при сильной вариативности признаков акцента в исходной и сравнительной записях. *Н.И. Миронова* проанализировала анонсы рекламных сообщений на тему «Здоровье» и выявила контекстные средства выражения положительной оценки. В докладе *О.Е. Фроловой* внимание слушателей было сфокусировано на жанровых средствах манипуляции, среди которых отмечены следующие случаи: жанровая маска — маскировка рекламы под официальное оповещение, деформация сильной позиции текста (подписи) с целью воздействия на адресата, жанровый контейнер (включение инструкции в готичный интернет-пост), намек невербальными средствами в креолизованном (поликодовом) тексте. *Е.В. Щенникова* проанализировала поликодовые тексты в экспертной практике на материале комиксов, охарактеризовав их как особый формат вербально-визуального искусства, обладающий специфическими способами кодирования (графическое обозначение прямой речи и различных звуков). *С.А. Крейчи* подробно остановился на особенностях восприятия эмоций по интонации, отметив, что 90% опознанных в экспериментах эмоциональных состояний (восторг, радость, удивление, ирония, печаль, недовольство, гнев, страх) являются вербально выраженными. *Ю.А. Шахмайкиной* были проанализированы последствия некорректного воздействия адресанта на адресата, а в качестве примера использовано интервью известного видеоблогера с исполнителем рэпа.

На кафедре **иберо-романского языкознания** Ломоносовские чтения прошли в форме круглого стола, посвященного проблемам методики преподавания иберо-романских языков. С докладами выступили *Ю.Л. Оболенская* («Актуальные интердисциплинарные исследования»), *О.А. Сапрыкина* («Афористика в кругу филологических исследований»), *А.В. Кутькова* («Hablò, hablò, habló, hablo: к истории графического ударения в испанском языке»), *Ю.А. Карпова* («Табуированность и эвфемизация испанской лексики: история вопроса»), *В.В. Долженкова* («Interculturalidad» как методика преподавания испанского языка как иностранного»), *А.О. Уржумцева* («Методика и практика преподавания курса “Основы испанского политического дискурса”»), *Д.Л. Гуревич* и *К.В. Кичигин* («Современная семантико-грамматическая трактовка категории переходности в испанской лингвистической литературе»).

Кафедра общей теории словесности провела круглый стол «Инаковость/чуждость в текстовом измерении». Основным тезисом выступления *Т.Д. Венедиктовой* «Проект “всемирной литературы”»: этическая составляющая стала констатация актуальности переоцен-

ки целеполагания в процессе преподавания литературы. *И.В. Захаренко* и *В.В. Красных* в совместном докладе рассмотрели концепт СТОРОНА с лингвокультурологической точки зрения. *С.А. Ромашко* познакомил слушателей с этимолого-семантическими заметками относительно дейктических элементов и грамматических «шифтеров» в категории «своё/чужое», подчеркнув, что подвижность «своего/чужого» отражается в амбивалентности различных семантических комплексов.

Таким образом, в ходе «Ломоносовских чтений» 2018 г. на филологическом факультете Московского университета прозвучало более 100 сообщений и докладов, посвященных актуальным вопросам языкознания, литературоведения, методики преподавания филологических дисциплин.

Olga Aleksandrova, Marina Remneva, Ilya Strelets

**2018 LOMONOSOV READINGS
AT MOSCOW UNIVERSITY'S FACULTY OF PHILOLOGY**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper aims to show the scope of research conducted at the Faculty of Philology through outlining the 2018 Lomonosov Readings Conference at the Faculty of Philology, Moscow University. The event included sessions on a range of linguistic, literary and didactic topics and embraced the whole faculty.

Key words: philology; linguistics; literary studies; instruction methods.

About the authors: *Olga Aleksandrova* — Dr. habil., Professor, Deputy Dean for Science, Head of the Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ovaleksandrova@gmail.com); *Marina Remneva* — Dr. habil., Professor, Deputy Dean for Science, Head of the Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dekan@philol.msu.ru); *Ilya Strelets* — PhD, Associate Professor, Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: sagitil@mail.ru).

ЮБИЛЕИ

**Н.Ю. Гвоздецкая, Е.В. Клобуков, И.Г. Матюшина,
Т.А. Михайлова, И.М. Нетунаева, Е.М. Чекалина**

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА СМИРНИЦКАЯ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Публикация представляет собой собрание из пяти очерков-заметок, посвященных юбилею Ольги Александровны Смирницкой. Ее коллеги по журналу и по кафедре, ее ученики, продолжающие и развивающие заданные ею методические основы научной и преподавательской работы с разных точек зрения описывают собственные впечатления от общения с Ольгой Александровной и рассказывают о том значительном вкладе, который был сделан О. Смирницкой в германистику и историческую поэтику, а также в отечественную и международную филологическую науку в целом.

Ключевые слова: Ольга Александровна Смирницкая; германистика; историческая поэтика; переводы; редактирование; методика преподавания; личность.

Если бы потребовалось дать заглавие моей юбилейной заметке, для этой цели лучше всего подошла бы метафора: *ДУША ЖУРНАЛА*. Работа в составе редколлегии филологической серии «Вестника Московского университета» — лишь одно из направлений многогранной деятельности профессора Ольги Александровны Смирницкой на нашем факультете, но этой работе она уделяла очень много времени и сил. Ольга Александровна занималась редакторской деятельностью

Гвоздецкая Наталья Юрьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии, РГГУ, Институт филологии и истории (e-mail: ngvozd@yandex.ru; en.philol@rggu.ru); *Клобуков Евгений Васильевич* — доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: klobukov@list.ru); *Матюшина Инна Геральдовна* — доктор филологических наук, профессор, РГГУ, Институт высших гуманитарных исследований / Университет Эксетера, Факультет английского языка (e-mail: I. Matyushina@exeter.ac.uk); *Михайлова Татьяна Андреевна* — доктор филологических наук, профессор кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tamih.msu@mail.ru); *Нетунаева Ирина Михайловна* — кандидат филологических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет; *Чекалина Елена Михайловна* — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: etchl@yandex.ru; germanic@philol.msu.ru).

с любовью, неоднократно подчеркивая, как важен журнал для всей жизни факультета и для ее собственного бытия.

Символично, что Ольга Александровна пришла в редколлегию факультетского журнала в годы перестройки, когда и в университете, и в стране в целом происходили масштабные изменения, связанные, в частности, со всеобщим стремлением преодолеть бюрократические факторы, сдерживающие развитие общества. В полном соответствии со сказанным радикально изменился и состав редакционной коллегии филологической серии «Вестника». На смену заведующим кафедрами, перегруженным многочисленными административными обязанностями, в редколлегию были призваны активно работающие в науке филологи, не обремененные руководящей работой на факультете, которые и должны были сделать журнал более современным и интересным для читателя.

Я как сейчас помню первое появление Ольги Александровны на заседании обновленной редколлегии. Мы тогда еще не были знакомы, но в моем сознании уже существовало вполне определенное представление о ее личности. Я знал, что Ольга Александровна — дочь А.И. Смирницкого, одного из ведущих представителей Московской лингвистической школы, основоположников современной теории грамматики, что она является выдающимся ученым-германистом; мои коллеги, специалисты по лингвопоэтике и стиховедению, активно обсуждали ее исследования по языку древнегерманской поэзии; наконец, я слышал, что Ольга Александровна читала студентам (среди которых был в свое время и мой сын) увлекательные лекции по истории германских языков, отражающие результаты самых последних исследований лектора по каждой из рассматриваемых научных тем. Щедро делясь со студентами еще неопубликованными наблюдениями и выводами, Ольга Александровна давала своим ученикам уроки живого профессионального общения, уроки жизни и развития научного знания. Немного забегая вперед, отмечу, что и в составе редакционной коллегии «Вестника», читая поступившие в журнал статьи, Ольга Александровна так же щедро делилась с их авторами своими оригинальными соображениями по поводу осмысления языкового материала, что позволяло качественно улучшать эти статьи (о научной щедрости Ольги Александровны мне многократно говорили благодарные авторы опубликованных в журнале статей).

И вот (вернусь к описанию моего первого впечатления от непосредственного общения с Ольгой Александровной) в кабинет М.Л. Ремневой, нового главного редактора «Вестника», где уже собрались почти все члены обновленной редколлегии, входит Ольга Александровна. Входит не спеша, с приветливой и в то же время

очень значительной улыбкой, с потрясающим чувством собственного достоинства (с каким, по моим представлениям, могла бы явиться в научное собрание, например, Анна Андреевна Ахматова).

Тема человеческого и научного достоинства является ключевой в моих размышлениях о личности Ольги Александровны. Она является хранителем традиционных представлений потомственной русской интеллигенции о том, как подобает вести себя в той или иной ситуации человеку (ученому и педагогу, в частности). Читать десятки чужих статей, тратя на это время, которое было предназначено для написания собственных научных работ, находить не только недостатки научной аргументации, но порой даже фактические и стилистические ошибки — в этом, по твердому убеждению Ольги Александровны, нет ничего зазорного для нее как заместителя главного редактора одного из ведущих филологических журналов. Более того, это очень достойное занятие для крупного ученого, если он действительно любит науку вообще и данный журнал в частности. Когда несколько лет тому назад в издательстве МГУ была проведена «оптимизация», в результате которой полностью исчез обслуживающий факультеты корпус штатных издательских редакторов и корректоров, Ольга Александровна вместе с другими членами редколлегии стоически вычитывала подготовленные к печати номера журнала, чтобы статьи полностью соответствовали всем современным техническим требованиям, предъявляемым к научным публикациям, к оформлению библиографии и т.п. Не подвиг это — будучи ученым такого уровня, подобным образом бросаться на амбразуру «за други своя»! Но всё же очень жаль, что наша жизнь до сих пор так щедра на самые неожиданные «амбразуры».

Большую работу Ольга Александровна проводила с руководителями кафедр факультета, с его сотрудниками и аспирантами, благодаря чему редакционный портфель «Вестника» постоянно пополнялся новыми интересными статьями. Этот «ручеек» не иссякал ни на один день, несмотря на то что в последние годы по указанным выше причинам, связанным со структурной реорганизацией издательства, наш журнал выходил с большим опозданием. Важно, однако, подчеркнуть, что работа по подготовке номеров к печати, которую должна была проводить редколлегия журнала (в частности, ее лингвистическая секция, возглавляемая Ольгой Александровной), всегда выполнялась строго по графику. И можно только представить себе ее мысли и чувства, когда полностью готовые к печати номера журнала долгими месяцами не выходили в свет, «отбывая срок» в анналах издательства.

Я могу смело утверждать, что в последние десятилетия благодаря Ольге Александровне и другим членам редакционной коллегии

«Вестник» качественно изменился в содержательном плане, стал более информативным. С большой теплотой я вспоминаю нашу совместную работу с Ольгой Александровной в лингвистической секции редколлегии филологической серии «Вестника Московского университета». И мне искренне жаль, что Ольга Александровна по состоянию здоровья уже год как формально не числится в составе редколлегии. Но я убежден, что и сейчас профессиональные советы Ольги Александровны весьма полезны коллективу «Вестника».

Хочется пожелать Ольге Александровне долгих лет плодотворной научной жизни, новых научных открытий, новых талантливых учеников — и регулярных публикаций ее статей в нашем факультетском журнале!

Е.В. Клобуков

Более полувека посвятила Ольга Александровна Смирницкая преподавательской и научной деятельности на кафедре германской (ныне — германской и кельтской) филологии Московского государственного университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова. Свою научную жизнь она начала под руководством М.М. Гухман и Н.С. Чемоданова в рамках отечественной школы сравнительно-исторической и историко-типологической грамматики германских языков¹. Однако ее увлеченность памятниками древнегерманской словесности, зародившаяся еще при жизни ее отца, А.И. Смирницкого, выдающегося лингвиста, филолога и профессора МГУ, знатока древнеанглийской и древнескандинавской литературы, в конце концов вывела ее далеко за пределы традиционных системно-функциональных аспектов языковой диахронии, чему немало помогло ее многолетнее сотрудничество с М.И. Стеблин-Каменским, крупнейшим отечественным скандинавистом, ставшим научным редактором ее замечательных переводов с древнеисландского — «Младшей Эдды», саг об исландцах и скальдической поэзии².

¹ В 1965 г. ею была защищена кандидатская диссертация «Происхождение аналитической формы перфекта в древних германских языках», которая нашла отражение в более поздней публикации: *Смирницкая О.А.* Эволюция видо-временной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков (колл. монография). П. Категория глагола. М., 1977. С. 5–127.

² Младшая Эдда / Изд. подг. О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. Л., 1970; Сага о Гисли. О Торстейне Битом. Сага о Храфнкеле Годи Фрейра. Сага о Хёрде и островитянах // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973; Сага о Греттире / Изд. подг. О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. Новосибирск, 1976; Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подг. А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980; Сага о Сверрире / Изд. подг. М.И. Стеблин-Каменский, А.Я. Гуревич, О.А. Смирницкая. М., 1988; ср. также: Корни Иггдрасиля / Сост. и отв. ред. О.А. Смирницкая. М.: Терра, 1997; Исландские саги: [В 2 т.] / Под общ. ред. О.А. Смирницкой; вступ. ст. М.И. Стеблин-Каменского. СПб, 1999.

Научные исследования О.А. Смирницкой охватывают практически все известные древнегерманские языки, но особенно близки ей языки и литература тех народов, чье местоположение отразилось в кратком и емком названии альманаха, который уже более двадцати лет издается на филологическом факультете МГУ под ее научным руководством — «Атлантика. Записки по исторической поэтике. Вып. 1–14». Именно «островная» цивилизация Исландии и Британских островов предоставляет удивительно разнообразный материал, давший возможность объединить германистов, кельтологов, индоевропеистов и даже филологов иных направлений в творческий союз (в котором нашла себе законное место и словесная культура кельтской Ирландии). Союз этот постепенно вырастал на благодатной почве долголетних преподавательских трудов Ольги Александровны, чьи лекции, семинары и научные консультации всегда пробуждали и пробуждают в слушателях высокий творческий подъем, не позволяя им далее замыкаться в рамках какой-либо научной «школы», заставляя искать и утверждать собственные пути в науке.

Глубокий интерес Ольги Александровны к древнегерманскому (в частности, англосаксонскому) поэтическому творчеству привел ее не только к собственным переводам поэзии скальдов или изданию русских переводов древне- и среднеанглийской поэзии (в том числе в тесном сотрудничестве с известным переводчиком В.Г. Тихомировым)³, но и к созданию новой и оригинальной концепции древнегерманского аллитерационного стиха, защищенной в качестве докторской диссертации и изданной в виде отдельной монографии⁴. Следует заметить, что «стиховедческий поворот» в ее исследованиях означал не отказ от лингвистического анализа, а новый взгляд на проблемы сравнительно-исторической реконструкции, поскольку «канонизация аллитерационного стиха», согласно ее концепции, «должна была иметь своей необходимой стороной трансформацию общего языка в особый поэтический язык, обладающий новыми семантическими возможностями»⁵. Точно так же и обращение к литературному сознанию средневековой Англии и Исландии⁶ никогда не отвлекало ее от проблем *слова* как основной

³ Древнеанглийская поэзия / Изд. подг. О.А. Смирницкая, В.Г. Тихомиров. М., 1982. 320 с.; Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь: [сб. средневековых англ. поэм] / Пер. со среднеангл. Н. Резниковой и В. Тихомирова [общ. ред. О.А. Смирницкой]. М., 2006. 320 с.

⁴ См.: Смирницкая О.А. Стих и язык древнегерманской поэзии. Т. 1–2. М., 1994. 484 с.; см. также: Смирницкая О.А. Древнегерманская поэзия: Каноны и толкования. М., 2005. 176 с.

⁵ Смирницкая О.А. Стих и язык древнегерманской поэзии... С. 6.

⁶ Ср.: Смирницкая О.А. Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия... С. 131–232; Она же. Литературное сознание исландцев XII–XIII вв. и проблема становления жанровых форм // Проблема жанра в литературе средневековья. Вып. 1. РАН ИМЛИ. М., 1994. С. 108–137.

единицы языка и речи. Исследование литературной специфики материала не является для нее самоцелью, а позволяет глубже проникнуть в условия бытования древнего слова, которые приводят к новым и подчас неожиданным выводам лингвистического плана. Однако и лингвистические проблемы никогда не занимают ее сами по себе, в отрыве от порождающих их памятников словесности, но, находя в последних свое оправдание и разрешение, в конечном итоге служат их новому литературному прочтению.

В центре исследований О.А. Смирницкой чаще всего оказывается взаимосвязь стиха и языка в древнегерманских памятниках аллитерационной поэзии. Однако сама она замечает: «Историческая поэтика... не означает замыкания в сфере поэтического языка. Памятник — это тот единственный источник, из которого мы черпаем сравнительно-историческую информацию о языке, что обязывает лингвиста к пониманию собственной природы этого источника, т.е. к использованию его данных не как готового лингвистического факта, а сообразно условиям их существования в традиции»⁷. «Готовый факт», который исследователь может извлечь из текста якобы безболезненно для целей анализа, оказывается фикцией. Таким образом, меняется сам смысл реконструкции — реконструировать надо не просто факты праязыка, но прежде всего особенности поэтики памятника и текстуальные механизмы, которые могли содействовать консервации искомым фактов. О.А. Смирницкой представляется проблематичной сама возможность спроецировать поэтизмы в такое гипотетическое состояние праязыка, для которого они еще не были поэтизмами: «Мы все более осознаем значение того факта, что сведения о дописьменном языковом прошлом достигают нас по каналам, сформированным тысячелетней работой традиции. Поэтический язык открывается нам не как хранилище общеязыковых архаизмов, а как... действующая система. <...> Архаизмы не вымываются из ее [песни] языка, но и не превращаются в окаменелости: они находят свое... место в этой иерархической системе и мотивируются ею»⁸. Эта мысль иллюстрируется на примере категоризации атрибутов в одной из самых древних и каноничных песен «Старшей Эдды» — «Песни об Атли». Употребление атрибутов здесь — это тончайшая, иерархическая система, которая дает ключ к пониманию содержания всей песни. Дифференциация сильного и слабого прилагательного в ней «служит выражению ценностей героического мира, в ней утверждаемых»⁹.

⁷ Смирницкая О.А. Избранные статьи по германской филологии. М., 2008. С. 10.

⁸ Там же. С. 49.

⁹ Там же. С. 50.

Начав с грамматики, О.А. Смирницкая посвящает значительную часть своих исследований центральному, лексическому уровню языка. Спектр ее интересов чрезвычайно широк — это и поэтические синонимы, и мифологическая номинация (в том числе имена собственные скандинавских богов), и наименования космологических объектов — моря и огня — в мифе и языке, и слова культуры как предмет этимологического анализа, и многое другое. Наконец, следует отметить, что пристальное внимание к *языку* памятника никогда не уводит О.А. Смирницкую от *текста* как альфы и омеги всякого филологического исследования. Ее стремление уловить семантические и грамматические схождения слов всегда направлено на интерпретацию конкретных памятников. «Я исхожу из того, — пишет она, — что понимание текста, адекватное его назначению в архаическом обществе, может быть скорее достигнуто не через изучение его “широкого контекста”... а изнутри — путем углубления в особенности его языка <...> Чем сложнее текст, тем большее значение приобретает метод, причем такой метод, который не постулируется а priori, а, так сказать, “вычитывается” из текста»¹⁰. А ее излюбленный метод анализа текста — так называемое медленное чтение¹¹. Лучшей иллюстрацией служит здесь ее реконструкция ритуала пира в древнеанглийском эпосе: «Перед аудиторией разворачивается монументальная картина, образ незыблемости миропорядка и классический образец так называемого субстантивного стиля. И если есть в этих эпизодах внутреннее движение, то оно определяется не столько ритуальными проходами (конунг вступает в пиршественный зал, воины рассаживаются по лавам, королева обходит всех по старшинству и подносит медовые чаши), сколько средствами поэтического языка — взаимопритяжением созвучных слов»¹². Данный подход к языку и тексту интересен не только для исследователя древних памятников. Изучение устойчивых связей между словами в поэтическом тексте позволяет предугадывать некоторые возможные направления развития национальных поэтических традиций¹³.

Встреча с Ольгой Александровной — это не просто встреча с Учителем (сколь бы возвышенные смыслы ни вкладывать в это слово), но и встреча с Человеком как наследником традиций, не обязательно специальных, филологических, но и традиций отечественной культуры, восходящих к незапамятным и незабываемым временам Серебряного века. Традиций полной самоотдачи науч-

¹⁰ Там же. С. 9.

¹¹ Там же. С. 161.

¹² Там же. С. 106–107.

¹³ Ср. *Попова И.Ю.* «Луна, как бледное пятно»: лингвистика и поэтика традиции // Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика (К дню рождения О.А. Смирницкой): Сб. научных статей. М., 2008. С. 370–376.

ному творчеству, традиций кристальной честности и искренности в научном общении, традиций бескомпромиссного отстаивания истины, и, наконец, традиций бесконечного интереса к личности собеседника, которому Ольга Александровна всегда готова отдать свой научный и человеческий опыт. Искренняя благодарность Вам, дорогая Ольга Александровна, и пожелания здоровья и сил на Вашем простом пути!

Н.Ю. Гвоздецкая

Научные труды Ольги Александровны Смирницкой высоко оценены учеными многих стран мира. Ее исследования в области морфологии германских языков, исторической поэтики, теории и истории германского стихосложения, упоминаются и на европейских конференциях, и в сборниках, опубликованных в Англии, Германии, Дании, Швеции, Норвегии, Исландии. Международную известность получило созданное Ольгой Александровной направление в исторической поэтике, в котором древнегерманский стих рассматривается как источник лингвистической информации и как инструмент системной реорганизации языка в высоких формах его существования. Филологи и историки в Европе и за ее пределами откликаются на ее научные труды, продолжая те направления исследований, которые были ею впервые сформулированы.

Многие поколения студентов воспитывались на курсах лекций Ольги Александровны по истории английского языка, сравнительной грамматике германских языков, введению в германскую филологию, эволюции рунического письма, синтаксису древнеисландского языка, метрике аллитерационного стиха, готскому переводу Библии. Все, кому выпала радость учиться у Ольги Александровны, на всю жизнь сохраняют не только интерес к германистике и полученные от нее знания, но и ощущение внутренней свободы, приподнятости над обыденным, которое они впервые испытали на ее лекциях, и передадут его своим ученикам.

Научное исследование и преподавание в университете составляют для Ольги Александровны единый процесс: одно не существует без другого. Когда Ольга Александровна писала главу об эволюции видо-временной системы германских языков для «Историко-типологической морфологии германских языков», она руководила спецсеминаром, посвященным развитию видо-временных форм глагола в истории английского языка, в котором, кроме студентов 3 и 4 курсов, участвовали аспиранты, преподаватели и авторы новых научных трудов (одно из ярких воспоминаний — обсуждение книги В.Я. Плоткина с участием автора). В ходе этих занятий и обсуждений рождались и наши курсовые и дипломные работы. Ольга

Александровна нас научила, что нет науки, отдельной для студента и взрослого ученого-исследователя, а есть «просто» Наука.

Занятия готским языком, германской филологией, скандинавистикой, историей английского языка стали для нас нравственным уроком трепетного отношения к памятникам письменности, понимания их особого и необходимого места в нашей жизни и величия их создателей. Мы научились любить готский текст Библии и как памятник языка, и как совершенный перевод, а создателя перевода — как человека большого таланта и великого духовного подвига. Статьи Ольги Александровны содержат в себе тот же урок и начинают новую страницу в исследовании готского текста, древнеанглийских и древнеисландских памятников.

В 1976 г. Ольга Александровна организовала исследовательскую группу по изучению древнегерманских памятников, участником которой мне посчастливилось быть. Вместе читая «Беовульфа» и песни «Старшей Эдды», мы чувствовали, что принимаем участие в познании сокровытого, получая от средневековых текстов ответы на вопросы, которых никто раньше никогда не задавал. Ольга Александровна никогда не навязывала нам своих взглядов, терпеливо выслушивая наши невнятные объяснения, пытаясь разглядеть то важное, что нам не всегда удавалось понять самим. Трудно сказать, что было более захватывающим в нашей совместной работе — первая ли встреча с памятниками, которые до сих пор остаются для всех нас в числе самых любимых, или участие в филигранном филологическом анализе, которому подвергала их Ольга Александровна. Занятия с ней приносили огромную радость, ощущение сотворчества с самым выдающимся филологом-германистом нашего времени.

Древнеисландские памятники («Младшая Эдда», поэзия скальдов, «Сага о Гисли», «Сага о Греттире», «Сага о Сверрире») в переводах Ольги Александровны известны всем. Однако не все знают, сколько труда вложено Ольгой Александровной в редактирование переводов «Круга Земного», которым она занималась многие месяцы, сличая тексты с подлинником, выправляя неудачные обороты, уточняя каждую фразу, приближая ее смысл к тому, что написал Снорри. Переведенные Ольгой Александровной скальдические драпы и отдельные висы превосходно передают не только смысл, но и звукопись древнеисландского стиха. Скальдическое мастерство оказалось Ольге Александровне настолько сродни, что она сама стала скальдом, мастерски сочиняющим висы на родном языке.

Ольга Александровна не жалела времени, посвящая студентов в тайны мастерства перевода, в совершенстве ею освоенном. Поручив нам переводить древнеанглийские поэтические памятники, она с безграничным терпением правила неумелые подстрочники,

на наших глазах подбирая аллитерации, уточняя рифмы, постигая смысловые глубины созвучий. Мы встречались каждую неделю и обсуждали каждое слово, каждый звук, каждое ударение в строке, пытаясь найти эквивалент древнеанглийскому оригиналу. За первым текстом, который выбрала для перевода Ольга Александровна, «Книгой Бытия», последовало «Видение Креста», а затем и героические песни, и с каждым памятником все более точным становился тот эквивалент древнеанглийского поэтического стиля, который создавала Ольга Александровна. Эта совместная работа, в которой принимал участие блестящий поэт и переводчик Владимир Георгиевич Тихомиров, продолжалась не один год и помогла нам не только овладеть древнеанглийским языком, но и самим решиться на поэтический перевод. Мы знаем теперь, что самое невозможное для научного руководителя — это научить студента творчеству. Именно этому стремилась научить нас Ольга Александровна, и за это мы ей навсегда благодарны.

И.Г. Матюшина, И.М. Нетунаева

Ольга Александровна вела на втором курсе в нашей шведской группе занятия готским и древнеисландским, а на третьем читала лекции по истории шведского языка, и тогда же объявила спецкурс и спецсеминар об аналитических формах глагола. Шведская группа была небольшой, и в ее семинар нас пришло трое, а к пятому курсу, когда надо было писать диплом, осталась я одна. Темой моего диплома стало выражение будущего времени в шведском и английском языках, и на его материале была написана моя первая научная статья, опубликованная в разделе «Из студенческих работ» Вестника Московского университета¹⁴.

Сама Ольга Александровна в то время защитила кандидатскую диссертацию об эволюции перфекта, где скандинавский материал был представлен древнеисландским, и (как я поняла значительно позже) участвовала в коллективной монографии об историко-типологической морфологии германских языков, которая начинала тогда готовиться в Институте языкознания. Ею была написана глава об эволюции видо-временной системы в германских языках, открывающая посвященный категориям глагола том¹⁵.

В моем понимании система и эволюция стали ключевыми словами не только в этой и других работах Ольги Александровны о

¹⁴ Чекалина Е.М. Будущее время в шведском и английском языках // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1971. № 1.

¹⁵ Смирницкая О.А. Эволюция видо-временной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М., 1977.

грамматике германского глагола, но в ее общем взгляде на язык в историческом развитии и в динамике синхронии.

В лекциях и на семинарских занятиях Ольги Александровны меня сразу привлекла прозрачная (как ее удивительные глаза редкого, как нам тогда казалось, изумрудного цвета) понятность и простота объяснений, казалось бы, самого сложного и загадочного материала, унаследованная ею от отца. Мне не довелось слышать лекции Александра Ивановича, но воспоминания о нем, перечитываемые много раз статьи и книги с его портретом, составленные учениками по лекционным курсам разных лет, надеюсь, оправдывают мою смелость сказать эти слова о них обоих.

Хотя под руководством Ольги Александровны мною была написана только дипломная работа, она всегда была и остается моим научным руководителем. Ольга Александровна стала первым читателем двух моих диссертаций о шведском глаголе¹⁶, тонко понимающим не только обсуждаемые на материале шведского глагола проблемы, но и мятущееся состояние души нередко сомневающегося в правильности их решений автора. Уроками высокого ремесла всегда были и остаются для меня и ее устные выступления и лекции, и написанные ею в различных жанрах тексты. Блестяще владея искусством научной риторики, опирающейся на строгую теорию и достоверность языковых фактов, в своих печатных работах Ольга Александровна всегда следует принципу, что просторно должно быть мыслям, а не словам.

Должна признаться, что Ольга Александровна, которую на факультете всегда считали очень строгим преподавателем, никогда не казалась мне такой. При обсуждении написанного мною, в том числе (к сожалению, немногого) для филологического Вестника, которому она щедро и искренне отдавала много времени и творческих сил, продолжая дело Николая Сергеевича Чемоданова, за деликатностью легкого штриха ее замечаний, как будто прорисованных пером художника, всегда сразу была понятна суть вопроса и видно понимание проблемы.

Поражает одновременно и широта, и глубина ее владения наукой и искусством филологии, увлеченность и как будто данная от природы при рождении погруженность в идеи и образы мира германцев, облеченные в самую разную языковую форму, всегда подвластную ей и при безусловно точном научном анализе, и в безусловно художественных переводах.

¹⁶ Чекалина Е.М. Форма и функция залоговых конструкций в современном шведском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1972; Система форм и категории шведского глагола: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1993.

Дорогая Ольга Александровна! На подаренном мне экземпляре книги об Александре Ивановиче Смирницком¹⁷ Вы написали о том, что прошлое никуда не уходит, а навсегда остается с нами ...

Поздравляя Вас со славным юбилеем, я с радостью вспоминаю то далекое и светлое время, когда началась моя встреча с Вами, и хочу лишь повторить эти Ваши слова...

Е.М. Чекалина

Как познакомилась с Ольгой Александровной, я помню очень хорошо. Но знакомством это назвать трудно: скорее — первое соприкосновение, первая встреча. Меня она тогда, я думаю, вообще не запомнила. Я училась в аспирантуре на кафедре истории зарубежной литературы, и уже в конце обучения, узнав, что скоро выйдет из печати том «Древнеанглийской поэзии», договорилась с журналом «Литературное обозрение» о рецензии. Но книга еще не вышла, и я хотела писать свой текст по так называемым чистым листам (так тогда, в докомпьютерные времена, называлась последняя корректура). Я знала, что Ольга Александровна работает где-то этажом выше, на германской кафедре, стала заходить туда, но каждый раз ее не заставала. Потом моя однокурсница Инна Матюшина, которая была ученицей Ольги Александровны, вызвалась мне помочь. Она сказала, что договорилась, что «чистые листы» я смогу получить в день чтений памяти Александра Ивановича Смирницкого, если приду пораньше в аудиторию 1060. Я пришла пораньше. Там стояли портреты, цветы, были выставлены какие-то книги, и я сразу поняла, что оказалась в каком-то совершенно новом, незнакомом для меня мире. Инна подвела меня к женщине, стоявшей к нам спиной и сказала: «Вот, это Таня, я вам о ней говорила». Та резко повернулась и улыбнулась мне яркой, но странной, неестественной улыбкой. «Вот» — и она протянула мне пачку бумаги. Я почему-то страшно смутилась, пробормотала слова благодарности и поспешила уйти. Не знаю, чего я тогда испугалась, от чего так смутилась. Наверное, от слишком яркого впечатления: меня потрясла даже не красота лица этой женщины, а общий облик, образ, который, казалось, весь светился... Я тогда не подозревала, что судьба моя уже совсем скоро резко повернется и мне случится, или, говоря более откровенно, мне повезет оказаться среди сотрудников этой кафедры, я окажусь именно в этом сказочном мире и буду работать вместе с этим удивительным человеком, Ольгой Александровной Смирницкой. Более того, мы станем отчасти близки и по-своему дружны, и длится эта дружба вот уже тридцать пять лет.

¹⁷ *Смирницкая О.А.* Александр Иванович Смирницкий / Филология XX века в библиографиях. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.

Когда осенью 1983 г. по инициативе Н.С. Чемоданова на германскую кафедру был взят молодой сотрудник, занимающийся кельтскими языками (как контактными, всего лишь), основной коллектив принял его (то есть — меня) настороженно и держался отчужденно. Мне и самой было как-то страшновато и непривычно. И дело было не только в том, что на кафедре занимались совершенно неизвестными мне древними германскими и современными скандинавскими языками, и даже не в том, что фокус их восприятия, мне, литературоведу по образованию, был совершенно нов. Меня поразила новая атмосфера: все было неожиданно всерьез. К такому я не привыкла. И человеком, который смог постепенно, незаметно для себя, как я думаю, но неоценимо для меня, ввести в этот новый мир меня, оказалась именно Ольга Александровна. Когда мы встретились снова, уже как бы на новых основаниях, я, конечно же, напомнила ей о тех «чистых листах» и сказала, что рецензия уже вышла. К моему удивлению, она не проявила к этому известию никакого интереса и лишь рассеянно улыбнулась все той же странной улыбкой. Улыбкой-маской, улыбкой-обличьем, за которой, как я поняла уже потом, скрывала она свою настоящую личность, ключ к которой я не сумела подобрать и теперь. Так и не попросив у меня журнала с моей жалкой рецензией, она предложила мне посещать занятия ее семинара и ходить на ее лекции. А почему не попросила? Думаю, не хотела портить себе впечатление от меня — новой для нее, еще юной и наивной, но той, в ком сама Ольга Александровна сумела увидеть ростки чего-то, чего тогда еще, наверное, и не было.

Семинары Ольги Александровны и лекции ее спецкурса и древнегерманской поэзии дали мне очень много. В первую очередь я много нового для себя просто узнала. Но важнее было другое: ее умение ставить древнегерманский поэтический текст в обрамление стиха в целом, стиха как формы воплощения языка и мышления. И, конечно, русская поэзия на семинарах постоянно упоминалась и звучала. Это стало для меня обучением ремеслу, и уроки эти я стараюсь не забывать. Примерно тогда же я вдруг встретила Ольгу Александровну в читальном зале библиотеки Иностранной литературы. Она сидела, обложив себя книгами, делала выписки, меня она заметила не сразу. Признаюсь, эта встреча меня тогда просто потрясла: как и что может читать и узнавать для себя что-то новое человек, который и так уже знает все?! Я подошла и спросила: а что Вы здесь делаете? Она спокойно ответила: к лекции готовлюсь. Мне показалось тогда, что я случайно увидела что-то не совсем даже приличное, будто вдруг театральный занавес открылся раньше, и все зрители увидели, как на сцене расставляют декорации, а актеры заучивают свои реплики. Она, видимо, поняла мои чувства

и спокойно сказала: к каждой лекции надо обязательно готовиться заново, тогда внутри тебя закручивается пружина, и сама потом начинает раскручиваться во время занятия. Эти слова «о пружине» я запомнила навсегда.

Так сложилось, что непосредственной ученицей Ольги Александровны я никогда не была, но уже с самого начала оказалась в положении ее младшей коллеги. Поэтому, наверное, Ольга Александровна была со мной, в общем, относительно мягкой. Но бывала она и жесткой, даже — временами жестокой, причем жестокой — всегда справедливо. Халтуры, небрежности, несерьезного отношения к работе она не переносила и не прощала. Помню, как она тихо, но твердо сказала студентке по имени Галя (фамилии, честно, уже не помню): «Я прочла ваш текст. Отныне все, что вы напишете, будет для меня не существующим». Галя потом плакала, но диплом все-таки осталась писать у Ольги Александровны.

В начале я лишь наблюдала, запоминала, восхищалась и понимала, что это — не образец для подражания, потому что такой стать нельзя, такими — рождаются, и как я поняла позднее, такими — становятся, пройдя очень нелегкую юность. Но постепенно из подмастерья я превращалась в глазах Ольги Александровны действительно в коллегу, и она стала доверять мне иногда выступать на ее семинарах, а потом даже пригласила принять участие как одного из авторов в коллективной монографии «Эпос Северной Европы: пути эволюции». Кроме самой О.А. Смирницкой, в ее подготовке принимали участие Инна Матюшина и, увы, недавно безвременно ушедшая от нас Елена Гуревич. И вновь не могу не поделиться воспоминанием: еще даже не сам текст, а только план работы долго и серьезно обсуждался на кафедре, нам давали советы, задавали вопросы, и было видно, что все это совсем не «формальность». Именно эта серьезность обсуждения, в начале казавшегося мне даже и не очень нужным, отличала коллектив кафедры в целом и давала каждому ощущение уверенности в себе и собственной значимости. И было это замечательно. А сами тексты мы обсуждали уже в более узком кругу, и вот тогда я впервые была приглашена к Ольге Александровне домой. Потом я бывала у нее не один раз, но не так много, как, наверное, мне хотелось бы. Каждый мой приход был своего рода событием, ритуалом, начинавшимся традиционным чаепитием, а затем переходившим в обсуждение какого-то очередного важного вопроса. После лет десяти знакомства Ольга Александровна стала добавлять к этому третью часть: она рассказывала что-то о себе. И это были удивительные рассказы и по форме, и по содержанию.

Но самые главные, самые важные уроки получила я от Ольги Александровны как от редактора. Вначале речь шла о моих статьях. Она читала их внимательно, делая на полях множество замечаний

красивым, но очень мелким, не всегда даже полностью понятным почерком. Потом мы подолгу обсуждали текст. «Вот вы в конце подготовили для читателя маленькую бомбу, но так много лишнего написали вначале, что когда раздастся взрыв, его почти никто и не услышит», — сказала она мне однажды. Поразительно верно, точно, жестко, но справедливо сказано. Потом мы стали вместе издавать журнал «Атлантика. Записки по исторической поэтике», который родился из наших ежегодных семинаров по исторической поэтике и который Ольга Александровна сама задумала, распланировала по рубрикам и даже сама нарисовала к нему обложку. Ольга Александровна читала каждый представленный в очередной номер материал, делала замечания, потом читала новый вариант. Некоторые статьи так и не доходили до публикации, потому что их уровень, по ее мнению, все еще не дотягивал до мысленно заданной ею научной планки.

Трудно остановиться. Но надо как-то и заканчивать. Вспомню лишь один, относительно недавний, эпизод из нашего общения. Я написала для «Вестника МГУ» статью о кельто-германских параллелях в семантической деривации понятия «муж, хозяин дома». Моя приятельница тоже, кстати, филолог, которая живет с Ольгой Александровной в одном доме, сказала мне: ну когда же ты к нам придешь в гости? Я ответила: вот, я написала статью про слово *husbondi* и отнесу ее Ольге Александровне Смирницкой, а потом могу и к вам заскочить. Моя знакомая удивленно на меня посмотрела: ты хочешь сказать, что распечатаешь текст сама и физически принесешь его ей, не пошлешь по электронной почте? Да, — ответила я, — именно так, она потом будет подчеркивать в нем и делать замечания на полях. Та помолчала и сказала: да, именно так и надо, это именно то, что и должно быть, я понимаю. И так и было, мы пили чай, обсуждали мой текст, а к моим знакомым я в тот вечер так и не попала.

Т.А. Михайлова

**Natalya Gvozdetskaya, Evgenij Klobukov, Inna Matyushina,
Tatyana Mikhailova, Irina Netunayeva, Elena Chekalina**

CELEBRATING OLGA SMIRNITSKAYA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This publication is a collection of five essays celebrating the professional jubilee of Olga Smirnitskaya. In outlining the range of her scholarly views, her disciples and colleagues attempt both to convey the deeply enriching experience of

working with Olga Smirnitskaya and to survey her many important contributions to research on Germanic languages and literary traditions, especially historical poetics, comparative grammar, Old Norse philology, and the history and theory of medieval versification. Olga Smirnitskaya's theory of historical poetics which views alliterative verse as a source of linguistic information and an instrument for the systematic reorganisation of language, has long been internationally acclaimed. O. Smirnitskaya's research is greatly valued by scholars all over the world, who continue to acknowledge it and who elaborate on it in their own research. O. Smirnitskaya's achievements include not only substantial and lasting contributions to the scholarly advancement of learning, but also the inspiration of hundreds of students whom she has imbued with an enlightened enthusiasm for her own subjects and for learning in general. Her courses of lectures and seminars, ranging from the history of the English language to the evolution of runic script, from the introduction to Germanic philology to the Gothic translation of the Bible have always been for her students not only as instruction but also as professional and ethical lessons in respect for medieval texts, enabling them to understand and feel the greatness of their creators. Her articles awaken the same feelings. In addition to her talents as a researcher and instructor, Olga Smirnitskaya is widely known as a translator of the *Snorra Edda*, Old Norse sagas and skaldic poetry, where she has succeeded in unique linguistic experiments, creating new analogues to Old Norse verse in the medium of her native language.

Key words: Olga Smirnitskaya; Germanic studies; historical poetics; translations; work as an editor; lectures; personality.

About the authors: *Natalya Gvozdetskaya* — Doctor of Philology, Professor, Russian State University for the Humanities, Institute of Philology and History, Head of the Department of English Philology (e-mail: ngvozd@yandex.ru, en.philol@rggu.ru); *Evgenij Klobukov* — Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: klobukov@list.ru); *Inna Matyushina* — Doctor of Philology, Professor, Russian State University in the Humanities, Institute of Advanced Studies of Humanities / University of Exeter English Department (e-mail: I. Matyushina@exeter.ac.uk); *Tatyana Mikhailova* — Doctor of Philology, Professor of Department of Germanic and Celtic Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tamih.msu@mail.ru) *Irina Netunayeva* — Doctor of Philology, Assistant Professor, Northern (Arctic) Federal University (e-mail: netunayeva@mail.ru); *Elena Chekalina* — Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Germanic and Celtic Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: etch1@yandex.ru, germanic@philol.msu.ru).

**Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале
«Вестник Московского университета.
Серия 9. Филология» в 2018 г.**

Статьи

<i>Антошина Д.В.</i> Опыт систематизации терминов в лексической семантике, связанных с понятием импликация	4	49
<i>Берсенева Н.С., Гвишиани Н.Б.</i> Дискурсивные особенности словообразовательных стратегий в переводе терминологических единиц	5	65
<i>Би Цзюньжу.</i> Традиционное и новаторское в образах Матрены из рассказа «Матренин двор» А.И. Солженицына и Тamarы Ивановны из повести «Дочь Ивана, мать Ивана» В.Г. Распутина	4	178
<i>Боброва О.Б.</i> К вопросу о роли когнитивной, языковой и индивидуально-авторской метафоры в описании языковой картины мира (на примере языковых метафор АБСТРАКЦИЯ-ПРЕДМЕТ в тексте «Ταξιδεύοντας. Σίνα» Никоса Казандзакиса)	2	73
<i>Борисова Е.Г.</i> Управление пониманием. Языковые единицы, регулирующие понимание сообщения	6	34
<i>Воробьева О.Л.</i> А. Мей в редакции журнала «Русское слово»	4	144
<i>Галинская Е.А.</i> К истории звуков древнерусского языка	4	7
<i>Ганина Н.А.</i> «Deutsche Mythologie» Якоба Гримма как памятник германистической мысли	5	9
<i>Голубцова А.В.</i> Итальянская литература рубежа XIX—XX вв. между классицизмом и романтизмом	5	97
<i>Гимадеев И.Р.</i> О происхождении и развитии слов <i>κόλληξ</i> и <i>collura</i>	3	73
<i>Гуревич Д.Л.</i> Метафоричность в семантике индихенизма в португальском языке Бразилии	3	9
<i>Гуревич Д.Л., Жолудева Л.И.</i> Семантические аспекты вариативной прономинальности португальских и итальянских непереходных глаголов	5	30
<i>Давыдова К.В.</i> Повесть о художнике в романе Н. Греча «Черная женщина»	4	134
<i>Дедова О.В., Григорьева П.В.</i> Игровое словообразование в современном русском языке	5	49
<i>Дулина А.В.</i> Телесное в прозе Г. Мелвилла (новеллы 1850-х годов)	3	128
<i>Жолудева Л.И.</i> Средства выражения деонтической модальности в итальянском языке XVI в.: <i>dovere</i> и <i>avere da/a</i>	3	25
<i>Жуйкова Е.</i> Народная точка зрения на события Первой мировой войны в эпосе А.И. Солженицына «Красное Колесо»	4	187
<i>Забудская Я.Л.</i> Античные истоки пятиактного деления драмы	1	74
<i>Инькова О.Ю.</i> <i>Кстати и между прочим:</i> такие близкие и такие далекие	6	51
<i>Киселоте И.</i> «Бедные люди» Ф.М. Достоевского: исчезнувшие «мысли о его превосходительстве»	6	110
<i>Коришнуова Е.А.</i> С.Н. Дурьлин о М. Горьком	5	86
<i>Косарик М.А.</i> Актуальность традиционных проблем изучения романских языков	6	9
<i>Кофман А.Ф.</i> Латиноамериканский негрим: обретение собственных смыслов	3	86
<i>Крейчи С.А., Кривнова О.Ф., Тихонова Е.А.</i> Слоговые контрасты как фактор помехоустойчивости и разборчивости речи в шуме	1	9
<i>Летучий А.Б.</i> Есть ли в русском языке синтетические подлежащие?	4	25
<i>Лукашевич Н.В., Герасимова А.А.</i> Определение устойчивых словосочетаний методом ассоциативного эксперимента	1	23

<i>Ма Мэнфэй.</i> Глаголы <i>подтрунивать, подиучивать, подсмеиваться</i> : семантические различия в современном русском языке	4	67
<i>Макартецкая Ю.</i> Проблема эстетизма в творчестве У. Пейтера («Очерки по истории Ренессанса»)	4	160
<i>Москин Г.В.</i> Четыре портрета (эволюция словесного портрета романного героя М.Ю. Лермонтова — лермонтовского человека)	2	61
<i>Мухортов Д.С., Цзи Сяосяо.</i> Metaphor Clustering in American Presidential Inaugurals: From George H.W. Bush to Donald Trump	3	39
<i>Нефедова Е.А.</i> Архангельский областной словарь как источник этнолингвистической информации	6	66
<i>Николенкова Н.В.</i> Переводческая деятельность в Московском Чудовом монастыре: новые данные о кружке Епифания Славинецкого	6	77
<i>Новикова Н.К.</i> Цикл монологов Роберта Браунинга «Кольцо и книга»: жанровое своеобразие и философия творчества	3	101
<i>Оболенская Ю.Л., Шевелева А.Ю.</i> Актуальные тенденции испанского языкознания	2	9
<i>Панова О.Ю.</i> Реальность и художественный вымысел: дядя Том и его прототип	6	117
<i>Родина М.А.</i> Мотив утраты невинности в романах Э. Боуэн	4	170
<i>Савельев В.С.</i> Функции обращений в прямой речи героев «Повести временных лет» (статья 1)	1	43
<i>Савельев В.С.</i> Функции обращений в прямой речи героев «Повести временных лет» (статья 2)	2	35
<i>Сасова Е.А.</i> «Ведь я германец»: к вопросу о космополитизме Ф.М. Гримма	5	116
<i>Синило Г.В.</i> Песнь песней как архетекст поэзии Ангелуса Силезиуса	4	92
<i>Скальная Ю.А.</i> Египетская мифология в пьесе «Цезарь и Клеопатра» Б. Шоу: взаимодействие текста и контекста	3	116
<i>Соколова В.М.</i> Магия повествовательной журналистики Габриэля Гарсия Маркеса	1	85
<i>Спиваковский П.Е.</i> Метамоде́рнизм: контуры глубины	4	196
<i>Толмачёв В.М.</i> Байрон и Наполеон: опыт интерпретации творческой биографии Байрона и поэмы «Паломничество Чайльд Гарольда»)	6	92
<i>Уракова А.П.</i> Изображение смерти и вечной жизни в американском сентиментальном романе XIX века («Широкий, широкий мир» С. Уорнер и «Приотворенные врата» Э. Стюарт Фелпс)	2	99
<i>Чеснокова Т.Г.</i> «Ревнивая жена» Дж. Колмана Старшего: драматургическая обработка «Истории Тома Джонса» и ее место в истории английской «веселой» комедии	4	117
<i>Чжао Цзяи.</i> Формальная адаптация заимствований в русском и китайском языках	4	78
<i>Чумаченко Е.И.</i> «Московские книги» в петербургском журнале «Современник»	5	76
<i>Шэнь Ян.</i> Иероглиф «чинарей» и китайский иероглиф Западносибирская лингвистическая школа социально-когнитивных исследований русского языка	6	131
<i>Голев Н.Д., Иркова А.В.</i> Становление юридического термина как процесс юридизации общенародного слова (дискурсивно-семантический анализ лексем с корнями <i>-чест-</i> и <i>-добр-</i>)	4	212
К 80-летию В.С. Высоцкого		
<i>Гавриков В.А.</i> Какие песни чаще всего пел Высоцкий? А также о восприятии творчества поэта в современной России	2	93
<i>Жукова Е.И.</i> Зарифмованная Москва Владимира Высоцкого	2	107
<i>Кормилов С.И.</i> «Про дикого вепря» как квинтэссенция песенного творчества Высоцкого	2	112

К 200-летию И.С. Тургенева

<i>Беляева И.А.</i> Об одном нереализованном замысле И.С. Тургенева: на пути от «старой манеры» к «новой»	6	163
<i>Кормилов С.И.</i> Социальное положение персонажей в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети»	5	126
<i>Ничипоров И.Б.</i> Статьи о творчестве И.С. Тургенева в контексте литературно-критической прозы И. Анненского	5	144
<i>Трофимова Т.Б.</i> «Вы рассказываете детям сказку или повесть...»: Рассказ «Маленький герой» Ф.М. Достоевского и повесть «Первая любовь» И.С. Тургенева	6	190

К 125-летию В.В. Маяковского

<i>Пулаки П.</i> Творчество Владимира Маяковского в литературе и литературоведении Ирана	5	168
<i>Швец А.В.</i> Маяковский в международном пространстве: между искусством вещей и искусством перформанса	5	152

К 100-летию А.И. Солженицына

<i>Голубков М.М.</i> М. Горький и А. Солженицын: в литературном пространстве юбилейного года	6	141
<i>Ранчин А.М.</i> К вопросу о литературных подтекстах и о полемике в «Матрёнинном дворе»	6	154

К 150-летию М. Горького

<i>Колобаева Л.А.</i> И. Анненский о М. Горьком	3	140
<i>Михайлова М.В.</i> Символический код драматургии М. Горького (пьеса «Фальшивая монета»)	3	152

Критика и библиография

<i>Кульпина В.Г., Татаринов В.А.</i> Рецензия на кн.: W a w r z y ć z y k J., W i e r z c h o ń P. 300 tysięcy polskich słów: Indeks a fronte. Poznań: DM Sorus, 2016. 1053 s.	1	190
<i>Мазур Н.Н.</i> Рецензия на кн.: Ш е л я А. «Русская песня» в литературе 1800–1840-х гг. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 2018	2	239
<i>Темиришина О.Р.</i> Рецензия на кн.: Русские литературоведы XX века: Библиографический словарь. Т. I: А–Л / Сост. А.А. Холиков; под общей редакцией О.А. Клинга и А.А. Холикова; редколл.: О.А. Клинг (гл. ред.), А.А. Холиков (зам. гл. ред.), В.И. Масловский, О.В. Никандрова, Е.И. Орлова. М.; СПб: Нестор-История, 2017	1	208
<i>Федотов А.С.</i> Рецензия на кн.: Б а л а к и н А.Ю. Близко к тексту: Разыскания и предположения. Статьи 1997–2017 годов. СПб: Пальмира; М.: Книга по требованию, 2017	1	199
<i>Чавчанидзе Д.Л.</i> Рецензия на кн.: В е н е д и к т о в а Т. Литература как опыт, или «Буржуазный читатель» как культурный герой. М.: Новое литературное обозрение, 2018	2	233

Литература в контекстах культурной коммуникации

<i>Венедиктова Т.Д.</i> Жанрообразование в контексте	1	99
<i>Пахсарьян Н.Т.</i> «Романы городских тайн», или «Промышленная литература» в социокультурном контексте «промышленной эпохи»	1	103
<i>Зубов А.А.</i> «Роман с научной подкладкой»: научная фантастика и конструирование социального воображения в России начала XX века	1	116

Материалы и сообщения

<i>Гладошук А.В.</i> Мексиканский Рембо	2	211
<i>Гурьев А.С.</i> Прагматические и когнитивные аспекты переформулирования ..	1	128
<i>Демичева Н.А.</i> Московские летописные произведения о новгородском походе Ивана III 1475–1476 гг.: проблематика и текстология	1	179

<i>Дойкина К.Ю.</i> Глагольные энклитики в духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV–XVI вв.	2	156
<i>Ивинский А.Д.</i> М.Н. Муравьев и А.П. Сумароков (по материалам ОПИ ГИМ и ОР РГБ)	2	198
<i>Кулькина В.М.</i> Пространство — время в прозе Пола Остера (роман «Измывление одиночества»)	1	173
<i>Разулина Л.А.</i> «Буквализация» аудиального воображения в авангардистском тексте: Ч. Олсон, Р. Раушенберг, А. Роб-Грийе	2	222
<i>Привизенцева М.Ю.</i> Эллипсис существительного в бурятском языке	1	143
<i>Тарелкина Т.И.</i> Семантический потенциал однозначных междометий и способы его реализации в тексте	1	159
<i>Чэнь Сяохуэй, Кукушкина О.В.</i> О параллельных корпусах русских и китайских текстов	2	170

Научная жизнь

<i>Александровна О.В., Ремнёва М.Л., Стрелец И.Э.</i> Ломоносовские чтения-2018 на филологическом факультете Московского университета	6	237
<i>Архангельская А.В., Пауткин А.А.</i> Научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения Ф.И. Буслаева, на филологическом факультете МГУ ..	3	251
<i>Башко У.В., Бурцева А.О., Воробьева О.А., Пастернак Е.А.</i> VII Международная конференция молодых исследователей «Текстология и литературный процесс» (МГУ, 15–17 марта 2018 г.)	3	228
<i>Беликов А.Е.</i> День науки на филологическом факультете-2018	3	247
<i>Васильев Е.М.</i> Актуальные проблемы литературоведческой терминологии ...	1	224
<i>Виноградова Е.Н., Кобозева И.М.</i> Международный симпозиум «Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования»	6	213
<i>Дулина А.В.</i> Всероссийская научная конференция «Текст и контексты: «Философские этюды” О. де Бальзака» (МГУ, 21–22 июня 2018)	6	226
<i>Добровольская В.Е., Ипполитова А.Б.</i> IV Всероссийский конгресс фольклористов	3	222
<i>Дулина А.В., Черепанов Д.Д.</i> XI Международная научная конференция «XVIII век: смех и слезы в литературе и искусстве эпохи Просвещения» (МГУ, 22–24 марта 2018 г.)	3	237
<i>Ивинский Д.П.</i> А.П. Сумароков и русская литература	1	218
<i>Князев С.В.</i> Пятая Международная конференция «Современные исследования в фонетике и фонологии»	5	292
<i>Онипенко Н.К.</i> Хроника XLIX Виноградовских чтений	2	245
<i>Семина А.А.</i> Горький сегодня (круглый стол к 150-летию со дня рождения) ...	2	253
<i>Сорочан А.Ю.</i> Конференция «Юность как сюжет»	5	297
<i>Стойнова Н.М.</i> Первая российская конференция по вопросам преподавания фундаментальной и прикладной лингвистики	3	256
<i>Черепанов Д.Д.</i> Международная конференция «Я же останусь темен»: Я.М.Р. Ленц в России (1780–1792)» (Регенсбург, 24–25 ноября 2017 г.)	1	230
<i>Швец А.В.</i> Визуальные искусства и литература: диалог и взаимодействие (отчет о Международном круглом столе «Визуальные искусства и литература: диалог и взаимодействие», РГГУ, 16 мая 2018 г.)	4	255
<i>Швец А.В.</i> Творческое письмо и новые профили гуманитарного образования: XXI Фулбрайтская летняя школа (26–29 августа 2018)	6	230

Нижегородский центр изучения динамических процессов в русском языке

<i>Петрухина Е.В.</i> От редколлегии	2	125
<i>Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Баквич Н.А., Жданова Е.А., Торопкина В.А., Щеникова Е.В.</i> Социокультурные, лингвокогнитивные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов	2	127

Памяти...

Андрей Анатольевич Зализняк	1	234
Популярная литература в глобальном и локальном культурных пространствах		
Зубов А.А. К культурной истории жанров популярной литературы	5	247
Ридер Дж. Становление популярных жанров	5	252
Киреева Н.В. «Амурский текст»: популярный роман в контексте культурной географии	5	262

Рецензии

Белова Т.Н. Рецензия на кн.: В а й л ь И. От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы: Мемуары Ирвина Вайля. М.: ИД «Менская», 2016	4	243
Вендиктова Т.Д. Рецензия на кн.: З е н к и н С.Н. Теория литературы. Проблемы и результаты. М.: Новое литературное обозрение, 2018	5	284
Вяльцева М.С. М у с а т о в В. «В то время я гостила на земле...»: Лирика Анны Ахматовой. М.: Азбуковник, 2016	4	249
Житенев А.А. Рецензия на кн.: В е р и н а У.Ю. Обновление жанровой системы русской поэзии рубежа XX–XXI вв. Минск: БГУ, 2017	6	203
Изотов А.И. Рецензия на кн.: С е р м а к F r., Н о l u b J. Slovník české frazeologie a idiomatiky 5: Onomaziologický slovník. Praha: LEDA, 2016	5	276
Кравченко А.В. Рецензия на кн.: К о ш е л е в А.Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017	3	182
Мотелюайте И.В. Рецензия на кн.: Н.С. Лесков в воспоминаниях современников / Сост., подгот. текста, публ. воспоминаний О.А. Фрибес, А.Е. Зарина и Е.И. Зариной, коммент. Л.И. Соболева; публ. фрагментов дневника С.И. Смирновой-Сазоновой и коммент. к ним Л.С. Даниловой и В.В. Соминой; предисл. А. Ранчина. М.: Новое литературное обозрение, 2018. (Серия «Россия в мемуарах»)	3	217
Николаева Ю.В. Рецензия на кн.: Г р и ш и н а Е л е н а. Русская жестикация с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. М.: Издательский Дом «Языки славянской культуры», 2017	3	194
Пахсарьян Н.Т. Рецензия на кн.: Г о л у б к о в А.В. Прециозность и галантная традиция во французской салонной литературе XVII в. М.: ИМЛИ, 2017	3	209
Радбиль Т.Б. Рецензия на кн.: Ч е р н е й к о Л.О. Как рождается смысл: Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования. М.: Гнозис, 2017	3	199
Руденко М.С. Рецензия на кн.: С а в е л ь е в а М.С. Творчество Андрея Битова в трактовах российской и русской зарубежной литературной критики. М.: МГИМО-Университет, 2016	6	208

Творчество Ш. Бронте и его рецепция: гендерные аспекты

Аникудимова Е.Н. Шарлотта Бронте alias Каррер Белл (о функции мужского псевдонима в женской прозе)	3	162
Сарана Н.В. Русская «Дженни Ир»: рецепция творчества Ш. Бронте в романе Ю.В. Жадовской «Женская история»	3	173

Школа функционально-коммуникативной грамматики М.В. Всеволодовой

Виноградова Е.Н. Русские предлоги в концепции М.В. Всеволодовой (на примере одного «из»)	5	230
Всеволодова М.В. Некоторые проблемы современной русской грамматики и категория грамматикализации	5	194
Панков Ф.И. Майя Владимировна Всеволодова и ее ученики	5	179

Юбилей

Клобуков Е.В., Гвоздецкая Н.Ю., Матюшина И.Г., Нетунаева И.М., Михайлова Т.А., Чекалина Е.М. Ольга Александровна Смирницкая	6	252
---	---	-----